

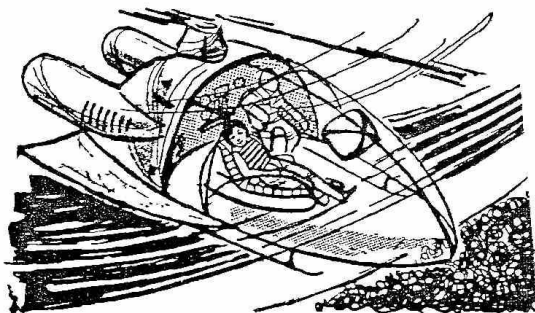
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЭКРАН ЖИЗНИ

*Журнальная фантастика
40-х — 60-х годов XX века*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020

ПЕТР ЛЫХИН

ГОРОД В ПЕСКАХ

Научно-фантастический рассказ

Художник С. Лодыгин

Было уже темно, и только на западе виднелась узкая лиловая полоса. На небольшой полянке, с одной стороны которой виднелся крутой глинистый обрыв, а со всех других сторон теснилась молодая поросль березняка попеременно с осинником, горел костер. Порой из костра поднимались снопы искр, и тогда из мрака отчетливей выступали контуры деревьев.

Около костра расположилась группа ребят. Они собрались здесь, чтобы послушать рассказы инженера-геолога Ивана Петровича, или дяди Вани, как зовут его дети.

— О чем же вам рассказать сегодня, друзья мои? — обращается дядя Ваня к ребятам.

Ребята выжидательно молчат. Ярче вспыхивает костер. Подумав, дядя Ваня начинает:

— Расскажу я вам один случай, происшедший со мной не так давно. Когда? Это неинтересно. Однажды мне пришлось вести исследования в поисках залежей серы в каракумских песках. — Исколесив сотни километров по пустыне, я направился к ближайшему населенному пункту, чтобы привести в порядок свои коллекции и отправить почту. Что представляет собой этот пункт, я не знал.

Пять дней пробирался по песчаным барханам мой небольшой отряд. Солнце немилосердно палило нас своими лучами. К вечеру пятого дня, взобравшись на высокий бархан, мы увидели необычную картину.

Впереди на горизонте сверкали и переливались бесчисленные огоньки. Они располагались то группами,

то поодиночке. Сперва нам казалось, что это небо с мириадами звезд отражается в воде. Но огни были земные, греющие, манящие. Это был город. Скорей туда! Забыв про усталость, мы устремились вперед. Однако мы достигли города лишь перед рассветом. С мыслью о хорошем отдыхе мы вошли в город, который жил и ночью, не приостанавливая работы своих мощных фабрик и заводов. По ровным просторным улицам, освещенным ярким электрическим светом, быстро проносились автомобили.

Мы торопились добраться до ближайшей гостиницы. Усталость взяла свое, и, едва очутившись в номере, я крепко заснул.

Не могу сказать, сколько я проспал. Меня разбудил солнечный луч, весело ворвавшийся в окно. Я подошел к окну. Город расстился передо мной во всей своей красоте. На широких улицах стояли красивые дома-дворцы. Некоторые из них были сплошь из белого мрамора.

«Чего только не может сотворить человек! — думал я, глядя на этот чудесный советский город.— Какие громадные возможности ждут нас в области техники, искусства, науки!»

Мои мысли прервал громкий отчетливый голос, оказавшийся голосом диктора:

«Товарищи радиослушатели! Через несколько минут слушайте трансляцию с острова Цветущий».

Я приготовился слушать.

«Внимание, внимание! Говорит остров Цветущий. Передаем корреспонденцию о ходе работ по дальнейшему освоению Арктики в районе острова».

Из передачи я узнал, что четыре года назад небольшая группа ученых высадилась на диком, покрытом льдом и снегом скалистом берегу безымянного

острова. На острове была разбита палатка, в которой жили ученые. Это были бодрые, мужественные, не умеющие отступать перед трудностями люди; они работали, не покладая рук. Два месяца спустя к берегам острова прибыл первый ледокол с рабочими и материалами для строительства. Работать первым островитянам приходилось в чрезвычайно трудных условиях, но, несмотря на это, строительство неуклонно подвигалось вперед. Остров быстро принимал другой вид: на месте вечных снегов выросли большие здания, дороги прорезали горные хребты. Тот, кто был здесь в начале стройки, не узнает сейчас преобразившегося острова.

«Грандиозные усилия, — закончил диктор, — которые были приложены советскими людьми, дали свои результаты: льды отходят, освобождая море и землю».

Я не все понял из этой передачи. Какой такой остров Цветущий? Где он находится? Почему отходят льды? Очевидно, я изрядно отстал от жизни за время путешествия по пустыне. Но я успокаивал себя мыслью, что все впоследствии выяснится, стоит только подождать, набраться терпения. Ну, и вы, мои молодые друзья, наберитесь терпения, скоро я закончу свой рассказ.

Дядя Ваня неторопливо достал папиросы и закурил. Сделав несколько затяжек, он задумчиво поглядел на костер, на далекое темное небо. Потом перевел взгляд на слушателей и продолжал:

— С приятной мыслью о хорошем обеде в ресторане я вышел из комнаты, где провел ночь. На улицах города дул ровный прохладный ветер. Этот свежий ветер заставил меня снова удивиться. Откуда такая прохлада в воздухе? Еще вчера я брел по раскаленной пустыне, задыхаясь от жары. А сегодня наслаждаюсь

прохладой. «Ну, — думаю, — Иван Петрович, посмотрим, что будет дальше».

Вдруг я услышал какие-то неопределенные звуки. Они походили на далекое гуденье большого количества самолетов, летящих на недоступной человеческому зрению высоте, и в то же время напоминали шум морского прибоя.

Я посмотрел вверх. Высоко в яркой синеве неба появлялись и исчезали, как вспышки выстрелов, белые мелкие облачка дымков. Создавалось впечатление, что над городом раскинулся огромный ковер с бесчисленными шелковыми кистями, колеблющимися от легкого дуновения ветерка. Чудесный «ковер» был как будто обсыпан алмазами, ярко блиставшими там, где солнечные лучи пробивали плеяду пушистых дымков. Я никогда не видел более прекрасного зрелища, и эта картина навсегда останется в моей памяти.

Весь остаток дня я посвятил дальнейшему осмотру города. Вечером в парке я случайно встретил старого своего друга, с которым не виделся много лет. Он жил в этом городе и смог ответить на все интересовавшие меня вопросы.

«Давно люди знали о том, что солнце обладает колоссальными запасами энергии, — начал мой приятель. — Даже ничтожная ее часть, будучи превращена в другой вид энергии, например, в электрическую энергию, превысила бы во много раз мощность всех электростанций мира. Исследователи разных стран давно пытались найти способы использовать солнечную энергию, но осуществить эту мечту удалось только советским ученым. Несколько лет назад братья Никифоровы после ряда исследований и опытов представили свой проект приемника солнечной энергии. Проект получил утверждение, и братья-ученые возглавили

работы по строительству «динамо», как было названо их сооружение. Для него было выбрано место в пустыне, где почти не бывает облаков и вечно светит яркое солнце. «Динамо» представляет собой громадный диск, диаметром в девять километров. Гигантский диск как бы полупроницаем: солнечный луч проходит сквозь него, отдавая часть своей энергии. Благодаря этому «зонту» на земле создается умеренная температура воздуха, как вы могли убедиться во время прогулки по городу. Огромный диск «динамо» поддерживается в воздухе сотнями ракетных двигателей, дымки которых видны в небе.

При помощи специальной аппаратуры, в которой главную роль играют особого типа фотоэлементы, солнечная энергия превращается в электрическую и поступает в трансформаторы. Под сверхмощным напряжением электроэнергия направляется через громадное расстояние на север и служит основным источником жизни на острове Цветущий. Далекий остров из обледеневшей глыбы превратился действительно в цветущий сад. На этом прекрасном ожившем клочке Земли все базируется на электроэнергии. И если бы вам удалось там побывать, то вы увидели бы своими глазами, как велика стала власть человека над природой».

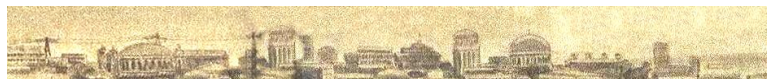
Дядя Ваня замолчал и, окинув взглядом ребят, увидел неподвижные лица, внимательные глаза. После недолгого молчания посыпались вопросы. Говорили все разом, и первый вопрос был у всех одинаков:

— Где это было?

Легкая улыбка скользнула по лицу дяди Вани. Он ответил:

— Дорогие ребята, вы только еще вступаете в жизнь и не в такую, какая была в наши детские годы, а в новую, счастливую, полноценную жизнь. Многие из

вас будут летчиками, инженерами, конструкторами, учеными. Так вот, я и заглянул в ваше будущее. Быть может, я обидел вас таким концом рассказа, но чудесный город вы постройте сами, вы уничтожите льды Арктики, оживите пустыню и будете беспощадны ко всем, кто посмеет мешать строительству коммунизма.

Б. ЧЕРНОМОРДИК

СЕКРЕТ ЭСПРИФОРА

Научно-фантастический рассказ

Художник Л. Смехов

Научно-фантастический рассказ

На темном фоне стены неожиданно вспыхнули яркие полосы спектра. На мгновение они замерли, осветив небольшую комнату, наполненную людьми. Затем тонкие черные линии разбежались по всему экрану.

— Это волны печени, — произнес чей-то голос. — Печень у больного в порядке, и поэтому кривые не показывают отклонений от нормы. Внимание! Сейчас я включаю сердце.

Широкие волны спектра сменились линиями синусоид. Кое-где происходил разрыв этих плавных и четких линий. В этих местах кривые колыхались, то сближаясь и расходясь, то совсем исчезая с экрана.

— Эта кардиограмма, — прозвучало из темноты, — свидетельствует о пороке верхнего сердечного клапана. Смотрите, как разбиваются его усилия внести свою лепту в стройный рабочий процесс всего сердца. Вместо энергичных пульсаций диаграмма показывает серию аритмичных и дряблых толчков, нарушающих гармоничную работу всего органа. А вот волны, излучаемые мозгом...

И на экране снова показались синусоиды, но еще более мелкие и неровные.

— Вы видите волны, излучаемые корою мозга, — продолжал голос. — Они имеют большую частоту колебаний, чем волны сердца. И здесь также можно установить ряд неопровержимых фактов. Вот, например, этот скачок через каждые два периода. Смотрите, как он повторяется, с

неумолимой точностью разрушая спокойный ход процесса излучения. Этот скачок говорит о тяжелом нервном «состоянии больного».

Волны исчезли.

— Итак, позвольте мне окончить лекцию теми же словами, которыми я ее начинал: «Отныне — это можно сказать с уверенностью — медицина обладает новым, могучим способом распознавания болезней».

Экран потух. Тяжелые шторы бесшумно поднялись к потолку, пропуская мягкие лучи заходящего осеннего солнца. Небольшая аудитория ИЭФ — Института экспериментальной физиологии — сразу ожила. Усталый докладчик, улыбаясь, сходил с кафедры. Ассистент бросился освобождать больного от целой сети опутывавших его проводов.

Разбившись на небольшие группы, работники института оживленно беседовали о перспективах «волнового» диагноза, так интересно изложенного профессором Вороновым.

— Какое блестящее будущее у нового метода!

— И подумать только, что наш организм является передвижным комплексом радиопередаточных станций, причем каждая станция излучает волны определенной интенсивности и длины.

— Никакой путаницы! Никакого беспорядка в эфире!

— Ну, а ты, Дымов, что скажешь о докладе?

Дымов, к которому были обращены эти слова, сидел, задумавшись, и что-то рисовал на листке бумаги. Будучи одним из ближайших сотрудников профессора Воронова, он принимал самое деятельное участие в разработке нового метода. Еще молодой ученый Дымов пользовался в институте большим уважением.

— Все, что сообщил профессор Воронов, чрезвычайно интересно, — как бы нехотя ответил он, — но, несомненно, это только начало.

— Ну, конечно, начало, Метод будет разработан более полно.

— Да нет, я говорю не только об этом. Я считаю, что волны, которые были сегодня так эффектны на экране, могут быть использованы не только для постановки диагноза, но и...

— Как?

— Это пока еще трудно сказать...

...Постояв несколько секунд у подъезда института, Дымов медленно пошел по направлению к центру. Он брел по середине шоссе, опустив голову, не обращая внимания на сигналы встречных автомашин. Мысль, не досказанная в разговоре, не давала ему покоя.

— Нет, — прошептал Дымов, — не может быть, чтобы я ошибался. Конструкция моего прибора продумана до мельчайших подробностей. Опыт должен удался. Надо сегодня же заехать к Шадрину.

С Борисом Шадриним, молодым талантливым инженером, он познакомился около двух лет назад. Они сразу подружились. Это был необычайно скромный и волевой человек. Уже тогда его занимала идея беспроводной передачи энергии на расстояние, но к конструированию аппаратов он приступил лишь год спустя. С тех пор Шадрин сидел с утра до вечера в лаборатории энергетического института, поглощенный расчетами, чертежами, опытами.

Наконец, ему удалось построить экспериментальную установку, но что-то, видимо, было упущено при проектировании — передача энергии не удавалась. Неудача следовала за неудачей, но Шадрин упорно продолжал искать ошибку.

Когда Дымов подъезжал к энергетическому институту, было уже совсем темно. Шадрин сидел в своей лаборатории, склонившись над письменным столом. Посреди комнаты на тяжелом фундаменте стояла мощная динамомашинка. Около стола, на подставке, возвышался сложный аппарат, напоминающий передаточную радиостанцию. От аппарата к динамо шла запутанная сеть проводов, а по стенам, за высокими стеклянными шкафами, в строгом порядке разместились всевозможные приборы.

Ответив на приветствие Дымова, Шадрин снова погрузился в прерванные расчеты.

— Ну, как дела, Борис? — спросил Дымов.

— Да все так же. Николай. Уже целый месяц я почти не выхожу из лаборатории. Каждый раз, когда мне кажется, что все уже кончено, передо мною вырастают новые трудности, и я чувствую, что еще далек от цели.

— Но ты уже включал свой передатчик?

— Включал... и пока никакого результата.

— Не отчаивайся, — успокаивал его Дымов. — То, что ты задумал, слишком грандиозно, чтобы временные неудачи могли прекратить твою работу. Передачи энергии без проводов! Ведь это почти фантастика! Только подумать: на всем континенте работают всего лишь несколько сверхмощных электростанций. Из этих колоссальных энергетических централей в пространство изливаются потоки энергии. Всем, всем, всем! Включайте ваши приемники! И вот на Печоре начинает вращаться мотор, на Урале зажигается свет, в Джезказгане в электропечах расплавляется медь. И все это без дорогостоящих проводов, без изоляторов, столбов, трансформаторов, без...

— Чорт возьми, Николай! Ты словно насмехаешься над моими неудачами. Иногда у меня просто руки опускаются, но вот вспомню тебя — и снова верю. Ты видишь, я не расстаюсь с твоим эсприфом!

С этими словами Шадрин отстегнул ворот рубашки. На груди у него лежала маленькая круглая костяная коробочка. Из отверстий по бокам коробки выходили два провода, соединенные с небольшой батареей, лежавшей у Шадрина в кармане. В крышке коробки было круглое отверстие, что придавало ей некоторое сходство с деталью телефонной трубки.

— Я не снимаю его! — повторил он. — Я считаю твою теорию усиления мысли правильной, она близка моей идее — передаче энергии на расстояние. Я честно выполняю наше условие — никому не говорю об эсприфоре. И знаешь, иногда я ощущаю действие этой коробочки.

— Я рад, Борис, что ты так говоришь, — ответил Дымов: — это значит, что победа близка. Ну, прощай! Не буду тебе мешать.

Проводив Дымова, Шадрин снова погрузился в работу. Что делать дальше? Проверены десятки различных схем и вариантов. Может быть, слишком ничтожна величина передаваемой энергии?

На груди, недалеко от сердца, Шадрин чувствует присутствие костяной коробочки. Эсприфор с ним, он должен ему помочь!

И снова начинаются поиски. В сеть включены новые провода и детали... Ток, которым питается установка Шадрина, теперь будет трансформироваться на еще большее напряжение.

Николай Павлович Дымов, будучи по специальности радистом, работал в области физиологии. Его заинтересовали вопросы «волновой» диагностики, основанной на приеме электромагнитных колебаний, излучаемых отдельными органами человеческого тела. Эти колебания затем превращались в световые волны и проектировались на экран, отчего метод становился еще нагляднее.

И вот однажды, рассматривая диаграмму колебаний, излучаемых мозгом, Дымов пришел к мысли, которая потрясла его своей простотой: ведь эти колебания не что иное, как внешнее проявление работы мозга! Мозг в процессе рождения мысли излучает электромагнитные колебания, и эти колебания могут быть зафиксированы и измерены.

Дымову не раз приходилось сравнивать диаграммы излучений мозга не только нормальных, хотя и в разной степени одаренных людей, но и умственно отсталых от рождения.

Ему было ясно, что диаграмма вполне характеризует мозг с точки зрения его физиологической ценности. Диаграммы, снятые у духовно неразвитых людей, давали кривые с небольшой амплитудой колебаний. У развитых и талантливых людей, мозг которых был тренирован интенсив-

ной работой, кривые получались с большой амплитудой и с большей частотой колебаний. Во всяком случае, одно было бесспорно: сложнейшие физико-химические процессы, сопровождающие процесс рождения мысли, вызывают электромагнитные колебания, и часть энергии мозга тратится на их создание.

«А что, если эти явления обратимы?» — рассуждал Дымов. Тогда усиление электромагнитных колебаний, в свою очередь, усилит и обострит мозговой процесс.

Но как увеличить амплитуду и частоту колебаний? Иначе говоря, как извне усилить работу мозга?

Поставив перед собой этот вопрос, Дымов упорно добивался его решения. И наконец идея была воплощена в созданном им аппарате. Этот аппарат Дымов назвал «эсприфором» (усилителем мысли).

Эсприфор, умещавшийся в маленькой костяной коробочке, представлял из себя приемник-резонатор очень высокой чувствительности. Приемник должен был улавливать электромагнитные волны, излучаемые мозгом. Резонатор тотчас же автоматически настраивался в унисон этим колебаниям и сам начинал излучать колебания такого же типа и частоты. Обе системы волн накладывались друг на друга (это можно было сравнить с одновременным звучанием одинаковых клавиш на двух роялях), и благодаря этому должна была резко усиливаться амплитуда колебаний, тем самым усиливая и мыслительный процесс.

Эсприфор приводился в действие электрическим током от батареек, которые были помещены в кармане владельца аппарата.

И Дымов начинал мечтать: насколько облегчится и улучшится процесс мышления у людей, вооруженных эсприфором. Сколько сложнейших проблем будет решено! Технику, науку, литературу и искусство ожидает невиданный прогресс.

Когда были изготовлены несколько первых эсприфоров, Дымов решил испытать их как можно скорее. Эксперимент должен был решить, правильна ли его теория.

И вот, узнав, что Борис Шадрин несколько месяцев безуспешно пытается решить проблему беспроводной передачи электроэнергии на дальние расстояния, Дымов уговорил его испробовать первый эсприфор.

Но один Шадрин еще не решал вопроса — действенность эсприфора можно было проверить только при массовой постановке опыта. Вскоре нашелся еще один объект для эксперимента. Второй эсприфор был отдан знакомому мастеру-нефтянику Лобикову. Он давно работал над проблемой скоростного бурения сверхглубоких скважин. Для решения проблемы надо было разработать несколько серьезных теоретических вопросов и сконструировать мощные механизмы совершенно нового типа.

— Ты понимаешь, Дымов, ведь я только практик, — сокрушался Лобиков. — Высшего образования я не получил, а без серьезной подготовки дела мне до конца не довести. Учиться надо! И не месяц, не два, а годика три-четыре.

Услышав о неудачах Лобикова, Дымов предложил ему носить эсприфор. Нефтяник лишь смутно понял пространственные объяснения Дымова об устройстве прибора, но ему стало ясно одно: эсприфор может облегчить ему усвоение необходимых знаний и, наверно, намного сократит срок учебы. Тогда скоро удастся осуществить скоростное бурение нефтяных скважин глубиной в 6—7 километров.

И он с радостью согласился носить коробочку. Дымов попросил его часть времени заниматься с эсприфором, а часть времени без него, чтобы сравнить свое состояние в том и другом случае.

В тот же день Лобиков вернулся в Баку, пообещав Дымову тщательно вести наблюдение и подробно описать действие эсприфора.

Выйдя от Шадрина, Дымов задумался: куда идти? Увидев на противоположном углу ярко освещенную вывеску ресторана, он неожиданно вспомнил, что с утра ничего не ел. Решил войти. За маленьким столиком было светло и уютно, а ритмические звуки джаза не мешали думать. Он с

удовольствием выпил стакан черного кофе и направился было к выходу, как вдруг его остановил знакомый голос:

— Дымов, Николай? Да погоди же минутку!

— Кедров! — удивился Дымов, увидев старого товарища по институту. — Откуда ты? Сколько лет, сколько зим!

— Работаю на Урале. В Москве случайно, по делу. Да я здесь не один! — И он потащил Дымова на другой конец зала. — Знакомься, это все друзья!

Дымов сразу попал в атмосферу веселой товарищеской встречи. За столом сидело несколько человек,

— Вот Василий Донской, — знакомил Кедров. — Актер. Это товарищ по школе, ты его не знаешь! Честь имею представить тебе также Петра Грибова. Петя — агроном, работает за Полярным кругом. Мечтает о винограде на Северном полюсе. А это Инна Ларская, — продолжал он — хирург!

— Что же это за банкет? Случайно, что ли?

— Как тебе сказать... Не совсем, — отвечал Кедров. — Приятели вспомнили, что мне сегодня пошел четвертый десяток, ну и решили отпраздновать этот торжественный день.

— Тридцать лет! Поздравляю! Это в некотором роде веха в жизни мужчины. Пора подводить итоги.

— А вам сколько? — спросила девушка Дымова.

— Мне — тридцать один...

— Значит, вы уже подвели итоги?

— За здоровье тридцатилетних! — перебил агроном из Арктики.

Он быстро наполнил бокалы друзей, и все стали шумно чокаться с Кедровым.

— Последние несколько месяцев я почти не выходил из лаборатории, — сказал Дымов, и я так рад, что неожиданно попал в общество друзей моего друга.

— Друзья наших друзей — наши друзья! — с комической торжественностью произнес Грибов.

— А не правда ли, пестрая публика собралась у нас за столом? — сказал Донской. — Я — актер, Инна — врач, Петр — агроном, Кедров — инженер, а наш новый друг Николай Павлович тоже, кажется, принадлежит к этой категории.

— Но у всех много общего,— возразила Ларская. — Каждый из нас старается быть творцом в своей области... Мы верим в свои силы, в молодость и осуществление своих планов.

— Каких планов? — быстро спросил Дымов.

— О,— улыбнулся Донской,— они тоже пестрые. Грибов одержим идеей создания морозоустойчивых гибридов. Одним словом, виноград на полюсе! Кедров занят, если не ошибаюсь, конструированием новых электропечей, Инна — работой над хирургией в области сердца. От этой девушки скоро нельзя будет иметь ни одной сердечной тайны. Она добьется того, что операция сердца будет не сложнее снятия мозоля. Ну, а что касается меня, то я мечтаю сыграть Гамлета.

— Ну, и далеко вы ушли в своих достижениях?— снова спросил Дымов.

— Мы боремся, — ответил Донской.

— За радости этой борьбы! — предложила тост Инна.

Друзья снова чокнулись.

— У меня к вам вопрос,— сказал Дымов.— Мне просто интересно. Вообразите, что мы не в Москве, а где-нибудь в сказочном старом Багдаде. Дверь открывается и, как всегда неожиданно, входит Гарун-Аль-Рашид. За ним, разумеется, идет великий визирь. Калиф подходит к нам и подслушивает наши мечтания. Он дает каждому волшебный талисман, и талисманы помогают нам добиться цели. Мысль начинает работать неимоверно четко. Словно пелена спадает с наших глаз. Мы видим ошибки наших прежних расчетов, и все становится ясным, как день. Петя разрабатывает методику получения своих гибридов. Более того, он создает на полюсе искусственный климат для яблоков и ананасов. Ваня Кедров решает вопрос о своих сверхмощных и сверхэкономичных электропечах... Василий Донской потрясающе играет Гамлета... Инна... Ну, она начинает лечить сердечные раны всему человечеству... Так вот, друзья, могли бы вы поверить в существование такого волшебного талисмана?

— За здоровье Гарун-Аль-Рашида! — весело вскричал Грибов.

— Увы, мы не современники Шехерезады,— сказал будущий Гамлет,— но ничего, справимся как-нибудь без калифов. Правда, Петя?

— А я бы поверила, — тихо сказала Инна. — Я бы поверила, как верю в то, что для науки нет ничего невозможного.

— Четверть первого, — неожиданно произнесли за соседним столиком.

— Четверть первого? Да у меня же дежурство с часа! — вскочила Инна. — Как быстро прошло время!

— Мы проводим вас, — в один голос предложили приятели.

— Нет, нет! Я не хочу нарушать праздника.

— Я провожу вас, — сказал Дымов. — Мне все равно уже пора идти.

— Как хорошо вы рассказывали о талисмане, — сказала Ларская, когда они вышли на улицу.

— Вам понравилось?

— Очень с детства любила сказки. Я слушала вас и вспоминала Али-Бабу, Аладина и его волшебную лампу...

— Я сам люблю Аладина, — улыбнулся Дымов,— но то, что я рассказывал, не совсем сказка...

— Я не понимаю вас, — остановилась Инна.

— Такой талисман существует, — продолжал Дымов, — и вы могли бы испытать его действие.

— Вы шутите, Николай Павлович?

— Да нет же, и вы, как врач, легко поймете.

И Дымов рассказал удивленной и взволнованной Инне о своем эсприфоре.

— Но почему же вы ничего не сообщили об этом в институте? — спросила Ларская.

— Я боялся вызвать недоверие к эсприфору. Согласитесь, что это несколько похоже на фантастику. Но как только будет закончена экспериментальная проверка приборов, я немедленно обо всем доложу совету института.

— Все, что вы рассказываете, — задумчиво проговорила Ларская, — так логично и просто... Мне кажется, что ваша волновая теория подтверждается всем современным естествознанием.

— А вы над чем работаете? — спросил Дымов.

— Да все над одним и тем же — операциями в области сердца. Я сконструировала прибор, который устраняет угрозу прекращения сердечной деятельности. Сердце оперируется, зашивается, а мой пульсатор на время операции включается в кровеносную систему и создает пульсации, необходимые для того, чтобы разгонять кровь по организму. Но все это пока только в теории.

— Почему же?

— Да по многим причинам. Во-первых, переход от операций на трупах к операциям на настоящих больных очень сложен. А потом случая не было и, пожалуй, уверенности...

— Ну что же, возьмете вы эсприфор? — спросил Дымов.
— Он поможет вам перейти от теории к практике.

— Я возьму его, Николай Павлович.

— Но условие: никому ни слова до конца испытания.

И Дымов тут же передал Инне маленькую коробочку.

— Понятно ли вам, как им пользоваться?

— Понятно, — ответила Ларская.

И они, как заговорщики, обменялись крепким рукопожатием.

...Перестроив схему включения передатчика энергии, Шадрин еще раз проверил свои вычисления.

— Все в порядке, — окончательно решил он, — можно начинать.

Шадрин включил ток. Послышался знакомый треск, всегда сопровождавший работу передатчика. Небольшой контрольный мотор, снабженный приемной установкой, неподвижно стоял на другом конце комнаты. Треск неожиданно усилился. Провода трансформатора накалились, и Шадрин почувствовал неприятный запах горячей изоляции.

Он хотел уже выключить ток, но рука его автоматически повисла в воздухе: вал контрольного мотора чуть качнулся!

...треск постепенно перешел в глухое жужжание. Одна из катодных ламп лопнула, и острый конец электрода с силой вонзился в грудь Шадрина.

Еще... еще немного... И вдруг легкие толчки, возникавшие как бы случайно, перешли в плавное сильное вращение. Мотор работал. Передача энергии на расстояние была осуществлена!

Взволнованный своей победой, Шадрин не замечал, как нарастал шум внутри его передатчика.

Треск постепенно перешел в глухое жужжание и вдруг... оборвался.

Внутри прибора что-то треснуло. Одна из катодных ламп, включенных в сеть, лопнула, и острый конец электрода с силой вонзился в грудь Шадрина, чуть повыше эсприфора, с которым он не расставался во все время опытов. Острая боль мгновенно наполнила все существо Шадрина. Он почувствовал, как чудесное видение его победы исчезает в кровавом тумане, а сам он летит в бездну боли и мрака...

Ларская все еще находилась под впечатлением беседы с Дымовым, когда резкий звонок телефона неожиданно прервал ее мысли.

— Инна Александровна, — послышался из трубки голос дежурного по приемному покою. — Привезли больного в очень тяжелом состоянии. Еще жив. Нужна срочная операция.

— Рентген есть? — спросила Ларская.

— Есть. Обломок металлической иглы в околосердечной сумке.

«Уже! — подумала Ларская, выходя из кабинета. — Неужели сегодня же придется испытать силу прибора Дымова, и эсприфор действительно поможет совершить переход от теории к практике?»

Когда Ларская вошла в операционную, Шадрин — это был он — лежал уже подготовленный к операции. Небольшая рана на груди указывала место, куда вошел металлический обломок.

— Я уже осматривал больного, Инна Александровна, — сказал Ларской вошедший старик профессор. — Случай почти безнадежен.

— И что же? — спросила Ларская. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Обломок сильно повредил ткани, — продолжал профессор, — и прежде чем сердце будет зашито, больной будет уже мертв.

— Послушайте, Инна Александровна, вот случай испытать ваш метод! — неожиданно воскликнул он. — Тащите скорей ваш пульсатор, я помогу вам.

— Хорошо, — тотчас же ответила Ларская.

Быстро войдя к себе в комнату, она вынула эсприфор из письменного стола и, убедившись, что никого нет, надела его, точно следуя указаниям Дымова,

«А нужно ли это?» — подумала она, ощущая в кармане непривычную тяжесть батареи.

Но вдруг прилив небывалой уверенности и силы охватил все ее существо. Конечно, нужно, если эсприфор может помочь ей спасти жизнь человека.

Думая только о предстоящей операции, Инна вернулась к больному. Профессор уже ожидал ее. Быстро приготовив

пульсатор, которому предстояло во время операции поддерживать биение сердца, она взяла ланцет.

На операционном столе лежал еще совсем молодой человек. Ларская вздрогнула. От нее зависело, будет ли жить больной...

Прошло несколько томительных, напряженных минут. Грудная полость была вскрыта, и Инна увидела сердце. Первое сердце, которое ей предстояло спасти. Оно еще билось, но все слабее и слабее.

Ассистент включил пульсатор в кровеносную систему. Ларская напряженно следила за секундомером. Правильны ли ее расчеты? Пульс становился все более и более ровным. Ритмичные движения пульсатора постепенно возвращали силы больному. Тяжелый обморок переходил в спокойный сон под наркозом. Можно было приступить к операции.

Ларская перевела дыхание. Сознание ответственности за исход операции внезапно сковало все ее существо, Рука с ланцетом беспомощно опустилась на стол...

Ассистент заметил волнение Ларской, и в нерешительности смотрел то на нее, то на профессора.

Нужно было взять себя в руки или отказаться от операции.

Вдруг Ларская ощутила присутствие твердой костяной коробочки. Эсприфор с ней. Она снова почувствовала прилив уверенности и сил. Все окружающее начало восприниматься как-то особенно остро. На минуту Ларской показалось, что операционная неожиданно освобождается от наполнявшего ее тумана, и люди и предметы, окружающие больного, стали как-то рельефнее и четче. Робость и волнение покинули ее. Она взяла ланцет и на этот раз уже твердо держала его в руке.

Прошло несколько дней, пока Дымов узнал о случившемся. В двенадцать часов дня, во время передачи последних известий, диктор рассказал о катастрофе, происшедшей с изобретателем, и о замечательной операции доктора Ларской, спасшей ему жизнь. Одновременно радио сообщило, что проблема передачи энергии без проводов, над которой

уже много лет билась техническая мысль, была решена инженером Шадриным.

Взволнованный и обрадованный, Дымов поспешил в больницу.

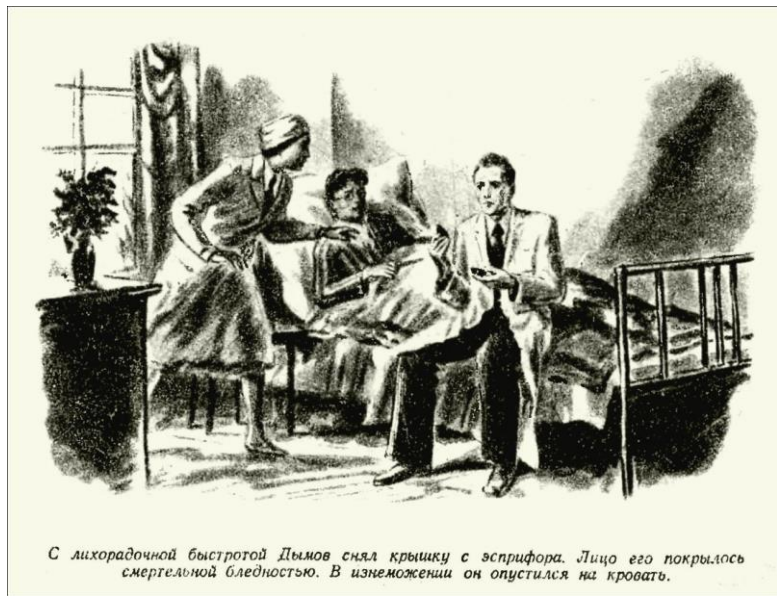
Ларская встретила его в своем кабинете.

— Инна, милая, ведь вы мне спасли друга! — воскликнул он,

— Шадрин ваш друг? Ну, теперь все понятно. В приемном покое на груди у больного нашли предмет, в котором я без труда узнала ваш эсприфор. Я спрятала его у себя, теряясь в догадках, как он попал к больному. Ну, можете радоваться: жизнь вашего друга вне опасности.

— О, как я вам благодарен!

— Благодарны? Да ведь это вы помогли мне побороть волнение и неверие в собственные силы. Благодаря вашему талисману я правильно применила свой теоретические предпосылки на практике. Шадрин вам одному обязан своей жизнью...

С лихорадочной быстротой Дымов снял крышку с эсприфора. Лицо его покрылось смертельной бледностью. В изнеможении он опустился на кровать.

— Где же эсприфоры? — поспешно спросил смущенный и растроганный Дымов.

— Вот они.

— Их надо скорее проверить в лаборатории. Но могу ли я увидеть Шадрина?

— Можете, Он уже пришел в себя.

Держа в руках эсприфоры, Дымов вошел в палату к больному.

— Дымов! Коля! — слабо произнес Шадрин. — Как я рад, что ты здесь!

— Борис, как же все это произошло?

— Это случилось ночью. Передача энергии удалась полностью... и только неисправность трансформатора вызвала этот несчастный случай.

— А как же эсприфоры? Они здесь, с тобой? — спросил Шадрин, поглядывая на Ларскую.

— Они здесь, и завтра же в лаборатории я проверю их работу.

— Прекрасный, сказочный талисман, — сказала Ларская. — Я бы хотела видеть, как он устроен...

— Я могу открыть их сейчас же, чтобы доставить вам удовольствие, — поспешил Дымов, и тут же ловким движением снял крышку с одного из приборов.

— Видите, — начал он, — эта деталь...

Но вдруг Дымов остановился. Лицо его покрылось смертельной бледностью. Он с лихорадочной быстротой снял крышку со второго эсприфора и в изнеможении опустился на кровать удивленного друга.

— Что с тобой? — спросил Шадрин.

— Николай Павлович, что произошло? — бросилась к Дымову Ларская.

— Друзья мои, — ответил Дымов, стараясь быть спокойным, — эсприфоры не работали... Это несомненно...

— Но почему же?

— В обоих эсприфорах отсутствовал колебательный контур, без которого не могло произойти ни настройки при-

бора, ни резонанса колебаний. Очевидно, я перепутал коробки, в которых лежали окончательно собранные и еще не законченные эсприфоры.

— Позволь, — перебил его Шадрин, — но чем же тогда объясняется мой успех? Ведь я мучился целый год, и у меня ничего не выходило... И вот всего лишь несколько дней тому назад ты дал мне свой эсприфор, и я добился решения задачи...

— А я? — вмешалась Ларская. — Разве моя операция не доказательство действия вашего усилителя?

— Но он все-таки не работал, — печально произнес Дымов. — Он не мог работать и не мог помочь вам в вашем успехе...

Дымов задумался. Его мучила новая загадка. Эсприфор не работал, но действие его было несомненно, и это требовало объяснения.

— Я поняла, в чем секрет эсприфора! — вдруг воскликнула Ларская.

— В чем? — почти простонал Дымов,

— Секрет прост, Николай Павлович! Мы поверили вам. А поверив в то, что эсприфор нам поможет, мы поверили в свои силы. Мы поверили в то, что рано или поздно преодолеем все преграды, и эта уверенность помогла нам в минуты сомнений и колебаний. К нам вернулись душевное равновесие, спокойный расчет и ясность мысли. Как врач, я это прекрасно понимаю. Никогда еще Шадрин так четко не анализировал своей схемы, как после того, когда у него исчезли сомнения в конечной победе. Никогда я с такой уверенностью не действовала скальпелем, как при мысли о том, что эсприфор со мной. Ваш прибор помог мне вновь обрести моральную силу.

— Вы правы, Инна, — сказал Шадрин, пожимая ей руку.

— А как же мой эсприфор? — спросил Дымов, — Значит, он не нужен?

— Почему? — возразила Ларская. — Советские люди доказали, что и без эсприфора они способны одолеть любые трудности. Но если эсприфор действительно способен уси-

лить деятельность мозга, тем лучше! Действуйте, продолжайте свои эксперименты, и если они завершатся успехом, вам будет благодарно все человечество. Кстати, — лукаво улыбнулась она, — работая над усовершенствованием своего эсприфора, не забудьте носить на себе эсприфор.

Прощаясь с друзьями, Дымов вдруг вспомнил о Лобикове. Написать ли ему в Баку, что коробочка, которую он носит, оказалась простой игрушкой?

«Не нужно, — решил Дымов. — Пусть учится. И если в ближайшее время из неведомых глубин не забудут мощные нефтяные фонтаны, тогда я пошлю ему исправленный «эсприфор».

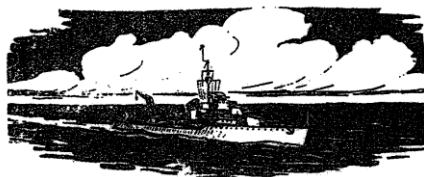
Ник. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

В ГЛУБИНЕ ОКЕАНА

Научно-фантастический рассказ

Художник В. Гортинский

Илл. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

В ГЛУБИНЕ ОКЕАНА

Научно-фантастический рассказ

Рис. В. Гортинского

В полдень «Разведчик» отошел от экспедиционного пункта. Низкие длинные волны притихшего океана скользили под нос судна, которое уверенно тянуло вперед от берегов Камчатки.

Чайки низко пролетали над палубой, ныряя в воду. Корабельная собака овчарка с визгом и лаем носилась по палубе, стремясь поймать их за крыло.

Скоро берег на горизонте, затянутый голубым маревом, исчез. «Разведчик» стал разворачиваться, приближаясь к намеченному месту спуска гидростата.

Степенный, задумчивый, любящий порассуждать, командир гидростата профессор Тягачев стал суетлив. В широкополой африканской панаме, изящный и хрупкий, он походил на бородатого подростка. Он отдал приказ механикам подтянуть гайки иллюминатора и наблюдательного окна.

Упираясь ногами в могучий корпус гидростата, механики большими ключами подтянули гайки.

— Еще, — сказал Тягачев.

— Виктор Александрович, — забеспокоился старший механик, — стекла могут не выдержать...

— Лучше пусть они лопнут здесь, чем их прорвет под водой! — оборвал Тягачев.

— Считаю своим долгом вам заметить, товарищи механики, — проговорил руководитель экспедиции профессор Хазанов, — скорее лопнут стальные зажимные кольца, чем стекла. Они выварены из чистого кварца...

Тягачев расправил сети, развешанные вокруг гидростата. Во все предыдущие пробные спуски они приносили ма-

лоинтересный улов: рыб, живущих только в верхних слоях океана. Но Тягачев был настойчив и упрям.

Лебедка на судне-базе легко отнесла гидростат за борт. Сигнал спуска был дан свистком. Огромный вал с намотанным на нем стальным тросом начал медленно вращаться, а гидростат — погружаться в воду. Десятки глаз прочли сквозь голубой покров воды надпись, четко выбитую на гидростате: «Глубинный автоматический 2500». Затем вода скрыла все.

Через тридцать минут длина спущенного троса стала равняться тысяче метров. Переламываясь на ролике лебедки, он звенел.

— Тысяча четыреста три метра, — произнес в тишине профессор Хазанов. — Прекрасно!

Неожиданно старший механик, рванув тормоз, остановил вал.

— Что вы делаете? — подбежал к нему Хазанов. — Вы оборвете трос! Кто вам приказал останавливать?

— Трос уже надорван, — нахмурился механик. — Видите, несколько нитей лопнуло... Надо немедленно поднимать гидростат. Трое длиной в полторы тысячи метров не может выдержать своей собственной тяжести, профессор...

— Я сам испытывал трос на разрыв, — недоумевал Хазанов. — Он может быть распущен до двух тысяч метров.

— Мы теряем время, профессор...

— Поднимайте!

Руководитель экспедиции и главный строитель гидростата стал нервно ходить по палубе. Вдруг лицо его преобразилось. Из сосредоточенного стало по-детски растерянным.

— Я догадываюсь, почему сдал трос! — воскликнул он так громко, что с воды вспорхнуло несколько чаек. — Гидростат полон воды. Сверхстойкий металл оказался все же слабым, и стены гидростата пропустили воду. Неужели наше дело неосуществимо?

Команда судна столпилась у борта. С сильным всплеском гидростат был поднят из воды.

Взоры всех, прикованные к аппарату, отвлеклись необыкновенным зрелищем. Из сетей, еще полных водорослей, вырвалась большая рыба и, часто взмахивая большими плавниками, хотела взлететь на воздух, но ее тут же разорвало на куски.

Аппарат спустился на палубу. Хазанов первым подбежал к нему. Протерев ладонями стекло иллюминатора, он впилился в него взглядом.

— Так и есть, — отпрянул он, — в аппарате вода.

Хазанов распорядился немедленно выпустить воду из аппарата.

Пока механики торопливо действовали ключами, профессор Хазанов вместе с работниками научно-технической комиссии осматривали аппарат со всех сторон. Швы корпуса исследовались через лупы. Но металл корпуса нигде не подвергся изменению.

Вдруг раздался свистящий шум. Через один из болтов иллюминатора прорвалась тонкая белая струя воды.

— Ложись! — скомандовал с мостика капитан судна.

Механики стали еще торопливее работать ключами.

Взволнованная полетом глубинной рыбы овчарка продолжала прыгать по палубе и наткнулась на струю. Даже тявкнуть она не успела, ей срезало голову, как огромным ножом.

Механики сделали еще несколько поворотов ключами. Вода вырвала болты и выстрелила ими, точно тяжелое оружие беглым огнем. Куски металла в струе воды со свистом пронесли над палубой. Ударившись в борт буксира, они пробили носовую часть. Затем струя ослабла и спала. Гидростат стал пуст.

Механики принялись разбирать иллюминаторы. Кольца одного иллюминатора пришлось сорвать с резьбы. Они были изогнуты и разорваны.

— Вот где прорвалась вода, — просиял Хазанов. — Теперь нам все понятно. Металл сжался от низкой температуры воды, и она под огромным давлением прошла сквозь

резьбу. Мы поставим специальные прокладки. А аппарат — в прекрасной форме.

После этого матросы сняли с гидростата сети. Команда с любопытством окружила гидробиолога Николая Чаныша, засучившего рукава и запустившего руки по локоть в добычу.

Чаныш вынимал из сетей водоросли и раскидывал их по палубе. Он очистил уже почти все сети, но, кроме травы, пойманной в верхних слоях океана, там ничего не было.

Полная разочарования, команда стала расходиться.

— Пойдите, пойдите, — нагнулся над сетями Тягачев. — Что за странная вещь?

Чаныш вгляделся в те места сетей, куда указывал профессор.

Сеть, сотканная из толстых шелковых нитей, была в нескольких местах прорезана, точно по ней с огромной силой ударили большим ножом. В глубине что-то темнело.

Они растянули сети. Чаныш рассмотрел редкую находку.

— Это часть хвоста какого-то мощного хищника. Видимо, он увяз в сетях и оставил в них часть хвоста или плавника.

После переделки иллюминаторов гидростат на тросе был снова спущен на глубину в полторы тысячи метров для окончательного испытания. Теперь никаких изменений аппарат не претерпел.

Руководитель экспедиции профессор Хазанов ночью дал указание подтянуть к гидростату груз.

В использовании груза и было основное отличие советского гидростата от американской батисферы, в которой исследователи Биби и Бартон установили в 1934 году мировой рекорд, спустившись у Бермудских островов на глубину в девятьсот двадцать три метра.

Новый прием спуска был гораздо рискованнее. Но только такое смелое техническое решение конструкции гидростата давало возможность человеку впервые за всю историю земли достигнуть дна океана.

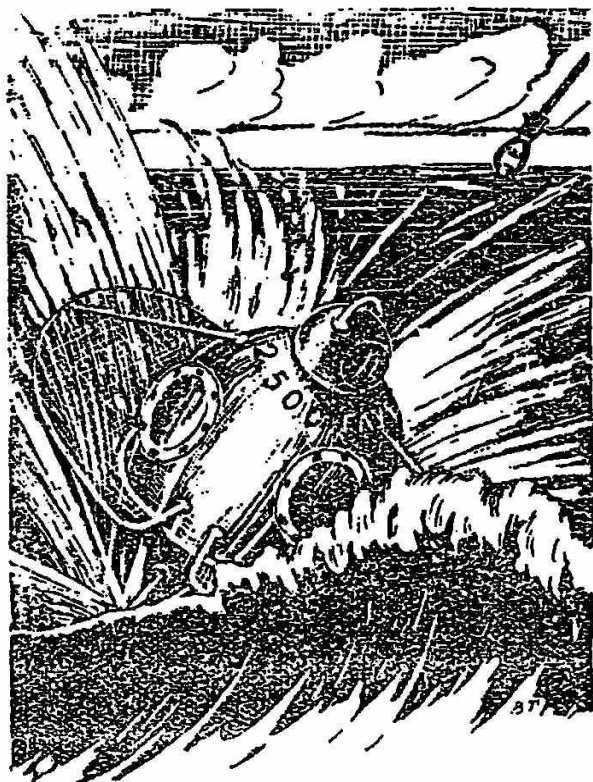

Перед гидростатом для церемонии проводов выстроился весь экипаж. Могучий ветер гремел в высоко поднятом флаге «Разведчика». Все члены команды подходили и обнимали Тягачева, Чаныша и Матюшенко.

Судно разворачивалось к месту спуска.

По сигналу лебедка вынесла гидростат за борт. Как огромный снаряд, гидростат оторвался и под углом врезался в воду.

Гидростат под углом врезался в воду

«Разведчик» круто развернулся и стал отходить в сторону. Все шесть часов он должен был нести патруль над районом, чтобы вовремя засечь выход гидростата из воды

Огромным стеклянным потолком с розовыми и голубыми гирляндами и люстрами водорослей мелькнула сквозь иллюминатор поверхность океана.

Наполнивший гидростат нежный розовый свет стал сначала лиловым, потом превратился в темно-синий, и вот в гидростате наступила ночь. Это значило, что аппарат прошел полосу проникновения солнечного света.

Матюшенко надел наушники радиоприемника и на ощупь ближе пододвинулся к микрофону передатчика. Слышимость земли была ясная.

Некоторое время ученые пробыли в молчании.

Скоро в гидростате стало очень холодно. Металлические стены излучали температуру льда. Люди накинули меховые телогрейки.

Тягачев взглянул на прибор, измеряющий скорость движения гидростата.

— Сообщите в эфир, — обратился он к Матюшенко, — мы опускаемся со скоростью тридцать метров в минуту и находимся на глубине четыреста пятьдесят метров. На этой глубине советские исследователи никогда не были.

Гидростат ничем не выдавал своего движения. Он даже не покачивался. Казалось, он стоит на месте.

Через двадцать минут темнота за иллюминатором начала расчерчиваться светящимися линиями.

«Мы в глубинном мире, — сообщил по радио Тягачев, — Этой глубины не достигал никто. Включаю прожектор».

Белый свет прожектора на секунду ослепил команду. Исследователи прижались к стеклу иллюминатора. Перед их глазами из расстояния десяти-пятнадцати метров четко вырисовывался световой экран, вырванный лучом.

Экран был пуст. Только по сторонам, вдалеке от электрического света, продолжали мелькать и извиваться таинственные фосфорические точки и линии, излучаемые глубинными организмами.

Вдалеке вода вдруг осветилась вспышками. Тягачев включил прожектор. Вспышки сразу стали явственнее. От них стремительно ходили в разные стороны светящиеся узоры и линии.

Едва Чаныш включил киноаппарат, как вся картина уплыла вверх.

— Это какая-то оптическая игра от света нашего прожектора, — проговорил Матюшенко, оторвавшись от радиопередатчика.

— Во время движения определить невозможно, что это такое, — отозвался Тягачев. — Вот достигнем дна, и все установим наблюдением.

«Тысяча шестьсот метров!» — несколько раз повторил в микрофон Матюшенко.

— Через тридцать минут мы почувствуем незначительный толчок, — медленно проговорил Чаныш, — так как опустимся на дно океана.

— Да, — взволновался Тягачев, — ни металл, ни тем более существа из органической ткани, которые нам известны, не достигали дна океана. Ведь на глубине в две тысячи пятьсот метров под страшным давлением, изменяясь физически, медь, например, становится мягкой, а обыкновенная сталь впитывает воду, как губка. Преимущество нашего гидростата перед батисферой американцев и заключается в том, что он сделан из особых сплавов, способных выдерживать это колоссальное давление.

Догнав гидростат, в освещенный прожектором кусок воды ворвался глубинный хищник. Ослепленный ярким светом, он на секунду замер на месте, уставившись на иллюминатор большими выпуклыми глазами.

Длиной больше метра, эта рыба поражала большим количеством длинных острых зубов.

— Это рыба типа глубоководной акулы. — Николай Чаныш включил киноаппарат. — Ее еще никто не видел живой.

Акула начала бешено извиваться, трепля наглого налетчика

Вслед за глубоинной акулой в полосе света появился другой хищник, размером раза в три меньше. Голова его занимала чуть ли не добрую треть всего пятнистого тела.

Выражая полное равнодушие к гидростату, пятнистый хищник вдруг мгновенно нырнул под брюхо акулы, повернулся перед ее носом и, раскрыв пасть, с ходу захватил в нее всю голову так легкомыс-

ленно зазевавшегося собрата.

— Знаменитый хиазмод, — раздался в тишине голос Чаныша. — Его иначе зовут черным живоглотом. У него растягивающийся желудок. Он способен проглотить акулу в три раза больше себя, если акула не сумеет проглотить его самого. Сейчас развернется изумительная драка!

Акула начала бешено извиваться, трепля наглого налетчика. Вырвавшись из челюстей живоглота, она мгновенно перекусила его пополам и так же быстро проглотила эти куски, как бы усмехаясь огромной пастью.

Но не успела она двинуть длинным плавником, как откуда-то со стороны на нее налетел другой хиазмод. Опять схваченная за голову, акула стала еще яростнее трепать живоглота. Но он не выпускал ее из своих стальных челюстей и заглатывал все больше и больше. Акула судорожно дергалась всем телом и билась хвостом, но маленький живоглот спокойно и методично продолжал запихивать акулу в себя. Его брюхо страшно раздулось. Закусив, таким образом, акулой и своим собратом, хиазмод метнулся в сторону, широко раскрыв рот, как бы задыхаясь от обжорства.

Через некоторое время тайна глубинных всплеск раскрылась. Креветка-огнемёт, из породы ракообразных, как только попадала в опасную зону, выбрасывала из себя фосфорическое облачко, ослепляя врага. Вот саблезубая гадюка

уже совсем было настигла, казалось, беззащитного против ее острых ядовитых зубов огнемёта. Но не тут-то было. Удар фосфорического пламени в глаза хищника — и огнемёт, воспользовавшись секундной заминкой врага, скрылся.

То, что при выключенном свете прожектора забавляло, как живописная фосфорическая иллюминация, на самом деле было постоянной яростной борьбой.

Измеритель показывал глубину в две тысячи пятьдесят метров. Фосфорический свет, излучаемый хищниками, встречался теперь все реже, и играл далеко по сторонам. В луч прожектора крупные хищники больше не заходили. Тягачев включил прожектор.

Чаныш делал записи в дневнике.

Подплыла рыба-удильщик и, как бы желая ему помочь, подержала у самого стекла фосфорический фонарик, висящий у нее на длинном, метровом усе. Смеясь, профессор Тягачев снял с головы медвежью ушанку и корректно приветствовал удильщика.

Матюшенко сообщил в эфир о том, что аппарат движется, не встречая больше крупных подводных жителей.

И вот тут к иллюминатору подкралась огромная лиловая тень. Мгновенно был включен прожектор. Электрический свет скользнул по могучей горбатой спине. Сейчас же чудовище пропало.

— Что это такое?! — привскочил Матюшенко.

Тягачев и Чаныш переглянулись и ничего не смогли друг другу сказать.

Некоторое время гидростат опускался с выключенным прожектором. Так легче можно было снова встретиться с неизвестным гигантом.

Исследователи слышали удары собственных взволнованных сердец. Три пары глаз не отрывались от вздрагивающей стрелки измерителя глубины. Она достигла цифры две тысячи пятьсот и начала продвигаться дальше.

Сейчас же был включен прожектор. Белый электрический луч осветил невозмутимое царство воды. Две тысячи пятьсот восемьдесят метров засекла стрелка.

Тягачев потер ладонью горячий лоб.

— Ничего, ничего, — как можно спокойнее произнес он.

— Нас, наверное, отнесло немного в сторону...

Зажатые в руках Матюшенко большие резиновые наушники вздрагивали, как живые, от резких колебаний мембран. Команду нетерпеливо запрашивали сверху.

Две тысячи пятьсот девяносто метров показала стрелка!

Свет прожектора наткнулся на каменный выступ.

— Дно! Это — дно! — вырвалось у Тягачева.

Последовал глухой удар.

Несколько секунд команда не решалась взглянуть на аппаратуру: вдруг амортизаторы не выдержали удара! Сначала взгляды устремились на измеритель глубины. Стрелка этого аппарата не двигалась.

Нагнувшись, Тягачев прижался ртом к сетке патронной регенерации. Влажное дуновение коснулось его пересохших от волнения губ.

— Есть подача воздуха, товарищи, — сообщил он.

«Говорит земля! Говорит земля! — услышал Матюшенко через наушники. — Не получаем сообщений! Не получаем сообщений!»

От торжественной радости он даже поднялся на ноги.

Ему пришлось пригнуть голову, чтобы не удариться о потолок.

«Говорит дно! Говорит дно!» — даже в металле стен загудел его мощный голос.

Тягачев и Чаныш также поднялись ради этой торжественной минуты.

Тягачев нагнул луч на прибор, измеряющий скорость движения

«Сели на глубине две тысячи шестьсот метров! Две тысячи шестьсот метров!»

Матюшенко снял наушники:

— Вы слышите?..

Из трубок доносился отдаленный грохот.

— «Разведчик» салюрует нам пушечными выстрелами.

Шум в трубках сразу оборвался. Матюшенко опять торопливо надел наушники.

— «Говорит дно! Говорит дно!» — закричал он.

Затем открыл ящик радиостанции. Лампы горели прежним ровным светом.

Матюшенко вопросительно посмотрел на товарищей. Трубки надел Тягачев. И ему ответило молчание. За трубки взялся и Николай Чаныш. Нет, радиосвязи не было!

За стеклом иллюминатора под электрическим освещением, источенные водой, переливались разноцветной окраской голые камни необыкновенных форм.

Казалось, это возвышались каменные боги древнего царства. От некоторых исходило сверкание, которое придавало картине торжественность.

— Золото! — вырвалось у Чаныша. — Здесь тонны золота!

— Это игра света, — усомнился Матюшенко, — золото в воде может лежать в кристаллах не больше двухсот лет... Под действием брома и йода оно за этот срок растворяется.

— А почему вы думаете, что этим камням тысячи лет? — оборвал Тягачев. — Обратите внимание, камни имеют преимущественно граненые формы. Время и растворы еще не успели обмыть их. Здесь дно вулканическое... Оно часто извергает из глубин земли огромные богатства...

Матюшенко еще громче начал кричать в микрофон передатчика. Тщетно, трубки молчали.

— Радиосвязь, несомненно, нарушило действие радия, — произнес Тягачев. — Здесь есть радий.

Не снимая наушников, Матюшенко вдруг отпрянул назад. Расширенные глаза его уставились в точку.

— Что с тобой? — тревожно закричал Чаныш.

— Григорий Дмитриевич! — заволновался Тягачев.

Только движением глаз Матюшенко смог указать на иллюминатор.

— Там капли... — произнес он.

На зажимных кольцах иллюминатора поблескивали крупные водяные капли.

Отшатнувшись, исследователи прижались спинами к противоположной стене. Они не могли оторвать глаз от страшных капель. Стало слышно тиканье ручных часов.

В сознании каждого пронеслась мысль, что гидростат сейчас выдерживает чудовищное давление в двести шестьдесят атмосфер, и достаточно в аппарате найдись щели в волосок толщиной, как люди будут в упор расстреляны водой.

— Отдать груз! — наконец выкрикнул командир гидростата и первым бросился к рычагу.

Шесть рук вцепились в холодный металлический рычаг и повернули его.

Стрелка измерителя глубины вздрогнула и медленно пошла вверх.

Исследователи заметили, что водяные капли выступили не только на стекле, но и обильно покрыли мощные стены гидростата. О чем-то догадываясь, Тягачев стер их в одном месте и стал наблюдать. Вода не появлялась.

Команда значительно переглянулась. Скоро глаза всех повеселели, и, наконец, смех нарушил тишину. Эти капли образовались от дыхания людей.

Сильный удар в потолок оборвал смех. Измерительная стрелка, показав подъем на тридцать метров, замерла.

Перед ними находился прежний каменный выступ, разрезанный огромными расселинами. Такие же камни громоздились справа и слева. Наверху тоже были камни... Каменный потолок преградил путь гидростату!

Только сейчас исследователи поняли, что вот уже час с лишним они находятся в подводной пещере, в плену у океана. Гидростат прилип к каменному потолку и, видимо, никогда не сможет оторваться сам.

Матюшенко надел трубки приемника. Тишина была прежняя.

Николай Чаныш не спускал глаз с иллюминатора.

— Все же давайте выключим прожектор, друзья... — тихо проговорил Тягачев. — Может быть, свет нам еще пригодится.

Гидростат наполнила темнота. Казалось, от этого стало еще холоднее. Прошло около получаса.

Неожиданно бледный свет коснулся стекла иллюминатора.

Необычайный свет шел из расселины камней и с каждой секундой усиливался. От этого мертвого света стали неясно видны очертания каменных стен вокруг плененного гидростата. Через несколько минут из каменной щели высунулась большая змеиная голова и застыла, как бы прислушиваясь. Голова светилась изнутри. За ней из расселины выскользнуло большое тело глубинной змеи. Оно поражало красотой. Раскрашенная длинными темными полосами, змея излучала фосфорический свет.

Мгновение — она свернулась в кольцо и, как огромное серсо, полетела на стального гостя. Кусок ее тела закрыл часть иллюминатора. Несомненно, этот глубинный удав все свои силы направил на то, чтобы, обняв гидростат, раздавить его. Но гидростат только легонько качнулся. Удав выключил свое освещение. Прожектор осве-

Змея излучала фосфорический свет

тил изумительную картину: неизвестно откуда появившийся могучий глубинный осьминог огромными щупальцами схватил удава за голову. Тот, извиваясь, сжимал туловище осьминога. Это была схватка равных. Прошло несколько секунд борьбы. Вода окрасилась мутью. Туловище удава ослабело. Осьминог потащил свою добычу вверх.

— Здесь где-то есть выход! — выкрикнул Тягачев.

Висевший гидростат колыхнулся. Команда увидела смутные очертания огромного тела.

Осьминог бросил свою дорогую добычу и, защищаясь, выпустил длинные щупальцы. Мелькнул удар хвостом, и перебитые щупальцы осьминога вяло обвисли. Чудовище сейчас же пропало.

— Это только он мог разорвать сети, — проговорил Чаныш.

Мощный толчок в тыльную стену качнул гидростат; за этим толчком последовал другой, еще более сильный.

Сдвинутый с места, гидростат ударился о камни.

— Его надо ослепить прожектором! — выкрикнул Матюшенко. — Иначе он разобьет стекла!..

Луч прожектора ударил в упор, как выстрел. Начался поединок. В белом свете мелькнули два огромных телескопических глаза. Не выдержав прямого светового удара, чудовище пропало. Включенный свет прожектора метался по камням подводной пещеры, никого не находя.

Еще и еще, с каждым разом все сильнее, ударялся о камни гидростат, уже атакованный сбоку и сзади. От сотрясения свет прожектора выключился.

Гидростат замер.

Через некоторое время — казалось, протекли часы — луч прожектора опять прорезал тьму. Каменных нагромождений перед иллюминатором уже не было. Стрелка измерителя глубины спокойно поднималась.

В краю луча промелькнули темные очертания хозяина подводного мира. Он провожал гидростат.

— Мы вырвались! — от радости перебивая друг друга, зашумели исследователи.

— Эта драка нас спасла!..

— Больше четырех часов держал океан в плену!

— Наконец-то нам ничто не угрожает!..

Почувствовав, что дышать стало тяжело, Тягачев взглянул на контролер аппарата патронной регенерации.

Срок полной переработки воздуха иссякал. Плен продолжался слишком долго.

Исследователи посмотрели друг на друга и не проронили ни слова. Их взгляды притягивал теперь не иллюминатор, а прибор, измеряющий глубину. Аппарат летел вверх со скоростью сорок метров в минуту.

До поверхности оставалось две тысячи двести метров. Следовательно, надо выстоять около часа.

Тягачев, задумавшись, сидел, опустив глаза. Николай Чаныш старался показать, что чувствует себя нормально. Только Матюшенко ничего не замечал. Прижав ладони к наушникам, он весь ушел в слух.

«Говорит дно! Говорит дно! — через двадцать минут закричал он. — Земля, я вас слышу! Земля, я вас слышу!..»

Команда сразу воспрянула, точно вместе с радиоволнами в гидростат пришел и воздух.

«Идем на подъем! Идем на подъем!» — кричал гидрофизик.

Затем Матюшенко снял трубки.

— Виктор Александрович, земля вызывает вас!

Тягачев надел трубки.

«Все в порядке! — начал выкрикивать он. — Я вас хорошо слышу! Причины разрыва не мог установить! Надо предполагать, вмешательство энергии, излучаемой со дна! Да! Были небольшие трудности! Команда сохраняла боевой дух все время! Закон сильных — стоять — не забывали!..»

Тягачев отнял трубки от ушей и, не донеся их до рук Матюшенко, выронил.

— Стоять! — проговорил он, сжав свою грудь и припав к стене.

Бросившись к командиру, Матюшенко быстро расстегнул одежду профессора и, поднимая его ослабевшие руки за пальцы, начал помогать дыханию. Лицо Матюшенко поблескивало от выступившего холодного пота.

Восемьсот метров оставалось до поверхности.

Опять послышались позывные. Матюшенко не отходил от командира, и Чаныш схватился за наушники.

Сначала он ничего не мог разобрать. Шум в голове парализовал звуки волн. Но вот ему стало понятно, о чем его спрашивают. Он бросил взгляд на стрелку прибора:

— Пятьсот пятьдесят метров! — выкрикнул он. — Пятьсот пятьдесят! Чувствуем себя прекрасно!» — и он отвалился от микрофона.

Через пятнадцать минут гидростат нетерпеливо запрашивали снова.

«Двести метров! Двести метров! — сел за аппаратуру Матюшенко. — Самочувствие у всех хорошее...» — И больше он уже ничего не помнил.

Следующими ощущениями было и у него, и у командира гидростата, и у гидробиолога необычайная свежесть бесконечного количества воздуха и чрезмерный блеск дневного света, ударившего им в глаза.

И. ЕФРЕМОВ

И. ЕФРЕМОВ

Рис. Л. СМЕХОВА.

Глава из научно-фантастического романа.

Рисунки Л. Смехова

И. ЕФРЕМОВ

Газета «Пионерская правда», 1.03 - 4.05.1957 г

И. ЕФРЕМОВ

ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ

Глава «В плену тьмы»

НЕДАВНО И. А. Ефремов, учёный-палеонтолог и писатель, закончил научно-фантастический роман «Туманность Андромеды». В нём рассказывается о жизни далёкого будущего, о высокой технике.

...Звездолёт «Тантра», которым командует Эрг Ноор, должен был пополнить запасы горючего — анамезона — на планете Зирде и отправиться дальше в Космос. Но на Зирде произошло несчастье. Взять горючее не удалось. «Тантра» повернула к Земле. Эрг Ноор сдал дежурство Пелу Лину, а тот допустил ошибку в управлении звездолетом. И вот «Тантра» летит по направлению к притянувшей её железной звезде. Это грозит гибелью...

О том, что случилось дальше с космическим кораблём и его экипажем, рассказывается в главе «В плену тьмы», которую мы начинаем печатать сегодня.

На широкой дуге указателя направления белая толстая стрелка медленно, но упорно сползала вправо — курс звездолёта изгибался вокруг железной звезды. Скорость падала, словно незримая верёвка волокла корабль к жуткому, невидимому для человеческих глаз светилу.

— Ингрид, что такое Железная звезда? — тихо спросил Кэй Бэр.

— Невидимая звезда, погасшая, но ещё не остывшая окончательно или не разгоревшаяся снова. Она светит невидимым для нас инфракрасным светом и становится заметной через специальный электронный прибор лишь на сравнительно близком расстоянии.

— Почему же она железная?

— Все звёзды этого класса, какие сейчас изучены, содержат в своём составе много железа. Поэтому, если звезда велика, то её масса и поле тяготения огромны... Боюсь, что мы встретимся именно с такой...

— Что же теперь?

— Не знаю. Видишь сам, у нас почти нет горючего. Если не вырвемся, то наш корабль будет описывать вокруг звезды спираль и постепенно приближаться к ней... пока не упадёт.

Ингрид нервно дёрнула головой, и Бэр ласково погладил её по руке.

Начальник экспедиции перешёл к пульту управления и сосредоточился на приборах. Молчали все, не смея дышать, молчала и только что проснувшаяся Низа Крит, инстинктивно поняв всю опасность положения. Наивыгоднейший момент отрыва был уже рассчитан, медлить было нельзя, так как с большой потерей скорости звездолёту становилось всё труднее вырваться из цепкого притяжения железной звезды. Если бы «Тантра» не подошла так близко, и Лин сообразил бы вовремя не тормозить, а уходить от звезды... Впрочем, какое утешение в этих пустых «если»!

Прошло около трёх часов, и Эрг Ноор наконец решился. Снова «Тантра» наполнилась невыносимой вибрацией анамезонных моторов. Ход корабля ускорился. Час, другой... Страшное коричневое светило исчезло с переднего экрана, переместилось на второй. Незримые цепи тяготения продолжали тянуться за убегающим кораблём, отражаясь в приборах. Третий, четвёртый час — и два круглых красных глаза загорелись над головой Эрга Ноора. Он рванул рукоятки к себе — двигатели остановились.

— Вырвались — с облегчением шепнул Пел Лин.

Начальник медленно перевёл на него взгляд и покачал головой:

— Не знаю! Кончился анамезон!

— Что же делать?

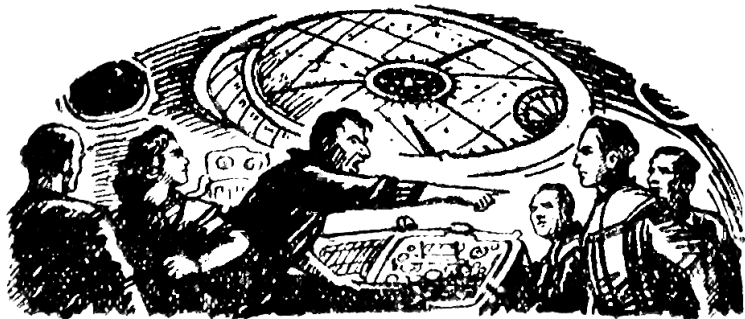
— Ждать. Идёт борьба между тяготением звезды и скоростью «Тантры». Если звездолёт успеет отделиться и не потеряет скорости очень значительно, тогда мы подойдём к Солнцу настолько, что сможем позвать Землю. Правда, время путешествия возрастёт в несколько раз. Лет через тридцать мы пошлём сигнал... Энергии на это хватит...

— Тридцать лет, — едва слышно шепнул Бэр на ухо Ингрид. Та резко дёрнула его за рукав и отвернулась.

Эрг Ноор откинулся в кресле и опустил руки на колени. Молчали люди, тихо пели приборы. Другая, нестройная и оттого казавшаяся угрожающей, мелодия вплеталась в песнь настройки навигационных приборов. Почти физически ощутимый зов железной звезды, реальная сила её чёрной массы, гнавшей за терявшим свою мощь кораблём.

Щёки Низы Крит горели, сердце учащённо колотилось. Девушке становилось невыносимым это бездейственное ожидание, в котором она чувствовала всю тяжесть бремени начальника экспедиции.

Один, другой, пятый... медленно проходили часы. Один за другим в центральном посту появлялись проснувшиеся члены экспедиции, начинали приветствия, умолкали. Число молчальников увеличивалось, пока все четырнадцать членов экспедиции не оказались в сборе.

Замедление полёта шло слишком быстро. «Тантра» не могла уйти от железной звезды. Возобновить борьбу звездолёт не мог. Забывшие о сне дежурные, забывшие о пище пробуждённые не покидали поста управления много тоскливых часов, в которые курс «Тантры» всё более искривлялся, и, наконец, корабль понёсся по первому далёкому витку неумолимой спирали. Судьба «Тантры» стала ясна каждому.

Внезапный вопль заставил всех вздрогнуть. Астроном Пур Хисс вскочил и взмахнул руками. Его исказившееся лицо стало неузнаваемым.

— Он, это он, — завопил Пур Хисс, показывая на Пела Лина — тупица, пень, безмозглый червяк!.. — Астроном захлебнулся, стараясь припомнить давно вышедшие из употребления бранные слова пращуров. Стоявшая рядом Низа безразлично отодвинулась. Эрг Ноор поднялся.

— Осуждение товарища ничему не поможет. Прошли времена, когда ошибки могли быть намеренными. А в этом случае, — Ноор небрежно повертел рукоятками счетной машины, — как видите, вероятность ошибки тридцать процентов. Если добавить к этому неизбежную депрессию конца дежурства и ещё потрясение от раскачки звездолёта, я не сомневаюсь, что вы, Пур Хисс, сделали бы ту же ошибку!

— А вы? — с меньшей яростью выкрикнул астроном.

— Я — нет. Мне пришлось видеть недалеко такое же чудовище в 36-й звёздной... Я виноват больше всех: надеясь сам вести звездолёт в неизученном районе, я не предусмотрел всего, ограничившись простой инструкцией!

— Как вы могли знать, что они без вас заберутся в этот район? — воскликнула Низа.

— Я должен был это знать, — твёрдо ответил Эрг Ноор, отклоняя дружескую помощь астронавигатора, — но об этом есть смысл говорить лишь на Земле...

— На Земле! — возопил Пур Хисс, и даже Пел Лин озадаченно нахмурился. — Говорить это, когда всё потеряно и впереди только гибель.

— Нет, впереди не гибель, а большая борьба, — твёрдо ответил Эрг Ноор, опускаясь в кресло перед столом, — садитесь! Спешить некуда, пока «Тантра» не сделает полтора оборота...

Присутствующие безмолвно повиновались, а Низа обменялась улыбкой с биологом — торжествующей, несмотря на всю безнадёжность момента.

— У звезды, несомненно, есть планета, я предполагаю — даже две. Планеты, как видите, — начальник экспедиции развернул вычерченную перед катастрофой схему, — должны быть большими и, следовательно, обладать атмосферой. Но нам нет необходимости садиться — у нас большой запас твёрдого кислорода. — Эрг Ноор умолк, собираясь с мыслями. — Мы станем спутником планеты, описывая вокруг неё орбиту. Если атмосфера планеты окажется годной и мы израсходуем свой воздух, планетарного горючего хватит, чтобы сесть и чтобы позвать, — продолжал он. — За полгода мы вычислим направление, передадим результаты Зирды, вызовем вспомогательный звездолёт, спасём себя и корабль...

— Если спасём... — покривился Пур Хисс, сдерживая загоровшую радость.

— Да, если спасём! — согласился Эрг Ноор. — Но это — ясная цель, и всем надо собрать силы для её достижения... Вы, Пур Хисс и Ингрид, ведите наблюдение и расчёты размеров планет; Бэр и Низа, вычислите скорость убегания.

Исследователи стали готовиться на всякий случай и к посадке. Биолог, геолог и врач готовили к сбрасыванию разведочную станцию-автомат, механики настраивали посадочные осветители, собирали ракету-спутника для передачи сообщения с поверхности планеты...

После испытанного ужаса и безнадёжности работа шла особенно споро, прерывалась лишь во время качания звездолета. Но «Тантра» уже сильно сбавила скорость, и её колебания не были столь убийственны для людей.

Пур Хисс и Ингрид определили наличие двух планет. От приближения к одной из них пришлось отказаться —

огромная, холодная, окутанная мощной, вероятно, ядовитой атмосферой, она грозила гибелью. Если выбирать род смерти, то, пожалуй, лучше было бы сгореть у поверхности железной звезды, чем утонуть во тьме аммиачной атмосферы, вонзив корабль в тысячекилометровую толщу льда. Такие же страшные исполинские планеты были в солнечной системе — Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун.

«Тантра» приближалась к звезде. Через девятнадцать суток выяснились размеры другой планеты, она была больше Земли. Находясь от своего железного солнца на очень близком расстоянии, планета с бешеной скоростью неслась по своей орбите — её год был вряд ли больше двух земных месяцев... Невидимая звезда, вероятно, достаточно обогревала ее своими чёрными лучами — при наличии атмосферы там могла быть жизнь. В этом случае посадка становилась особенно опасной...

Эрг Ноор, озабоченный возможной встречей с жизнью, вредной для обитателей Земли, распорядился извлечь из дальних кладовых средства биологической защиты, которыми он запасся в изобилии, мечтая посетить Вегу.

Решительный момент, наконец, подошёл вплотную: «Тантра» начала вращаться вокруг планеты. Расплывчатая, бурая, с отсветом огромной кроваво-коричневой звезды поверхность планеты, вернее, её атмосферы, становилась видимой только в специальном электронном приборе. Все без исключения члены экспедиции были заняты у приборов.

Сообщения поступали непрерывно, и характер планеты становился всё яснее. Она была велика. Сила ее притяжения может придавить корабль к почве.

Начальник экспедиции вспомнил страшные рассказы, полуполюгенды, полубыли о звездолётах, по разным причинам попадавших на громадные планеты. Рёв моторов и судорожное содрогание корабля, который, не в силах вырваться, прилипал к поверхности планеты и тут же раздавливался. Если притяжение было не так велико, то звездолёт оставался целым, и хрустели только ломавшиеся кости людей.

Неописуемый ужас, переданный в отрывочных воплях последних сообщений, прощальных передач.

Экипажу «Тантры» не грозила такая участь, пока они будут вращаться вокруг планеты. Но если придется сесть на её поверхность, то только очень сильные люди смогут таскать тяжесть своего живого веса в этом будущем их пристанище. Пристанище, назначенное им на десятки лет жизни... Смогут ли они выжить в таких условиях? Под гнётом давящей тяжести в вечном мраке инфракрасного чёрного солнца, в плотной атмосфере? Но, как бы то ни было, это надежда на спасение, это не гибель, и выбора нет...

«Тантра» описывала свою орбиту близко к границе атмосферы. Сотрудники экспедиции не могли упустить случая исследовать доселе неведомую планету, находившуюся сравнительно недалеко от Земли. Освещённая, вернее, нагретая сторона планеты отличалась от теневой не только гораздо более высокой температурой, но и громадными скоплениями электричества.

Эрг Ноор решил вести изучение планеты с помощью бомбовых станций. Сбросили физическую станцию, и автомат вскоре доложил о поразительном наличии свободного кислорода в нижних слоях атмосферы, присутствии водяных паров и температуре в двенадцать градусов тепла. Эти условия были, в общем, сходны с земными. Только давление толстой атмосферы превышало нормальное давление Земли в один и четыре десятых раза.

— Здесь можно жить, — слабо улыбнулся биолог, передавая начальнику сообщения станции.

— Если мы можем жить, то, наверное, уже кто-нибудь живет, что-либо мелкое и вредное на такой мрачной планете!

К пятнадцатому обороту звездолёта подготовили станцию-бомбу с мощным телепередатчиком. Однако вторая физическая станция, сброшенная в тень, когда планета повернулась на сто двадцать градусов, исчезла, не подав сигналов.

— Угодила в океан, — закусив губы от досады, констатировала геолог Бина Лед.

— Придётся прощупать главным локатором, прежде чем сбрасывать автомат-телевизор. У нас их только два, а из них только один успели настроить на условия планеты.

«Тантра», испуская пучок направленного радиоизлучения, вращалась над планетой, прощупывая смутные из-за искажений контуры материков и морей. Обрисовались очертания огромной равнины, вдавшейся в океан или разделявшей два океана почти на экваторе планеты. Звездолёт описывал лучом зигзаги, захватывая полосу в двести километров шириной. Внезапно экран локатора вспыхнул яркой точкой. Свисток, хлестнувший по напряжённым нервам, подтвердил, что это не галлюцинация.

— Металл! — воскликнула Бина Лед. — Открытое месторождение.

Эрг Ноор покачал головой;

— Это или большой кусок металла — метеорит — или...

— Корабль! — одновременно вмешались Низа и биолог.

— Фантастика! — отрезал Пур Хисс.

— Может быть, действительность, — возразил Эрг Ноор.

— Всё равно спор бесполезен, — не сдавался Пур Хисс, — ничем нельзя проверить. Не будем же мы садиться...

— Проверим через три часа, когда придём снова к этой равнине. Обратите внимание: металлическая вещь находится на равнине, которую выбрал бы и я для посадки... Мы сбросим телевизионную станцию именно туда.

«Тантра» вторично ушла в трёхчасовой облёт тёмной планеты. Теперь, при подходе к материковой равнине, корабль встретило донесение телеавтомата. Люди впились в засветившийся экран. Кэй Бэр отчётливо представил, как поворачивается похожая на маяк головка станции, высушенная из твёрдого панциря. В зоне освещённой лучом автомата, бежали по экрану очертания невысоких обрывов, холмов. Внезапно через экран пронеслось изображение сверкающего рыбообразного тела.

Рис. Л. СМЕХОВА.

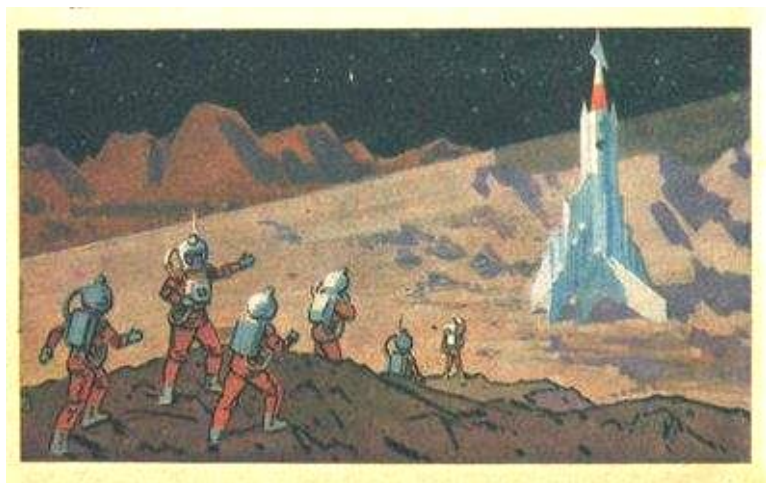
— Звездолёт! — выдохнули сразу несколько ртов.

С нескрываемым торжеством Низа посмотрела на Пур Хисса. Экран погас. «Тантра» снова отдалилась от телепередатчика, но теперь можно было просмотреть ленту полученного снимка.

На экране появились знакомые сигарообразные очертания носового отсека, вздутая кормовая часть, высокий гребень приёмника равновесия... Автомат не мог ничего вообразить — это действительно был земной звездолёт! Он стоял горизонтально, в положении нормальной посадки, подпертый мощными стойками, неповреждённый, как будто только что

опустился на планету железной звезды.

«Тантра», описывая свои очень быстрые из-за близости к планете круги, посылала сигналы, остававшиеся безответными. Прошло несколько часов. На центральном посту снова собрались все четырнадцать человек экспедиции. Тогда Эрг Ноор, сидевший в глубоком раздумье, встал:

— Я предполагаю посадить «Тантру». Может быть, наши братья нуждаются в помощи. Может быть, их корабль повреждён и не может идти к Земле. Тогда мы возьмём у них анамезон, спасём их и спасёмся сами.

— А если они сами очутились здесь из-за нехватки анамезона? — осторожно спросил Пел Лин.

— Тогда у них должны остаться ионные планетарные заряды — они не могли израсходовать всё полностью. Видите, звездолёт сидит правильно, значит — они садились на планетарных моторах. Мы возьмём планетарное горючее, взлетим снова и будем звать, и ждать помощи с Земли. В случае удачи пройдёт всего десять лет. А если удастся достать анамезон, тогда мы победили...

— У вас, видимо, всё уже продумано! — сдался инженер.

— Остаётся риск посадки на тяжёлую планету и риск пребывания на ней, — проворчал Пур Хисс. — Страшно подумать об этом мире мрака!

— Риск, конечно, остаётся, но он остаётся в самой основе нашего положения, и мы его вряд ли увеличиваем. А планета, на которой сидит наш звездолёт, не так уж плоха! Только бы сохранить корабль!

Эрг Ноор быстро подошёл к пульту. С минуту начальник экспедиции стоял перед рычагами управления. Пальцы его больших рук шевелились, как бы беря аккорды на музыкальном инструменте, спина горбилась, и лицо каменело.

Низа Крит подошла к начальнику, смело взяла его правую руку и приложила ладонью к своей гладкой щеке, горячей от волнения. Эрг Ноор благодарно кивнул, погладил пышные волосы девушки и выпрямился.

— Идём в нижние слои атмосферы и на посадку! — громко сказал он, включая сигнал.

Вой пронёсся по кораблю, и люди поспешно разбежались по местам, замкнув себя в гидравлические плавающие сиденья.

Эрг Ноор опустился в мягкие объятия посадочного кресла, поднявшегося из люка перед пультом. Загremели удары планетарных двигателей, и звездолёт с воем кинулся вниз, навстречу скалам и океанам неведомой планеты.

Инфракрасные отражатели прощупывали первозданный мрак внизу, красные огни горели на шкале высоты у заданной цифры — пятнадцать тысяч метров.

Первый же облёт обнаружил на большей части планеты лишь незначительные возвышенности, немного большие, чем на Марсе.

Эрг Ноор передвинул ограничитель высоты полёта на три тысячи метров и включил мощные прожекторы. Теперь под звездолётом простирался огромный океан — подлинное море ужаса. Беспросветно чёрные волны вздымались и опалили над неведомыми глубинами.

Снова началась суша. Скрещённые лучи прожекторов распахивали узкую дорогу между стенами тьмы. На ней проступали неожиданные краски: то желтоватые пятна леса, то серовато-зелёная поверхность скалистых пологих гряд.

Послушная Тантра» понеслась над материком...

Наконец, Эрг Ноор обнаружил ту самую равнину.

Из-за незначительной высоты её нельзя было назвать плоскогорьем. Но было очевидно, что возможные приливы

и бури тёмного моря не могут достичь этой равнины, поднимавшейся над более низменными участками суши на высоту примерно ста метров. Передний локатор левого борта дал свисток...

«Тантра» нацелилась прожекторами. Теперь совершенно отчётливо стал виден звездолёт первого класса. Около корабля не было видно временных построек, не горело никаких огней — тёмный и безжизненный стоял звездолёт, никак не реагируя на приближение собрата. Лучи прожекторов пробежали дальше, сверкнули, отразившись, как от синего зеркала, от колоссального диска серебристыми выступами по краю. Диск стоял наклонно, на ребре, частично погружённый в чёрную почву. На мгновение наблюдателям показалось, что за диском торчат какие-то скалы, а дальше сгущается чёрная тьма. Там, вероятно, был обрыв или спуск куда-то на низменность...

Оглушительный вой «Тантры» сотряс ее корпус.

Эрг Ноор хотел сесть поближе к обнаруженному звездолёту и предупреждал людей, которые могли оказаться в смертоносной зоне радиусом около тысячи метров от места посадки. Слышимый даже внутри корабля, прокатился чудовищный гром планетарных моторов, в экранах появилось облако раскалённых частиц почвы. Пол стал круто подниматься вверх и заваливаться назад. Бесшумно и плавно гидравлические шарниры повернули сиденья кресел перпендикулярно к ставшим отвесным стенам.

Гигантские коленчатые упоры отскочили от корпуса и, растопырившись, приняли на себя первое прикосновение к почве чужого мира. Толчок, удар, толчок — «Тантра» раскачивалась носовой частью и замерла одновременно с пол-ной остановкой двигателей. Эрг Ноор поднял руку к пульту, оказавшемуся над головой, повернул рычаг выключения упоров. Медленно, короткими толчками звездолёт стал оседать носом, пока не принял прежнего горизонтального положения. Посадка окончилась. Как всегда, она давала настолько сильную встряску человеческому организму, что звездолётчики должны были

некоторое время приходило в себя, полужёжа в своих креслах.

Страшная тяжесть придавила каждого. Как после тяжёлой болезни, люди едва могли приподняться. Однако неугомонный биолог успел взять пробу воздуха.

— Годен для дыхания, — сообщил он, — сейчас произведу микроскопическое исследование!

— Не нужно, — отозвался Эрг Ноор, расстёгивая упаковку посадочного кресла, — без скафандров нельзя покидать корабль. Здесь могут быть почти неуловимые, но очень опасные споры и вирусы.

В шлюзовой каюте у выхода были заранее приготовлены биологические скафандры и «прыгающие скелеты» — стальные, обшитые кожей каркасы с электродвигателем, пружинами и амортизаторами для индивидуального передвижения при увеличенной силе тяжести, которые надевались поверх скафандров.

После шести лет скитания в межзвёздных безднах всем не терпелось почувствовать под ногами землю, пусть даже чужую. Кэй Бэр, Пур Хисс, Ингрид, врач Лума и два механика-инженера должны были оставаться в звездолёте, чтобы вести дежурства у радио, прожекторов и приборов.

Низа стояла в стороне со шлемом в руках.

— Откуда нерешительность, Низа? — окликнул девушку начальник, проверявший свою радиостанцию в верхушке шлема. — Идёмте в звездолёт.

— Я... — девушка замялась, — мне кажется, он мёртвый, стоит здесь уже давно... Ещё одна катастрофа, ещё жертва беспощадного космоса... Я понимаю, это неизбежно и всегда тяжело...

— Может быть, смерть этого звездолёта даст нам жизнь, — откликнулся Пур Хисс.

Все восемь путешественников выкарабкались в переходную камеру и остановились в ожидании.

— Включите воздух! — скомандовал Эрг Ноор оставшимся в корабле.

Только после того как давление в камере стало значительно выше наружного, мощные домкраты выдавили плотно припаявшуюся дверь. Давление воздуха почти выбросило людей из камеры, не давая ничему вредному из чужого мира проникнуть внутрь кусочка Земли. Дверь стремительно захлопнулась.

Луч прожектора проложил яркую дорогу, по которой исследователи заковыляли на пружинных ногах, едва волоча свои тяжёлые тела. В конце светового пути возвышался огромный корабль. Полтора километра показались необычайно длинными, и от нетерпения, и от жестокой тряски, неуклюжих скачков по неровной, усеянной мелкими камнями почве, сильно нагретой чёрным солнцем.

Сквозь толстую атмосферу, изобилующую влагой, звёзды просвечивали бледными расплывчатыми пятнами. Вместо сияющего великолепия космоса небо планеты передавало лишь намёки на созвездия. Их красноватые тусклые фонарики не могли бороться с тьмой на почве планеты.

В окружающем глубочайшем мраке корабль выпячивался особенно рельефно.

Зон Тал издал восклицание, отдавшееся во всех телефонах. Он показал рукой на открытую дверь, зияющую чёрным пятном, и спущенный вниз малый подъёмник. На почве около подъёмника и под кораблём росли, несомненно, растения. Толстые стебли поднимали вверх, на высоту почти метра, чёрные, параболически углублённые чашки, зазубренные по краю точно шестерни — не то листья, не то цветы.

Скопище чёрных неподвижных шестерён выглядело зловеще. Ещё больше настораживало немое зияние двери. Нетронутые растения и открытая дверь — значит, давно уже люди не пользовались этим путём, но охраняют свой маленький земной мирок от чужого...

Эрг Ноор, Зон и Низа вошли в подъёмник, и начальник повернул пусковой рычаг. С лёгким скрежетом механизм заработал и послушно вознёс троих исследователей в раскрытую настежь переходную камеру. Следом поднялись и

остальные. Эрг Ноор передал на «Тантру» просьбу погасить прожектор.

Мгновенно маленькая кучка людей затерялась в бездне тьмы. Мир железного солнца надвинулся вплотную, как будто желая растворить в себе слабый очаг земной жизни, приникший к почве громадной тёмной планеты.

Рис. Л. СМЕХОВА.

Зажгли вращающиеся фонарики, прикрепленные наверху шлемов. Дверь из переходной камеры внутри корабля оказалась закрытой, но незапертой, и легко поддавалась. Исследователи вошли в средний коридор, свободно ориентируясь во тьме проходов. Конструкция звездолёта отличалась от «Тантры» в незначительных деталях.

— Корабль построен несколько десятков лет назад, — сказал Эрг Ноор, приближаясь к Низе. Девушка оглянулась. Сквозь силиколы шлема полуосвещенное лицо начальника казалось загадочным,

— Невозможная мысль, — продолжал Эрг Ноор, — вдруг это...

— «Парус»! — воскликнула Низа, забыв о микрофоне, и увидела, что все обернулись к ней.

Группа разведчиков проникла в главное помещение корабля — библиотеку-лабораторию, и затем — ближе к носу — в центральный пост управления. Ковыляя в своём скелетообразном каркасе, шатаясь и ударяясь о стены, начальник экспедиции добрался до главного распределительного щита. Освещение звездолёта оказалось включённым, но тока не было.

В темноте помещений продолжали светиться лишь фосфоресцирующие указатели и значки. Эрг Ноор нашёл аварийный выключатель, и тут, на удивление всем, загорелся тусклый, но показавшийся ослепительным свет. Начальник застыл на пороге центрального поста. Проследив глазами за его взглядом, Низа увидела наверху, между передними экранами, надпись: «Парус».

Исчезнувший восемьдесят лет назад звездолёт нашёлся в неведомой ранее системе чёрного солнца, так долго считавшейся лишь тёмным облаком...

Осмотр помещений звездолёта не помог понять, куда делись люли. Кислородные резервуары не были исчерпаны, запасов воды и пищи могло хватить ещё на несколько лет, но нигде не было ни следов, ни останков экипажа «Паруса».

Странные тёмные натёки виднелись кое-где в коридорах, в центральном посту и библиотеке.

На полу в библиотеке тоже было пятно — оно отслаивалось толстой плёнкой, как если бы здесь высохло что-то пролитое. В кормовом машинном посту, перед распахнутой дверью задней переборки, свисали оборванные провода, а массивные стойки охладителей из фосфористой бронзы сильно погнулись. Так как в остальном корабль был совершенно цел, то эти повреждения, требовавшие большой силы удара, остались непонятными. Исследователи выбились из сил, но не нашли ничего, что могло бы объяснить исчезновение и несомненную гибель экипажа «Паруса».

Попутно пришло другое, чрезвычайно важное открытие: запасы анамезона и планетарных зарядов, сохранившиеся на

корабле, обеспечивали взлёт «Тантры» с тяжёлой планеты и путь до Земли.

Переданное немедленно на «Тантру» сообщение сняло сознание обречённости, нависшее над людьми. Теперь отпала необходимость длительной работы по передаче сообщения на Землю. Зато предстоял огромный труд по перегрузке контейнеров с анамезоном. Нелёгкая сама по себе задача, здесь, на планете с тройной тяжестью, превращалась в дело, требовавшее высокой инженерной изобретательности. Но люди не боялись трудных умственных задач, а радовались им...

Биолог вынул из магнитофона в центральном посту незаконченную катушку полётного дневника. Эрг Ноор с геологом открыли плотно запёртый главный сейф, хранивший результаты экспедиции «Паруса».

Люди поволокли на себе значительный груз. Будучи исследователями, члены экспедиции не могли даже на короткий срок оставить столь драгоценную находку.

Едва живые от усталости, разведчики встретились в библиотеке «Тантры» с горящими нетерпением товарищами. Здесь, в привычной обстановке, за удобным столом под ярким светом, могильная тьма окружавшего мира и мёрт-

вый, покинутый звездолёт стали видением ночного кошмара. Только каждого давило не снимаемое ни на секунду тяготение страшной планеты, да при каждом движении то один, то другой из исследователей морщился от боли. Без большой практики было очень трудно координировать движения собственного тела с движением рычагов стального «скелета». От этого ходьба сопровождалась толчками и жестоким встряхиванием. Даже из короткого похода люди вернулись основательно избитыми.

У геолога Бины Лед, по-видимому, получилось лёгкое сотрясение мозга, но и она, тяжело привалившись к столу и сдавливая виски, отказалась уйти до прослушивания последней катушки корабельного дневника. От этой записи, восемьдесят лет хранившейся в мёртвом корабле, Низа ожидала чего-то невероятного. Ей представлялись хриплые призывы о помощи, вопли, страдания, трагические прощальные слова.

Девушка вздрогнула, когда из аппарата раздался звучный и холодный голос. Даже Эрг Ноор, великий знаток всего, что касалось межзвёздных полётов, не знал никого из экипажа «Паруса». Укомплектованный исключительно молодёжью, этот звездолёт отправился в свой бесконечно отважный рейс на Вегу, не передав в Совет Звездоплавания обычного фильма о людях экипажа.

Неизвестный голос излагал события, случившиеся семь месяцев спустя после передачи сообщения на Землю. Ещё за четверть века до этого, при пересечении метеоритного пояса в системе Веги «Парус» был повреждён. Повреждение в кормовой части удалось исправить и продолжать путь, но оно нарушило точнейшую регулировку защитного магнитного поля моторов. После длившейся двадцать лет борьбы двигателя пришлось остановить. Ещё пять лет «Парус» летел по инерции, пока не потерял скорости, прорезая неизвестные силовые поля. Тогда было послано первое сообщение. Звездолёт приближался к Солнцу и собирался послать второе сообщение, но попал в поле тяготения железной звезды. Дальше получилось, как и с «Тантрой», с той лишь

разницей, что корабль без ходовых моторов совсем не мог сопротивляться. Он не смог сделаться спутником планеты, так как ускорительные планетарные моторы тоже разрушились. «Парус» благополучно сел на низкое плато вблизи моря. Экипаж принялся выполнять три стоявшие перед ним задачи: попытку отремонтировать двигатели, посылку призыва на Землю и изучение неведомой планеты. Но не успели ещё собрать ракетную башенку, как начали исчезать люди. Посланные на розыски тоже не возвращались. Исследование планеты прекратили, покидать корабль для строительства башенки стали только вместе, и подолгу отсиживались в наглухо запертом корабле в перерывах между невероятно изнурительной работой. Торопясь отправить ракету, они даже не предприняли ещё изучения чужого звездолёта, близости от «Паруса», по-видимому, находившегося здесь уже давно...

— Это диск! — мелькнуло в уме у Низы. Она встрети-лась глазами с начальником, и тот, поняв её мысли, кивнул утвердительно головой. Из четырнадцати человек экипажа «Паруса» осталось в живых восемь, но после принятых мер исчезновение людей прекратилось. Дальше в дневнике следовал примерно трёхдневный перерыв, после которого со-общение передавал высокий молодой женский голос:

— Сегодня, двенадцатого числа, седьмого месяца 723 года эпохи Кольца мы, все оставшиеся, закончили подго-товку ракеты-передатчика. Завтра, в это время...

Кэй Бэр инстинктивно взглянул на часовую градуировку вдоль перематывавшейся ленты — пять часов утра по вре-мени «Паруса», и кто знает, сколько по этой планете...

— Мы отправим надёжно рассчитанное... — Голос прервался, затем снова возник, более глухой и слабый, как если бы говорившая отвернулась от приёмника. — Включаю! Ещё! — Прибор смолк, но лента продолжала перематываться. Слушавшие обменялись тревожными взглядами.

— Что-то случилось, — начала Ингрид Дитра.

Из магнитофона полетели торопливые, сдавленные слова: — Спаслись двое... Лайн не допрыгнула... подъёмник... дверь не смогли закрыть, только вторую! Механик Сах Ктон пополз к двигателям... ударим планетарными... они — кроме ярости и ужаса ничто! Да ничто...

Лента некоторое время вращалась беззвучно, затем тот же голос заговорил снова:

— Кажется, Ктон не успел. Я — одна, но я придумала. Прежде чем начну, — голос окреп и зазвучал с убедительной силой; — Братья, если вы найдете нас, предупреждаю; не покидайте корабля никогда!

Говорившая вздохнула и сказала негромко, как бы самой себе:

— Надо узнать про Ктона. Вернусь, объясню подробнее...

Щелчок — и лента продолжала сматываться ещё около двадцати минут, до конца катушки. Но напрасно ожидали внимательные уши: неизвестной не пришлось ничего объяснять, как, вероятно, не пришлось и вернуться.

Эрг Ноор выключил аппарат и обратился к своим товарищам:

— Наши погибшие сёстры и братья спасают нас. Разве не чувствуете вы руку сильного человека Земли? На корабле оказался анамезон. Теперь мы получили предупреждение о какой-то смертельной опасности, подстерегающей здесь гостей иных планет. Я не знаю, что это такое, но, наверное, это чужая жизнь. Будь это космические, стихийные силы, они не только убили бы людей, но повредили бы и корабль. Получив такую помощь, нам было бы стыдно теперь не спастись и не донести до Земли открытия «Паруса» и свои. Пусть великие труды погибших их полувековая борьба с космосом не пропадут даром...

— Как вы думаете завестись горючим. не выходя из корабля? — спросил Кэй Бэр.

— Почему не выходя из корабля? Вы знаете, что это невозможно, и нам придётся выходить и работать снаружи. Но мы предупреждены и примем меры...

— Я догадываюсь, — сказал биолог Зон Тад, — барраж вокруг места работы.

— Не только, но и пути между кораблями, — добавил Нур Хисс.

— Конечно. Так как мы не знаем, что нас подстерегает, то барраж сделаем двойной — излучением и током. Протянем провода, по всему пути создадим световой коридор. За «Парусом» стоит неиспользованная ракета, в ней хватит энергии на всё время работы...

Голова Бины Лед со стуком ударилась о стол. Врач и второй астроном придвинулись, преодолевая тяжесть, к бесчувственному товарищу.

— Ничего! — объявила Лума Ласви. — Сотрясение и перенапряжение. Помогите мне дотащить Бину до постели.

И это простое дело не выполнили бы быстро, если бы механик Тарон не догадался приспособить автоматическую электротележку. С помощью её всех восьмерых разведчиков развезли по постелям — пора было отдохнуть, иначе перенапряжение не приспособленного к новым условиям организма обернулось бы болезнью.

Вскоре две автоматические тележки, сцепленные вместе, принялись выравнивать дорогу между звездолётами. Мощные кабели протянулись по обеим сторонам намеченного пути. У обоих звездолётов установили временные наблюдательные башенки с толстыми колпаками из твёрдого прозрачного сплава. В башенках сидели наблюдатели, посылавшие время от времени веера смертоносных излучений. Сильный свет прожекторов во время работы не угасал ни на секунду. В киле «Паруса» открыли главный люк, разобрали переборки и приготовили к спуску на тележки четыре контейнера с анамезоном и тридцать цилиндров с ионовыми зарядами. Погрузка их на «Тантру» была гораздо более

сложной задачей. Звездолёт нельзя было открыть, как открыли мёртвый, и тем самым впустить в него все, возможно убийственные, порождения чужой жизни. Поэтому люк только подготовили и, раскрыв внутренние переборки, перевезли с «Паруса» запасные баллоны с сжатым воздухом. По задуманному плану с момента открытия люка и до окончания погрузки контейнеров приёмную шахту следовало непрерывно продувать сильным напором сжатого воздуха. Кроме того, по борту корабля устанавливалось защитное излучение. Люди постепенно освоились с работой в стальных «скелетах», немного привыкли к силе тяжести — ослабели нестерпимые боли во всех костях, начавшиеся вскоре после посадки.

Прошло несколько земных дней. Таинственное «ничто» не появлялось. Температура окружающего воздуха стала резко падать. Поднялся ураганный ветер, крепчавший с каждым часом. Это заходило чёрное солнце — планета поворачивалась, и материк, на котором стояли звездолёты, уходил на морозную «ночную» сторону.

Первый контейнер удалось спустить из «Паруса» и довести до «Тантры», когда разбушевался новый ураган. Плотные струи воздуха несли огромное количество влаги. Ураган стал настолько силен, что звездолёт начал вздрагивать от напора чудовищного ветра. Все усилия людей сосредоточились на укреплении контейнера под килем «Тантры». Устрашающий рёв урагана нарастал, на плоскогорье крутились опасные столбчатые вихри, очень похожие на земные смерчи. В полосе света вырос огромный смерч из влаги, снега и пыли, упиравшийся воронкой вершины в пятнистое тёмное небо. Под его напором провода высоковольтного тока оборвались, голубоватые вспышки замыканий замелькали среди сворачивавшихся кольцами проволок, желтоватый огонь у «Паруса» погас, словно задутый ветром.

Эрг Ноор отдал распоряжение прекратить работу и укрыться в корабле.

— Но там остался наблюдатель! — воскликнула Бина Лед, указывая на едва заметный огонёк силикоборовой башенки.

— Я знаю, там Низа, и сейчас отправлюсь туда, — ответил начальник Экспедиции.

— Ток включился, и «ничто» вступило в свои права, — серьёзно возразила Бина.

— Если ураган действует на нас, то, несомненно, он действует и на это «ничто». Я уверен. Что, пока буря не ослабеет, опасности нет. А я здесь так тяжёл, что меня не сдует, если я, прижавшись к почве, поползу... давно уже хотелось подстеречь «ничто» в башенке!

— Разрешите мне с вами? — подпрыгнул к начальнику биолог.

— Пойдёмте, вам это нужно...

Два человека долго ползли, цепляясь за неровности и трещины камней, стараясь не попасться на дороге вихревых столбов. Ураган упорно силился оторвать их от почвы, перевернуть и покатить. Один раз это ему удалось. Но Эрг Ноор ухватил катящегося Зона, навалился животом и уцепился руками в когтистых перчатках за край большого камня.

Низа открыла люк своей башенки, и ползуны по очереди протиснулись в него. Здесь было тепло и тихо, башенка стояла прочно, надёжно укреплённая в мудром предвидении возможных бурь.

Низа радовалась приходу товарищей. Она честно призналась, что провести сутки наедине с бурей на чужой планете было бы неприятным испытанием.

Эрг Ноор сообщил на «Тантру» о благополучном переходе, и прожектор корабля погас. Теперь в первобытном мраке светился только слабенький огонёк внутри башенки. Почва дрожала от порывов бури и шестивия грозных смерчей. Низа сидела на вращающемся стуле, опершись спиной на реостат токоприёмника. Начальник и биолог уселись у её ног на кольцевидный выступ основания башенки. Толстые в своих скафандрах, они занимали почти всё место.

— Предлагаю поспать, — негромко зазвучал в телефонах голос Эрга Ноора, — до чёрного рассвета ещё верных двенадцать часов — только тогда ураган стихнет, и станет тепло.

Его товарищи охотно согласились. Придавленные тройной тяжестью, скорчившиеся в скафандрах, сдавленных жёсткими каркасами, в тесной башенке, сотрясаемой бурей, люди спали. Так велики приспособляемость человеческого организма и скрытые в нем силы сопротивления...

Время от времени Низа просыпалась, передавала дежурному на «Тантре» успокоительные сведения и дремала снова. Ураган заметно слабел, содрогания почвы прекратились. Теперь могло появиться «ничто», или, вернее, «нечто». Наблюдатели в башенке приняли ПВ — пилюли внимания, чтобы взбудить угнетённую нервную систему.

— Мне не даёт покоя чужой звездолёт, — призналась Низа. — Мне так хочется узнать, кто «они», откуда, как он попал сюда...

— И мне тоже, — ответил Эрг Ноор.

— Вы думаете предпринять исследование звездолёта-диска? — спросил биолог.

— Обязательно! Как сможет простить себе учёный упущение такой возможности! Дисковые звездолёты в смежных с нами населённых областях неизвестны. Это какой-то дальний, может быть, странствовавший в Галактике несколько тысячелетий после гибели экипажа или неправомерной порчи. Как только кончим перегрузку «Паруса», займёмся чужаком, а пока нельзя оторвать ни одного человека.

— Но мы обследовали «Парус» за несколько часов...

— Я рассматривал диск в телескоп. Он заперт, нигде не видно никакого отверстия. Проникнуть внутрь любого космического корабля, надёжно защищённого от сил, много более могучих, чем все земные стихии, очень трудно. Попробуйте пробиться в запертую «Тантру» сквозь её броню из металла с перестроенным кристаллическим сложением, — это задача, подобная осаде крепости. Ещё труднее, если

корабль совершенно чужой, с незнакомыми принципами устройства. Но мы попытаемся его разгадать.

— А когда мы посмотрим найденное в «Парусе»? — спросила Низа. — Там должны быть потрясающе интересные наблюдения.

Телефон донёс добродушный смешок начальника:

— Я, мечтавший с детства о Веге, сгораю от нетерпения. Но для этого у нас будет много времени — на пути домой. Прежде всего — вырваться из этого мрака.

Эрг Ноор умолк и прислушался. Даже чуткие микрофоны не доносили ветрового шума. Но снаружи сквозь почву слышался скрежещущий шорох, передававшийся стенкам башенки.

Начальник двинул рукой, и понявшая его без слов Низа выключила освещение. Мрак в нагретой инфракрасным излучением башенке казался плотным, как чёрная жидкость, будто это сооружение человеческих рук стояло на дне океана. Сквозь прозрачную твердь колпака замелькали вспышки коричневых огоньков, отчётливо видимых людьми. Огоньки загорались на секунду, образуя маленькую звёздочку с тёмно-красными или тёмно-зелёными лучами, гасли и опять появлялись. Звёздочки вытягивались цепочками, которые изгибались, свивались в кольца и восьмёрки, беззвучно скользили по гладкой, твёрдой, как алмаз, поверхности колпака. Люди в башенке ощутили странную резь в глазах, острую мгновенную боль вдоль крупных нервов тела, точно короткие лучи коричневых звёздочек иглами втыкались в нервные стволы.

— Низа, — прошептал Эрг Ноор, — передвиньте регулятор на полный накал и сразу включите свет.

Башенка осветилась пронизывающе ярким земным светом. Ослеплённые им люди не увидели ничего, вернее, почти ничего. Низа и Зон успели заметить, или это только показалось? Мрак с правой стороны башенки не сразу исчез, а на мгновение остался каким-то растопыренным, усаженным щупальцами сгустком. Это длилось мгновение. Нечто молниеносно вобрало в себя щупальца и отпрыгнуло назад вме-

сте со стеной тьмы, отброшенной светом. Эрг Ноор ничего не увидел, но не имел оснований не доверять быстрой реакции своих молодых товарищей.

— Может быть, это призраки? — предположила Низа, — Призрачные сгустки тьмы вокруг зарядов какой-то энергии, вроде, например, наших шаровых молний, а вовсе не формы жизни? Если здесь всё чёрное, то и здешние молнии — тоже чёрные...

— Мне нравится ваша поэтическая теория, — возразил Эрг Ноор, — только она вряд ли верна. Прежде всего, это «нечто» явно нападало, домогаясь нашей живой плоти. Вероятно, оно или его собратья уничтожили людей с «Паруса». А если так, если оно организовано и устойчиво, если может двигаться в нужном направлении, конденсировать и выделять какую-то энергию, тогда, конечно, ни о каком воздушном призраке речи быть не может. Это — создание живой материи, и оно пытается нас пожрать!

Биолог присоединился к доводам начальника:

— Мне кажется, что здесь, на планете мрака, причём мрака только для нас, чьи глаза нечувствительны к инфракрасным лучам тепловой части спектра, другие лучи — жёлтые и голубые — должны очень сильно действовать на это создание. Реакция его так мгновенна, что погибшие товарищи с «Паруса» не могли ничего заметить, освещая место нападения... А когда замечали, то было поздно, и умиравшие уже не могли ничего рассказать... Сейчас мы повторим опыт, как ни неприятно приближение этого...

Низа выключила свет, и снова трое наблюдателей сидели в непроглядной темноте, поджидая создание мира тьмы.

— Чем вооружено оно? Почему его приближение чувствуется сквозь колпак и скафандр? — задавал сам себе вопросы биолог. — Какой-то особый вид энергии?

— Видов энергии совсем мало, и эта, несомненно, электромагнитная. Но различных видоизменений её, бесспорно, существует множество, У этого существа есть оружие, действующее на нашу нервную систему. Можно представить се-

бе, каково прикосновение такого щупальца к незащищённому телу!

Эрг Ноор поёжился, а Низа Крит внутренне содрогнулась, заметив цепочки коричневых огоньков, быстро приближающихся с трёх сторон.

— Существо это не одно! — тихо воскликнул Зон. — Пожалуй, не следует, чтобы они прикасались к колпаку.

— Вы правы. Пусть каждый из нас повернётся затылком к свету и смотрит только в свою сторону. Низа, включайте!

На этот раз каждый из исследователей успел заметить какую-то отдельную подробность, из них всех вместе составилось общее представление о существах, похожих на гигантских плоских ромбических медуз, пливших на небольшой высоте над почвой и имевших снизу густую бахрому. Несколько щупалец были короткими по сравнению с размерами существа и достигали в длину не более метра. В острых углах ромба извивались по два щупальца значительно большей длины. У основания щупалец биолог заметил огромные пузыри, чуть светившиеся изнутри, и как бы рассылавшие по толще щупальца звёздчатые вспышки...

— Наблюдатели, почему вы включаете и выключаете свет? — вдруг возник в шлемах чистый голос Ингрид. — Нужна помощь? Буря кончилась, и мы приступаем к работе. Сейчас придём к вам...

— Ни в коем случае! — строго оборвал начальник. — Налицо большая опасность. Вызовите всех!

Эрг Ноор рассказал о наблюдениях с башенки. Посоветовавшись, путешественники решили выдвинуть на тележке часть планетарного двигателя. Огненные струи по триста метров длины понеслись над каменистой равниной, сметая всё видимое и невидимое со своего пути. Не прошло и получаса, как люди спокойно тянули оборванные кабели. Защита была восстановлена. Теперь стало очевидно, что анамезон должен быть погружён до наступления планетной ночи. Ценой невероятных усилий это удалось сделать, и изнеможённые путешественники, плотно закрыв люки,

укрылись за несокрушимой бронёй звездолёта, спокойно прислушиваясь к его содроганиям.

Микрофоны доносили снаружи рёв и грохотание урагана, и от этого маленький, ярко освещённый мирок, недоступный силам тьмы, делался ещё уютнее.

Ингрид и Лума раздвинули стереоэкран. Фильм был выбран удачно — водный праздник на море. Сияющая голубая вода Индийского океана заплескалась у ног сидящих в библиотеке. Прыжки, плавание, гонки на ветровых плотиках. Тысячи прекрасных юных тел, покрытых загаром. Звонкие песни, смех, торжественная музыка финалов...

Низа склонилась к сидевшему рядом биологу, глубоко задумавшемуся и унёсшемуся душой в бесконечную даль, к ласковой родной планете, с её покорённой природой.

— Вы участвовали в таких соревнованиях, Зон?..

Биолог взглянул на неё непонимающими глазами:

— А, этих? Нет, ни разу... я задумался и сразу не понял...

— Разве вы думали не об этом? — Девушка показала на экран. — Правда, необыкновенно свежее восприятие красоты нашего мира, после мрака, бури, после этих электрических чёрных медуз!

— Да, конечно. И от этого ещё больше хочется добыть такую медузу. Я как раз ломал голову над этой задачей.

Низа Крит отвернулась от смеющегося биолога и встретилась с улыбкой Эрга Ноора.

— Вы тоже размышляли, как изловить этот чёрный ужас? — насмешливо спросила она.

— Нет, но думал об исследовании диска-звездолёта. — Лукавые огоньки в глазах начальника почти рассердили Низу.

— Теперь мне понятно, почему в древности мужчины занимались войной! Я думала, что это только хвастовство вашего пола, считавшегося сильным в неустроенном обществе...

— Вы не совсем правы, хотя отчасти поняли нашу древнюю психологию. Но у меня так: чем прекраснее родная планета, тем сильнее хочется послужить ей. Сажать сады,

добывать металлы, энергию, пищу, создавать музыку — так, чтобы я прошёл и оставил после себя реальный кусочек сделанного моими руками, головой... Я знаю только космос, искусство звездоплавания, и этим могу служить моему человечеству... Но ведь цель — не самый полёт, а добыча нового знания, открывание новых миров, из которых когда-нибудь мы сделаем такие же прекрасные планеты, как наша Земля. А вы, Низа, чему вы служите? Почему и вас так влечёт тайна звездолёта-диска? Только ли одно любопытство?..

Девушка порывистым усилием преодолела тяжесть усталых рук и протянула их начальнику. Тот взял их в свои большие ладони и нежно погладил. Щёки Низы заалели в тон её круто выющимся волосам, усталое тело наполнилось новой силой. Как тогда, перед опаснейшей посадкой, она прижалась щекой к руке Эрга Ноора, простив заодно и биологу его кажущуюся измену Земле.

Чтобы окончательно доказать своё согласие с обоими, Низа предложила только что пришедшую ей в голову идею. Снабдить один из водяных баков самозахлопывающейся крышкой. Положить туда в виде приманки кусок консервированного мяса. Если чёрное «нечто» проникнет туда и крышка захлопнется, то через заранее подготовленные краны надо будет выкачать воздух планеты мрака, продуть баллон инертным земным газом и заварить наглухо края крышки.

Зон пришёл в восторг. За девять суток планетной ночи ловушка, усовершенствованная инженерами, была готова.

Эрг Ноор, со своей стороны, возился с вычислениями и справочниками, подготавливая мощный резак, с помощью которого он надеялся проникнуть внутрь спиралодиска с далёкой звезды.

В ставшем уже привычным мраке стихли бури, мороз сменился теплом — наступил девятисуточный «день». Работы оставалось на четыре земных дня — погрузка ионных зарядов, некоторых запасов и ценных инструментов.

На пятый день выключили ток, и биолог вместе с двумя добровольцами заперся в наблюдательной башенке у «Па-

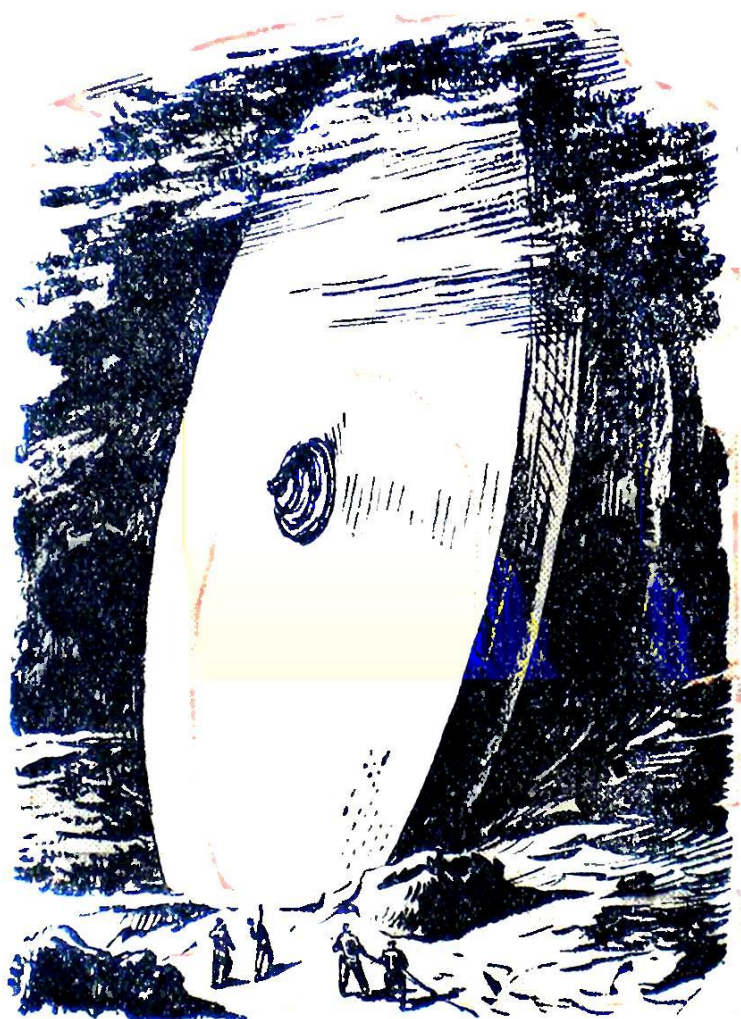
руса». Чёрные существа появились почти немедленно. Биолог приспособил инфракрасный экран и мог следить за убийственными «медузами».

Вот к баку-ловушке подобралось одно из НИХ. Сложив щупальца и свернувшись в округлый ком, оно стало пробираться внутрь. Внезапно ещё один чёрный ромб появился у раскрытого устья бака. Прибывшее первым раскрыло щупальца — вспышки звёздчатых огоньков замелькали с неуловимой быстротой, превращаясь в полосы вибрирующего тёмно-красного света, которые на экране для невидимых лучей засверкали зелёными молниями. Первое отодвинулось — тогда второе мгновенно свернулось в ком и упало на дно бака. Биолог протянул руку к кнопке, но не нажал её. Первое чудовище тоже свернулось и последовало за вторым. Теперь в баке находились две страшные медузы. Оставалось лишь удивляться, как они могли до такой степени уменьшить свой видимый объём. Нажим кнопки — крышка захлопнулась, и тотчас пять или шесть чёрных чудовищ облепили со всех сторон огромную, облицованную цирконием посуду. Биолог дал свет, сообщил на «Тантру» просьбу включить защиту. Чёрные призраки растаяли по своему обыкновению мгновенно, но двое остались в плену под герметической крышкой бака.

Биолог подобрался к баку, притронулся к крышке, и получил такой пронзительный нервный укол, что не сдержался и закричал от неистовой боли. Левая рука его повисла, парализованная.

Механик Тарон надел защитный высокотемпературный скафандр. Лишь тогда удалось заварить крышку и продуть бак чистым земным азотом. Краны также запаяли, окружили бак изоляцией и водворили в коллекционную камеру. Победа была одержана дорогой ценой — паралич руки биолога не проходил, несмотря на усилия врача.

Зон Тал сильно страдал, но и не подумал отказаться от похода к звездолету-диску. Эрг Ноор не смог оставить его на «Тантре», отдавая дань его ненасытному стремлению к исследованиям.

Звездолёт-диск — гость из дальних миров — оказался дальше от «Паруса», чем это показалось путешественникам вначале. В расплывшемся вдали свете прожекторов они неверно оценили размеры корабля.

Это было поистине колоссальное сооружение — не меньше трёхсот пятидесяти метров в поперечнике. Пришлось снять кабели с «Паруса», чтобы дотянуть защитную систему до диска. Таинственный звездолёт навис над людьми почти отвесной стеной, уходившей далеко вверх и терявшейся в пятнистой тьме неба. Угольно-черные тучи клубились, скрывая верхний край исполинского диска. Малахитово-зелёная масса покрывала корпус. Ее сильно растрескавшийся слой был около метра толщины. В зиянии трещин из-под него выглядывал ярко-голубой металл, просвечивавший синим в местах, где малахитовый слой стёрся или отпал. Обращённая к «Парусу» сторона диска была снабжена спирально завёрнутым валообразным возвышением, пятнадцати метров в поперечнике и около десяти метров в высоту. Другая сторона звездолёта, тонувшая в кромешной тьме, казалась более выпуклой, представляя собой как бы срез шара, присоединённый к диску двадцатиметровой толщины. По этой стороне тоже изгибался спиралью высокий вал, словно на поверхность выступала одна сторона спиральной трубы, погружённой в корпус корабля.

Колоссальный диск глубоко утонул своим краем в почве. У подошвы отвесной металлической стены люди увидели сплавленный камень, растёкшийся в стороны, как густая смола.

Много часов затратили исследователи в поисках какого-нибудь входа или люка. Но он был скрыт под малахитовой краской или окалиной либо вообще запирался так искусно, что люки не оставляли следов на поверхности корабля. Не нашли ни отверстий оптических приборов, ни кранов продвучной системы. Металлическая скала казалась сплошной. Предвидевший это Эрг Ноор решил вскрыть корпус корабля с помощью особого резака, одолевавшего самые твёрдые и вязкие покрытия земных звездолётов. После ко-

роткого совещания все согласились вскрыть верхушку спирального вала. Именно там должна была проходить какая-то пустота — труба или кольцевой ход по кораблю, сквозь который можно было рассчитывать добраться до внутренних помещений звездолёта, без риска упереться в последовательный ряд переборок,

Серьёзное изучение звездолёта-диска могло быть выполнено только специальной экспедицией. Для посылки её на эту опасную планету следовало доказать, что внутри гостя далёких миров сохранились в неприкосновенности приборы, материалы и весь обиход тех, кто вёл звездолёт через такие бездны пространства, перед которыми пути земных звездолётов были лишь первой робкой вылазкой в просторы космоса.

Спиральный вал на другой стороне диска подходил вплотную к почве. Туда подтащили прожектор и высоковольтные провода. Синеватый свет, отражённый от диска, тусклым туманом рассеялся по равнине и достиг тёмных, высоких предметов неопределённых очертаний, вероятно, скал, прорезанных широкими воротами бездонной темноты. Ни отсвет туманных звёздных пятнышек, ни лучи прожектора не давали ощущения почвы в этих воротах мрака. Вероятно, там и был спуск на низменную равнину, замеченную при посадке «Тантры».

— Вскрывать корпус будем только Кэй Бэр и я, в скафандрах высшей защиты, — сказал Эрг Ноор, — остальные в биологических скафандрах будут нести охрану...

Начальник запнулся. Что-то прошло сквозь его сознание, вызвало неизъяснимую тоску в сердце, заставило подогнуться колени. Весь в липком поту, Эрг Ноор безвольно шагнул к чёрным воротам. Крик Низы, отдавшийся в его телефоне, вернул сознание. Он остановился, но тёмная сила, возникшая в его психике, снова погнала его вперёд.

Вместе с начальником, так же медленно останавливаясь и, видимо, борясь с собой, пошли Кэй Бэр и Зон Тал — те, что стояли у границы светового круга. Там, в воротах мрака, в клубах тумана, возникло движение формы, непонятной

для человеческого представления и тем более устранившей. Это не была уже знакомая медузообразная тварь — в пепельной полутени двигался чёрный крест с широкими лопастями и выпуклым эллипсом посередине. На трёх концах креста виднелись линзы, отблёскивавшие в свете прожектора, с трудом пробивавшего влажные испарения. Основание креста утопало во мраке неосвещённого углубления почвы.

Эрг Ноор шёл быстрее других, приблизился к непонятному предмету на сотню шагов и упал. Прежде чем оцепеневшие люди смогли сообразить, что дело идёт о жизни и смерти начальника, чёрный крест стал выше круга протянутых проводов. Он склонился вперёд, словно стебель растения, явно намереваясь перегнуться через защитное поле и достичь Эрга Ноора.

Низа с исступлением, придавшим ей силу атлета, подняла искровый излучатель резака, включила ток и прыгнула вперёд, прикрывая собой начальника. Из трёх оконечностей креста вылетели какие-то змеящиеся светлые струи, или молнии. Девушка упала на Эрга Ноора, широко раскинув руки. Излучатель, выроненный Низой, повернулся растреском к центру чёрного креста. Тот конвульсивно изогнулся, как бы падая навзничь, и скрылся в непроглядной темени у скал. Эрг Ноор и его оба товарища сразу пришли в себя, подняли девушку и отступили за край диска. Опомнившиеся спутники уже катили импровизированную пушку из планетарного двигателя. С чувством жестокой ярости Эрг Ноор направил сокрушительную струю излучения к скалам — воротам мрака, с особой тщательностью подметая равнину и стараясь не пропустить ни одного квадратного метра почвы. Зон Тал стал на колени перед неподвижной Низой, негромко спрашивая в телефон и стараясь разглядеть её лицо под шлемом. Девушка лежала неподвижно, с закрытыми глазами. Признаков дыхания ни услышать в телефон, ни уловить через скафандр биолог не смог.

— Чудовище убило Низу! — горько вскричал Зон Тал, едва заведя подошедшего Эрга Ноора.

Сквозь узкую смотровую полосу шлема высшей защиты нельзя было рассмотреть глаза начальника.

— Немедленно доставьте её на «Тантру» к Луме и помогите ей разобраться в характере поражения... Мы останемся вшестером и доведём до конца исследование. Пусть геолог отправится с вами и собирает все возможные горные породы по пути от диска до «Тантры» — мы не можем задерживаться более на этой планете. Здесь надо вести исследование в танках высшей защиты, и мы только погубим экспедицию! Возьмите тележку и поспешите!

Эрг Ноор повернулся и, не оглядываясь, направился к звездолёту-диску. «Пушку» выставили вперёд. Инженер-механик включал реку огня каждые десять минут, обводя весь полукруг, вплоть до края диска. Эрг Ноор и Кэй Бэр подтащили резак к гребню второй внешней петли спирального вала, который здесь, у погружённого в почву края диска, приходился на уровне груди.

Громкое гудение проникло даже сквозь толщу скафандров высшей защиты. По выбранному участку малахитового слоя зазмеились мелкие трещины. Куски этой твёрдой массы отлетали, гулко ударяясь о скафандры. Стоявший позади второй электронный инженер собирал образцы отлетавших кусков в ящик. Боковые движения резака отделили целую плиту слоя, обнажив зернистую поверхность приятного ярко-голубого цвета. Наметив квадрат, достаточный, чтобы пропустить человека в скафандре, Кэй Бэр энергичным нажимом провёл линию. Глубокий разрез в голубом металле не пробил всей его толщи. Бэр прочертил вторую линию, под углом к первой, и стал двигать остриём резака назад и вперёд, увеличивая напряжение. Разрез в металле углубился более чем на метр. Усталый Бэр передал резак начальнику, и тот прежде всего прорезал третью сторону квадрата. Разрезы стали расходиться, выворачиваясь наружу...

— Осторожно, все падайте назад! — зазвонил в микрофон Эрг Ноор, выключая резак и отшатнувшись.

Толстенный кусок металла вдруг отвернулся, как стенка консервной банки, и струя невообразимо яркого радужного

пламени ударила из отверстия. Она направилась не перпендикулярно к диску, а по касательной, вдоль спирального вздутия. Только это спасло незадачливых исследователей, да ещё то, что голубой металл моментально заплавился и вновь закрыл прорезанное отверстие. Эрг Ноор и Кэй Бэр уцелели лишь благодаря предусмотрительно надетым скафандрам. Взрыв отбросил их далеко от страшного звездолёта, разбросал остальных, опрокинул «пушку» и оборвал высоковольтные кабели.

Очнувшись от потрясения, все поняли, что остались беззащитными.

По счастью, люди и вещи валялись в свете уцелевшего прожектора. Никто не пострадал, но Эрг Ноор решил, что с них довольно. Бросив ненужные инструменты, кабели и прожектор, исследователи погрузились на неповреждённую тележку и поспешно отступили к своему звездолёту.

Удачное стечение обстоятельств при неосторожном вскрытии чужого звездолёта вовсе не зависело от предусмотрительности начальника. Вторая попытка сделать это должна была окончиться много плачевнее... И Низа, милый астронавигатор, что она?.. Эрг Ноор надеялся, что скафандр должен был ослабить смертоносную силу чёрного креста. Не убило же биолога прикосновение к чёрной медузе... Но здесь, вдали от могущественных земных врачебных институтов, смогут ли они справиться с воздействием неведомого оружия?..

В переходной камере Кэй Бэр приблизился к начальнику и показал на заднюю сторону левого наплечника. Эрг Ноор повернулся к зеркалу. Зеркала в переходных камерах звездолётов для тщательного осмотра самих себя при возвращении с чужой планеты были обязательны. Тонкий лист титанового наплечника распоролся. Из рваной борозды торчал кусок небесно-голубого металла, вонзившийся в изоляционную прокладку, но не проткнувший внутреннего слоя скафандра. С трудом удалось вырвать осколок.

Ценой большой опасности и случайно образец загадоч-

ного металла спиралодискового звездолёта теперь будет доставлен на Землю.

Наконец, Эрг Ноор, освобождённый от скафандра, смог войти, вернее, проковылять под давящим тяготением страшной планеты внутрь своего корабля.

Вся экспедиция встретила его с огромным облегчением. Катастрофа у диска наблюдалась в телескопы, и нечего было спрашивать о результатах попытки.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Анамезонное горючее, найденное на «Парусе», позволило «Тантре» покинуть страшную планету чёрного солнца. Радость людей омрачало только тяжёлое состояние Низы Крит, поражённой чудовищем — чёрным крестом.

На Земле, куда Эрг Ноор благополучно приводит корабль, врачам удаётся спасти Низу. Тяжёлые испытания не убили в ней жажду познания звёздных миров. Вместе Эргом Ноором она отправляется в новую экспедицию — на планету зелёного солнца. Оно находится так далеко от Земли, что никто из участников этой экспедиции не вернётся на родную планету. После них поведут звездолёт их дети, внуки. Они принесут весть о новых открытиях на Землю.

Научно-фантастический роман И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» полностью печатается в журнале «Техника — молодёжи». В этом году «Туманность Андромеды» выйдет отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия»

А. АДАБАШЕВ

• ————— •
ТАЙНА ДОЛЖНА
БЫТЬ РАСКРЫТА

Научно-фантастический рассказ

Художник Н. Рушева

Инженер А. Адабашев
(г. Вильнюс)

Рис. Н. РУШЕВА

Из рассказов, поступивших на конкурс

«...Наступит время, когда человек
получит право сказать: «Землю создал
и разумом моим и руками моими»».
М. Горький

СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ

Этот дом казался таинственным, возбуждал любопытство. За многочисленными дверями, обитыми войлоком и черной клеенкой, разматывались запутанные клубки преступлений.

Три месяца назад я получил здесь ключ от двери, за которой была лаборатория люминесцентного анализа, мало чем отличавшаяся от моей лаборатории в научно-исследовательском институте. Обычно я ровно в одиннадцать часов утра прихожу в эту комнату, включаю рубильники, даю накал ртутно-кварцевой лампе, помещенной в колпак из специального черного стекла. Лампа начинает излучать невидимые ультрафиолетовые лучи. Под их воздействием, как известно, различные вещества светятся различным светом. На этом принципе и основаны мои анализы.

Предметы анализа, обычно документы, мало о чем мне говорят, кроме того, что иногда они поддельны.

Вчера, например, принесли паспорт на имя какого-то Иванова. Поручили проверить достоверность — печати. В абсолютной темноте лаборатории под потоком ультрафиолетовых лучей все надписи и печать засветились одинаковым слабым темно-серым светом. Лишь четвертушка печати, захватывающая фотографическую карточку, светилась значительно сильнее и имела другую окраску. Значит, эта часть сделана после того, как поставлена настоящая печать, а химический состав краски несколько отличается от краски остальной части печати. Я долго сидел в темноте лаборатории и думал: кто такой Иванов, зачем он подделал паспорт?

И вдруг сегодня — срочный вызов к начальнику управления. Я почему-то сразу решил, что предстоит интересная и необычная работа.

Полковник Дубравин был пожилым, несколько тучным человеком. Широкий рубец — давнишний след сабли пилсудчика-легионера — пересекал лоб, и своеобразным образом разделял седые, коротко остриженные волосы.

Полковник вынул из лежавшей на столе черной папки небольшой листок бумаги и передал его мне.

На бланке института было напечатано:

«Академику Зубареву. Вручить немедленно. Сегодня в семь часов утра обнаружена пропажа микробиологического производителя экспериментальной установки. Одновременно исчез техник Михайлов, производивший монтаж. Накануне вечером Михайлов был в лагере. Он лег спать одновременно с тремя другими участниками экспедиции, в одиннадцать часов вечера. Посторонние лица в районе деятельности экспедиции замечены не были. Невзоров».

— Есть основания предполагать, товарищ Семенов, что это очень серьезное дело. Микробиологический производитель, изобретенный нашими учеными в мирных целях, в других руках может принести много вреда. Расследование мною поручено майору Потапову. Вы откомандировываетесь в его распоряжение. Подготовьте переносную аппаратуру для световых анализов. Вам понятно задание?

— Да, товарищ полковник.

— Я вас больше не задерживаю. Майор за вами зайдет.

ПРОФЕССОР ЗНАКОМИТ С ФАКТАМИ

Шофер, напряженно всматривавшийся в лесную чащу, остановил автомобиль.

В тени высоких сосен неподалеку стояли шесть небольших брезентовых палаток, большой шатер (видимо, походная лаборатория) и брезентовый навес с многочисленными ящиками и бочками, сложенными под ним. Чуть в стороне стояло двенадцать автоцистерн, покрашенных в зеленый цвет.

Наше появление было замечено. Из палаток и шатра показались люди. Высокая красивая девушка с уложенной на голове косой направилась к нам. У нее был очень взволнованный вид. Длинными белыми пальцами она нервно терла конец пояса халата.

— Вы к профессору? — спросила она. — Он у себя в палатке.

Профессор Невзоров, пожилой, высокий, очень стройный, отчего он казался еще выше, молча пропустил Потапова и меня и закрыл за нами полог палатки

— Майор Потапов и старший лейтенант Семенов?

— Да, это мы, — ответил майор.

— Разрешите проверить ваши документы, — сказал профессор, опускаясь на маленький складной стул.

Мы последовали молчаливому приглашению и уселись на два пустых ящика, на которые указал рукою профессор.

— Пожалуйста, — возвратил профессор ваши удостоверения после их проверки. — Я, товарищи, поражен сегодняшним происшествием. Кто бы мог подумать? Такой исполнительный, работающий парень, к тому же комсомолец, активный общественник, вкладывал в работу всю душу...

— Вы о технике Михайлове, Николай Николаевич? — спросил майор.

Профессор произнес почти шепотом:

— Я, конечно, понимаю, что враг может присвоить себе любое имя. Дело не в имени. Но все же... в нашем коллективе... Мы, видно, не разобрались в человеке.

— А почему вы так уверены, что похищение микробиологического производителя — дело рук Михайлова? — спросил своим обычным спокойным голосом майор.

— То есть как? — профессор от удивления даже поднялся со складного стула. — Не всякими руками, товарищ майор, можно похитить производителя. Тем более темной ночью. Это, к сожалению, мог сделать только человек, хорошо знающий устройство всей установки.

— Прошу высказаться подробнее. Это очень важно, профессор.

— Вы, вероятно, знаете, что мы испытываем на практике установку для создания плодородной почвы на основе безжизненного сыпучего песка. Почва — очень сложное природное тело. В обычных условиях проходят многие годы, века, пока из материковой первообразной горной породы получается то, что мы называем почвой. Создается та чудесная лаборатория, в которой происходит переход от неживого мира к живому. В этом процессе огромную роль играют микроорганизмы. Чтобы была ясна значимость похищенного производителя, кое-что вам напомним. Невидимые помощники человека — микроорганизмы делают различные минералы доступной пищей для растений. Азот, играющий такую огромную роль в жизни растений, только благодаря им переходит в состояние, доступное усвоению растениями. Только благодаря бактериям умершие растения и животные разлагаются, образуют перегной.

Мы пытаемся до конца реализовать великий завет творца науки о почве Василия Васильевича Докучаева — управлять плодородием почвы, создавать почву там, где ее нет. Но мы не можем ждать века. Победить время нам помогают биологические и химические катализаторы, сложные физические воздействия. Готовую плодородную почву, которая

остается после прохождения нашей машины, надо еще населить нужными микроорганизмами, к тому же в огромных количествах. Для этой цели и создан микробиологический производитель. Вы, конечно, слышали о замечательных работах наших ученых. В последние годы советские ученые стерли грань между живым и мертвым. Они научились создавать живые клетки из неорганических и органических веществ.

Творчески развивая эти идеи, наш институт создал микробиологический производитель — агрегат, в котором в огромных количествах производятся живые существа, различные микроорганизмы, в основном — азотобактерии. Прибор очень сложен, хотя размеры его сравнительно невелики.

— Все соединения целы? — спросил Потапов.

— Да, все соединения целы, хотя их разъединить можно только при наличии специальных приспособлений: фигурных отверток и ключей. Для меня, к сожалению, ясно, что снять производитель мог только Михайлов, так как он и располагал нужным инструментом.

В этот момент, широко распахнув полы палатки, вошла девушка с золотистой косой. Я узнал ее, она раньше проводила нас к профессору. На ресницах ее блестели капельки слез. Прерывающимся голосом она обратилась к майору:

— Это не он! Ваня не мог этого сделать...

— Почему? — спокойно спросил майор.

— Я его хорошо знаю... Он не может быть предателем. Он честный комсомолец. Он... он... Помните наше последнее комсомольское собрание, Николай Николаевич? Помните, вы еще защищали нашу машинистку Иру, когда она стала плакать?

— А почему овна стала плакать? — спросил Потапов.

— Ваня говорил, что и использованная копирка является секретным документом. А девушки из машинного бюро часто берут ее домой, чтобы переводить рисунки для вышивок.

— Вы Зайцева? — спросил майор.

— Да.

Когда девушка вышла, майор обратился к профессору:

— Очевидно, после ночного происшествия к установке подходили многие ваши сотрудники?

— Конечно. Ведь это так всех взволновало.

СЛЕДЫ МИХАИЛОВА НАЙДЕНЫ

Майор, профессор Невзоров и я шли по лесу. Тропинка, которая вела нас к месту ночного происшествия, круто подымалась на довольно высокий холм.

— Ну и дорожка, — заметил я, с трудом передвигая ноги в мелком сыпучем песке.

Через несколько минут мы вышли на опушку леса. Перед нами простиралось большое холмистое пространство открытых песков. Метрах в десяти от нас стояла странная машина на широком гусеничном ходу. По своим размерам она напоминала железнодорожный вагон. Передняя часть этого вагона-трактора венчалась блестящей на солнце стеклянной будкой, к которой вели ступеньки и трубчатые перила. Такие же перила были и на узком мостике, опоясывавшем верхнюю часть вагона. По всей длине овальной крыши виднелись горловины сливных люков. Место, где был установлен похищенный микробиологический производитель, обнаружить было нетрудно: у задней торцовой стороны машины были распахнуты настежь металлические дверцы, а в образовавшемся отверстии зияла пустота.

— Ну, посмотрим на это чудо поближе, — сказал майор и направился к машине.

Мы последовали за ним.

— Только не подходите близко к открытым дверцам. Тут и так топталось много людей, — бросил он на ходу.

Задняя торцовая сторона машины и дверцы были сделаны из алюминиевого сплава. На стенках пустой секции про-

изводителя виднелись многочисленные ниппели, штепсели, соединительные муфты. Судя по размерам гнезда, где стоял производитель, его высота равнялась примерно метру, а длина — сантиметрам шестидесяти.

— Сколько он весит? — спросил майор.

— Производитель? Собственный вес аппарата составляет сорок восемь килограммов семьсот тридцать граммов, а с химикатами — девяносто восемь килограммов двести шестьдесят граммов. К моменту похищения он был порожним.

— Завидная память! А еще говорят: ученые рассеянны, — улыбнулся майор, вынимая из футляра лупу.

— Ну, это только говорят. Впрочем, комплимент ваш не принимаю. Я ведь редактировал подробную инструкцию и описание машины, в том числе и производителя. Цифры запомнились.

— Это очень интересно...

— Что? — спросил профессор.

Но майор углубился в тщательное изучение стенок секции и дверцы, осматривая их через лупу.

Я занялся осмотром машины. В ее передней части, под кабиной управления, размещался замысловатый аппарат продолговатой формы, укрепленный на массивных изоляторах. Толстые медные шины и два резиновых шланга тянулись от него вглубь машины. Нагнувшись, я увидел, что нижняя часть аппарата кончается блестящими сердечниками с множеством мелких отверстий и узких щелей, закрытых густой металлической сеткой.

— Занимательная вещь, не правда ли? — слышался надо мной голос профессора.

Я попросил его рассказать с том, как работает машина.

— У нас под ногами так называемый средний песок. Величина его отдельных частиц — от четверти до одного миллиметра. Падающая на такой песок вода легко просачивается сквозь крупные поры. Правда, и мелкие частицы сами по себе плохой материал для хорошей почвы. Воде трудно сквозь них просочиться, а корневым волоскам растений не

проникнуть в щели между частицами. Однако для построения почвы нам нужны мелкие частицы. Для получения плодородной почвы нужна такая структура, мельчайшие почвенные частички которой были бы соединены в более крупные комочки, и чтобы между этими комочками были крупные поры.

Есть еще одна причина, объясняющая, почему нам нужны мелкие частицы. В песке, кроме минерала кварца, который не может обеспечить питание растений, имеются, правда в небольших количествах, другие минералы, содержащие фосфор, калий, кальций, железо и другие вещества, нужные для жизни растений. Если эти минералы находятся в очень мелком, так называемом коллоидальном состоянии, то они легко растворяются водой, и растение быстро получает нужные для его роста вещества. Перед нами, создателями искусственной почвы, стоит тройная задача: во-первых, раздробить песчинки на более мелкие частицы; во-вторых, расщепить имеющиеся в песке полезные минералы на еще более мелкие коллоидальные частицы и, в-третьих, построить из этого материала, с прибавлением органических и минеральных веществ, почвенные комочки. Третью задачу решает другая установка нашей машины — она расположена под производителем, а две первых — аппарат, который вы видите перед собой. Его, пожалуй, можно назвать машиной времени. Открытая поверхность базальтовой скалы за четыре года может покрыться пленкой измельченных частиц толщиной всего лишь в один миллиметр. В нашей же установке секунды заменяют века.

Мощные потоки ультракоротких волн накаляют слой песка толщиной в тридцать сантиметров на несколько сот градусов. Специальные охлаждающие эмульсии и ультразвуковые волны различной частоты дробят раскаленные песчинки на части нужной величины.

— Товарищ старший лейтенант, — послышался голос Потапова, — идите сюда. Обнаружены отпечатки рук, на одной нет пальца, как у Михайлова. Они обведены мною мелом на двух внутренних стенках секции производителя.

Потапов внимательно рассматривал мох, прошлогодние хвойные иголки.

ПО СЛЕДУ

Потапов быстро и уверенно шел вглубь леса. Иногда он останавливался, ложился на землю, внимательно рассматривая мох, редкую траву, прошлогодние хвойные иглы.

— Шли два человека в одном направлении, но не рядом, — заметил он.

— Но я вообще не вижу следов

— Да, в таком лесу они мало заметны.

Мы шли уже с полчаса. Начался довольно крутой спуск. Между стволами деревьев было видно, как лес дальше снова поднимается по склону очередного холма. По дну оврага протекал ручей с темной водой. Вдоль его берегов тянулась полоса влажной черной земли, кое-где покрытой сочной зеленой травой. Здесь наконец-то я увидел следы ног. Потапов был прав: прошли два человека; следы одного из них глубоко отпечатались в мягком грунте.

Майор достал лупу, рулетку и очень осторожно, чтобы не повредить отпечатки, стал их изучать, измеряя во всех направлениях. Затем отошел в сторону, сел на сухую кочку и, закулив, закрыл глаза.

— Надо дать отдохнуть зрению, — сказал он и, не открывая глаз, спросил меня: — У вас сложилось какое-нибудь мнение об этом деле?

— По-моему, все ясно, товарищ майор. На месте похищения обнаружены отпечатки пальцев Михайлова. Затем следы Михайлова и его соучастника ведут в лес. Здесь они перешли ручей и направились дальше. Таковы очевидные факты.

— Факты, старший лейтенант, сложная вещь. Все зависит от того, как их воспринимать. Главное — найти единственный верный ответ. Для этого нужно заметить и изучить десятки мелочей, сопутствовавших данному факту.

Майор молча докурил сигарету и бросил окурочек в едва слышно журчащий ручеек.

— Обнаружив, например, отпечатки пальцев Михайлова на стенках секции микробиологического производителя, я сразу понял, что техник производителя не похищал.

— Что? Что вы говорите, Александр Андреевич? — Я вскочил на ноги, будто меня подбросила пружина.

— Говорю, что техник Михайлов производителя не похищал, — повторил своим спокойным голосом майор. — Подумайте сами, может ли человек держать громоздкую вещь весом свыше трех пудов и одновременно двумя руками прикасаться к противоположным внутренним стенкам секции?

— Конечно, нет. Но ведь он мог передать агрегат своему соучастнику.

— Зачем? Во всех сомнительных случаях задавайте себе этот вопрос. Так вот: на ниппелях, на муфтах соединительных трубок — отпечатков пальцев Михайлова нет. Между тем, Михайлов был без перчаток, что подтверждает наличие отпечатков его пальцев на стенках. Значит, отвинчивал соединения другой человек. Вы помните, я очень внимательно осмотрел песок у торцевой части машины. Там не было следов с плоской приглаженной поверхностью, ко-

тору ю мог оставить тяжелый агрегат, если б его поставили на песок. Значит, неизвестный снял производитель, сдвинул его на порог двери секции, нагнулся и взвалил агрегат себе на спину. Вот почему на песке нет отпечатка агрегата. Как видите, Михайлов здесь ни при чем.

— Все получается правдоподобно. Но ведь вы могли в чем-нибудь ошибиться?

— Конечно. Но это моя рабочая гипотеза, которая в дальнейшем подтвердилась. Песок, затем лес затрудняли точное изучение оставленных следов. Но все же и того, что я увидел, было достаточно, чтобы установить три новых очень важных факта: во-первых, один человек все время нес производитель, во-вторых, два человека передвигались в одном и том же направлении, но разными дорогами, наконец, в-третьих, оба почти бежали. Вы понимаете, о чем это говорит?

— Если не ошибаюсь, это означает, что один человек преследовал другого.

— Совершенно верно. Неизвестный нес на себе агрегат. Михайлов, понятно, не мог видеть похитителя темной ночью, вдобавок в довольно густом лесу. Он бежал, определяя по слуху направление, где находится убегающий от него человек. Поэтому следы идут в одном направлении, но не по той же дороге, а параллельно. Обнаружив каким-то образом преступника, Михайлов должен был не гнаться за ним, а поднять тревогу в лагере. Эта ошибка может стоить ему жизни. Ну, двинемся дальше.

Лес постепенно менял свой облик, по пути все чаще встречались лиственные деревья, появилась густая трава. Неожиданно майор остановился у ствола большой старой сосны.

— Так, так... интересно, — тихо проговорил майор, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне. Продолжая выражать вслух свои мысли, он обошел вокруг сосны, затем лег на землю и, вынув лупу, стал внимательно разглядывать скопившиеся около дерева иглы, листья, траву, а затем и кору дерева.

— Здесь он остановился... Вот он слушал... да, прислушивался... Овернулся... Ясно различимые следы поворота каблука. А вот и след производителя. Он опустил его на землю... чуть справа. Теперь шаг вперед, к дереву. А это что? Понятно: поворачивается спиной к дереву. Садится на землю. Сел, вытянул ногу, каблуком соскреб хвою вперед — вот ее бугорок. Странно, где же вторая нога? Так, там... глубокий отпечаток каблука почти у ствола. Значит, вторая нога согнута, а колено на уровне грудной клетки. Ага, оперся спиной о дерево. Но что это? Волосы! Удача, удача... Оперся головой и оставил несколько своих волос на кофе. Значит, сел, вытянул ногу. Но: почему же опирается о дерево? Подтягивает ногу, колено на уровне грудной клетки... Нужен упор! — майор вскочил на ноги.

— Что случилось? — встревоженно спросил я.

— Плохо, Илья. Там, за устами, лежит Михайлов. Возможно, он мертв.

Мы бросились к кустам. Среди них, вытянувшись во весь рост, лежал человек в синем комбинезоне. На его спине расплзлось большое красное пятно.

У СТАРОЙ ДОРОГИ

Сообщение о том, что Михайлов найден в бессознательном состоянии от сквозного пулевого ранения в область грудной клетки, вызвало у всех участников экспедиции целую бурю различных переживаний, мыслей и чувств.

Быстро соорудили импровизированные носилки. Двое мужчин с носилками, я и Александра Ивановна поспешили к майору, который остался при Михайлове.

Зайцева оказалась человеком с большой силой воли.

Чтобы скрыть свое волнение, она старалась не говорить о раненом. Я понял чувства девушки и настойчиво расспрашивал ее о заинтересовавшей меня установке.

— Вы утверждаете, — говорил я, — что ваша установка движется по песку со скоростью ста двадцати метров в час, оставляя за собой полосу плодородной почвы шириной в

два с половиной метра и глубиной в тридцать сантиметров. Давайте подсчитаем. Сто двадцать множим на два с половиной. Это триста. Теперь результат множим на глубину — три десятых метра, получаем девяносто кубических метров. Удельный вес песка — два. Значит, в течение одного часа установка перерабатывает сто восемьдесят тонн песка. Так ведь это десять железнодорожных платформ! Сколько же нужно внести различных веществ, для того чтобы такое количество песка обратить в плодородную почву?

— Вы, Илья Сергеевич, кое-чего не учитываете, а поэтому сильно преувеличиваете трудности. Правда, в хорошей плодородной почве перегной достигает десяти процентов от общего веса почвы, однако вспомните, что он состоит из различных составных частей. Перегной образуется в результате разложения остатков растений и погибших микроорганизмов.

Главная часть перегноя — гуминовые и ульминовые вещества — образуется очень медленно. Эти вещества являются клеем, который цементирует почвенные частицы. Без них невозможно существование структурной почвы, а только такая почва может быть плодородной.

Вторая часть перегноя образуется из крахмала и целлюлозы, которые являются основными элементами растительных остатков, а также из белковых соединений мертвых микроорганизмов.

В природных условиях перегной богат и минеральными веществами. Но много ли нужно растениям минеральных веществ?

Подсчитано, что с гектара в течение года растения поглощают около восьмидесяти килограммов одного лишь азота. В то же время, если мы возьмем так пугающие вас сто восемьдесят тонн песка, обрабатываемых нашей установкой в течение одного часа, то окажется, что для этого большого количества достаточно всего килограммов двести пятьдесят различных минеральных веществ. Так вот, другая математика: на один килограмм песка нужно всего полтора грамма питательной смеси различных минеральных веществ, точ-

нее — один грамм пятьсот двадцать один миллиграмм. А это не так уж много.

— Хорошо, Александра Ивановна, я согласен: минералов для построения почвы много не нужно. А как быть с

Михайлов почувствовал резкий толчок в грудь и, беспомощно взмахнув руками, упал ничком, словно споткнувшись об уловатые корни дерева.

перегном? Ведь его, вы сами говорите, в плодородной почве имеется десять процентов от общего веса почвы.

— Его тоже требуется не так много. Я имею в виду весовые соотношения. Перегной в период своего образования и в течение всего процесса жизнедеятельности почвы постоянно подвержен сложнейшим взаимосвязанным процессам. Большая его часть представляет собой как бы сырье для получения готовых продуктов — кислот, например щавелевой или угольной, и целого ряда других веществ. Мы же...

— ...Используем квинтэссенцию... — перебил я, вспомнив выражение профессора Невзорова.

— Совершенно верно. Мы используем конечные результаты сложных процессов, продукты их взаимодействия. А этих продуктов нужно немного. Ведь и в обычных природных условиях только одна десятая часть перегноя принимает участие в склеивании почвенных комков. Академик Вильямс назвал эту часть перегноя «активным перегномом».

— Все же, сколько, скажем, ваша установка вносит в почву различных веществ в течение часа?

Несюдай поднял левую ногу, чтобы бить с упора, без промаха, и выстрелил.

— Тысячу восемьсот килограммов, не считая воды. Воду...

Беседа оборвалась на полуслове, мы увидели майора, склонившегося над Михайловым.

— Как? — тихо спросил один из мужчин, принесших носилки.

— Крови потерял много. Но парень он здоровый. Жить будет. Несите осторожней, — ответил майор.

Мы с майором помогли уложить Михайлова на носилки и снова пошли по следу.

Урок майора мне не помог. Смотрел ли я себе под ноги, всматривался ли в даль — никаких следов обнаружить мне не удавалось. А Потапов между тем шел быстро и уверенно, изредка бросая короткие фразы: «Тут неизвестный остановился», «здесь он прислонил производитель к дереву», «здесь отдыхал»...

Через несколько сот шагов мы вышли на старую, местами поросшую травой грунтовую дорогу. На ее сухом пыльном покрове был отчетливо виден замысловатый узор автомобильных покрышек, а в том месте, где мы вышли из леса, виднелись отпечатки человеческих ног.

— Я прослежу след автомобиля, на котором уехал похититель, насколько это будет возможно, — сказал майор, — вы же возвращайтесь в лагерь и высылайте мне автомобиль. Пусть он ждет там, где эта дорога вливается в ближайшее шоссе.

— Задание ясно. Но что вы думаете обо всем этом деле? Производитель похищен неизвестным лицом?

— Ну, это не совсем так. Неизвестное лицо почти уже известно.

— Признаться, Александр Андреевич, я вас не совсем понимаю...

— Очевидно, вы не проанализировали всех имеющихся у нас неоспоримых фактов. Учтите, что лицо, которое мы с вами называем «неизвестным», знакомо с устройством производителя.

Утром, перед тем, как отправиться сюда, я провел не-

сколько часов в институте. Мною было установлено, что неизвестный не является работником института. Никто из института ночью не уезжал за город.

Мы видели камеру, где находился производитель. Десятки имеющихся там соединений, которые можно разъединить только при наличии специальных приспособлений, целы, без следов малейшего повреждения. Даже специальная подробная беседа преступника с кем-либо на эту тему не могла бы дать такого результата. Значит...

— Инструкция! — воскликнул я, невольно прервав майора. — Подробная инструкция для экспериментальной установки. Профессор упомянул, что он ее редактировал. Похититель каким-то путем достал эту инструкцию.

— Да, инструкция. Вспомните одну случайную фразу Зайцевой — упоминание о машинистках, выносящих старые копии из института.

Дело, видимо, обстояло так: неизвестный получил задание — узнать устройство микробиологического производителя. Кто-то за границей возымел намерение использовать его для целей биологической войны. Безуспешно попытавшись проникнуть в институт или завести дружбу с кем-либо из научных работников, шпион познакомился с машинисткой.

Мы теперь знаем о нем немало. Похититель — мужчина ростом сто восемьдесят сантиметров; он обут в новые туфли. Нервен и труслив. Крепкого телосложения, средних лет — не старше сорока двух, но и не моложе двадцати пяти лет. Черные волосы, часто причесывается; последний раз был в парикмахерской неделю назад. Он приехал сюда на легковом автомобиле «Победа», производитель положил на заднее сиденье. Управляет машиной сам. По всей вероятности, хорошо рисует.

— Как же вы определили его возраст и рост?

— Очень просто: я измерил длину отпечатка ступни, вычел четыре сантиметра и умножил на семь. Полученный результат в девяти случаях из десяти верен. Возраст? Если мужчина длительное время очень быстро идет, а потом бе-

жит, имея при этом на спине груз весом сорок восемь килограммов, и при этом без особых усилий перепрыгивает ручей, то он не может быть ни юношей, ни пожилым человеком, ни, тем более, стариком.

— Нервен и труслив?

— Об этом рассказали следы.

— О цвете волос вы судили по нескольким найденным волосам. Но как вы определяли, что он стригся неделю тому назад?

— По состоянию кончиков волос. Для этого существуют специальные таблицы, без которых я обошелся, используя свой опыт.

— Приехал один?

— Других следов на дороге около автомобиля нет. Похититель открыл заднюю дверь и положил на сиденье производитель. Затем он открыл переднюю дверь автомобиля и сел за руль. Об этом свидетельствует неполный, но углубленный отпечаток ступни левой ноги — вся тяжесть тела была перенесена на нее, когда он садился в машину.

— А хорошо рисует?

— Это только смелое утверждение. Оно требует проверки.

АППАРАТ ВКЛЮЧЕН

Хорошо летом у лесного ручья. Теплый воздух пропитан смолистым ароматом хвои. Бежит, словно спеша куда-то, лесная вода, булькает и чуть слышно журчит, дробясь в стремительном беге миллионами хрустальных струек.

Я и Иван Тимофеевич Башков — высокий худой человек пятидесяти лет, старший конструктор лаборатории профессора Невзорова, отдыхая у ручья, наблюдали эту чудесную картину. Первым нарушил молчание конструктор.

— Я, знаете ли, не мечтатель. Слышал, что меня молодежь логарифмической линейкой прозвала. А попадешь, так сказать, на лоно природы, и невольно думаешь о том, как чудесен этот живой мир, родившийся из почвы.

Я воспользовался лирическим настроением Ивана Тимофеевича.

— Как раз вы-то и являетесь творцом этой почвы, — рассмеялся я. — Расскажите, как же наука создает почву?

Конструктор повернулся ко мне:

— Плодородная почва должна быть структурной. Нет структуры — значит, нет плодородия.

Я невольно улыбнулся:

— Все вы, кажется, агрономы. Даже конструктор и тот об этом же говорит.

— А как же иначе! Иначе и быть не может, — серьезно ответил Башков. — Переделывать природу, не зная ее, — это все равно что, не зная свойств воздуха, конструировать самолеты.

Природа часто подсказывает нам оригинальные решения той или другой проблемы. Вспомните хотя бы поучительную историю изобретения Александром Михайловичем Игнатьевым самозатачивающихся инструментов. Разгадав секрет остроты зубов животных, он создал всем известные самозатачивающиеся во время работы инструменты.

При конструировании структуро-создающего агрегата нам тоже помогла природа. И знаете кто? Обычный дождевой червяк, которого мы в детстве набирали в старые консервные банки для рыбалки. Вы после дождя, наверное, не раз замечали на поверхности земли многочисленные земляные холмики? Это следы жизнедеятельности червя. Замечательней всего то, что эти отбросы червя, или, как их называют, копролиты, образуют прекрасную зернистую структуру. Так нельзя ли воспользоваться его секретом?

Продвигаясь в почве, червяк раздвигает своим телом почвенные частицы. Когда препятствие, встречающееся на его пути, непреодолимо, он проглатывает задерживающие его движение почвенные частицы. Попавшие в кишечник червя почвенные частички обрабатываются в нем органическим веществом — желудочным соком, который способствует быстрому превращению органических остатков в перегной и образованию водостойкой почвенной структуры.

Конечно, мы не собирались слепо копировать природу, создать какого-то механического червя. Наш агрегат представляет собою большую продолговатую воронку с острыми краями. Во время движения всей установки предварительно размельченный и насыщенный нужными органическими и минеральными веществами слой песка толщиной в тридцать сантиметров захватывается агрегатом и поступает в камеру насыщения. Поступивший сюда материал для создания нашей будущей почвы пропитывается специальной жидкостью, которая по своему химическому составу, кстати, как и желудочный сок, на девяносто шесть процентов состоит из обычной воды. Состав остальных четырех процентов сложен и разнообразен. Тут свободная соляная кислота, белок и аммиак, хлориды, мочева кислота.

Камера насыщения специальной трубой и дозатором соединена с микробиологическим производителем. Наши почвенные частицы, перед их соединением в почвенные комки, заселяются нужными микроорганизмами.

После обработки в камере увлажненная масса будущей почвы последовательно проходит сперва через отделение мелкокомкового, а затем крупнокомкового построения. Это как бы главный сборочный цех производства почвы.

В первом отделении почвенная масса продавливается через многочисленные отверстия двух металлических вибро-сит. Пройдя через эти отверстия, мельчайшие частички связываются в мелкие комочки почвы. Во втором отделении из этих комочков формируются уже комки величиной в два-три сантиметра. Это и есть комки культурной, плодородной, структурной почвы. Аппарат изготавливает и равномерно перемешивает комки одиннадцати различных форм, благодаря чему между ними образуются крупные разнообразные поры, которые почва использует под «кладовые» для воздуха.

Теперь несколько слов о дополнительной работе наших микроорганизмов: в процессе формирования машина закладывает в каждый комок шарик диаметром в три миллимет-

ра, приготовленный из специального белкового вещества, быстро разрушаемого микроорганизмами. В результате внутри каждого комка через некоторое время получается пустое пространство. Эти пустоты и при дожде на некоторое время заполняются водой, а потом после ее рассасывания — воздухом. Поэтому, подобно лучшим черноземам, приготовляемая нами почва создает особо благоприятные условия для жизни растений, так как воздух в нужном количестве содержится не только между комками, но и внутри них.

Объяснения Ивана Тимофеевича, изредка прерываемые моими вопросами, продолжались в течение всего пути. Когда мы миновали лес, было уже около пяти часов вечера.

Тяжело дыша и с трудом вытаскивая увязающие в песке ноги, мы, наконец, оказались на вершине холма. Отсюда была видна экспериментальная установка, стоявшая у опушки леса. У машины собралась большая группа людей, состоявшая, видимо, из участников экспедиции.

Собравшиеся к чему-то готовились: подъезжали зеленые автоцистерны, из леса несли желтые ящики, два человека тянули большую катушку, оставляя за собой на белом песке черную нить кабеля или шланга.

Через несколько минут мы были уже у экспериментальной установки.

К нам подошел профессор Невзоров:

— Вы подоспели как раз вовремя. Сейчас начинается испытание нашей установки.

— Значит...

— Да, майор привез производитель; его монтаж уже заканчивается.

— А здоровье Михайлова?

— Последнюю радиogramму я получил полчаса назад: здоровье техника улучшается, врачи уже не опасаются за его жизнь.

— Эй, товарищ! — крикнул профессор водителю подъезжающей автоцистерны. — Что везете?

— Угольную кислоту и жидкий аммиак.

— Подъезжайте в средней части установки. Вон туда, где стоит Барановский. Петров, где редуктор для аммиака?

— Здесь, профессор.

Подошел сбоку майор, посмотрел на меня и рассмеялся. Видимо, мое нетерпение поскорее узнать результаты его работы в городе было сразу заметно.

— Ну что, — спросил я его, — неужели поймали?

— Помните, я говорил, что похититель, видимо, хорошо рисует. Это полностью подтвердилось. Неизвестное лицо было знакомо с устройством машины благодаря наличию у него копии подробной инструкции — описания, составленного в институте. Текст описания был им восстановлен по старым копиям, которые брались машинистками для перевода узоров вышивок. Человек, хорошо рисующий, мог умышленно познакомиться с машинисткой и брать у нее эти копии под предлогом изготовления копий узоров для вышивания.

— Конечно, так!

— Однако это оказалось не совсем так. Машинистка Ирина Масленникова действительно была знакома с человеком, описание которого соответствует установленным нами сведениям о преступнике. Он действительно умеет рисовать, но... никогда не уносил с собой старых копирок. Переводы узоров вышивок он делал у нее на квартире.

— Насколько я понимаю, восстановить текст по старой копиям не так просто. Неизвестный другим путем раздобыл инструкцию?

— Нет. Наши — первоначальные предположения оказались правильнее. Я нашел пачку старых копирок на квартире Масленниковой. Однако, изучение текстов, которые печатались при их помощи, показало, что эти копии принесены не из института. Судя по тексту, они, к удивлению Масленниковой, были принесены из какого-то клуба. Неизвестный был опытным и осторожным шпионом. Из боязни возбудить малейшее подозрение, он не уносил с собой старых копирок, а ловко подменял приносимые им старые ко-

пирки на копирки, приносимые из института Масленниковой.

Остальное — проще. Шпион, настоящая фамилия которого оказалась Стивенс, был известен Ирине Масленниковой под именем Петра Андреева. Под этим именем он работал в качестве руководителя художественной самодеятельности в городском профсоюзном клубе. Здесь он и познакомился с Ириной. А она училась в клубе на курсах кройки и шитья.

Для Стивенса провал оказался совершенно неожиданным. Он не успел даже как следует спрятать производитель. Агрегат был найден в его небольшом гараже.

Я с нескрываемым восхищением посмотрел на майора.

— Александр Андреевич, это просто изумительно: вы распутали дело, задержали шпиона и возвратили производитель по принадлежности.

— Не увлекайтесь, старший лейтенант. Все дело, в конечном итоге, оказалось не таким уж сложным. Однако мы еще раз убедились в том, насколько наши люди должны быть бдительными в любой мелочи, в любом, казалось бы, пустяке. Но хватит об этом; видите, профессор зовет нас к почвообразующей машине. Признаться, я доволен, что именно нам было поручено это дело. Мы ознакомились с истинно сказочной машиной. Надо думать, настанет время, когда такие машины отправятся в дальний путь, превратят

Машина двинулась вперед. Среди сухого песка появилась между широкими следами ее цистерны черная полоса свежей почвы.

все песчаные, каменистые, глиняные пустыни в новые житницы, в новые прекрасные благоухающие сады...

В этот момент дрогнул высокий светлый корпус экспериментальной установки. Машина, чуть наклонясь на пологом откосе, медленно двинулась вперед. Прошло несколько минут, и между широкими следами гусениц появилась темная лента почвы.

А. МАТЕЮНАС

ЭКРАН ЖИЗНИ

Научно-фантастический рассказ

Рисунки В. Таубера

Журнал «Вокруг света», № 1, 1955 г.

Экран жизни

Научно-фантастический рассказ

А. МАТЕЮНАС

Рисунки В. Таубера

Кратко изложив сущность задания, редактор добавил:

— Надеюсь, вы понимаете: очерк должен быть написан интересно, с живыми зарисовками. Недели вам достаточно?

Отвечив утвердительно, я вышел из кабинета. Но потом попытался представить себе ожидавшую меня работу, мысленно составить план. Даже летая на самолете, невозможно...

Задание было такое: рассказать о типах лесов нашей Родины, расположенных за десятки тысяч километров друг от друга. Да еще, как выразился редактор, «с живыми зарисовками». Это значило — увидеть все своими глазами.

Решив посоветоваться, я позвонил в Институт леса и рассказал, какая неразрешимая у меня задача.

— Неразрешимая? — удивились там. — На осмотр основных типов леса вам понадобится не больше одного дня. Поезжайте на станцию «Карта-3», к профессору Ларину.

— Но я хотел бы видеть леса, существующие в действительности, а не на станции! — возразил я, решив, что на станции профессора Ларина искусственно созданы коллекционные участки различных типов леса.

— Там вообще леса нет, — последовал ответ. — Это географическая станция.

На следующий день с утра, сев в автомобиль, я отправился на станцию «Карта-3».

Широкое загородное шоссе, окаймленное стройными пирамидальными тополями, вело к мало кому еще известной географической научно-исследовательской станции.

Расположенное на холме высокое четырехугольное здание, к которому со всех сторон поднимались широкие гранитные ступени, стояло как на пьедестале. Массивные мраморные колонны поддерживали кровлю. Круглый купол крыши переходил в устремленную в небо огромную конусообразную антенну.

В приемной комнате станции мне не пришлось долго ждать. Профессор вошел быстрой походкой человека, у которого много разных неотложных дел. Его сопровождала невысокая девушка, ассистент. Мы познакомились.

— Значит, вас интересуют леса? Так, так, — сказал профессор и, критически осмотрев меня с ног до головы, добавил: — Прежде всего, вам придется сходить к врачу.

«Может, я неправильно понял то, что мне сообщили в Институте леса? — подумал я. — Здесь какое-то недоразумение, раз профессор, едва услышав о моем желании осмотреть все леса сразу, заговорил о враче».

— Я и не считал, что это возможно, но мне сказали... — начал я.

— Вам правильно сказали, — прервал меня профессор.

Когда я вернулся от врача, находившегося там же, на станции, профессор разговаривал с ассистенткой:

— По плану у нас сегодня дешифрование. Сведения с мест вы получили? Хорошо. Очередность просмотра наметили? Карты на мой стол не забыли положить? Да... Не забудьте также напомнить мне, что ровно в четыре я должен быть на ученом совете. — И, заметив меня, профессор уже другим тоном добавил: — Поосторожнее, Лена: человек первый раз на нашей станции.

— Напрасно вы беспокоитесь. Я спортсмен, прыгал с парашютом, — еще не зная, что он имеет в виду, на всякий случай заметил я.

Профессор слегка наклонил голову, посмотрел на меня поверх очков и только сказал:

— Так, так...

Я успел заметить, что ассистентка улыбнулась. Но не придал тогда этому никакого значения. Добродушно-ворчливый тон профессора, его манера разговаривать со всеми, как с детьми, вызвала и у меня улыбку.

Пройдя ряд комнат, мы вошли в огромный зал. Узенькая дорожка вела к его центру, где возвышалась примерно на полметра небольшая площадка. На ней стоял письменный стол. По обе его стороны помещались два глубоких мягких кресла.

Стены, пол и потолок зала отливали серебристым металлом. Они выглядели полупрозрачными.

— Присаживайтесь! — пригласил меня профессор, когда мы с ним вдвоем взошли по ступенькам на площадку. Он полистал лежавшие на письменном столе карты и сел в кресло.

В зале погас свет. И в тот же миг я увидел, что это вовсе не зал, а большой ангар. Прямо против площадки были огромные, во всю стену ворота. Мы с профессором, сидя на площадке в креслах, висели в воздухе и покачивались, будто приготовившись к вылету.

В следующее мгновение створки ворот стали медленно раздвигаться, маленькая площадка пошатнулась и... бесшумно поплыла по воздуху, направляясь к выходу из ангара.

Тому, что произошло дальше, трудно поверить. Но, дочитав рассказ, вы убедитесь (как и я в конце путешествия) — преувеличений здесь нет.

Мы выплыли из ангара, и я увидел знакомый пейзаж: шоссе, окаймленное полоской пирамидальных тополей, монументальное здание станции «Карта-3», возле него небольшой, покрытый рябью пруд и вдалеке город, похожий на макет декорации. Ощущение было такое, как при взгляде на землю с взлетающего самолета.

Внезапно, со свистом рассекая воздух, площадка рванулась вверх. Я вздрогнул и вцепился в ручки кресла... Представьте себе чувства человека, который неожиданно понесся бы в кресле с бешеной скоростью прямо на небо. А профессор между тем сидел спокойно со мной рядом и смотрел на меня, по своей привычке чуть-чуть наклонив голову, поверх очков. «Так, так, — казалось, говорил он. — Значит, спортсмен и с парашютом прыгал?»

Наш бешеный полет продолжался до тех пор, пока неожиданно не стих вой ветра, разбивавшегося о невидимый купол над нашими головами.

Прозрачное, подернутое нежно-голубой пеленой пространство окружало нас. Я посмотрел вниз. Изумрудно-зеленая поверхность земли, лежавшей в синеватой дымке, сверкала блестками искусственных водоемов, и в них, как в мелких, аккуратно разложенных осколках зеркала, отражались солнечные лучи.

Хлопьями растрепанной ваты двигались под нами облака. И казалось, было видно, как они растут, клубами отделяясь от лесов и водоемов.

Трудно сказать, что я испытывал, сидя в кресле на высоте пяти тысяч метров от земли. Невесомой пушинкой держалась в воздухе наша площадка.

Профессор, видимо, не разделял моих ощущений. Он расположился за письменным столом, как у себя в кабинете, сверяя какую-то карту с местностью.

*На воздушном океане, без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане...*

— негромко, нараспев повторял профессор. Затем замолкал, смотрел в бездну, снова вычерчивал что-то на карте и продолжал:

*Средь полей необозримых
В небе ходят без следа-а...*

Полюбовавшись тем, что начерчено, профессор проговорил:

— Ну-с, готово! Можно двигаться дальше!

И как бы повинуясь его словам, площадка стала падать вниз, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Под нами стлался толстый, бугристый ковер леса.

— Вот теперь и займемся исследованиями, — наклоняясь ко мне, сказал профессор. — К нам на станцию приходят прогнозы обо всех возможных изменениях земной поверхности — сдвигах, сбросах, обвалах и тому подобном. Мы уточняем эти сведения и вносим поправки на карты, по которым геологи судят о залежах полезных ископаемых.

Профессор напомнил мне, что рельеф, характер рек, растительность, почвенные образования, цветные, тональные особенности ландшафта земной поверхности связаны в известной мере с ее геологическим строением. Это и дает возможность по аэроснимкам определять месторождения ископаемых.

Постепенно замедлив движение, площадка замерла метрах в пятидесяти от земли, точно кто-то придержал нас за невидимый трос.

Мы повисли между двух огромных холмов, заросших густой щетиной леса. Был яркий солнечный день. Вдали над бескрайним лесным массивом проплывали небольшие золотистые тучки.

Я испытывал состояние такого подъема чувств и мыслей, так легко и свободно мне было, что думалось: взмахни руками — и полетишь даже без площадки. Поднимешься, невесомый, медленно над всем этим великолепием и поплывешь, — стоит только захотеть. Наверно, так себя чув-

ствовал Архимед, когда изобрел рычаг. Поняв его великое значение, он проговорил: «Дайте мне точку опоры, и я подниму земной шар».

...Долго летели мы над просторами леса. Вблизи зеленоватый, дальше — отливая синевой, он тянулся сплошным покровом, отмечая горизонт темно-сизой линией. Над лесным массивом возвышались вершины могучих, гигантских деревьев.

Изредка лес раздвигался, чтобы пропустить реку, стальную полосу железной дороги или освободить место для селения, а затем снова стоял таинственный, молчаливый...

На лесной опушке, над верхушкой одной из сосен, площадка остановилась. Было похоже, что мы сидим на пошатывающейся вышке. Из лесу доносился свист, щебет, шелканье невидимых птиц. Профессор работал с картами.

Я привстал, огляделся вокруг и тотчас заметил на соседнем дереве белочку. Увидев нас на таком необычном для людей месте, она от удивления даже выронила шишку, которую держала в лапках. Затем некоторое время с любопытством наблюдала за нами. Но, решив, что все-таки такое соседство опасно, пугливо оглянулась. Перескакивая с дерева на дерево, поддерживаемая в воздухе своим пушистым хвостом, она скрылась в чаще.

Заметил я и красногрудого снегиря, с увлечением насвистывавшего что-то. Он не обращал на нас никакого внимания, видимо приняв за родню (раз мы прилетели!), но только другой, неизвестной ему породы. Невдалеке, взмахнув крыльями, на мгновение появилась и исчезла за стеной леса ворона.

— Отсюда и начнем «прочесывать» местность вдоль, и поперек! — сказал профессор, обращаясь неизвестно к кому. Он встал, прошелся по площадке, потирая руки в предвкушении чего-то необычайного.

Мы полетели над лесом так низко, что можно было различать породы деревьев.

По краю зеленеющего луга росли березы, липы, клены, дубы, потом постепенно их сменяли сосны и ели, встававшие на полянке тесной стеной хвойного леса.

Иногда лес редел, уступал место полянке. Лесное болото можно было отличить от нее по блестящей от воды зелени. То справа, то слева попадались лощины, луга, ручьи.

Через некоторое время мы снизились и стали углубляться в чащу леса. Площадка осторожно обходила могучие, в несколько обхватов, стволы деревьев, лавировала между ними, сворачивая то вправо, то влево, опускаясь и поднималась.

Это был дикий, девственный лес. Неподвижно стояли 20—30-метровые сосны и дубы, которым насчитывалось по нескольку сот лет. Здесь было тихо, как в тайге, но не мрачно. Всюду, рассыпаясь по причудливым изгибам веток и трепещущим листьям, играли солнечные зайчики.

Пересекая шоссе, площадка попала как бы в гигантскую беседку. Мы пролетели под тенистым навесом из переплетенных веток деревьев метрах в пятнадцати-двадцати от земли.

Попались нам среди бурелома и созданные природой «ворота». Сломанное когда-то пополам дерево, падая, повисло на соседнем. И теперь высоко над землей, на верхней перекладине «ворот» росла стройная молодая елочка.

Заметив мой взгляд, профессор объяснил:

— На надломанном дереве поселился мох, оседали и сгнивали листья, — так образовалась там плодородная почва для этой елки. И, заметьте, на осине выросла! На лиственных породах поселяются, как правило, только хвойные, на хвойных — лиственные.

— А что там? — спросил я, увидев ряды одинаковых бугорков.

— Это кладбище деревьев. Подо мхом лежит их истлевший прах, ставший жилищем для насекомых. Если наступите на такой бугорок, нога провалится.

Неожиданно площадка остановилась недалеко от сломанной ветром гигантской сосны.

Возле нее копошилось что-то темное, ворочалось и, мне показалось, сопело. Потом пятна начали вытягиваться, и нашим взорам предстали силуэты двух медвежат. Они боролись. Когда какому-нибудь из них удавалось забраться на широкий ствол сосны, другой хватал его за задние лапы и стаскивал.

Где-то совсем рядом с нами застрекотала сорока. Медвежата сразу насторожились. Незамеченная нами прежде, в тени деревьев шевельнулась медведица и коротко, предостерегающе проворчала. Через несколько секунд все семейство, прижав уши, поторопилось скрыться в чаще.

— Как не вовремя появилась! — проворчал профессор. — Недаром говорят, что «сорока восточку на хвосте носит».

Эта сценка прошла перед нами, как в увлекательном кинофильме, когда зрители забывают о том, что все это, в конце концов, иллюзия, и начинают выражать свои чувства вслух.

Затем мы некоторое время молча двигались по чаще, как путешественники в незнакомом лесу, готовые ко всяким случайностям.

Неожиданно сразу стемнело. Тихий, задумчивый стоял лес... И вдруг неподалеку от нас всколыхнулась вся и затрепетала осина. Легкий холодный ветерок запутался среди ее

листочков, висящих на длинных тонких стебельках. И сразу зашептались деревья, передавая тревожную весть все дальше и дальше, как эстафету. Дошла она до старого бора, — заволновался, зашумел он. Как эхо откликнулся ему где-то второй. И вскоре весь лес гудел, как растревоженный улей.

Надвигалась гроза. Темные свинцовые тучи заволокли небо. Сверкнула молния. Лес вспыхнул синеватым пламенем. Налетел ветер. Под его напором вековые, в несколько обхватов деревья гнулись и тресали. Гром гремел все сильнее. Небо раскалывалось над нашими головами, и оттуда одна за другой сыпались молнии. Вдали все — деревья, тучи, земля, небо — смешалось с огнем и водой.

Наша маленькая деревянная площадка вздрагивала и металась, как в бурном потоке лодка, привязанная к берегу. На тему об иллюзиях размышлять было некогда. Каждую секунду мы могли разбиться вдребезги. Я даже не подумал о том, почему до нас не доходит ветер. Мы сидели на площадке, будто прикрытые невидимым колпаком.

Темная стена бури приближалась, выворачивая с корнями могучие деревья и поднимая их в воздух.

— Много придется здесь поработать! — прокричал профессор. Он имел в виду, что на карту этого леса придется вносить поправки.

И тотчас, преодолевая силу ветра, навстречу темным тучам взвилась наша площадка. Со скрежетом пробились мы сквозь гущу ветвей, и наши маленькие фигурки затерялись в хаосе огня и воды.

Дальше все завертелось с бешеной скоростью. Свет и тьма менялись мгновенно, и я уже не понимал, что происходит вокруг.

— Ну как? — донесся до меня через некоторое время спокойный голос профессора. — Не очень утомительно это для вас?

Он стоял возле меня на самом краю площадки. Бездонное горное ущелье развернулось под нами.

— Ничего. Все нормально. А что? — растерянно проговорил я. Но оправдываться было бесполезно. Потрясенный происходящим, я произнес эти слова тихим, надтреснутым голосом.

Профессор не подал и виду, что заметил мое состояние. Он начал говорить о том, что в ущелье, над которым мы проплывали, часты обвалы и поэтому сюда опасно заходить экспедициям.

— Но чувствует мое старое сердце, — заключил он, — недаром природа так ревностно охраняет эту свою сокровищницу... Если не возражаете, попробуем заглянуть туда...

— С вами хоть в ад, — с радостью согласился я, несколько оправившись от впечатления, произведенного на меня бурей. Мне все больше и больше нравился этот спокойный человек.

Наклонив слегка голову, профессор сказал:

— В аду я не был, но здесь, мне кажется, хуже...

Медленно снижаясь, мы спускались вниз, как в глубокий темный колодезь. Свет пробивался сверху тусклыми, безжизненными полосами. Все живое стремилось скорее уйти отсюда. Ползли, карабкались по трещинам в скалах уродливо изогнувшиеся, выросшие без света деревья. Лишь высоко вверху, на фоне голубого неба, вырисовывались стройные силуэты сосен и елей, которым посчастливилось зуда забраться.

Над нашими головами нависали причудливые громады голых каменных скал, на/поминавших чудовищ. Снизу доносились скрежещущие и стонущие звуки бурного потока, где перетирались друг о друга каменные глыбы. Внезапно страшный удар потряс воздух. Где-то рухнула гора.

Собравшись спросить профессора, что здесь можно встретить интересного, я негромко откашлялся:

— Кха!..

И в тот же миг ущелье ответило мне в тысячу глоток со всех сторон.

— Ха, ха, ха!.. — неслось отовсюду. Кричали горы, скалы, деревья. И этот жуткий хохот, почудилось мне, полетел

вдоль ущелья, ударился о его стены и, нарастая, стал возвращаться к нам. Он несся откуда-то сверху, сливаясь с грохотом каменного потока...

Я поднял голову. Огромная гора, поворачиваясь у своего основания, нависала над площадкой... Я оглянулся назад. Переворачивалось все: скалы, ручей, профессор, деревья, я...

Закружилась голова. Мне показалось, сейчас я буду падать. Но куда?.. Над головой, на месте облаков, гремел ручей, а с неба, находившегося под площадкой, круша все на пути, поднималась вверх каменная лавина горного обвала.

И вдруг кто-то тихо, но настойчиво произнес: «Закройте глаза!» Я решил, что это был голос моего подсознания.

Все промелькнуло в какие-то доли секунды.

Когда я открыл глаза, можно было смело сказать, что свершилось чудо...

Возле площадки бежал прозрачный ручеек. Извиваясь между камнями, он звенел чисто и нежно, как песня во сне, как воспоминание о чем-то. А впереди — лиственные деревья, соединившись вершинами высоко над землей, образовывали вход куда-то. В нем под хрустальную песнь ручейка, переливаясь, сияла радуга.

Площадка подплыла к этим естественным воротам. Здесь ручеек падал с высоты обрыва и разбивался о камни на миллиарды брызг, вспыхивающих всеми цветами радуги.

Внизу лежало озеро, вправленное в пышную изумрудную рамку. Острые вершины елей, мохнатые шапки сосен отражались в его дымчато-голубоватых водах мечетям и минаретами древнего восточного города. В тишине долины озеро напоминало крупный бриллиант, никем еще не найденный. В водах его тихо и торжественно рождалась сказка без слов...

На наших глазах у противоположного берега, будто выплыв из глубины, возник небольшой городок с высокими башнями готических замков и медленно двинулся по направлению к нам.

Я наклонился вперед и, уже больше не сдерживаясь, протер кулаками глаза. Что происходит?..

Подмыв почву под частью леса, вода отколола кусочек его. В пористой плодородной земле меж тесно сплетенных корней содержалось много воздуха, и деревья не тонули. По озеру плыл, конечно, обыкновенный островок. Но в тот момент я не понял этого сразу.

— Вот, батенька мой! А вы говорите, с парашютом прыгал... На нашей площадке в один миг от ада до рая добратся можно, — улыбнулся профессор и опять, наклонив немного голову, лукаво взглянул на меня поверх очков: «Рассказали, мол, взрослому человеку сказку, а он и поверил, как совсем маленький мальчик, что можно летать, не выходя из своего кабинета, даже в кресле, сидя за письменным столом».

Этот взгляд подействовал на меня освежающе. Ведь и прежде мне казалось, что все вокруг происходит, как в кино, но только в каком-то необыкновенном. Здесь, как и в зрительном зале, волнуешься, переживаешь, а вмешаться в жизнь на экране не можешь.

«Зал станции «Карта-3» — это, вероятно, очень искусно сделанный, незаметный экран для воспроизведения стереоскопических, объемных кинокадров», — подумал я, твердо решив ничему больше не удивляться.

Приблизившись к озеру, мы двинулись вдоль его берега. Тихие гавани-заливчики в рамках камышовых зарослей потеряли в моих глазах всю прелесть новизны. Я нисколько не удивился, когда прямо по-домашнему из такого заливчика выплыла утка. Она неторопливо двигалась, таща за собой цепочку, штук семь, совершенно одинаковых своих копий, только уменьшенных в несколько раз. Сценка была трогательна. Мамаша беспокойно озиралась по сторонам, а малыши деловито следовали за ней в открывающийся мир, где, конечно, все было создано только для их развлечений...

По озеру стрелой пронеслась темная острая тень. Разбрызгивая воду, с криком поднялась в воздух утка. Рассы-

палась живая цепочка, и беспомощно, как соринки, закачались на волнах, поднятых мамашей, ее маленькие копии.

В полной тишине слышалось частое судорожное хлопанье крыльев. Ястреб преследовал крякву. И она не улетала от него, а только старалась ускользнуть от цепких когтей, увести подальше, ценой собственной жизни спасти малышей...

Кружась в воздухе, перья и легкие пушинки медленно оседали на зеркальную поверхность озера-бриллианта. А в стороне, под сенью высоких елей, на маленькой деревянной площадке стоял письменный стол, и два человека, сидя в креслах, наблюдали эту картину.

Профессор был взволнован. Безусловно, как зритель в кинотеатре. Он поминутно нервно поправлял очки, ерзал на своем кресле и сердито покашливал.

Зато я теперь чувствовал себя абсолютно спокойно. Более острых ощущений, чем в ущелье ужасов, быть не могло.

— Сейчас появятся охотники, — произнес я, — и в самый критический, последний момент застрелят ястреба. Не беспокойтесь, утята не останутся без мамы...

— Вы так думаете?! — серьезно переспросил меня профессор. Теперь он очень напоминал человека, который так увлекся происходящим на экране, что забыл про все окружающее.

Загремел выстрел, эхом прокатился по лесу, и облачко синеватого дыма поплыло в воздухе над озером. Ястреб, с выпущенными когтями опускавшийся на свою измотанную жертву, так и повис на мгновение в воздухе.

С раскинутыми крыльями, опустив голову, точно высматривая что-то в глубине вод, падал он мертвый...

— Ваша дальновидность поразительна! — сказал профессор.

Этот эпизод окончательно укрепил мое убеждение в том, что мы просматриваем новые кадры стереофильма.

Кряква благополучно опустилась к своим утятам, они выстроились позади нее живой цепочкой и опять двинулись

в тот мир, где их ожидали одни веселые приключения... Ничего, что мамаша отлучилась на несколько минут. Мало ли какие у нее бывают дела!

Метрах в тридцати от нашей площадки, выйдя из леса, появился охотник. Высокий, широкоплечий человек в кожаном костюме и длинных болотных сапогах не спеша закинул за плечо ружье и огляделся кругом. Потом, будто увидев нас, направился в нашу сторону.

Охотник остановился в нескольких шагах от площадки и внимательно посмотрел на нас. Мороз подрал спину, когда я увидел, как он улыбается. Но и здесь я не дал разыграться своему воображению.

И вдруг...

Я не растерялся так, когда увидел ручей, текущий по небу в ущелье ужасов, но здесь холодный пот выступил у меня на лбу.

— Привет Николаю Петровичу! — поздоровался с пришельцем профессор. — Ну, рассказывай, что у тебя нового?

Человек в охотничьем костюме ответил на приветствие и негромко сказал:

— Да ничего особенного не случилось. Свалилась пара деревьев на юго-западе. Знаешь, там, где мы с тобой в прошлом году ручеек обнаружили?

Лесничий присел на пенек. Я молча наблюдал за происходящим.

— Да, да. Как же, помню, — ответил профессор.

Если все это каким-то образом заснято на киноплёнку и теперь воспроизводится со звуком, то как мог быть сделан такой разговор? Ведь нельзя же поверить в то, что, сидя в зале кинотеатра, зритель может получать ответы на свои вопросы у двигающегося по экрану снимка человека? «Лесничий — иллюзия. Ладно, — думал я. — Но профессор-то не иллюзия?!»

А они продолжали разговаривать.

— Ловко ты его подстрелил, — говорил профессор. Еще момент, и пришлось бы убивать обоих... Но как ты очутился в этом лесу?

— Неожиданно получилось? — улыбался лесничий. — Небось, думал, раз летаешь в кресле, ничто уж на свете тебя поразить не может, да?.. Когда я вчера давал сводку твоей ассистентке о происшествиях в лесу, она меня предупредила, что тебя можно ожидать возле озера приблизительно к этому времени. А ведь ты даже не позвонил...

Упрек в присутствии меня, постороннего человека, подействовал.

Профессор посмотрел в мою сторону поверх очков.

— Извини, Николай!.. — сказал он. — М-м... Со мной рядом сидит журналист Веснин. Познакомьтесь!

— Очень приятно. Моя фамилия Комаров, лесничий, — сказал охотник и поклонился.

Никогда прежде не приходилось мне разговаривать с человеком-иллюзией. Я встал, проговорил что-то неопределенное и невольно поклонился, чувствуя нервный озноб. В это время внутри меня что-то хохотнуло. Эдак: «ха, ха!» — будто кого-то давил смех, но он сдерживал его, закрывая рот рукой. Голос был очень знакомым.

«Либо я схожу с ума, либо все это сон, либо... либо и буря, и ущелье, и утка — самая настоящая действительность», — мелькнула мысль.

Лесничий и профессор улыбались.

— Вы, верно, первый раз в таком путешествии? — спросил меня Комаров. — Ничего, привыкнете. Алексей Иванович тоже долгое время, здороваясь со мной, протягивал руку. Я это узнавал по его «так, так, стареем понемножку», обращенному к себе, и по смеху...

— Ах! — воскликнул профессор. — Без пяти четыре. Ученый совет.

Лесничий не успел закончить начатую фразу и заговорил о другом.

— Узнаю тебя, Алеша. Помнится, ты и раньше всегда опаздывал.

Они коротко попрощались, договорившись все исследования в этом лесничестве в дальнейшем проводить вместе.

В моем разгоряченном мозгу одно за другим возникали предположения. А почему, собственно, нельзя летать в кресле? Разве невозможно придумать невидимый колпак из такого материала, который бы пропускал все звуки из внешнего мира и одновременно предохранял от ветра, и какое-нибудь приспособление, снижающее инерцию?

Неизвестно, что я стал бы думать дальше, если бы профессор не прервал мои мысленные рассуждения.

— К сожалению, нужно возвращаться!

Озеро, охотник, лес — все пошатнулось, вздрогнуло и слилось в мелькающие полосы. Загрохотал разрываемый воздух. Мы вылетели, как из пушки снаряд...

Перелет закончился так же внезапно, как и начался. Скрип, скрежет и вой ветра... Я даже не успел почувствовать испуга.

Площадка плавно опускалась на окраине города, возле того самого здания с колоннами, из которого началось наше необычайное путешествие. Внизу лежало то же шоссе, рядом со станцией поблескивал небольшой пруд.

Мы спустились еще ниже, и стало видно: в этом естественном зеркале отражалось все, кроме... нашей площадки. На ее месте на фоне белых облаков плыл какой-то остроносый предмет, на котором сверкали похожие на иллюминаторы огромные линзы...

Площадка проплыла в открывшиеся ворота ангара и стала на свое прежнее место. Вспыхнул свет, и мы оказались снова в зале. От стены, разматываясь, как рулон ковра, к площадке пролегла дорожка...

Когда мы вышли из зала, профессор попрощался со мной, сказав, что он не опаздывает, но спешить на ученый совет уже надо.

В город я возвращался вместе с Леной, ассистенткой профессора. Пока мы ехали в автомашине, девушка рассказывала мне, почему и как возникали и менялись картины в зале. Правда, я и сам уже догадывался, что мы с профессором не вылетали из станции, а все время необычайных

«странствий» провели в креслах на неподвижной деревянной площадке посреди зала.

«Живая карта», как иначе именовали станцию, называлась живой потому, что показывала существующую во всякий данный момент действительность, а картой — так как была способом показа этой действительности.

Это был экран жизни. В тот день по стране путешествовала атомная, управляемая по радио ракета с телевизионной установкой. Она и передавала на специально оборудованные стены, пол и потолок зала станции «Карта-3» объемное, стереоскопическое, цветное, озвученное изображение всего, что мы видели и слышали.

Ракета движется в любом направлении, может останавливаться и поворачиваться благодаря тому, что у нее с разных сторон несколько сопл. Специальные глушители не только устраняют шум двигателя, но и предохраняют окружающие предметы от вредного воздействия, связанного с распадом атомов.

Из комнаты, расположенной над потолком зала, Лена управляла ракетой по радио, ориентируясь по местности, которую она наблюдала вместе с нами. Девушка пользовалась и обыкновенной картой, когда нужно было перебросить ракету в отдаленный район.

Ракета оборудована и своими «глазами» в виде фотоэлемента. Она или автоматически постепенно останавливается, не достигая нескольких десятков сантиметров до препятствия, или уклоняется от него, если оно само летит.

В письменный стол на площадке вделаны чувствительные микрофоны и динамики. Так что Лена не только слышала весь наш разговор с профессором, но и сама могла вставить словечко.

Чтобы камни горного обвала не повредили линзы, девушка поспешила повернуть ракету и не успела выключить видимость в ущелье. Но, стараясь избавить нас от непонятного зрелища, все-таки посоветовала: «Закройте глаза!»

Лена видела и то, как я поклонился лесничему, и засмеялась, потому что перед ним, кроме небольшой ракеты,

ничего не было, а разговаривал он с нами по радиотелефону.

— Извините, — сказала Лена, вспоминая об этом. — Но, согласитесь, ужасно ведь смешно смотреть, как в спокойной обстановке зала люди вздрагивают, дергаются и даже... кланяются. Иллюзия зрения и слуха в нашем зале создается настолько полная, что некоторые уверяют потом, будто во время «странствий» ощущали даже запахи трав и цветов.

— А я почувствовал еще и вкус, — сказал я серьезно.

— Вкус?! — искренне удивилась Лена.

— Да, вкус к путешествиям...

Лена весело рассмеялась. Ассистентка профессора была самой обыкновенной, невысокой, белокурой, чуть-чуть смешливой девушкой.

Я тоже слушал ее рассказ с улыбкой. Голос ассистентки, который я принял сначала за голос своего подсознания, приятного низкого тембра, был также самым обыкновенным. Может, поэтому в день всего необычайного, удивительного мне так было приятно ее общество и казалось, мы знакомы уже много лет.

— А вы знаете? — оживленно говорила Лена. — Уже разрабатываются проекты кинотеатров с такими экранами, как у нас. Ходят слухи, что не только в научно-исследовательских учреждениях, институтах и школах, но и в больших жилых домах будут устроены специальные телевизионные комнаты.

Представьте, идет где-нибудь гигантское преобразование целых краев. Вся страна сможет следить за ходом этих работ. Отправится же куда-нибудь интересная экспедиция, — вместе с ней будут «путешествовать» и многие зрители.

...Через несколько дней я привез редактору рукопись. Прочитал он с большим интересом. Но несколько не удивился.

— Так вы знали о существовании станции?! — спросил я.

— Да. Но намеренно не сообщил вам. Хотелось, чтобы впечатления первого журналиста, который напишет об этом, были живы и непосредственны.

ЛЕВ ТЕПЛОВ

СРЕДА РЕЯ

Научно-фантастический рассказ

Художник Р. Авотин

Журнал «Техника-Молодежи», № 4, 1955 г.

СРЕДА РЕЯ

Научно-фантастический рассказ

Л. ТЕПЛОВ

Рис. Р. АВОТИНА

Уважающий себя житель города Б.— небольшой европейской столицы — не пойдет по улице с поднятым воротником пальто. Зимы здесь мягкие, и если прохожий поднимет воротник, все непременно подумают, что он небрит, без шарфа или что дрянной кошачий воротник его пальто совсем износился, и он это скрывает.

Молодой человек, который в этот вечер топтался на площадке лестницы в большом доходном доме, был одет в потертое пальто с поднятым воротником и действительно был небрит и не имел шарфа. Уже не раз, поднимая руку к звонку, он спрашивал себя: «Зачем я сюда припелся?» — и каждый раз опускал руку. Но, услышав внизу чьи-то шаги, он торопливо позвонил.

— Здесь живет профессор Рей? — хрипло спросил он, обращаясь к двери, когда за ней поднялась возня и стукнул засов.

Дверь отворилась. Старик в черной шапочке, натянутой на всклокоченные седые волосы, растерянно глядел на юношу из темноты.

— Вы ко мне? Проходите, пожалуйста...

Пока гость раздевался, хозяин искоса поглядывал на него. Вдруг он заявил:

— Я вас, кажется, видел в университете. Ваше имя...

— Меня зовут Марк. Я учился на юридическом.

— Но я не юрист, а микробиолог и уже не преподаю. Так что цель вашего визита в столь позднее время мне не ясна. Может быть, вы... нуждаетесь?

— Это неважно. Мне сказали, что вам требуется человек для опасного опыта. Я готов. Терять мне нечего.

Профессор снял очки, потер их о халат и нацепил снова на крючковатый нос.

— Какого опыта, что вы городите? Опасного? Но ведь это запрещено законом, и вы, как юрист, должны знать это лучше, чем я.

— Ну что ж, тогда я пойду,— устало сказал Марк. — Выходит, я и науке не нужен. Прощайте! — он круто повернулся, но профессор ухватил его за рукав:

— Пойдите, куда же вы? Пройдите в библиотеку, посидим...

Они вошли в небольшую комнату, где книги, старые журналы и бумаги были в беспорядке навалены на полках, на столе и прямо на полу. Расчистив место, хозяин усадил Марка на диванчик и принялся суетиться у стола.

— Куда это вы собрались? — смущенно ворчал он. — Бросаться вниз головой с Королевского моста? Это вы всегда успеете. Мост стоит триста лет, постоит еще, по крайней мере, до утра. Вот я согрею кофе, потолкуем, а там будет видно.

Марк сидел, сложив руки на коленях, и смотрел в пол.

— Так, так. Стало быть, материальные затруднения? И еще что? Женщина?

— Невеста. Но это неважно. Она оказалась не такой, как я думал.

— О, это бывает часто, — почти обрадовался профессор. — Я, знаете, сам не однажды испытывал в молодости нечто подобное. Они всегда оказываются не такими, как мы думаем, — одни хуже, а другие лучше.

Марк промолчал. Профессор выжидательно посмотрел на него и продолжал:

— Вот вы пришли, чтобы я вас уморил для пользы науки. Стало быть, вы верите в науку. А в счастье вы верите?

— Какое может быть счастье? — горько усмехнулся

Марк. — Может быть, оно и есть, да не для нас. Мы живем по неписаным волчьим законам: интриги, зависть, обман... Четыре месяца я был совсем без работы, а теперь таскаю тюки на пристани. Каждый день, вставая, я должен заботиться о куске хлеба для себя, матери, сестры, думать о дровах, башмаках, о скверном костюме, который уже разваливается. Как все несправедливо, как тяжело!

— Вы обиделись на жизнь? Стыдитесь, юноша, — сказал Рей, значительно подняв палец. — А ведь вы могли бы сочинять справедливые законы или что-нибудь в этом роде...

Марк не отвечал. Он оглядел комнату — одни бумаги. «Небогато живет старик, — подумал он, — даром что знаменитость. Вот взялся воспитывать, утешать. Обычные песни».

Марку была неприятна уверенность старика, и он думал о нем почти с ненавистью. Не стоило приходить сюда, глупо вышло. Старик зарылся в старые книжки, пожалуй, и во сне видит одних бактерий.

— А вы, профессор Рей, счастливы? — спросил Марк. — Я вижу, ваши микробы плохо вас обеспечивают.

— Да, мой друг, — вздохнул Рей, — чистая наука в наши времена не дает доходов. Вот если бы я занялся заказами военных, разве у меня такая была бы лаборатория, как сейчас? Вы слышали о Дрейдене? Когда я учился, он был у нас самым бестолковым. Болтун и распутник. Он построил какой-то смертоносный снаряд и теперь благоденствует. А Климер! Помню, как мечтали мы с ним о лучшем устройстве мира... Теперь у него подземная лаборатория, он испытывает там все виды лучевой болезни, возникающей при атомном взрыве... Я же вынужден все делать на собственные скудные средства. Чахоточная обезьяна из зоопарка, нужная для опытов, стоит мне почти двухмесячной пенсии. Но я счастлив. В работе над энзимами столько волнения, столько прелести...

— Простите, я слышал, что вы работаете над ферментами?

— Это одно и то же.

Марк покраснел, уличенный в невежестве.

— Вы не можете себе представить, — продолжал Рей, воодушевляясь, — как это интересно! Вообразите, что в самых недрах вещества идет реакция, сталкиваются внутренние силы, идет перегруппировка молекул и атомов. Вещество пересоздается по незыблемым законам, и кто, казалось бы, может вмешаться в это кипение, которое не только не увидишь ни в один микроскоп, но и представляешь себе лишь в отвлеченных символах? Но вот я помещаю рядом кроху другого вещества — и все меняется: силы многократно умножаются, молекулы скачут на свои места, как блохи, если до того они едва плелись. А эта волшебная кроха — она ведь не расходуется и не растет, она не изменяется — словом, стоит в сторонке. Она действует тем, что существует. Это катализ. Даже в простейшей неорганической химии катализ — это чудо, а что же сказать про катализ веществ жизни! Раньше полагали, что катализатор хоть на время вступает в реакцию, дает промежуточные соединения, а потом восстанавливается. Но нет, это не подтвердилось. Наша кроха действительно не меняется, все изменяя вокруг себя... Так вот, энзимы — это и есть катализаторы органических процессов, самые удивительные вещества жизни...

— Они живые?

— Нет, но они на грани жизни. Это еще вещество, но не существо. Русский чародей Павлов давно уже говорил, что энзимы — это белки, но тогда мы не верили. Теперь факты убедили всех, что это так.

— Я все же думаю, — упрямо возразил Марк, — что при деньгах и без энзимов можно прожить.

— Напрасно. Вы, наверно, слышали про витамины? А для чего организму витамины, вы не знаете? Чтоб из них строить энзимы. Вы можете получать лучшую пищу — белки, жиры и углеводы, но если в пище нет мельчайших животворящих пылинок витамина, энзимы неактивны, процессы расстраиваются и организм погибает.

— Но пища-то все-таки нужна! — не сдавался Марк.

— Вы так думаете?

Марк округлил глаза.

— Еще бы! Я отлично знаю, что такое пустой желудок!

— Если думаете, то напрасно. Смею вам указать, что так называемая пища — это несколько простых элементов в сочетаниях, наиболее пригодных для усвоения специализированными клетками. Но если усвоение зависит от энзима, то, значит, и то, что мы не считаем пищей, может быть усвоено, если найдется подходящий энзим. В принципе, пышный торт можно заменить опилками.

— И это все, на что способны ваши энзимы?

— О, это самая малость. Погодите, я принесу микроскоп и покажу вам более удивительные вещи.

Марк сидел и лихорадочно вспоминал, что еще уцелело в запасе его излюбленных мыслей и доводов. Он не хотел остаться беззащитным к тому моменту, когда вернется старик. Но все, что приходило в голову, казалось глупым, мелким.

«Я жду его, как рождественского деда в детстве», — заметил про себя Марк и невольно улыбнулся. Этот сухой, быстрый старик был очень не похож на краснощекого деда с лакированных рождественских открыток.

Рей вернулся и бережно опустил на стол тяжелый микроскоп. Вставив в розетку штепсель осветителя, он pokrutil винт и широким жестом пригласил Марка:

— Глядите. Тут на стекле колония миксобактерий. Так мы называем группу малых живых существ, открытую в свое время Таксером. — Рей говорил размеренно, прикрыв глаза, будто читал лекцию. — Миксобактерии встречаются на различных средах, но обычно — пусть это вас не шокирует — в навозе. Они разлагают органические остатки.

Марк заглянул в окуляры и в ярко освещенном кругу увидел продолговатые капельки, слипшиеся в кружево, а среди них — зеленоватые шары побольше.

— Энзимология миксобактерий, — торжественно говорил профессор, — это отрасль науки, которую я первым

начал разрабатывать еще на студенческой скамье и в которой пока я тружусь один. Лучами радиоактивных элементов мне удалось вызвать появление среди этих милых созданий таких неожиданных разновидностей, которых нет в природе. Я назвал их мутацией Рея, а слизь, выделяемую ими, — средой Рея. К сожалению, политика вмешалась в науку, и когда я однажды заявил, что Павлов прав, и энзимы — это белки, меня перестали печатать. Для науки эти крошки не существуют, но они живут и выделяют такие активные энзимы, о которых не могли мечтать Берцелиус, Пастер и другие славные энзимологи. Вот хоть эта цито-хромоксидаза... Дайте руку!

Марк почувствовал, что влажная вата коснулась кожи и слегка обожгла ее.

— Теперь вы дышите не только легкими, но немного и рукой. Под действием энзимов клетки кожи стали способными связывать кислород и отдавать его крови, подобно клеткам легочной ткани. Другие энзимы могут заставить их связывать питательные вещества, как это делают клетки пищеварительного тракта. Ах, если бы обо всем этом узнали гордецы из Кембриджа или золоченые члены академии в Париже... Послушайте, хотите я вам, вам первому покажу ее?

— Кого?

— Мою среду, юноша. Идемте!

Большая смежная с библиотекой комната в квартире профессора произвела на Марка странное впечатление. Судя по паркету и богатой лепке потолка, когда-то она служила гостиной, но теперь потолок был закопчен, по стенам тянулись водопроводные и газовые трубы, некрашенные полки с химической посудой. Дальняя стена почти до потолка была закрыта громадным зеленым стеклом и освещена прозрачным синим светом двух прожекторов. Остальная часть комнаты была погружена в полумрак, и Марк заметил лишь два высоких эмалированных шкафа вроде холодильников слева да длинные узкие столы с бутылками, колбами и пробирками.

Приглядевшись, Марк понял, что дальняя стена просто выломана и в комнате за ней устроен гигантский аквариум, отделенный от лаборатории стеклянной стеной. Сбоку к уцелевшим остаткам прежней кирпичной стены была приставлена лесенка, которая вела под потолок — к лазу в этот странный аквариум.

Наконец Марк решился задать вопрос, который давно уже был у него наготове: не являются ли все удивительные свойства энзимов, так сказать, представляющими чисто отвлеченный интерес, или от них может быть практическая польза?

Рей насупился:

— Истинный ученый не задает себе и другим таких вопросов. Он служит чистой науке, а не жалкой выгоде. Но раз уж вы спросили, да! Моя среда может дать человеку все. Вы любите фантастические рассказы?

— Очень, — признался Марк.

— Так давайте представим себе самое лучшее будущее. Вот мы изменили климат на земле, везде днем и ночью одинаково тепло и светло, не дует ветер, не идет дождь. Тогда мы не будем строить дома, не понадобится одежда, а с одеждой исчезнут всякие прядильные, ткацкие и швейные машины. Вот мы уничтожили земное притяжение, и люди без мебели могут оставаться в любой позе, не испытывая напряжения и усталости. Вывели растения, на которых зревает печеный хлеб и котлеты, да к тому же за этими растениями не нужно ухаживать. Вам мало? Давайте посадим эти растения прямо в животе, чтобы не жевать и не глотать...

— У нас в порту о будущем любит рассказывать Том: он красный агитатор. Но он говорит, что и в будущем люди будут трудиться, потому что труд — основа жизни человека. Он говорит, что будущее надо завоевывать в борьбе за свои права, против угнетателей.

— Это все политика, мой юный друг, а я политикой и всякой философией не занимаюсь. Я вас спрашиваю: вы хотите иметь все и не трудиться?

— Да.

Марк сказал это, не размышляя, он давно уже перестал сопротивляться силе убеждения этого удивительного старика.

Но когда Рей предложил ему раздеться и влезть в аквариум, Марк смутился: раздеваться здесь, в чужом, холодном месте?

— Вы ведь пришли ко мне для смертельного опыта, — улыбаясь, напомнил Рей. — Чего же вы испугались? Уверю вас, что смертельного тут ничего нет. Я уже был в среде...

Пряча смущенное лицо, Марк нагнулся расшнуровать ботинки.

Дрожа от холода и волнения, он поднялся по лесенке к лазу. Тут горела маленькая лампочка, освещавшая толстый слой белой ноздреватой пены, которая покрывала всю поверхность воды. В дальних углах, куда не достигал свет лампочки, пена светилась изнутри синеватым сиянием. От нее исходил бодрящий запах озона.

Примостившись на балке, которая соединяла остатки кирпичной стены и сверху держала стекло, Марк окунул руку в воду. Но оказалось, что это не вода, а нечто вроде масла — тягучая, упругая жидкость. Сразу защищало кожу, и когда Марк выдернул руку, она была красной до того места, по которое погружалась.

— Лезьте же скорее, — крикнул снизу Рей.

Марк перевалился через балку, повис на руках и чуть не закричал: его обожгло, как кипятком. Он попытался выкарабкаться обратно, но все кругом было скользкое, и он сорвался. Раздался глухой всплеск, пена колыхнулась. Но жидкость не приняла Марка, и едва он успел взмахнуть руками, вынесла на поверхность. Пена залепила лицо.

— Все еще щиплет? — спрашивал Рей. — Отвечайте.

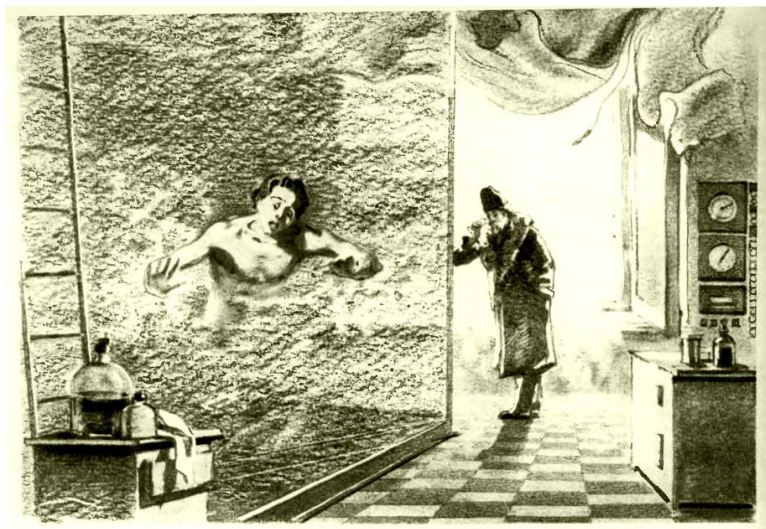
— Немного меньше, только чешется все тело, — пробормотал Марк запинаясь. — А тонуть не дает...

— Учтите, что среда имеет удельный вес, равный удельному весу вашего тела, и большую вязкость! — кричал Рей.

— Выпустите воздух из легких, нырните до дна и попробуйте просидеть там как можно дольше!

Тотчас на поверхности пены остался круг, а в зеленоватой полумгле за стеклом было видно, как белое тело человека, медленно поводя руками, двигалось ко дну. Вот оно мягко осело в толстый слой тины, вытянулось и замерло. Профессор Рей вынул часы, отсчитал минуту-две... Марк все так же неподвижно лежал в тине. Тогда Рей стал одно за другим распахивать окна лаборатории. Вдулись шторы, клубами ввалился пар, морозный ветер пронесся по залу, взвывая снежную пыль. Тонко зазвенела посуда. Дуя на кончающиеся пальцы, профессор Рей дергал задвижки...

Марк очнулся с удивительным чувством легкости и блаженства во всем теле. Не открывая глаз, он закинул руки за голову, сладко потянулся, разводя локти, и поплыл.

Это заставило его открыть глаза. Он увидел перед собой тину, стекло, два слепящих огня и между ними — старика в меховой шапке и шубе. Вспомнив, что произошло, Марк судорожно хлебнул слизи, дернулся — и, как пробка, вылетел на поверхность.

Скоро над балкой показалась голова профессора Рея.

— Уже полдень, дорогой, — приветствовал он Марка.
— Вы проспали десять часов подряд.

— В воде?

— Не в воде, а в среде Рея. Вы помните зеленые шары среди моей мутации под микроскопом? Это водоросли, они поглощают углекислый газ и выделяют кислород. А оксидазы позволяют вашей коже получать его прямо из среды. Вы и есть не хотите, не так ли? Миксобактерии, водоросли и некоторые грибки, составляющие питательную тину среды, завершают цикл обмена веществ: то, что выделяется организмом, они разлагают, а потом составляют то, что вы потребляете. Полный баланс! Заметьте, что среда термогенна — в ней поддерживается постоянная температура тридцать семь градусов, а пена изолирует тепло. Помните наши вчерашние фантазии?

Марк подплыл к балке и хотел вылезти, но тотчас опять ушел по шее в белую пену — снаружи было холодно.

— Итак, — спросил он, глядя на Рея горящими глазами, — выходит, что, живя в этой слякоти, не надо питаться, одеваться, заводить дом, мебель и прочее?

— Безусловно. Мою среду можно считать идеальной для человеческого организма. Ухода за бактериями не требуется, размножаются они необычайно быстро...

— Так что со временем покроют весь земной шар, — подхватил Марк. — И тогда наступит золотой век человечества!

— Конечно, — кратко ответил Рей.

Они поговорили еще немного, потом профессор слез, а Марк нырнул под пену. Чуть щипало глаза, как от мыла, но, в общем у него было чудесное настроение. Марк нежился, выгибался и принимал самые томные позы, скользя по аквариуму, пока не сообразил, что Рей может смотреть на него, а со стороны это выглядело, наверное, смешно. Он подплыл к стеклу — прожекторы были потушены, перед ним, как на экране кино, бесшумно шевелилась забавная фигурка ста-

ричка в шубе. Рей открывал и закрывал шкафы, перетирал пробирки и склянки. Когда он становился спиной или загромождал руки, Марк сердился и даже хотел постучать в стекло, но было лень шевелиться. Но вот Рей оглянулся и, помахав рукой, вышел. Экран потух. Серая мгла окружила Марка.

Он выплыл к лампочке под потолком и тщательно оглядел все тесное пространство между потолком и поверхностью пены. Кроме кафельных плиток, тут ничего не было, даже в самых темных углах. Пена снова сомкнулась над его головой, и только теперь Марк признался себе, что ему нестерпимо скучно.

— Конечно, — рассуждал он, — тут не Луна-парк. Но ведь я буду не один: в среде появятся родные, друзья, девушки. — Мысль его обратилась к любви, и он представил ее здесь, где жизнь так легка, где не из-за чего ссориться... И дети с момента рождения станут совершенно самостоятельными, не будет плача, пеленок, расходов.

Однако ему вспомнился сад и цветущие вишни, свежий ветер с реки, старая скамейка в саду. Он почувствовал, что на глазах выступили слезы, но тут же сообразил, что и они сейчас будут превращены услужливыми бактериями в пищу и кислород. Пытался представить себе, как пахнет свежий хлеб и чесноковая колбаса, — не мог, до того был полон противной сытостью.

«От всего этого можно постепенно отвыкнуть, — думал лениво Марк. Он старался разглядеть в струившемся полумраке очертания своего тела — сильных, мускулистых ног, ловких рук, которые прежде никогда не замечал. — Да, мускулы от бездействия скоро пропадут, желудок и легкие начнут отмирать. Э, плевать, лишь бы не было так скучно... Хоть бы старик затащил сюда еще кого-нибудь!»

Так он лежал, сжавшись, где-то посредине аквариума и тихонько тосковал. Теперь уже сушая чепуха лезла ему в голову: хоть бы блоха укусила, а еще лучше — ногу кто-нибудь отдал бы. Даже поссориться с кем-нибудь было бы неплохо...

И вдруг в темном углу напротив он увидел чужие глаза. Они раскрывались все шире, в них блеснул зловещий огонь, они стекленели... По спине Марка от затылка к ногам, отдавшись где-то в кончиках пальцев, проползла противная дрожь. Скрючились пальцы, напряглись все мускулы, выгнулась спина — и все это прежде, чем он успел подумать: «Что же я делаю? Почему меня властно тянет туда?»

Вот в углу шевельнулось... Вот он, сосед, претендент на те же энзимы, на ту же порцию биологического счастья! Сейчас он бросится, навалится на шею и отнимет жизнь... «Но я же его не трогал!»

Словно таинственная пружина сорвалась с защелки в сознании Марка и сработал скрытый в нем мощный механизм. Он повернулся на спину и молнией ринулся туда, во мглу, норовя ухватить зубами ненавистное горло, которое угадывал под этими страшными глазами.

Скользкий удар по голове... Марк мгновенно вывернулся назад и вбок, скользя вдоль стекла — и рядом с ним, нос к носу, покорно скользил тот, другой... Да это зеркало! Даже просто отражение в стеклянной стенке, его собственное искаженное лицо, его белые, расширенные глаза, его зубы, ощеренные для схватки...

«Что же это я делал? — спрашивал себя Марк, закрыв глаза и больше всего боясь увидеть себя снова таким. — Ведь я хотел загрызть человека, подобного себе! И если осуществится то, что задумал Рей, то это и будет одна грызня. Счастливые обитатели среды, мы будем плавать по морям слизи, прятаться среди руин древних цивилизаций и подкарауливать друг друга». Марк чувствовал, что на него наплывает леденящий страх, которого нельзя вынести. Он крутился на месте, не понимая еще, куда надо бежать, в какую сторону вылезать, и твердил только одно: «Нет! Нет, нет, я не хочу, я не могу, нет...»

...Голый лоснящийся человек вошел в библиотеку, оставляя на паркете и книжных страницах липкие следы. Прижимая одной рукой охапку одежды, он трясущимися пальцами взял со стола сигарету.

— Вы что? — спросил побледневший Рей, отрываясь от книги. — Среда вас отравила? Но ведь она не токсична... Куда же вы?

Марк жадно затянулся и, поспешно одеваясь, ответил нетерпеливо и гневно:

— Она не токсична? Ваша среда — страшный яд! К вам еще явятся генералы. И я знаю, какой «земной рай» они создадут. В целых озерах вашей жидкости они будут держать солдат, как селедок в рассоле.

— Что вы, что вы... — растерянно пролепетал профессор.

— Консервированные армии! — перебил Марк. — А хозяйчики смогут там держать безработных. Среда же не токсична, в ней можно годами блаженствовать. Но вы, профессор, забыли, что, кроме биологии, есть еще психология. Люди стали другими. Нет дураков, которые добровольно полезут в эту слякоть! Как бы ваши генералы туда не попали.

— Они не мои! Погодите!..

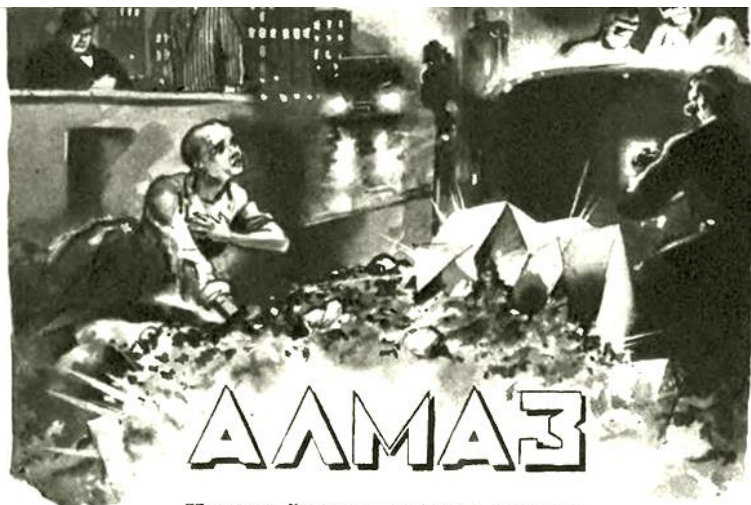
Не отвечая, Марк выбежал в коридор. Мысль, что сейчас он почувствует на щеке холодок заснеженной улицы, увидит милое морщинистое лицо матери, ясные глаза сестры, а завтра сможет пойти в порт, будет грузить тюки, почувствует усталость в плечах, — эта мысль наполняла его блаженством. Он представил себе, как встретит Тома-агитатора, потолкует с ним, они вместе пойдут в союз, и Том скажет: «Это честный парень, ребята, его зовут Марк. Правда, он кое-чего в жизни не понимал, но получил хорошую встряску. Дайте-ка ему задачу потрудней, ручаюсь за него!» — И крепко хлопнет его по плечу, и все засмеются.

В. РОЩАХОВСКИЙ

АЛМАЗ

Научно-фантастический
рассказ

Научно-фантастический рассказ

В. РОЩАХОВСКИЙ
г. Подольск

Рис. К. АРЦЕУЛОВА

I

Традиционная международная выставка в Демпорте открылась первого августа. После небольшой речи министра торговли, щелканья аппаратов и, наконец, торжественной церемонии разрезания ленты толпа посетителей хлынула на территорию выставки.

Множество людей сразу же устремилось к концу центральной аллеи, где на высокой мачте развевалось алое полотнище, и над входом сверкала золотом надпись: «Союз Советских Социалистических Республик».

«Какой сюрприз подготовили нам русские в этом году?» — слышалось повсюду.

В павильоне, еще закрытом для широкой публики, очевидно, было что-то интересное. Представители прессы буквально выскакивали из его дверей, прыгали через несколько ступенек и, отталкивая любопытных с прохода, мчались что есть духу по аллее к прессбюро выставки.

Скоро весь город, а затем и мир, облетела сенсационная весть: «Русские нашли секрет получения крупных алмазов искусственным путем!»

Целая вереница комнат на 42-м этаже походила на расстроенный улей. Непрерывно хлопали двери, носились люди с ворохами бумаг, звонили телефоны...

В полукруглом зале собрались члены акционерного совета, директора, крупные вкладчики «Даймонд корпорейшн» — алмазной корпорации.

Необычным было это собрание в конце знойного лета. Впервые за многие десятилетия пошатнулись незыблемые устои корпорации, бумаги которой считались уже много лет самыми устойчивыми на мировом биржевом рынке.

На председательское место взошел глава Корпорации Анива Теодор, и в зале наступила тишина.

— Господа! Не я, а русские нарушили ваш летний отдых. Это они совершили агрессию, стараясь подорвать нашу экономику. Мы с вами положили достаточно труда, чтобы создать для России алмазный голод. Но они изворачиваются и хотят ввести нас в заблуждение. Получить крупные алмазы искусственным путем невозможно. Об этом говорили и говорят величайшие умы человечества. Алмазы рождались в недрах земли десятки миллионов лет назад при неизвестных человеку условиях, и человеку никогда не получить такие условия в своих лабораториях.

— А как же экспонаты в Демпорте? — спросило несколько голосов.

— Блеф и еще раз блеф, — спокойно заявил глава корпорации. — Я имею подробный доклад нашего представителя в Демпорте. Да, действительно русские демонстрируют инструменты с необыкновенно крупными для инструментального дела алмазами. Но, господа! Специалисты, ознакомившись с этими экспонатами, единодушно заявляют, что русские использовали все свои наличные драгоценности, чтобы снабдить выставку сенсационными образцами.

Анива Теодор больше не выступал и, сидя в кресле, молча созерцал своих коллег, мысленно представляя выра-

жения их лиц завтра, когда они узнают о том, что он продал все свои акции на алмазные копи. А затем... Ему необходим секрет производства алмазов!

Учебное судно «Ангара» стояло в африканском порту уже пятый день. Эта стоянка явилась следствием тяжелого шторма, который пришлось перенести «Ангаре» в Атлантике. За четыре дня стоянки команде пришлось немало потрудиться. Теперь «Ангара» готова в путь и завтра утром покинет этот знойный порт.

Команда, почти не сходившая в предыдущие дни на берег, получила день отдыха. Моряки возвращались на «Ангару» с целыми корзинами фруктов. Штурман Соловьев купил попугая и сидел с клеткой в ожидании, пока подойдет к пристани с очередным рейсом их шлюпка.

Внезапно внимание всех привлек шум на одной из улиц, ведущих к порту. Моряки прекратили разговоры и повернулись в сторону раздававшихся все ближе криков. На портовую площадь хлынула толпа, впереди которой бежала, прихрамывая, какая-то женщина в лохмотьях. За ней гнались.

Увидев стоявших на набережной моряков, женщина бросилась к ним. Выбиваясь из сил, она вдруг закричала на чистом русском языке:

— Товарищи, родные! Помогите мне, я русская!..

Моряки невольно сделали несколько шагов ей навстречу, и через мгновение несчастная была уже среди них. В изнеможении она опустилась прямо на мостовую.

Преследователи, полицейские, какие-то люди с повязками и винтовками, просто зеваки остановились поодаль, отчаянно жестикулируя. Наконец один из полицейских подошел к морякам и сказал:

— Эта женщина сбежала от своего хозяина! Ей надо идти обратно!

Штурман, к которому были обращены эти слова, еще не успел ответить, как неизвестная приподнялась и ухватила его за руку:

— Ради всего святого, умоляю вас, не отдавайте меня! Я советская гражданка... Была у немцев в концлагере... После

войны заставили подписать бумагу, и теперь я в кабале... Товарищи, пятнадцать лет! Я погибаю здесь... у меня дома остались муж, ребенок... Спасите меня!

От этих слов сжались кулаки, сдвинулись брови, глаза зажглись гневом и испуганные преследователи отступили назад. В этот момент к месту происшествия подъехал открытый автомобиль, из которого вышел офицер в белом. Он подошел к морякам и, приложив палец к пробковому шлему, процедил:

— Прошу, господа, не нарушать законов страны, на территории которой вы находитесь в настоящий момент. Прошу не противодействовать представителям власти!

— Но это ведь подданная СССР! Ее незаконно задерживают здесь.

— Ну, это еще надо доказать!

— Разве недостаточно ее заявления?!

— Конечно, нет. По нашим данным, это немка Ирма Кейтер, не имеющая никакого отношения к вашей стране.

Женщина вскочила в отчаянии, как только было произнесено имя Ирмы Кейтер.

— Ложь! Это ложь! Я не Ирма, это они меня перекрестили... Я русская, мое имя Елена Андреевна Старцева. Товарищи, не верьте ему!..

Офицер даже не посмотрел в ее сторону и вновь обратился к Соловьеву:

— Господа, я еще раз прошу не вмешиваться во внутреннее дела этой страны! В противном случае...

Соловьев и сам видел, что при сложившихся обстоятельствах он пока ничем не может помочь несчастной.

— Товарищи, уйдемте отсюда,— сказал он морякам и, повернувшись к офицеру, добавил: — Я сейчас же еду в наше консульство и сообщу о факте задержания вами советской подданной.

Тот пожал только плечами и подозвал двух полицейских, приказав им увести женщину. А она продолжала молить о помощи...

Прежде чем обратиться в консульство, Соловьев сначала решил побывать на «Ангаре» и рассказать обо всем капитану.

...В консульство они поехали вдвоем. Каково же было их удивление, когда они застали там Елену Андреевну Старцеву. Консул объявил им:

— Местные власти, видимо, не пожелали неприятной для них огласки. Как ни странно, но они сами привезли Старцеву и заявили, что в результате проведенного расследования выяснено, что Старцева это Старцева, а не Ирма Кейтер. Вас, товарищ капитан, я прошу взять Старцеву с собой на Родину. Документы мы подготовили...

Всхлипывая от радости, женщина вступила на борт советского корабля. Остриженная наголо, худая, в лохмотьях, которые едва прикрывали ее тело, шла она по палубе, и слезы катились по ее почерневшим щекам. Капитан поручил Елену Андреевну попечению радистки парохода Верочки Алешиной.

— Три тысячи шестьсот...

— Три тысячи семьсот...

— Три тысячи девятьсот...

— Евгений Николаевич! Четыре тысячи градусов!

Начальник лаборатории Евгений Николаевич Соколов оторвался от микроскопа и подошел к громадному сооружению, возвышавшемуся посреди зала. Возле панели с приборами, кнопками и рычагами стояли две девушки, внимательно следившие за стрелками приборов.

— Зоя, доводите давление до следующего предела...

К размеренному шуму Машин за стеной добавился новый звук. Одновременно замигали сигнальные лампочки.

— Температуру снять!

— Готово!

— Следите за секундомером... Где-то, в противоположном конце зала, раздался телефонный звонок.

Соколов раздраженно пожал плечами.

— Зоя, на двести сороковой секунде вводите кристаллы.

Девушка кивнула, не отрывая взгляда от секундомера, а ученый быстро прошел к телефону.

— Соколов слушает.

Недовольное выражение лица вдруг сменилось растерянным. Поблуднев, Евгений Николаевич тяжело опустился на стул.

— Лена... — с трудом только мог он выговорить. — Ты?..

Прошло еще несколько минут, пока он смог собраться с мыслями и вернулась способность быстро соображать. Он положил трубку, обвел всех сияющими глазами.

— Товарищи! Дорогие друзья мои, У меня большое счастье, нашлась моя жена... Она жива!

Сказал и, как резвый мальчишка, бросился бежать, только крикнув на ходу:

— Зоя, доведите процесс, вы знаете, как!..

Квартира Соколова была на другом конце города, и пока автомобиль пробирался сквозь потоки машин и людные перекрестки, Евгений Николаевич невольно отдался воспоминаниям.

Осенью тридцать девятого года он, молодой инженер, только что окончивший вуз, получил назначение во Львов, новый областной центр Советской Украины. А в апреле следующего года Соколов уже женился на обаятельной Леночке Старцевой, восемнадцатилетней дочери своей знакомой по работе.

Надо отдать должное Евгению Николаевичу, он был искренне увлечен своей работой. Уже тогда родилась у него мечта попытаться создать искусственный алмаз.

Через два месяца после свадьбы Евгений Николаевич неожиданно получил назначение на новое место работы: не куда-нибудь рядом, а в Среднюю Азию.

Трагедия расставания жены с тещей надолго осталась в его памяти.

Поселились они в прекрасном зеленом городе Алма-Ате.

Здесь Евгений Николаевич стал ощущать тернии в букете роз. Оказалось, что Леночка не умеет стирать свое изящ-

ное белье. И не знает, как приступить к мытью головы (эти чудесные шелковые локоны всегда мыла ей мама), не говоря уже о таких проблемах, как приготовление пищи и прочие домашние заботы. Взять домработницу было бы очень накладно для молодого инженера: Лена ведь не работала. Да и как работать, если нет никакой специальности. Много писем написал Евгений Николаевич, пока убедил свою мать приехать к нему. Мать приехала вовремя: у Леночки родилась дочь.

Евгений Николаевич в душе должен был признать, что Лена не только плохая хозяйка, но и беспомощная мать. От пеленок ее тошнило, а необходимость вставать ночью вызвала расстройство нервной системы. Пришлось Юлечке перекочевать в бабушкину комнату на постоянное жительство.

И все же Евгений Николаевич страстно любил свою хорошенькую супругу, с охотой выполняя любой ее каприз.

Шла зима сорок первого года. Они стали получать все чаще письма от тещи. Она просила с первым же весенним солнцем приехать во Львов, чтобы Леночка хоть месяц отдохнула от домашних забот.

Ранней весной Соколову не удалось получить отпуск, и они выехали во Львов только в конце мая, оставив дочку на попечение его матери. Во Львове их застала война... Евгений Николаевич в первый же день пошел добровольцем в военкомат, наказав жене срочно собирать вещи и уезжать домой.

Больше он ее не видел. Во Львов вошли гитлеровцы.

С тех пор минуло пятнадцать лет. Евгений Николаевич безуспешно разыскивал свою жену. Так же бесследно исчезла теща.

Евгений Николаевич отдал теперь всего себя своим изысканиям и воспитанию дочери. Они жили в Москве, и Юлечка уже училась в восьмом классе. Над письменным столом Евгения Николаевича висел большой портрет Лены. Память о дорогом человеке с годами не притуплялась, лишь

все меньше становилось надежд... И вот сегодня!.. Не сон ли это?

Автомобиль остановился у подъезда дома, где жил Евгений Николаевич Соколов.

Сумрак уже заполнял комнату, а они все говорили и говорили, смотря друг на друга и не выпуская рук.

— Ну, а после войны? После победы?

— Для нас это явилось самой ужасной минутой. До этого мы жили надеждой на освобождение... А потом... У нас в лагере все, абсолютно все требовали возврата домой на родину. Как-то ночью нас подняли и стали развозить в разные места. Сказали, что лагерь расформировывается... Меня и еще тридцать женщин привезли в лагерь под Мюнхеном. Изо дня в день нас всячески обрабатывали, угрожали, уговаривали изменить, отказаться вернуться домой, записываться в какие-то батальоны... И вот в этот момент является в лагерь вербовщик и рисует нам райскую жизнь в тропиках, с их прекрасным климатом и чудесами природы. Еды хоть отбавляй, каждое дерево кормит, холодов не бывает... Будут хорошо платить, накопите денег, захотите домой — удерживать не будем. Многие из приехавших со мной записались. Решилась и я на это. Вербовщик сказал, что для того, чтобы нас провезти на место, нужно временно принять другие имена и выдавать себя за немок. Уже в трюме, куда нас набили несколько сот, многие стали подозревать, что нас обманули... Так оно и было. Это тяжелый сон, Женя... Девять лет среди джунглей. Москиты и змеи, лихорадка и топки болота, сотни смертей...

Елена Андреевна помолчала, как бы о чем-то вспоминая.

— Я пережила многих... Несколько месяцев назад, — продолжала она, — я пробовала бежать. Узнала, что в порту стоит наш пароход. Меня поймали, били... Потом послали на самую тяжелую работу. Это меня заставило решиться на второй побег...

Елена Андреевна вдруг заплакала, и муж нежно обнял ее худые вздрагивающие плечи, стараясь успокоить. Все прошло, осталось позади, а теперь они будут счастливо жить

вместе. Конечно, пятнадцать лет разлуки — это что-то значит! Можно стать совсем чужими, но Евгений Николаевич чувствовал, что он любит свою Леночку так же, как и в далекие годы их встречи, и даже больше... Елена Андреевна не могла этого не почувствовать. Согретая лаской, она успокоилась.

— Все я и я говорю, а о себе ты так мало рассказываешь! Как твоя работа? Ты, наверное, действительно стал большим человеком?... Такая квартира, обстановка, свой автомобиль...

— Ленок, ты помнишь мою мечту?

— Искать секрет алмаза?

Если было бы светло в комнате, Елена Андреевна смогла бы увидеть слезы на глазах мужа — ведь она сумела пронести сквозь столько испытаний память о его мечте!

— Да, Леночка, да! И это уже не мечта. Я нашел этот секрет... Я и мои товарищи по работе...

— Я горжусь тобой, милый...

Соколов немного смутился:

— Я постараюсь тебе рассказать, чтобы ты поняла хоть идею.

Елена Андреевна весело рассмеялась:

— Все равно ничего не пойму, лучше не объясняй! Но я поняла, что была трутнем... Мне хотелось бы работать с тобой. Только твоя специальность страшно трудная. Я изберу себе что-нибудь попроще.

В прихожей раздался звонок.

— Юлечка из школы вернулась! Вот сюрприз ее ждет! — воскликнул Евгений Николаевич и побежал открывать дочери дверь. Елена Андреевна не спеша поднялась и направилась вслед за мужем.

Евгения Николаевича целые дни поздравляли знакомые и незнакомые, все были рады его счастью. Ему теперь ни на минуту не позволяли задерживаться в лаборатории, выпроваживали домой. И он мчался домой, где вновь и вновь смотрел на свою Леночку, которая поправилась и похоро-

шла. Однажды вечером, усадив жену рядом на диван, он сказал:

— Ты все же послушай, Леночка, о том, над чем я работаю. Я постараюсь все рассказать как можно проще. Во-первых, что ты сама знаешь об этом чудесном камне?

— Что я знаю?.. Это очень твердый кристалл. Применяется для украшений. Вот и все...

— Очень мало, Леночка. Итак, моей первой задачей было установить истинную картину рождения алмазов в земной коре. Не буду тебе говорить, какими путями я шел к этому, но с помощью некоторых ученых-геологов я себе представил картину рождения этого драгоценного камня. Ты ведь знаешь, должно быть, что алмаз — это совершенно чистый углерод и родной брат графита и угля. Их различие заключено в строении кристаллической решетки. Но об этом потом. Сначала о рождении алмаза. Представь себе, что бушующий вулкан из-за сдвигов земной коры, закрывших канал вулкана, вдруг перестает действовать. И вот в жерле вулкана образуется своеобразная пробка. Вначале она раскалена. Но так как к ней теперь закрыт уже доступ раскаленной магмы, она начинает постепенно остывать. И в такой магме под огромным давлением начинает выкристаллизовываться алмаз. Такое мнение существовало и раньше, но к этому еще добавляли, что процесс кристаллизации происходил на больших глубинах, при больших давлениях и температурах. С этим я не могу согласиться. Да, для начала процесса образования алмаза нужны высокие давления и температуры, но при кристаллизации они не нужны, и, мало этого, если температура превышает тысячу градусов, кристаллизация не пойдет! Кроме этого, всем известно, что чем глубже мы попадаем в земную кору, тем больше там радиоактивных пород. И есть предположение, что в центре Земли идут колоссальные ядерные превращения. В то же время нами установлено и доказано, что любая радиоактивность — враг кристаллизации! Алмазы рождались в лаве при ее остывании близко к земной поверхности. Считаю, что процесс этот требовал много тысяч лет.

Евгений Николаевич уже забыл, что перед ним только одна жена. Он говорил громко, и в каждом его слове чувствовалась несокрушимая уверенность.

— Такое рождение алмаза я считаю доказанным. Их находят в реках. Ну что ж... Значит, река размыла на своем пути такую вулканическую пробку. Я мысленно видел картину рождения неукротимого. Ведь алмаз — слово греческое, и означает «неукротимый». Теперь предстояло повторить ее в лаборатории. Но не только повторить, а и укоротить срок рождения — с тысячелетий до нескольких дней, а то и часов. Вот теперь вернемся к кристаллической решетке алмаза. Каждый атом углерода в алмазе соединен непосредственно с четырьмя другими атомами. Все расстояния между ними одинаковы, значит, каждый атом алмаза находится в центре правильного тетраэдра. Мы можем сказать даже, что сам кристалл алмаза — это одна огромная трехмерная молекула. А графит, родной брат алмаза, — другое дело... Это мириады мельчайших чешуек — шестиугольничков, с плохой связью между чешуйками. Искать возможность переделки кристаллической решетки графита в алмазную? Напрасный труд! Почти десять лет мы искали другой путь, более реальный. И вот весной он был найден...

Соколов вдруг пришел в себя и виновато улыбнулся:

— Я не утомил тебя?

— Нет, нет! Что ты... рассказывай дальше.

— Я не буду тебе описывать всех наших исканий, неудач и разочарований. Скажу только, что со мной работали замечательные наши советские люди. Годы уходили на поиски, но меня никто не торопил, и я всегда видел участие и внимание к своей работе. В чем же суть нашего открытия? Зная, как рождается алмаз в природе, мы стали создавать такие же условия в лаборатории. Это было нелегко... И вот, в конце концов, у нас вырисовалась схема искусственного получения алмаза. Представь себе, Лена, большой ящик, в который насыпана специальная шихта. В эту шихту укладываются пластины графита на определенном расстоянии друг от друга, а затем все это прессуется и герметически

закрывается. С помощью тока высокой частоты начинается плавка шихты и находящихся в ней графитовых пластин. Одновременно искусственно повышается давление до десятков тысяч атмосфер. В расплавленной шихте, где нет и следов кислорода, очень вредного в нашем процессе, графит превращается в газообразный углерод. Если теперь начать постепенно снижать температуру и давление, то через тысячи лет в шихте выкристаллизуются алмазы... Но разве это нас может устроить? Начались поиски возможности ускорения процесса. И оказалось, что достаточно в пузырьки газообразного углерода ввести мельчайший кристаллик алмаза, как он начнет быстро расти и через некоторое время в остывшей шихте появятся крупные алмазы. Это несколько напоминает кристаллизацию в перенасыщенном растворе. Но с таким алмазом надо быть еще осторожным: он хрупок, в нем не наступило еще атомное равновесие. Чтобы быстро сделать этот кристалл настоящим алмазом, мы подвергаем его искусственному старению в сильном электромагнитном поле. И вот, наконец, мы имеем камень «неукротимый», который никто не отличит от найденного где-нибудь в алмазных копиях.

Лена смущенно потерла виски:

— Это очень интересно. Но у меня... немного голова разболелась.

После вызова к министру Соколов решил обрадовать свою Леночку и раньше, чем обычно, приехать домой.

Но дома была только одна Юля. Мать Соколова уже две недели была у своей сестры в деревне. Елена Андреевна отговорила мужа посылать матери телеграмму: она там, у постели тяжело больной, гораздо нужнее.

— Где мама, доченька?

— Не знаю... — равнодушно ответила девочка и прошла в свою комнату, а не бросилась, как обычно, к отцу, делясь своими успехами в школе.

«Да, не клеятся что-то взаимоотношения у Лены с дочкой... Как-никак выросла, не зная матери, и сейчас, конечно, привыкнуть нелегко, сторонится ее...» — думал Евгений

Николаевич, а сам все прислушивался: не позвонят ли в передней.

Елена Андреевна вернулась не скоро. В руках у нее было множество свертков и пакетов. От морозного воздуха покраснели щеки, и перед Евгением Николаевичем мелькнула тень прошлого: когда-то восемнадцатилетняя Леночка вот так возвращалась с покупками в пору их недолгой жизни в Алма-Ате. Ходить по магазинам и что-нибудь покупать или просто так спрашивать цены и держать товары в руках — было ее страстью.

— Ну, муженек меня заждался и, наверное, уже сердит. Да? Ты, наверное, проголодался? А я такая предусмотрительная, что даже купила бутылочку вина.

Елена Андреевна быстро накрыла на стол. Поужинали весело. Соколов с удовольствием следил, как Лена старается растопить ледок в своих отношениях с дочкой.

После ужина Лена, положив мужу руку на плечо, с укором сказала:

— Хотела убрать в твоем кабинете, но ты его запираешь от жены! — и Елена Андреевна кивнула на ключ, который Соколов вертел на пальце.

— Лена, зачем ты меня обижаешь?

— Разве не наоборот? Мне кажется, что основание обидеться...

— Нет. За эти годы сложился у нас в семье порядок: в мой кабинет никто не ходит. Не потому, что там хранятся тайны, а потому, что я не люблю, когда трогают мои книги, бумаги... Ключ же всегда лежит на верхней полке буфета... Я не знал, что ты болезненно это воспримешь, а то объяснил бы сразу. Когда тебе нужно, располагай кабинетом как угодно!

— Что ты, Евгений, спасибо! Мне хватает остальных трех комнат. Это ведь такая роскошь после полутора десятков лет, проведенных в бараках, землянках, а то и под открытым небом...

— Лена, если я тебя обидел, прости. Ну, не сердись уже?..

— Нет, Евгений, не сержусь... Все это ведь для меня понятно. И все же немного обидно... Ну ладно, не будем об этом... Однако знаешь, я сегодня лягу на диване в столовой.

— Почему?

— Я переволновалась. Чувствую, что будет бессонница. Стану курить, ворочаться... Я не хочу мешать твоему отдыху. Я ведь еще лодырничаю, а тебе утром на работу... Спокойной ночи! — И она поцеловала его.

Евгений Николаевич возражать не стал.

Подходил к концу торжественный митинг, посвященный открытию первой в мире промышленной установки по изготовлению искусственных алмазов.

На трибуне заканчивал свое выступление министр химической промышленности.

— Товарищи! До сих пор годовая добыча алмазов во всем мире едва достигала трех тысяч килограммов. Ваш же завод будет давать это количество менее чем за месяц! В алмазных копиях приходится обрабатывать тонну породы, чтобы получить один карат алмаза, а каждая ваша установка будет давать за смену десятки тысяч каратов!

Затем министр поздравил работников нового завода с новым достижением нашей промышленности и под оглушительные аплодисменты подвел к большому распределительному щиту смущенного Евгения Николаевича Соколова, который должен был включить первый ток.

Под впечатлением этой минуты Евгений Николаевич пробыл всю дорогу от завода до института. Подымаясь по ступенькам парадного входа, он вдруг услышал крик: «Папа!»

— Юлия?! Что случилось, почему ты не в школе?

Девочка сильно продрогла.

— Пойдем в вестибюль, я совсем замерзла, ожидая тебя. Три часа жду.

Соколов прошел с дочерью в столовую, разогрел чай и напоил девочку.

— Что же случилось? Неприятности в школе, да?

— Нет! Я не знаю, как тебе сказать... Папа... Она... не наша!

— Да ты бредишь, девочка, кто она? Кто не наша?

— Нет, нет! Мама не наша... Ночью я проснулась оттого, что скрипнула входная дверь, и кто-то вошел в квартиру. Я подумала: может быть, это бабушка приехала, и побежала в прихожую, но это была не бабушка...

— А кто же?

— Эта женщина... Старцева...

— Юля, ты определенно больна! — озабоченно сказал Соколов, рассматривая дочь. — Ты забыла, что она твоя мать? И откуда она могла прийти ночью?..

В глазах у девочки появились слезы:

— Папочка, выслушай же меня!.. Мать... Разве мама такая?.. Увидела, что я стою в дверях, и говорит: «Голова болит ужасно, прошлась по свежему воздуху — лучше стало...» А потом, как закричит на меня: «Марш спать!» Я легла и никак не могу заснуть. Она два раза приходила, смотрела. Я притворилась, что сплю... Потом она взяла ключ и пошла в твой кабинет...

— В кабинет?..

— Да. А я... я подсмотрела: она фотографировала тот альбом чертежей, что тебе вчера принесли с завода...

Соколов схватился за голову и отпрянул от дочери:

— Юля! Да понимаешь ли ты, что ты говоришь?! Ведь это мог делать только наш враг!

— Я поэтому пришла к тебе...

Шло следствие...

— Итак, вы показываете, что пытками, истязаниями, голодом иностранная разведка заставила вас согласиться заниматься шпионажем в СССР в пользу этой разведки. При этом вам якобы было поручено собирать поверхностную

информацию о секрете алмаза, после чего вас бы освободили от всяких обязанностей?

— Да.

— Тот факт, что по прибытии в Советский Союз вы стали заниматься шпионажем, вместо того чтобы честно признаться сразу же, вами объясняется как боязнь угроз со стороны иностранной разведки убить вас и вашего мужа? Так?

— Да.

— Вы признались, что разыгранная вами сцена перед моряками парохода «Ангара» была продуманной провокацией?

— Да.

— И вы утверждаете, что сообщников у вас не было, а информацию должен у вас взять человек, который сам вас найдет?

— Да.

— Вам больше нечего добавить?

— Я все сказала. Какой смысл теперь что-либо скрывать?..

— В последних словах есть доля истины. Однако наш разговор нельзя считать оконченным. Нам еще придется побеседовать, так как все, что вы показали, за исключением того, что вы иностранный агент, и того, что в африканском порту вами была совершена провокация, кроме этого, все остальное — ложь! Вы не Елена Старцева!

— О...

— Да, не Старцева и не Кейтер. Вы Лилиан Кроуз.

В кабинет полковника Тевилева вошел капитан Тимченко.

— Разрешите доложить, товарищ полковник? Кроуз со-
зналась.

— Как же теперь выглядит эта история в целом?

— В сорок первом году специальный представитель гестапо Курт Гиммель проводил отбор гражданского населения для насильственного угона в Германию. Среди других ему на глаза попалась Елена Старцева. Она совершенно не

годилась для физической работы, так как перед этим перенесла тяжелую болезнь.

Однако Гиммель обратил внимание на Старцеву не случайно.

Оказывается, она была совершенным двойником одной сотрудницы Гиммеля—Лилиан Кроуз. Узнав, что у Старцевой муж в армии, а в Средней Азии у нее остались свекровь и дочь, гестаповец придумал далеко идущий план. Он перевел Старцеву в особый концлагерь в Грюнберг. «Чудо природы!» — восторгался Гиммель абсолютным сходством Старцевой и Кроуз. Волосы, глаза, овал лица, рост, телосложение — все у них было одинаковым. Только Кроуз была старше на два года, да Елена Андреевна выглядела болезненно после всего перенесенного. В течение трех лет Кроуз не отходила от Старцевой ни на шаг, изучая все: характер этой женщины, малейшие подробности жизни ее с мужем, со свекровью. А затем Старцеву под видом перевода в другой лагерь увезли и расстреляли. Кроуз перевоплотилась в нее, собираясь быть переброшенной в Советский Союз. Но... наступил май сорок пятого года. После скитаний Гиммель и Кроуз обрели новых хозяев. Идея подмены Старцевой им очень пришлась по душе. Началась новая подготовка, на этот раз по американскому методу. Они считали, что работа Кроуз-Старцевой гарантирована от провала. Знакомые Старцевых по Львову знали, что Елена Андреевна действительно долго находилась в концлагере, а потом след ее потерялся. Что же касается матери, ее уничтожили в конце сорок третьего года по прямому заданию Гиммеля, так как Кроуз опасно было сталкиваться с матерью Елены. Все, что могла упустить Кроуз в копировании Старцевой, можно было отнести за счет перемен после пятнадцати лет «разлуки».

— Какое конкретное задание она имела?

— Добыть секрет алмаза, уничтожить лабораторию и Соколова.

— Сообщников двое?

— Да, двое, оба задержаны.

Открытый автомобиль проезжает мимо белого здания с колоннами. Оно все окружено зеленью, цветами. Перед входом разбит сквер, в центре которого журчит фонтан.

— Вот, Юленька, наше последнее детище — алмазный завод-автомат номер семьдесят-«бис», — говорит девушке в белом седой мужчина, тормозя бег автомобиля. — Мы должны снабдить всю нашу промышленность алмазными инструментами. Алмаз — драгоценный камень. Но еще драгоценней, еще тверже в работе, еще ярче крупнейших алмазов наши люди, те, кто строит и трудится на наших заводах, полях...

— Папочка, ты говоришь, как поэт!

— Я говорю правду. Ведь ты знаешь, что значит слово «алмаз»?

— Да! Неукротимый!

— Вот видишь...

— Ты у меня тоже алмаз! — И девушка гладит седые кудри отца.

Б. КАРАМЗИН

НЬЮ-МЕЛАНОЗ ПРОФЕССОРА КЛИПСА

Научно-фантастический рассказ

У газетного киоска с небольшой витриной, пестрой от крикливых обложек комиксов, стоял старый человек в сильно потрепанном костюме. Он предлагал прохожим толстую книгу в зеленом переплете:

— Полдоллара! Почти даром!. Сочинение профессора Клипса. Редкость!

Я подошел к человеку, взял книгу из его рук и сказал, не скрывая удивления:

— Получите деньги. Но где вы достали такую редкую книгу?

Старик посмотрел на меня тусклыми голубыми глазами, попытался изобразить на лице веселую улыбку и ответил:

— Я знал Клипса лично! Хотите, расскажу о нем все за кружкой пива? Будем знакомы. Сэмюэль Корнер!

Когда в баре Корнер отодвинул опустевшую кружку, я вскользь промолвил:

— Говорят, профессор Клипс был талантливым ученым. Верно это?

— Конечно! Только людям от их науки иной раз такие неприятности бывают...

— Что вы этим хотите сказать?

— Только то, что меня из-за Клипса собирались повесить. Просто чудо, что меня не линчевали.

— Быть может, Сэм, память ваша сохранила подробности'

— У меня отличная память. Только вы бы сказали бармену, пусть нам подбросит еще пива на стол...

Я потребовал еще пива и сказал Корнеру:

— Наливайте, Сэм. Я, как говорится, выхожу из игры. Так где же судьба столкнула вас с наукой?

— Я тогда служил сторожем на городской водокачке в Бестполисе. Это городишко на юге. Семь тысяч жителей. Четыре пивных, один ресторан и две ссудные кассы. Население все свое время делит поровну между этими точками.

С невольной улыбкой я вставил:

— Вы, вероятно, не отставали от других?

— Ошибаетесь! Я был тогда молод и трудолюбив. Именно этому я и обязан своим близким знакомством с профессором Клипсом. У него была там усадьба с лабораторией, и в свободное время я ему помогал, так сказать, в научной работе. Чорт знает, сколько грязной посуды накапливал он ежедневно! Мытье ее отнимало у меня массу времени.

А Клипс занимался в те дни меланозом. Знаете, есть такая болезнь, при которой вся кожа у человека приобретает почти черный цвет? Так вот — профессор установил и исследовал несколько видов этого заболевания и, в частности, вырастил в своей лаборатории бактерии необычайной активности. Он называл их «пигментообразующими», а порождаемую ими забавную болезнь окрестил «нью-меланозом». Он говорил, что эти бактерии для человека безвредны, но убивают какие-то опасные вирусы.

— О-о, да вы просто знаток, Сэм, во всех этих вещах.

— Что ж, говорю вам, я был молод и нередко совал нос, куда вовсе не следовало. В общем, должен сказать, что профессор, наверное, добился бы чего-нибудь путного, не ввязавшись он в конфликт с голубчиками из «Легиона».

— Чем же мог помешать «Легиону» Клипс — мирный ученый?!

— Ну он утверждал, например, что различный цвет кожи вовсе не нарушает биологического единства всего человечества, а главное, никак не влияет на умственные способности человека. Ненавистникам негров это не нравилось. Но окончательно Клипс раздражил этих быков, когда выписал себе лаборанта откуда-то из Миннесоты. Гибсон, так звали лаборанта, оказался чистокровнейшим негром. А въезд в Бестполис цветным был строго воспрещен.

— Это на основании какого закона?

— Не будьте наивны! Разве для этого нужен закон? В городишке многие смотрели на негров, как на рабочий скот, Только беднота относилась к ним по-человечески. Но разве бедняки — хозяева города? Словом, однажды к профессору явились представители «Легиона» и потребовали, во-первых, прекратить «подозрительные работы» в лаборатории, а во-вторых, немедленно выгнать Гибсона. Клипс взбеленился и указал нахам на дверь. Они удалились с угрозами. В ту же ночь лаборатория была подожжена, а Гибсона молодчики в масках вытащили из постели, крепко поколотили и бросили на загородном шоссе. Сам Клипс тайком пробрался ко мне на водокачку и принес два больших чемодана с пробирками, заключавшими выведенную им культуру бактерий.

На рассвете вся шайка в поисках Клипса ворвалась тоже ко мне. Я спрятал профессора за водонапорными баками, а чемоданы стал спускать на веревке в отключенный от общей сети водоотстойник. От испуга я выпустил веревку. Падая в неглубокую воду, чемоданы ударились о бетонный выступ. Пробирки, конечно, разлетелись вдребезги.

Услышав стук и звон битого стекла, вся шайка полезла в отстойник. Молодчики из «Легиона» долго копошились там и, наконец, вытащили поломанные чемоданы с грудой битого стекла. Ничего больше не обнаружив, вымокшая в отстойнике шайка еще немного пошумела и ушла. Клипс бла-

гополучно уехал с утренним поездом, и с тех пор исчез без следа. Но результаты его работы, к сожалению, не пропали бесследно.

— Почему же, к сожалению?

— А потому, что я едва унес ноги из города.

— Чем же вы помешали этим расистам?

— Да ничем! Но через неделю прибежал ко мне на рассвете один приятель и сообщил, что целая банда идет меня вешать. Я запер дверь, собрал кое-какие пожитки и вылез в окно. Едва я забрался в кусты, на площадь выбежало с бешеными воплями человек двадцать негров. Они стали ломиться ко мне в дверь. А несколько разбойников подвесили на укосину фонарного столба петлю, чтобы меня вздернуть.

— Не говорите чепухи! — невольно воскликнул я. — Разве негры станут вешать белого?

— Какие там негры!.. Это были те самые молодчики из «Легиона». Но после купания в отстойнике с битыми пробирками они все стали чернокожими. Вы только представьте, как себя почувствовали эти ненавистники негров! Они вопили и бесновались на площади, как сто тысяч обезьян. Пока они ломали железную дверь водокачки, я уполз через кусты, побежал на вокзал и вскочил в вагон экспресса. Меня догнали, едва не схватили за ноги. Но кондукторы уже на ходу поезда посшибали с подножек «грязных негров», которые осмелились лезть в вагон для белых и ругать испуганного погоней белого джентльмена. Так я удрал из Бестполиса.

— Что же случилось с вашими линчевателями?

— Я слышал, что они так и остались «цветными»; оказывается, нью-меланоз — безвредная, но очень стойкая штука. В книжке, что вы у меня купили, о нем немного упоминается. Но профессор в одном был неправ. Цвет кожи, оказывается, иногда влияет на умственные способности человека. Мне передавали, что в Бестполисе появились теперь новые члены «Лиги противников расовой дискриминации». Это те самые парни, что сначала хотели меня повесить. Нет сомнения, теперь они поумнели.

Г. ОРМ

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

Научно-фантастический рассказ

Ганс Краузе рассеянно протянул пальцы к щеку, но Доббс наложил на голубой листок свою тяжелую руку.

— Еще одна мелочь, Дорогой Краузе. Прошу вашу расписку.

— Расписку? — Близорукие главки Краузе быстро замигали за стеклами очков. В его практике это было новостью.

— Простите, мистер Доббс, насколько я понял, чек предназначается как подарок... пособие нашей партии от Общества распространения американской культуры... для внутренних организационных подкреплений перед решающим, так сказать...

— Для внутренних или внешних, Мистер Краузе, это нас не интересует. Эта расписка — гарантия вашей активности и честного отношения к делу. Ведь вы знаете, что за взяточничество... — Доббс прищурил один глаз.

Перед Краузе очутилась белая бумажка, где было напечатано на чистейшем немецком языке:

«Настоящим подтверждаю, что я, Ганс Краузе, принял взятку в сумме...»

Какой абсурд! Только американцы могли додуматься до такого. Вдруг эта расписка получит огласку?

Доббс успокоил взволнованного дельца:

— После выполнения задачи расписка будет уничтожена. Или можете тогда же получить ее назад, если вам из-за нее не будет сна. Ну!

Дрожащей рукой Краузе выудил из кармана ручку. Расписка, стол, Доббс — все мелькало за очками в какой-то страшной карусели.

— Теперь можете идти, — промолвил мистер Доббс, небрежно сложил расписку и бросил в стоящий за спиной открытый сейф. Сквозь помутневшие стекла очков Краузе показалось, что на железной полке сейфа вместо его одной расписки лежит их целая пачка.

Фрэнк П. Доббс, скрывая нетерпение, дождался, пока гость исчез, и нажал на кнопку внутреннего телефона. Из миниатюрного громкоговорителя, который был спрятан в стоящей на столе бронзовой модели статуи Свободы, слышался мелодичный голос:

— Слушаю, мистер Доббс.

— Пошлите сюда Фостера.

— Сию минуту, мистер Доббс.

Доббс выключил телефон и посмотрел на статуэтку. Он терпел послушную бронзовую девицу на своем столе только из-за того, что она производила большое моральное впечатление на посетителей.

Дверь кабинета открылась, появился майор Роберт Фостер, начальник третьего отдела Общества распространения американской культуры.

— Ну, проверили? — спросил Доббс, подозрительно посмотрев на Фостера. Этот саженный детина опять, наверно, болтал с личным секретарем Доббса, прекрасной мисс Сарой Флемминг. С той самой девицей, которая всегда отвечала из уст статуи Свободы «слушаю» и «сию минуту».

— Кажется, что парень говорил правду, Мистер Доббс,

— Фостер открыл папку и прочитал: — «Георг Лееман, по

профессии инженер-электрик, родился в 1918 году в семье служащего; принимал участие в Войне на восточном фронте в 1941—1942 годах, позднее — сотрудник спецотдела Н-14 военного министерства, беспартийный. После демобилизации поступил работать на завод 4-дубль предприятия «Германские объединенные электротехнические заводы», вначале старшим инженером, потом заместителем начальника лаборатории. Три дня тому назад уехал из своей квартиры».

— Гм... Приблизительно то же он и сам говорил.

— Мои люди разыскали и Шмидта. Шмидт говорит, что он знал Леемана только поверхностно, хотя они и работали в одном учреждении. Но описание подходит. В последнее время Лееман будто бы занимался в лаборатории какой-то новой аппаратурой, о которой нет данных.

— Шмидт получил от нас испанский паспорт. Какого чорта он еще здесь околачивается?

Фостер вынул из кармана сигаретку, чиркнул спичкой по бронзовой спине девицы, олицетворяющей свободу, и пожал плечами:

— Там, говорят, замешана какая-то женщина. А это нас не касается. Бумаги ведь в нашем сейфе, мистер Доббс.

Доббс вспомнил вдруг, что сейф все еще открыт. Он встал, захлопнул стальную дверцу и сунул ключи в карман. Было неосторожно держать открытым доступ к столь важным документам, какие находились в этом шкафчике. Одна только расписка Краузе стоила немало денег. Правда, не личных денег Доббса, но все же американских денег, за которые он отвечал. Кроме того, в сейфе хранятся бумаги, полученные от Шмидта. Доббс немного сомневался в восторженных утверждениях Шмидта, что украденный им проект произведет переворот во всей электропромышленности и заодно, конечно, в финансовом положении мистера Доббса. Но, по мнению специалистов, которым Доббс поверхностно объяснил описанную в бумагах техническую идею, папка стоила заплаченных за нее денег. Об электричестве Доббс твердо знал только то, что он крупнейший акционер «Уэстерн электрик К°».

— Как вы думаете, Фостер, не странно, что Георг Лееман убежал со своим изобретением вскоре после Шмидта?

Роберт Фостер принципиально не имел своего мнения. Лет десять назад, будучи незначительным служащим, он выписал себе за два доллара и почтовую марку книгу «Как сделать карьеру и приобрести друзей». Глубоко жизненные тезисы этой книги решили его дальнейшую судьбу. Точно действуя по вызубренным двумстам двадцати правилам, из которых семьдесят восьмое приказывало всегда и обо всем иметь только мнение своих хозяев, Фостер выдвинулся удивительно быстро. Затраченные на книжку два доллара плюс почтовая марка окупили себя с баснословными процентами.

— Бегство Шмидта не осталось, конечно, тайной. Вероятно, это побудило и Леемана, — высказался Фостер.

— И я так думаю, — кивнул Доббс.

Все, кажется, правильно. Если эта маленькая сделка с Лееманом удастся, тогда Фрэнк П. Доббс может плюнуть на распространение американской культуры в Европе и заняться более спокойным и прибыльным делом в своем родном Детройте.

Доббс нажал кнопку, и бронзовая девица откликнулась:

— Слушаю, мистер Доббс.

— Пришлите сюда Перкинса.

— Сию минуту, мистер Доббс.

В кабинете появился Джим Перкинс. У мистера Доббса он работал разъездным агентом по распространению электротоваров, сбывая наивным немцам электробритвы, театральные электровеера, электрозажигалки и электроспиночечалки. В случае надобности он исполнял роль личного советника Доббса по техническим вопросам, особенно если затрагивались секретные дела, которые нельзя было раскрывать посторонним специалистам.

— Перкинс, — произнес Доббс властным голосом и посмотрел на маленького человека, который шариком подкатился к столу хозяина, — сегодня у меня к вам особое дело.

— Новый электроаппарат? — Перкинс еще более вытаращил свои рабы глаза.

— Вроде этого. То, что вы сегодня услышите и увидите, должно остаться абсолютной тайной. Понятно?

— Абсолютной тайной, — повторил Перкинс шепотом.

— Слышали вы о шаровой молнии?

— Конечно, мистер Доббс.

— Это распространенный продукт?

— Очень редкостный, мистер Доббс. До сих пор никто не знает, как она образуется. Это молния с очень миролюбивыми наклонностями, мистер Доббс.

— Что? Еще скажете мне, что она красная?

— Белая, мистер Доббс! Иногда немножко розовая. А миролюбивая потому, что иногда только испугает и улетит.

— Не болтайте! Я хочу знать, что за штука эта шаровая молния.

— Этого еще никто не знает, мистер Доббс. Моя тетка видела в тридцать втором году шаровую молнию своими глазами. Это был раскаленный шар величиной приблизительно с футбольный мяч, и он скатился вниз прямо по трубе. Тетка стояла около плиты и пекла блинчики, когда шар выскочил из печной дверки прямо на пол. Потом он покатился в буфет, разбил там две тарелки, зашел за ширму, выбросил на стол из кровати матрац, повозился немного меж одеял, наконец, вылетел в окно и вдребезги разбил растущий на соседнем дворе двухсотлетний дуб.

— В щепки? А больше убытков не наделал?

— Тетка от испуга уронила блинчики в помойное ведро. Это был большой убыток. Тогда были тяжелые времена, мистер Доббс.

— А вы не вычитали эту бредню из какого-либо комикса, Перкинс? — спросил Доббс подозрительно.

Джим Перкинс сделал оскорбленное лицо: — Мистер Доббс, об этом писали в свое время во всех газетах. Осколки тарелок находятся и сейчас в нашем городском музее, их сколько уже лет продают всем посетителям на память. Только за счет этих осколков кормится сторож музея. У меня есть несколько штук дома. Если вы желаете...

Доббс отмахнулся и посоветовал:

— Продавайте немцам.

— Не пойдет. Немцы больше предпочитают съедобные товары, мистер Доббс.

— Замолчите, Перкинс, и слушайте. Вчера пришел сюда один человек из... ну, все равно откуда он явился. Его имя было...

— Лееман, — подсказал Фостер и потушил сигарету о каблук.

— Верно, Лееман. Этот тип хочет продать один аппарат, которым можно искусственно порождать шаровую молнию и потом управлять ею по собственному желанию. Что вы об этом думаете, Перкинс?

— Великолепно! Колоссально!

— Я спрашиваю ваше мнение: Лееман просто аферист, или за этим может кое-что быть?

— Трудно сказать, мистер Доббс. В принципе, конечно, все может быть. Электричество — это край тысячи возможностей.

— Страна тысячи возможностей — это Америка, Перкинс. Одним словом, вы думаете, что за дело стоит взяться?

— Зависит от того, сколько он за это хочет, мистер Доббс.

— Миллион марок. И в долларах.

Перкинс протяжно свистнул:

— Ловкий парень! Миллион марок, — он закрыл глаза. Это обозначало у него напряженную работу мышления. — Громаднейшие возможности для сбыта, мистер Доббс! Например... например, для спорта. Можно организовывать бега с шаровыми молниями, — продолжал Перкинс, войдя в азарт. — Феноменальный аттракцион! Молнии меж собой и молнии в состязании с неграми и лошадьми. Еще можно...

— Вы неисправимый тупица, Перкинс. Шаровая молния не игрушка. Я спрашиваю у вас как у электрика: можно ли шаровую молнию производить искусственно или нет?

— Не знаю, мистер Доббс, — неуверенно ответил Перкинс. — Насчет этого отсутствуют как официальные научные, так и секретные данные.

— Ну что делать, Фостер? Придется к демонстрации пригласить Кослетта? Он крупный специалист.

— Тогда «Дженерал электрик» получит завтра же подробный отчет обо всем этом деле.

— Проклятая история!

Люди, которым можно было довериться, знали о технической стороне вопроса слишком мало. Настоящие специалисты, которые могли бы дать совет, были все куплены другими фирмами. Фрэнк П. Доббс не имел ни малейшего желания, чтобы слухи о новом изобретении вышли за пределы этих стен раньше, чем он сам начнет переговоры с представителями военного министерства. Надо оформить дело с этим немцем, Лесманом или Лосманом — как его там зовут? — и спрятать в надежное место. А там пусть Пентагон платит! Конечно, его фирме дадут монополию на снабжение американской армии аппаратами, стреляющими шаровой молнией, — это будет первое условие.

— Позовем Гарримана, Фостер?

— Работает, кроме нас, еще на англичан.

— Ну посоветуйте кого-либо! Найдите человека, который смыслит в молниях и умеет молчать за деньги.

— Кого вы допустите к демонстрации опыта? — спросил Фостер осторожно.

— Я, вы, Перкинс, Коллинс, Фрай — ну и все. Только надо специалиста. В долларах, слава богу, мы сами достаточно хорошо разбираемся.

Фостер обдумывал. Коллинс был будущим зятем Доббса. Вероятно, он сегодня пьян, так как когда Фостер под утро уехал из «Колибри», Коллинс при содействии двух девиц пытался на руках пройти вверх по лестнице. Фрай был таинственный субъект, недавно прибывший из Америки. У Фостера было подозрение, что этот джентльмен представляет одну влиятельную банкирскую фирму. Во всяком случае, видно, что старик собирается провести дело с немцем в замкнутом кругу, под строжайшим секретом. Чем меньше участников, тем лучше!

— Неплохо бы еще Бенкрофта, мистер Доббс.

— Нет! Это такой же болван, как Перкинс.

— Он надежный человек, мистер Доббс. Кроме того, он инженер.

Доббс посмотрел на часы. «Чорт бы побрал, у нас будет спешка!»

— О'кэй, зовите вашего Бенкрофта. Ваша задача ясна?

— Так точно, мистер Доббс.

Фостер вышел из кабинета. В передней комнате прекрасная Сара Флемминг вопросительно посмотрела на него.

— В порядке, — тихо сказал Фостер.

— Босс хочет один проглотить весь кусок?

— Надеется, — усмехнулся Фостер — Я только боюсь, что лакомый кусок приманит еще и других. Смотри, вовремя передай информацию.

В 12.30 к дверям дома Общества распространения американской культуры подъехало обычное такси. Макс Салтсер, чистильщик канализационных труб, высунув голову из уличного люка, с любопытством смотрел, как из дверей общества вышло четверо рослых мужчин. Двое взяли из автомашины какой-то чемодан или ящик, другие два проводили светловолосого человека, который легко взбежал вверх по лестнице.

— К янки притащили какой-то ящик, — оказал он Эриху Мюллеру, безработному грузчику, который сидел на краю тротуара и наблюдал за ленивым движением улицы.

— Наверное, дорогой товар, если они сами поволокли, — сердито решил Мюллер.

В это время четверо мужчин уже доставили ящик и ввели Георга Леемана в кабинет Доббса. Установив ящик на круглый стол посреди комнаты, провожатые молча вышли. За своим массивным столом покачивался в кресле Фрэнк П. Доббс. К подоконнику прислонился Роберт Фостер и невозмутимо наблюдал за происходившим. В большом кресле полулежал Джим Перкинс с вытаращенными от волнения глазами. Около стены на стуле сидел Коллинс с лицом,

отекишим после ночного пьянства. Не помог и холодный душ, под который Фостер вытащил его из кровати.

Петер Бенкрофт держался вблизи двери. Герберт Фрай, в мохнатом пиджаке, положил на колени большой желтый портфель и нервно барабанил кончиками пальцев по подлокотникам кресла.

— С добрым утром, господа, — сказал Георг Лееман и слегка поклонился.

— Монинг, — ответил Фрэнк П. Доббс и профессионально улыбнулся. — Вы пунктуальны. Очень прекрасно!

Мистер Доббс нажал на кнопку «Мне не мешать»

— Слушаю, мистер Доббс, — ответила статуя Свободы.

Доббс сделал широкий жест рукой.

— Джентльмены заинтересованы вашим предложением, мистер, хм, Лоумен.

— Лееман. — Молодой человек снова поклонился. — Вначале, господа, позвольте сообщить, что все бумаги и чертежи, касающиеся моего аппарата «ШМ-128», находятся в надежном месте. Они будут вам переданы только после окончательного соглашения. Всякая попытка самовольно открыть ящик вызовет моментальный взрыв и полное уничтожение всей аппаратуры.

— Кем вы нас считаете? — проворчал Доббс.

— Деловыми американцами, — вежливо улыбнулся Лееман.

Диббс нахмурил брови. Немец дерзит. Но бизнес есть бизнес. И если Лееман осторожен, это не так уж плохо.

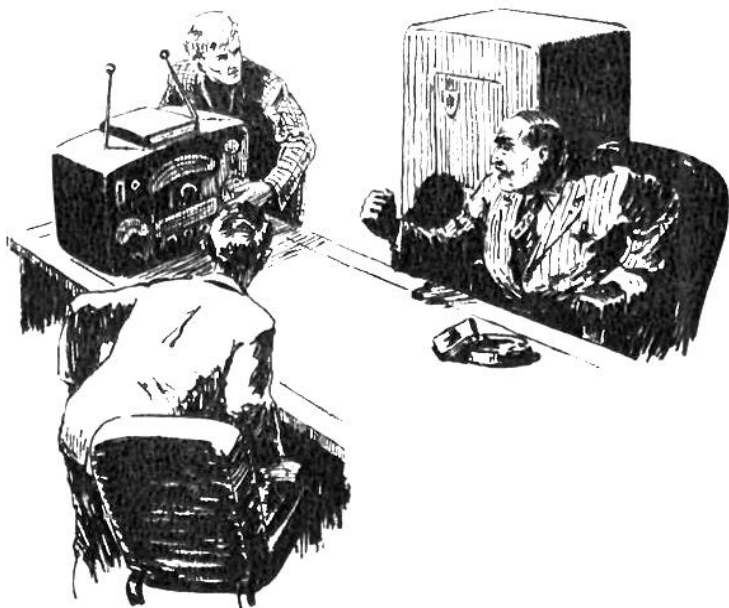
— Прекрасно! Покажите, что у вас есть.

— Позвольте тогда сделать вначале маленькое техническое пояснение. В технических вопросах, я полагаю, господа разбираются достаточно хорошо.

Доббс с достоинством кивнул головой, Перкинс улыбнулся свысока. Фостер соорудил презрительную мину, показывающую, что он считает такой вопрос излишним. Коллинс глухо простонал:

— Вот подлецы... затащили на какую-то лекцию...

Только Фрай сохранил невозмутимый вид.

— Как вы все, наверное, слышали, — начал Лееман, — спецотдел гитлеровского штаба Н-19 занимался до самого конца войны изысканием нового оружия. Под этим предпологали то атомную бомбу, то реактивный снаряд. Лишь очень немногие знали, что шли спешные работы по производству еще одного мощного оружия. Проблема, которую так торопились решить, касалась концентрации электроэнергии атомов в пространственном минимуме при помощи их внутреннего динамического равновесия. Этим достигалось потенциальное скопление колоссальных количеств энергии в латентном состоянии.

— Ясно! — прервав Доббс. — Ближе к делу!

— В природе наблюдается такое явление в виде мало еще изученной шаровой молнии. Как известно, победоносное наступление американской армии прервало наши изыскания. Начальник отдела Н-19 доктор Вильгельм Гуртлер

погиб при бомбежке, его помощник инженер Ояру-Котаро пропал бесследно. Пропали и все документы

Доббс вопросительно взглянул на Фостера. Тот кивнул, подтверждая истинность сообщения.

— Я лично работал в отделе Н-14. — продолжал Лееман, — и наши сведения об этой работе были более чем поверхностны. Но счастливый случай, о котором я не буду здесь подробно распространяться, дал в мои руки во время вражеского наступления некоторые ценные данные. После войны я продолжил исследовательские работы, и результатом их является находящийся здесь аппарат. Господа, обращаю ваше внимание на то, что это только маленькая модель. Она может производить шаровые молнии мощностью всего лишь до двенадцати миллионов энергоединиц. В принципе, конечно, ничто не мешает изготавливать установки в десять, сто и даже в тысячу раз более мощные.

Герберт Фрай кашлянул и спросил:

— Почему, простите, вы решили оставить работу в фирме «ГОЭЗ»?

Георг Лееман улыбнулся:

— По экономическим соображениям. Едва ли мои соотечественники дадут за этот аппарат миллион марок.

Мистер Доббс нахмурил брови. Ему не нравилось, когда немцы улыбались так самоуверенно. И вообще у этого парня были слишком честные синие глаза и открытое лицо. Очень неопределенный тип — с таким трудно вести дела. Немцы, вроде Краузе, понятней. Как на такого посмотришь, можешь сразу определить, сколько стоит его душа вместе с пиджаком. С теми и торговаться не надо. А этот сумеет потребовать!

— Ваш запрос — миллион марок! Мы еще не решили. Покажите, как это работает.

— С удовольствием! Я приготовлю одну совсем безобидную молнию. Скажем, в два миллиона энергоединиц.

— Но мы не можем ведь дать ей лазить здесь по комнате, — опасливо произнес мистер Доббс.

— Шаровая молния у меня вполне управляемая. Она не взорвется раньше, чем вы пожелаете.

— А если взорвется?

— Тогда, конечно, от этих помещений едва ли много останется, — равнодушно сказал Лееман.

Героерт Фрай нервно вздрогнул и крепко сжал ручку желтого портфеля. Доббс воскликнул:

— Веселая перспектива! Чем вы ручаетесь, что ничего не случится?

— Я сам нахожусь в этой же комнате, мистер Доббс, — ответил немец.

— Маленькое утешение! Ну хорошо. Сделайте свой шар и пошлите его куда-нибудь. И пусть он взорвется, но только не здесь.

— Куда прикажете его послать?

— Фостер! Что вы думаете по этому поводу?

— Мое мнение, мистер Доббс, послать шаровую молнию к Джиму Перкинсу на дом. В счастливом случае она побьет там еще несколько тарелок, обломки которых можно потом с успехом продавать.

Перкинс покраснел, Доббс расхохотался.

Мощность молнии решили уменьшить наполовину и послать за город на холм, где находились средневековые развалины.

Лееман подступил к аппарату, вынул из кармана маленький патрон, напоминающий собой взрывной капсюль. и сунул его в отверстие, окруженное хромированным ободком.

— Начинаем, господа.

Роберт Фостер прошелся по комнате и остановился поближе к входной двери

— Начинайте! — скомандовал мистер Доббс и закашлялся от скрытого волнения.

Немец нажал на одну кнопку, послышался легкий щелчок, аппарат загудел.

— Уже начался распад рабочего вещества на свободную электроэнергию, и динамическая концентрация электронов.

Мощность, — Лееман наклонился над измерительным прибором, — приблизительно сто тысяч энергоединиц.

Джим Перкинс так выпучил глаза, что казалось, они вот-вот выпадут и покатаются по полу, словно шарики из игры «Фортуна».

— К чорту! — прохрипел Коллинс и сделал попытку встать.

— Спокойно! — крикнул Доббс

— Триста тысяч энергоединиц, — сообщил Лееман.

Инженер Бенкрофт поежился и стал понемногу двигаться поближе к двери.

— Куда вы лезете, Бенкрофт? — проворчал Доббс. — Подойдите поближе. Вы должны сообщить свое мнение.

— Спасибо мистер Доббс, я и отсюда вижу прекрасно, — пролепетал Бенкрофт и не двинулся с места.

— Восемьсот тысяч энергоединиц, — возвестил Лееман.

— Может, хватит? — дрожащим голосом спросил Фрай.

— Хватит! — решил мистер Доббс. — Выпустите этот чортов шар из комнаты.

Лееман нажал на одну из кнопок, взялся за изящную рукоятку и нажал на нее. Рукоятка не сдвинулась.

— Ну? — спросил Доббс нетерпеливо.

— Сейчас, мистер Доббс! — Лееман нажал сильнее, слышался треск, и рукоятка сломалась. Джим Перкинс привскочил на стуле, будто его укололи, и бессильно упал обратно.

— Что случилось? Почему вы не отправляете свой шар?

Лееман побледнел. Он старался сунуть сломанную рукоятку обратно в отверстие, но безуспешно.

— Рукоятка управления сломалась, мистер Доббс. Я сейчас... один момент. — Лееман попытался еще раз сунуть конец блестящего стержня на его место.

— Скорее! — рявкнул Доббс. — Вы доиграетесь до взрыва!

— Я не могу выключить аппарат, мистер Доббс, — испуганно прошептал немец. — Рукоятка управления не работает.

— Что же теперь? — Доббс приподнялся из-за стола, вцепившись обеими руками в статую Свободы.

— Шаровая молния все увеличивается. Боже мой! Сейчас она уже два миллиона единиц...

— Два миллиона чертей! — прокричал Доббс.

— В конце... в конце концов, она разорвется. Мистер Доббс, я сейчас еще попытаюсь! — Лееман в отчаянии крутил разные рукоятки, нажимал на кнопки.

Гудение в аппарате становилось сильнее, замигала красная сигнальная лампочка. Бенкрофт подскочил к аппарату, глянул на шкалу прибора и взвыл:

— Семь миллионов! Весь дом рухнет!..

Доббс истерически выкрикивал:

— Сейчас же остановите машину! Взломайте ящик! Я вам покажу молнию! — Захлебнувшись, Доббс замахал руками и попятился к стене.

— Ящик раскрыть нельзя! — перекричал Доббса Лееман. — Тогда взрыв произойдет мгновенно. Мистер Доббс, я ничего не могу сделать. Рукоятка... — Лееман нажал еще на одну кнопку, потом начал шаг за шагом отходить от грозно рычавшего аппарата.

Первым не выдержал Фостер. Его длинная фигура промелькнула в приоткрытой двери и исчезла.

— Фостер! Майор Фостер! Сейчас же обратно!

Но Фостера уже не было. Тримя гигантскими прыжками пролетел он через комнату секретаря. Участвуя в битве под Арденнами, майор получил отличную тренировку.

— Роберт! — взвизгнула Сара Флемминг. — Что случилось?

— Беги! Сейчас все полетит к чертям! — прокричал начальник третьего отдела Общества распространения американской культуры, и ринулся вниз по лестнице прыжками, которые возбудили бы зависть даже у профессионального спортсмена.

Неожиданный побег Фостера открыл свободное поле действий всем находящимся в помещении. Герберт Фрай приподнялся, сделал два медленных шага и потом один

удивительно длинный прыжок... Однако, не учтя действий Бенкрофта, он застрял с ним в двери. И только налетевший на них Коллинс вышиб обоих из кабинета. Вслед за ними выкатился, как бильярдный шар, Джим Перкинс, споткнулся о желтый портфель Фрая и помчался дальше.

В помещении оставались только Фрэнк П. Доббс и инженер Георг Лееман. Они прижались к противоположным стенам и ошоломлено уставились на гудящий посреди комнаты аппарат. Вдруг в аппарате послышался резкий щелчок, и между двумя выступающими из аппарата остриями проскочила громадная желтая искра. Этого их нервы не выдержали. Лееман первым бросился к двери, но мистер Доббс оказался проворнее. Легкая фигура инженера от удара согнулась под острым углом и отлетела в сторону. Из аппарата вырвалась новая, более сильная искра.

— Посмотри, что янки делают, — сказал Макс Салтсер и облокотился о край канализационного люка.

Из двери дома Общества распространения американской культуры выскочил двухметровый мужчина и помчался с сумасшедшей скоростью к следующему переулку. За Робертом Фостером стартовали двое мужчин одновременно: это были Фрай и Бенкрофт. Они не отставали друг от друга ни на шаг.

Затем началось настоящее представление: служащие, уборщицы, машинистки, начальники отделов, прекрасная мисс Сара Флемминг, Джим Перкинс — одним словом, весь персонал общества эвакуировался из дома с поразительной скоростью. Слух о бомбе страшной силы, каждую секунду могущей взорваться в кабинете мистера Доббса, разнесся по дому быстрее, чем сам взрыв.

— Упражняются со своим атомом, — решил Эрих Мюллер и выплюнул окурочек в кювет.

— Вот это бегут!.. — рассмеялся Салтсер. — Видишь, на некоторых и пиджаков нет.

— Бежали бы так до самой Америки, — вздохнул Мюллер.

Одним из последних, кого изрыгнула из себя сверкающая дверь Общества распространения американской культуры, был главный директор общества Фрэнк П. Доббс. И бегство его было своевременным. Едва он скрылся за угол переулочка, как в доме грянул взрыв. Стекла окон кабинета Доббса вылетели на улицу сверкающим дождем осколков. Через две минуты произошел новый взрыв, еще сильнее. После этого все смолкло. Из выбитых окон начал оседать вниз зловонный дым.

— Ну и учреждение, — ворчал Мюллер. — Вонь на всю улицу. Лучше уйдем, Макс, а то кто знает, что из этого еще выйдет.

Через час в дом осмелились войти первые саперные части американской армии, снабженные противогазами, и для защиты от радиоактивного излучения свинцовыми штанами. Дом был абсолютно пуст. Вслед за солдатами несмело вошел в дом Фрэнк П. Доббс.

Саперы проникли в кабинет Доббса и увидели следующую картину: посреди комнаты на маленьком круглом столе стоял черный ящик с открытой верхней крышкой. Взрыв, по странному обстоятельству, проявил себя только в одном месте — под дверью сейфа мистера Доббса. Тяжелая стальная дверь была сорвана с петель и потемнела от дыма. Статуя Свободы победоносно стояла меж разбросанных по сто-

лу бумаг и документов. Один солдат тайком заглянул во внутренности черного ящика и удивленно пожал плечами: там были только небольшой аккумулятор, несколько реле, конденсаторы и толстая индукционная катушка.

— Что здесь случилось? — опросил Доббс. — Где труп инженера?

— Кто-то разрушил сейф, мистер, — ответил лейтенант саперов.

Доббс, пошатываясь, подошел к столу и в недоумении посмотрел на царивший перед сейфом беспорядок.

— Что-либо украдено? — с любопытством спросил лейтенант.

Доббс только махнул рукой в знак того, что солдаты могут убираться. Парни в свинцовых штанах тяжелой поступью спустились по лестнице.

Роберт Фостер, точно удостоверившись, что в доме ничего опасного больше нет, явился в кабинет хозяина. Доббс все еще стоял перед сейфом и глядел в его пустое чрево.

— Он, наверно, охотился за бумагами Шмидта, — сделал Фостер осторожное замечание.

Точно действуя по правилам книги «Как сделать карьеру и приобрести друзей», Фостер и на этот раз попал в точку.

Доббс только руками развел:

— Это видит каждый идиот!

— Ну, — Фостер насмешливо улыбнулся, — мы, по крайней мере, не в убытке. Эта последняя партия немецких марок, которыми мы заплатили Шмидту, так паршиво напечатана, что за три шага можно различить их подделку. Он с ними обязательно вляпается.

— К чорту Шмидта! На бумаги Шмидта мне наплевать! Разве вы не видите, что этот бандит унес с собой и расписки?

— Какие расписки?

— Расписку Краузе, расписки всех других! Расписку Лиги мелких землевладельцев, расписку партии домовладельцев, расписку партии националистов, расписку Респуб-

ликанского соединения вольномыслящих! — Доббс схватился за голову.

— Этот... этот Лееман был ловкий малый, — выразился Фостер осторожно.

Доббс, не сказав ни слова, сунул майору под нос листок бумаги, который лежал у подножья статуи Свободы. Фостер прочел, открыл рот, чтобы громко выразить мнение мистера Доббса, но снова закрыл. В первый раз он серьезно сомневался, будет ли от этого какая-либо польза для будущей карьеры и приобретения друзей.

На листке стояло:

«Прошу прощения за маленькие поломки, которые аппарат причинил вашему сейфу. Мы честные граждане-взломщики. Но не имелось другой возможности получить обратно бумаги, которые украл бывший инженер завода «ГОЭЗ» Шмидт и продал вам. Он их взял бесплатно у нас, а мы отобрали у вас. Я обнаружил в сейфе также несколько интересных расписок некоторых политических дельцов. Так как подобные документы достойны внимания мировой общественности, я решил взять их с собой и сделать с них фотокопии. Оригиналы через несколько дней получите обратно в полной сохранности, дабы у вас не возникло трудностей с бухгалтерией из-за выплаты денег без квитанций. Против Георга Леемана не советую поднимать обвинения, так как инженер Лееман у вас и не был. Он находится сейчас в отпуске, очень далеко отсюда, в усадьбе своего тестя возле Бремена, и имеет, вероятно, неопровержимое алиби на весь сегодняшний день. Лееман и понятия не имеет об этом деле. Просим извинить за решительные действия.

Наводнение Западной Германии американской «культурой» научило нас, европейцев, для сношения с вами пользоваться обычными вашими методами.

Примите уверения в совершеннейшем к вам презрении.

Шаровая молния».

В. СОСНОВ

ПРЕПАРАТ «ЗЭТ»

Научно-фантастический рассказ

В. СОСНОВ

Рис. К. СОКОЛОВА

Научно-фантастический рассказ

В парке вдоль дороги горели редкие фонари. Хозяина ждали. Едва «паккард» свернул на широкую пальмовую аллею, железные ворота в конце ее бесшумно распахнулись, и машина, не замедляя хода, проехала за ограду.

— Вот, Грон, вилла «Три желания», — Дилкап вышел из машины и придержал дверку, пока его спутник с трудом протискивал наружу свое тучное тело, — Прошу вас!

Вице-президент компании «Новая сталь» Грон Канис, приехавший со специальной миссией, огляделся вокруг. Ничто не нарушало тишины летней ночи. Ласковый ветерок легкими вздохами шевелил листья пальм. На втором этаже виллы в нескольких окнах сквозь закрытые жалюзи пробивался свет.

— Здесь нет лишних, Гrego? — обратился он к своему спутнику Гrego Дилкапу, владельцу стального концерна. Тот отрицательно покачал головой.

— А прислуга?

— Тут нет прислуги, Грон. Пятеро молодцов — бывшие офицеры. Они встретили Арпаху и сейчас находятся на своих постах. Мы пока обойдемся без них.

Приехавшие поднялись на второй этаж. Ни на лестнице, ни в коридоре они не встретили ни души. Никого не было и в комнате, куда они вошли.

— Где же ваш доктор? — спросил Канис.

— Он ожидает в библиотеке.

Дилкап придвинул стоящую на столе большую статуэтку, изображающую поднявшегося на дыбы медведя, и произнес в микрофон, вмонтированный в его пасть:

— Оскар, пригласите доктора Арпах в кабинет.

Прошло не более двух минут, и дверь кабинета снова открылась. Дилкап шагнул навстречу.

— Прошу познакомиться. Мой друг Грон Канис — профессор Арпах.

На лице Каниса мелькнула гримаса: он не любил пышных слов. Арпах почтительно поклонился.

Канис безошибочно определил, что доктору, маленькому худощавому человечку с бесцветным лицом, бесцветными глазами и бесцветными остатками волос на темени, за шестьдесят.

— Рад познакомиться, профессор. Я слышал о вас,— сказал он, закуривая сигару.

Арпах опустился в кресло напротив.

— Господин Канис, я весьма счастлив приветствовать вас. — Голос Арпах оказался таким же бесцветным, как и его внешность. — Я смею надеяться, что вы со всей внимательностью отнесетесь к нашим нуждам.

Канис слегка кивнул, полуутвердительно, полувопросительно.

— Прошу прощения, профессор, сейчас у меня мало времени. Я с удовольствием побеседую с вами о ваших нуждах в другой раз... А теперь не лучше ли нам перейти к делу?

— Я всегда ценил деловитость, господин Канис,— с неуловимой иронией, как показалось последнему, произнес Арпах. — Я буду предельно краток: вот извольте!

Он извлек из кармана пиджака узкую серебристую пробирку и положил ее на стол.

— Что это?

— Открытый мною препарат.

Лицо Каниса приняло скучающее выражение.

— У нас больше чем достаточно всяких препаратов, исцеляющих и заражающих. Не думаю, чтобы еще один мог понадобиться нам.

Арпах улыбнулся:

— Не следует спешить с выводами, господин Канис. Этот, не совсем обычный препарат, заинтересует вас!

Канис вопросительно поднял брови.

Вместо ответа Арпах придвинулся с креслом к собеседнику и спросил:

— Война не слишком популярна, не так ли, господин Канис?

— Это мне известно.

— Это известно всем, господин Канис. Но только мне, одному мне известно, как преодолеть нежелание воевать у солдат белых, желтых, черных — солдат любой страны и нации.

— То есть?

— Этот препарат — я назвал его препаратом «Зэт» — концентрированная война! — Арпах встал и торжественным жестом указал на пробирку.

«Он сумасшедший», — подумал Канис.

— Вы, наверное, считаете меня помешанным? — как бы угадав его мысли, продолжал Арпах. — Господин Канис, я десять лет работал над созданием препарата, и теперь, когда результат превзошел все мои надежды, мой ум ясен как никогда.

— Профессор даст более подробное объяснение? — спросил Канис.

Арпах опустился в кресло и взял сигару из стоявшей на столе коробки.

— Мы еще не можем сейчас воевать, пока мы слабы для этого. Но мы видим, что есть силы, которые готовы нам помочь. Однако одного атомного оружия недостаточно. Понадобятся солдаты — пехотинцы, артиллеристы, танкисты, которые должны будут с боями пройти большие пространства. — Он глубоко затянулся и продолжал: — Сейчас таких солдат у нас нет. Пропаганда отравила сознание людей.

Никто не хочет войны. Возьмите даже настоящих парней. Они забыли о своем призвании — истреблять и покорять! Они все более и более открыто высказывают недостойные мысли о том, что война принесет им смерть, превратит их дома в развалины, сделает жен вдовами...

— Вы правы, профессор, — вставил Канис. — Настоящие парни действительно забыли свой долг.

— Я заставлю их вспомнить о нем! — Арпах отвинтил пробку и высыпал на ладонь несколько маленьких синих таблеток.

— Я не буду задерживать ваше внимание на биологических и химических обоснованиях моих исследований. Они сложны и вряд ли представят для вас интерес. Важен конечный результат. Открытый мной препарат строго определенным образом воздействует на сознание человека. Индивидуума, находящегося под действием препарата, охватывает настойчивое желание убивать и разрушать.

— И вы утверждаете?

— Я утверждаю, что солдат, принявший дозу моего препарата, один пойдет в атаку на полк противника. Пойдет, не думая о собственной гибели, кинется на верную, неминуемую смерть, но не остановится ни на мгновение.

— Чорт побери! — воскликнул Канис. — Отлично было бы иметь таких солдат — и противник будет стоять на коленях!

— Можете считать, что вы их имеете, господин Канис. Эти солдаты будут более храбрыми, чем легионеры Рима, более жестокими, чем воины Атиллы, более грозными, чем всадники Тамерлана. Они будут неуязвимы для пропаганды, можно целый год изо дня в день, внушать солдату отвращение к войне, страх перед возможной смертью и прочую дребедень. Но через час после того, как он примет дозу препарата «Зэт», все это, как шелуха, слетит с него. Покажете ему врага, и он ринется в бой, который может закончиться только гибелью одной из сторон. Отступление такой армии невозможно, сдача в плен — также. Брать пленных такие солдаты тоже не будут.

В комнате наступило молчание.

— Но... если они откажутся глотать ваши таблетки?

— Нет нужды давать им препарат непрерывно. За два, за три часа перед предстоящим боем солдат должен принять дозу — и он станет воплощением ужаса. Он не может отказаться. Таблетки, которые вы сейчас видите, — это образец, удобный для демонстрирования. Я могу изготовить препарат в виде порошка или раствора. Его можно подмешивать в хлеб или консервы, которые едят солдаты, в кофе или спирт, которые они пьют, в сигареты, которые они курят.

— Учтите, что я гуманный человек. Как препарат отразится на здоровье солдат, если они будут пользоваться им неоднократно?

— Никак, господин Канис. Видите ли, область мозга, на которую главным образом воздействует мой препарат, имеет в общем второстепенное значение. И небольшая встряска нисколько не вредит ей. Я третий год проверяю препарат на себе — и смею вас уверить, что мое здоровье не стало хуже.

— На себе? — удивленно переспросил Канис

— А что тут особенного? Правда, я сразу же надеваю смиренную рубашку, а экономка накрепко привязывает меня к постели. Но сознание мое продолжает работать.

Маньяк, — опять подумал Канис. — Но если в его словам есть хоть крупица правды, игра стоит свеч.

— Тогда, профессор, я хотел бы произвести небольшую проверку, — произнес он вслух.

— В любую минуту, хоть сейчас, — Арпах протянул Канису пробирку. — Одна таблетка действует всего полчаса.

— Нет, нет, я не собираюсь сам глотать эту пакость. Скажите лучше, сколько там нужно времени, чтобы приготовить порцию вашего снадобья на... ну, на двести человек, что ли?

— Нужны таблетки, порошки или раствор? — осведомился Арпах.

— Удобнее всего раствор. В четверг утром к вам придет доверенный человек Дилкапа, вы передадите ему бутыл.

— Бутыль? — удивленно спросил Арпах.

— Ну, во что вы там его нальете. Повторяю: на двести человек!

— Это будет пузырек величиной с флакон для одеколона. Препарат «Зэт» транспортабелен, господин Канис. Три капли раствора, не имеющего ни вкуса, ни цвета, ни запаха, на стакан кофе, воды или любой другой жидкости — доза для одного человека. Применять ее нужно примерно за час до того времени, когда должно начаться действие препарата.

— Отлично!

— Господин Канис, надеюсь, вы не откажете мне в просьбе. Я хочу присутствовать при проверке.

Канис на мгновение задумался.

— Ну что ж, пожалуй, будет лучше, если вы увидите неудачу своего препарата «Зэт», — шутливо ответил он.

Арпах улыбнулся:

— Мы с вами станем свидетелями его триумфа!

После минутного молчания Канис наклонился к Арпаху:

— Остался невыясненным еще один вопрос, профессор. На каких условиях вы согласны передать нам рецепт?

Арпах встал.

— Господин Канис не будет возражать, если к этому вопросу мы вернемся позже, после проверки? Оставшиеся из отведенных мне богом годы я хочу работать в необходимых условиях.

— Обещаю вам, что если препарат оправдает ваши слова, вы будете иметь лабораторию, которой позавидует любая академия мира.

— Благодарю, господин Канис. Я думаю, что мы сговорится.

— И еще вопрос. Вы не могли столько времени работать над препаратом один, без помощников. Кто они? Насколько они надежны? Много ли они знают? Хорошо ли хранятся ваши записи?

— Я понимаю ваше беспокойство, но оно излишне. У меня есть один помощник — мой племянник. Я воспитываю

его с детства. Но и он ничего не знает, так как на конечной стадии я всегда вел работу один. С огорчением должен заметить, что лаборатория его вообще мало интересует,— он поэт и, судя по отзывам прессы, способный. А мои лаборанты — только технические помощники.

— А записи? В наше время нельзя слепо доверять сейфам.

— Сейфов нет, господин Канис, я все держу здесь, — Арпах хлопнул себя кончиками пальцев по лбу

— Но если вы вдруг что-либо забудете? — спросил Канис. — Или отдадите душу богу? — мысленно продолжил он.

Арпах усмехнулся:

— Я забуду? Я, собственными руками проделавший тысячи экспериментов? Это невозможно! А сейчас, если мы обо всем условились, разрешите пожелать вам обоим спокойной ночи. Я не привык бодрствовать в то время, когда люди должны спать, — И он церемонно раскланялся.

Когда за Арпахом закрылась дверь, Канис наполнил стаканы и, чокаясь с Дилкапом, произнес:

— Потрясающе! Но я хочу сам увидеть действие препарата. Вы, помнится, на днях жаловались, что на одном из ваших заводов опять началась забастовка...

В четверг утром Руто Арпах, племянник профессора, наскоро выпив кофе, отправился в город.

— Когда дядя выйдет, скажите ему, что мне нужно побывать в редакции, — передал он экономке.

Стройный, светловолосый, с голубыми глазами и нежным румянцем на щеках, он знал, что на него часто заглядываются встречающие девушки. Юноша зашел в модный книжный магазин. С веселой улыбкой он сказал несколько комплиментов хорошенькой продавщице. Через несколько минут Руто вышел с небольшой книжечкой в яркой обложке.

Хорошенькая продавщица, убедившись, что покупателей нет в магазине, вышла в конторку за прилавком и набрала пятизначный номер.

— Инель? Здравствуй! Что у тебя нового? Да, заходил. Он просил передать, что бабушка продолжает принимать порошки. В пятницу она хочет встать, попробовать силы. Руто считает, что мальчики должны переменить маршрут прогулки в этот день, чтобы случайно не встретиться с бабушкой — она все еще сердита на них... Да, да! Вечером пойдем танцевать? Обязательно!

Через час невинное сообщение о слабом здоровье бабушки было передано в профсоюзную организацию металлургического завода «Дилкап и Дилкап-сын».

В пятницу днем двести человек из особого отряда заводской полиции, находившегося в личном распоряжении инспектора всей полиции фирмы, были привезены на машинах в Крикетол и размещены в парке на аллее, по которой должна была пройти демонстрация бастующих рабочих от завода к дому губернатора. Отряд давно снискал известность погромами демократических организаций и жестокими расправами с рабочими демонстрациями.

Сейчас полицейские, улегшись группами на траве, лениво обсуждали предстоящее «дело».

Зейболо, сорокалетний сержант атлетического сложения, со стеклянным глазом, лежа под кустами со своими друзьями Крандесом и Шпейлори, ворчал:

— Однако, чорт поberi наших начальников, скоро нам дадут пожрать?

— Ты бес ходил к лейтенанту, — предложил долговязый Крандес.

Зейболо пошел к павильону, где расположились инспектор и капитан. Из-за поворота аллеи он увидел, как к домику подкатил большой, сверкающий черным лаком и никелем автомобиль, из которого вышли несколько человек.

Сержант почтительно остановился в отдалении, разглядывая машину и приехавших в ней, которые направились в помещение. Вскоре инспектор появился на крыльце и позвал дежурного.

Спустя четверть часа проголодавшиеся полицейские, построившись по отделениям, получали завтрак. На каждого из них пришлось по алюминиевому стакану водки.

Канис, Арпах и инспектор Керр сидели в комнате. Приехавший из столицы сотрудник министерства внутренних дел Летер беседовал с капитаном на крыльце.

В комнату вошел Дилкап.

— Только что звонили с завода: забастовщики строятся в колонны. Через полчаса они будут здесь.

Дилкап отвел Каниса в сторону:

— Все в порядке. Никто не догадывается о том, что получили полицейские.

Канис кивнул головой.

Они вышли в парк и, пройдя немного, сели на скамью, откуда хорошо были видны ворота. Слева, метрах в тридцати от ворот, капитан строил отряд по четыре, давая старшим полицейским последние наставления.

Канис пристально смотрел на полицейских. Если эксперимент удастся... О, только бы он удался!

Керр также глядел на отряд полицейских, и от его внимания не ускользнуло, что полицейские чем-то возбуждены. Там и здесь слышались чересчур громкие восклицания.

«Полное отсутствие дисциплины», — констатировал Керр.

Крандес тронул стоявшего рядом Зейболо за плечо. Тот обернулся.

— Какого дьявола эти типы пялят на нас глаза?

— Хотят посмотреть, как ты будешь справляться с забастовщиками! — громко захохотал Зейболо.

— Нашли спектакль! — мрачно буркнул Крандес. — Что касается меня, я с удовольствием опустил бы дубинку на череп вон тому толстяку! — В глазах его сверкал злобный огонек.

— Они нахально ведут себя, — промолвил Зейболо. — Смотри, расселись, словно они командиры над нами.

Крандес говорил громко, и их немедленно окружило несколько человек, привлеченных разговором.

— Они расселись, как в цирке, а мы тут вроде клоунов,— поддержал толстый полицейский с большими, навывкате глазами.

Треск мотоцикла заставил всех повернуться к воротам. Выскочивший из коляски полицейский подбежал к инспектору. Выслушав его, инспектор быстрыми шагами подошел к сидевшим.

— Господин Летер, — обратился он к поднявшемуся навстречу представителю министерства внутренних дел,— за три квартала отсюда забастовщики почему-то изменили маршрут. Я должен вывести отряд и перехватить их.

— Действуйте! — коротко приказал Летер. — Нам придется проехать в другое место, — сказал он Канису.

— Неудачное начало, — нервно улыбнулся Канис, вставая.

Капитан не понимал, что происходит с отрядом. Вместо того чтобы выровняться и замереть после команды «смирно», которую он подал еще издали, полицейские, продолжая стоять толпой, молча ждали его приближения.

— Смирно! — еще раз скомандовал капитан подбегая.

— Не кричи! — ответил за всех Крандес. — Лучше скажи, в чем дело? На улице пусто, некого еще колотить.

— Зейболо, двадцать суток ареста этой скотине! — заорал взбешенный капитан.

Зейболо сделал несколько шагов вперед.

— Крандес — исправный полицейский, господин капитан,— сказал он.

— Повторить приказание! — крикнул капитан.

— Крандес на войне награжден медалью, господин капитан! — упрямо продолжал Зейболо. — И его не следует наказывать из-за такого пустяка.

Полицейские настороженно молчали, переминаясь на месте. Их лица покраснелись, глаза горели мрачным огнем. Это был открытый вызов. О, Зейболо всегда держал себя молодцом!

Разъяренный капитан не замечал этого. Он видел перед

собой только лицо старшего полицейского, полное злобной решимости.

— Ты пьян, свинья, — наконец отдельно произнес он. — Ты так же пьян, как и этот идиот Крандес. Но, клянусь честью мундира, я выбью из вас хмель!

Полицейские загудели.

— Не пугай нас! — угрожающе крикнул Крандес.

Дрожащей рукой капитан схватился за кобуру.

— По местам, пьяная сволочь! Я еще поговорю с вами после.

— Пошел к своим хозяевам, холуй! — крикнул Зейболо, не двигаясь с места. — Мы и без тебя знаем, что делать.

Капитан выхватил пистолет.

— Первому, кто скажет еще хоть слово, я прострелю башку! Построиться! Смирно! — высоким фальцетом закричал он, дрожа в бессильной ярости.

— Спрячь хлопушку, мальчишка, не то тебе придется плохо! — запальчиво выкрикнул Крандес, выступая вперед.

В то же мгновение не помнивший себя от гнева капитан выстрелил. Пуля взвизгнула рядом с ухом Крандеса, и сейчас же сзади кто-то упал с протяжным воем.

Крандес обернулся: на траве лежал толстый полицейский.

— А-а-а, стрелять? — заорал Зейболо и бросился на капитана.

Вслед за ним ринулось еще несколько человек.

Больше выстрелить капитан не успел. Зейболо изо всей силы взмахнул дубинкой. Капитан отшатнулся, и удар пришелся по правому плечу. Он ясно услышал, как треснула ключица, и, падая, отчетливо увидел занесенную над ним дубинку и перекошенное от злобы лицо Зейболо.

Это было последнее, что видел в своей жизни капитан.

Ни Канис, ни Дилкап — никто из сопровождавших их лиц не видел начала этой сцены. После слов Летера они медленно пошли к машине, стоявшей за павильоном.

Когда прозвучал выстрел, они все мгновенно обернулись.

— Что такое? — тревожно спросил Канис.

Все происшедшее потом промелькнуло, словно на экране кинематографа. Они видели, как здоровенный полицейский, подскочив к капитану, ударом дубинки свалил его на землю, и как человек десять полицейских добивали капитана, ожесточенно топча его ногами. Схватка длилась несколько мгновений, но и этого оказалось достаточно, чтобы всех охватило животное чувство смертельной опасности.

Быстрее всех оценил обстановку Арпах.

— Это бунт! — крикнул он, утратив почтительность и хватая Каниса за рукав. — Препарат «Зэт» действует!

Страшная догадка, как электрический ток, пронзила Каниса.

— Вставай! — хрипло заорал он лежавшему на траве сержанту. — Быстрее в машину! — и впереди всех бросился бежать к павильону.

В эту минуту на них и обратили свое внимание полицейские, стоявшие у трупa капитана.

— Ого, удирают, как зайцы! — насмешливо крикнул кто-то.

— Бей! — завопил Крандес, бросаясь в погоню.

— Бей! — заревела толпа, кидаясь за ним.

Преследуемые были метров на пятьдесят впереди, но они не могли состязаться в беге с тренированными полицейскими. Звериный рев и топот десятков ног слышались все ближе и ближе... Канис чувствовал, что его покидают последние силы, когда бежавший рядом Керр вдруг остановился и, выбросив назад правую руку, разрядил в толпу пистолет. Неизвестно почему, Канис решил, что опасность миновала. Остановившись, он обернулся, и увидел в пяти шагах от себя дико орущих, неистово размахивающих дубинками, потерявших разум полицейских...

В субботу все крупные газеты сообщили о безвременной кончине при исполнении служебных обязанностей Грона Каниса, вице-президента компании «Новая сталь» и инспектора полиции фирмы Керра. О шофере газеты не упомянули.

В. ПОПОВ

• ————— •
❖
СЛУЧАЙ НА ДАЧЕ

Научно-фантастический рассказ

Художник И. Кольчицкий

Судай на даче

В. ПОПОВ
Рис. Н. КОЛЬЧИЦКОГО

Научно-фантастический рассказ

„Я очень рад, что наш журнал
начал печатать научно-фантасти-
ческие рассказы. Не давайте поро-
ком, продолжайте поминать рас-
сказы в каждом номере“.

В. Колесниченко, г. Газра

НЕОСТОРОЖНЫЙ ДОКТОР

Аппарат, созданию которого Николай Иванович Волгин и его группа посвятили больше пяти лет, успешно прошел все испытания. Теперь его везли на «крупный завод, который обязался организовать серийное производство.

До завода было еще километров полтора. Но по пути, всего в километре от автострады, находилась дача Волгина. И Николай Иванович еще в институте заранее решил остановиться на ночь у себя дома. Заметив впереди над кронами деревьев высокую мачту и флаг пионерского лагеря, Волгин сказал шоферу:

— За мачтой направо. Мимо лагеря.

Машина свернула на узенькое шоссе. Под колесами захрустел гравий. Еще раз свернув налево, она остановилась у невысоких решетчатых ворот уютной деревянной дачки.

Едва Николай Иванович открыл дверцу кабины, как раздался крик:

— Пала приехал! Папа!

Впереди бежавшей через палисадник неуклюжей девчушки лет восьми к машине черной косматой молнией уже мчалась собака Динка, заглушая радостным лаем голос дочки Волгина.

Николая Ивановича дожидалось на даче немало народу.

От крыльца к воротам его жена Татьяна Алексеевна вывела целую компанию. Был здесь сосед врач Толченев, которого все звали просто «доктор», был и фронтовой друг Волгина майор Головлев, пришла подруга Волгиной инженер-химик Титова.

Николай Иванович с Ниночкой на руках вошел в калитку. Машина въехала в ворота и остановилась возле самого дома. Татьяна Алексеевна пригласила гостей в дом:

— Идем сразу в столовую, там прохладней.

Подняв бокал легкого вина (крепких Татьяна Алексеевна не признавала), Толченев сказал Волгину:

— Ну, поздравляем тебя с победой. А в чем таковая — медицине и присутствующим пока еще неизвестно.

— Медицине немножко ведомо, — улыбнулся Волгин. — А тебе, дорогой доктор, и подавно. Ведь у тебя в клинике работает аппарат для электрического сна!

— Уже больше пяти лет. Это всем известная конструкция профессора Гиляровского, кандидата медицинских наук Ливенцева и врача Кирилловой. Отличная штука! Но какое она имеет отношение?

— Самое прямое. Мы продолжили работы коллектива профессора Гиляровского. Как ты прекрасно знаешь, их аппарат для лечения сном основан на контактном методе. Довольно простая, но очень остроумная электронно-ламповая схема обеспечивает короткие импульсы тока. Продолжительность импульса — одна двадцатитысячная секунды. Верно?

— Абсолютно! Мы накладываем больным на лоб и затылок свинцовые электроды, завернутые в увлажненную ткань. Больной засыпает, как младенец, и спит, сколько нужно для полного излечения.

— Для индивидуального лечения — отличный прибор. Но мы, — Волгин чуть улыбнулся, — работали несколько шире. Нашим аппаратом можно усыпить сразу большую группу больных, не прибегая к контактному методу.

— Радио? — попытался догадаться доктор.

— Ну, не совсем, — ответил Волгин, — но весьма близко. Без электромагнитных волн в таких делах никак не обойдешься, это любому школьнику ясно. Аппаратом можно лечить, но можно выполнять и другие полезные дела.

— Например?

— Ну, хотя бы ловить хищных зверей, усыплять и легко уничтожать вредителей сельского хозяйства. Всего сразу и не учесть. Жизнь покажет.

Доктор вскочил и, размахивая в воздухе вилкой, возбужденно закричал:

— А ну-ка, покажи нам свой аппарат!

— Потерпи немножко, — весело ответил Волгин и обратился к сидевшему рядом ассистенту: — Думаю, Андрей, что можно включить?

— Конечно, можно!

— Как интересно! — всплеснула руками приятельница Волгиной. — Это, наверно, непередаваемое ощущение!

Волгин со смехом сказал:

— Поистине непередаваемое. Вы ровно ничего не почувствуете. Человек замечает, что он спал, только поглядев на часы, а иной раз даже на листочки календаря.

Ассистенты принесли аппарат, быстро протянули гибкие провода и включили их в штепсельную розетку.

— Вот этот провод, — пояснял Волгин, — будет питать аппарат. А сам Андрей за пределами действия излучения будет охранять наш сон. Действие прибора очень надежно, а обращаться с ним сможет любой грамотный человек. Видишь, доктор, эту рукоятку? Вправо — прибор включен. Влево — выключен. Наверху, как видишь, излучатель. Но к нему полагается еще одна несложная деталь. Весит она много, хоть и очень проста.

— А для чего она?

— Принесем — объясню. Только ты пока не верти рукоятки.

— Думаешь, испорчу что-нибудь?

— Ну, нет! Даже совсем неопытный человек ничего не испортит. Вся схема очень надежно блокирована.

Волгин с ассистентами вышел из комнаты. Доктор посмотрел им вслед и с любопытством стал ощупывать прибор, рукоятку пуска, маховичок регулировки интенсивности излучения.

Поглядев на доктора, Ниночка укоризненно покачала головой и сказала:

— А папа просил не трогать.

Волгина недовольно прервала:

— Не вмешивайся, Нина! Взрослые знают, что можно, чего нельзя.

Доктор шутливо расшаркался перед Волгиной и осторожно двинул рукоятку прибора. Так как ничего не произошло, он постепенно перевел ее в пусковое положение. Все с улыбкой смотрели на его комично сосредоточенное лицо.

— Ничего не ощущаю, — удивленно произнес он. — Прибор включен, а не работает.

— А вы ту круглую штучку поверните, — посоветовала подруга Волгиной. — Уверена, что все дело в ней. Но подождем Николая.

Волгин с ассистентами внесли в комнату и поставили на пол коричневый ящик с тяжелым рефлектором из бериллиевого сплава. Увидев Толченова у прибора, Волгин с усмешкой спросил его:

— Не терпится, дружище?

— Еще бы. Но он не действует. Разве только вот это колесико повернуть...

Доктор плавно повернул вправо хромированный штурвальныйчик.

Волгин бросился к нему с испуганным криком:

— Не смей! Обратно!..

Доктор попытался поставить штурвальныйчик в прежнее положение — и не смог. Тело его обмякло, и он, качнувшись, повалился на ковер около стола.

Стрелка на полукруглом циферблате прибора показывала максимальное излучение.

Все кругом замерло. Приятельница Волгиной заснула, склонив голову набок, словно прислушиваясь. Майор, кото-

рый сидел на диване, хотел что-то сказать, и принял соответствующую позу. Нина на коврике подогнула ножки и успела обнять Динку. Николай Иванович и ассистенты заснули, сраженные могущественным сном прямо у ящика с бериллиевым рефлектором.

Мухи, летавшие на террасе, несколько пчел и две бабочки попадали на пол, как капли дождя. С веток в траву посылались воробьи, упало в кусты несколько галок, пролетавших в это время над садом и еще пара каких-то птиц. Кошка Маруся, как нацелилась на лягушку, так и замерла в этой позе. Все, решительно все кругом заснуло.

Только высокие часы в ореховом футляре, размахивая большим маятником, четко и уверенно отсчитывали время. Часы пробили семь, половину восьмого, затем восемь. Но все вокруг по-прежнему было погружено в глубокий сон, который уже не мог прерваться.

ТАИНСТВЕННАЯ ЗОНА

На другой день часов около семи утра первой потерпела аварию тетя Даша, снабжавшая семью Волгиных свежим молоком. У них был заведен твердый порядок: на террасе ставился в тумбочку кувшин со стеклянной крышкой. Тетя Даша приходила часов в шесть утра, иногда в седьмом часу. Встречаемая радостным лаем Динки, она открывала калитку сада, нажав незаметную кнопку (рационализация Николая Ивановича), затем, пройдя на террасу, наливала положенную порцию молока и отправлялась дальше.

Так должно было произойти и на этот раз. Она бодро заковыляла по знакомой дорожке с бидоном молока. Но шагов за двадцать до калитки тетя Даша стала усиленно зевать. Еще несколько шагов, и ноги ее подкосились. Все вокруг поплыло, словно на карусели. Сняв скорее со спины бидон с молоком, она едва успела поставить его на землю, а сама присела рядом у самой садовой скамейки около калитки сада. Присела и тотчас заснула.

На дороге, проходившей вдоль дачного поселка, появи-

лись первые прохожие. Поравнявшись с дачей Волгиных, они начинали позевывать, как бы отдавая дань прошедшей ночи.

Часов около восьми бежал мимо друг Ниночки Павлик Воробьев, посланный матерью за свежими булками. Когда он поравнялся с дачей, то тоже несколько раз сладко зевнул и поворчал немного на жестоких родителей, которые не дают ребятам выспаться.

Вдруг внимание Павлика привлекло необыкновенное зрелище. Над деревьями взвилась стая белоснежных голубей, выпущенная его соперником по этому виду спорта Сашей Сайкиным. Пролетая невысоко над садом, стая вела себя не так, как полагается. Голуби один за другим стали нырять в зелень сада, а один из них упал даже по эту сторону изгороди. Забыв все на свете, Павлик кинулся к саду и, увидав голубя, решил завладеть своим неожиданным трофеем. Но вдруг ноги его подкосились и, пробежав по инерции еще несколько шагов, он нырнул в траву, растянулся рядом с белоснежным голубком и крепко заснул.

Около половины девятого шли, не торопясь, на работу два приятеля, Петр Иванович и Иван Петрович, служащие почты, и наслаждались солнечным светом и свежестью утра.

— Смотри-ка, Иван Петрович, — сказал Петр Иванович своему приятелю, смачно позевывая. — Вон около сада три галки свалились. Не то они молодые, не то наклевались чего...

— Ты постой здесь, — ответил Иван Петрович, — а я пойду посмотрю. Эге, да тут Павлик лежит. Никак спит, поросенок! Эй, Павлик! Это ты так матери за булками ходишь? (Он жил рядом и слышал наказ матери Павлика.) Вот я тебя! — И он быстро зашагал к саду. Но и Ивана Петровича ждала участь тети Даши. С трудом добрался он до скамейки. И едва успел присесть на нее, как уснул. Очередная стайка воробьев серыми комочками посыпалась в кусты сада.

Петр Иванович, наблюдавший с дороги за этими поразительными явлениями, сообразил, что происходит что-то недоброе, и со всех ног бросился бежать к постовому милиционеру.

Милиционер Савченко, хорошо знавший Петра Ивановича, сначала встретил его сбивчивые объяснения сурово и сказал:

— А вы, Петр Иванович, не того?.. Вы, кажется, вчера на рыбалку ходили. Может, вчера к горлышку приложились сверх нормы?

Но, видно, не столько слова Петра Ивановича, сколько его растерянный вид подействовал на Савченко.

— Ну хорошо, — сказал он солидно. — Чудес на свете не бывает. Это точно установлено наукой. Но раз такое творится в моем районе, я обязан проверить. Пойдем!

За время отсутствия Петра Ивановича на скамейке прибавились еще две жертвы. Это были парикмахер Дудочкин, пришедший навестить Волгина — старого своего клиента, и водопроводчик Мартянов. Невольные обитатели сада

представляли такую группу, как будто собирались фотографироваться.

На дороге напротив сада уже толпилось несколько человек любопытных, с недоумением обсуждая происшествие.

— Стойте, — приказал сержант Савченко, — никакого шума, никакой паники!

О происшедшем немедленно сообщили в милицию. Пришел сам начальник милиции.

Публика стала собираться гуще. Опоздавшие поднимались на носки, вытягивали шеи, стараясь увидеть спящих.

— Вот что, Савченко, — сказал начальник милиции сержанту. — Здесь на самом деле творится что-то непонятное: Надо быть осторожным. Имею такой тактический план. Ты заходи к даче справа, а я слева и будем давать свистки. Когда до сада останется тридцать шагов — один свисток, двадцать шагов — еще свисток, и так дальше. Через десять шагов давать сигналы по одному протяжному свистку. Каждый начинает двигаться только после ответного сигнала. Понял?

— Точно, — сказал Савченко.

Они стали осторожно заходить с двух сторон. С дороги их очень хорошо было видно. Вот послышался свисток справа — это дал сигнал Савченко. Тотчас же до него донесся ответный сигнал. Через несколько минут и с той и с другой стороны послышалось еще по свистку. Немного спустя со стороны начальника милиции раздался один протяжный свисток. Ответа на него не последовало. Зато наблюдавшие с тревогой увидели, как Савченко сначала присел в траву, а потом совсем улегся и сразу словно утонул среди высоких зеленых стеблей. Начальник милиции успел выбраться из опасной зоны, хотя у него было тоже большое желание лечь и уснуть.

Дело принимало серьезный оборот.

Солнце между тем перевалило за полдень.

ПОТОК ПРОЕКТОВ

Часам к двум дня к месту происшествия собралось чуть ли не все население тихого дачного поселка. Прибыла на пурпурной машине местная пожарная команда. Собрались дачники разных возрастов, разных профессий и разных званий. Были здесь врачи, инженеры и военные.

Прежде всего, навели порядок: оцепили место происшествия кордоном, составленным из любителей порядка. Всех собравшихся любопытных попросили перебазироваться за этот кордон. А их с утра набралось порядочно. Мальчишки расположились удобней всех — на крышах соседних дач. Там же был Саша Сайкин, владелец спящих голубей.

Все прибывшие стояли группами вдоль дороги шагах в сорока от дачи. Сомнений в необыкновенном происшествии уже ни у кого не было. Результаты необъяснимых явлений были налицо: во-первых, беспробудно спящие люди, во-вторых, у всех на глазах в сад продолжали сваливаться галки, воробьи и даже стремительные ласточки. Выяснилось также еще одно очень важное обстоятельство. Все пострадавшие только крепко спали, но чувствовали себя, по-видимому, отлично. В бинокль было хорошо видно, как они спокойно дышали. У тети Даши заметили попытку поправить головной платок, а парикмахер Дудочкин так громко и аппетитно чихнул во сне от попавшей в нос пушинки, что, несмотря на серьезность положения, присутствующие громко расхохотались.

Кругом шли споры, выдвигались различные проекты овладения неприступной дачей.

— Несомненно, — говорил филолог Казанский в кругу своих слушателей, — они спят. Но голая констатация не раскрывает научной сущности вопроса. Может быть, на даче произрастают какие-нибудь незнакомые нам растения, цветы которых распространяют удивительный снотворный запах. Ночью эти цветы расцвели — вот вам и результат.

У Казанского было много сторонников, тем более, что он очень убедительно говорил.

В другой группе выдвигалась теория другого характера.

— Может быть, — говорил один, — из земли стали выделяться какие-нибудь газы, усыпляющие человека. Ведь мы знаем слезоточивые газы, от которых плачут, мы знаем газы веселящие, от которых смеются. Науке известно немало различных газов, от которых можно уснуть.

— Совершенно верно, — поддержал врач.

Эта теория также имела своих сторонников.

Много было сторонников теории электромагнитной, наиболее правдоподобной в данном случае, но они никак не могли объяснить возникновения каких-либо излучений. Наконец, из различных течений была выделена инициативная группа, которая и должна была испробовать все средства проникновения на неприступную дачу.

Решено было начать с газовой теории, то есть с предположения, что все это происходит от действия каких-то газов или цветочных запахов. Естественно, что в таком случае лучше противогаса ничего не придумаешь.

Решили принять еще одну предосторожность: решили человека, который в противогазе попытается проникнуть на дачу, обвязать вокруг пояса длинной веревкой и в случае нужды вытянуть его на этой веревке обратно.

Сказано — сделано. Охотников овладеть «полюсом недоступности» нашлось много. Выбрали одного из них — лучшего пожарника поселковой команды, обрядили его в противогаз, обвязали длинной веревкой. Он смело двинулся вперед.

Все с напряжением следили за храбрецом. За ним тянулся длинный конец веревки, который держали наготове человек двадцать. Веревка понадобилась очень скоро. Пройдя к даче даже меньшее расстояние, чем его предшественники (очевидно, сказалось затрудненное дыхание в противогазе), испытатель этого способа повалился на землю. Его тотчас же вытянули веревкой обратно. Но он не позволил тянуть себя очень долго: вскочил на ноги, сорвал противогаз и прибежал на прежнее место. Его сразу же окружила толпа, начались расспросы. Врачи собрали расширенный консили-

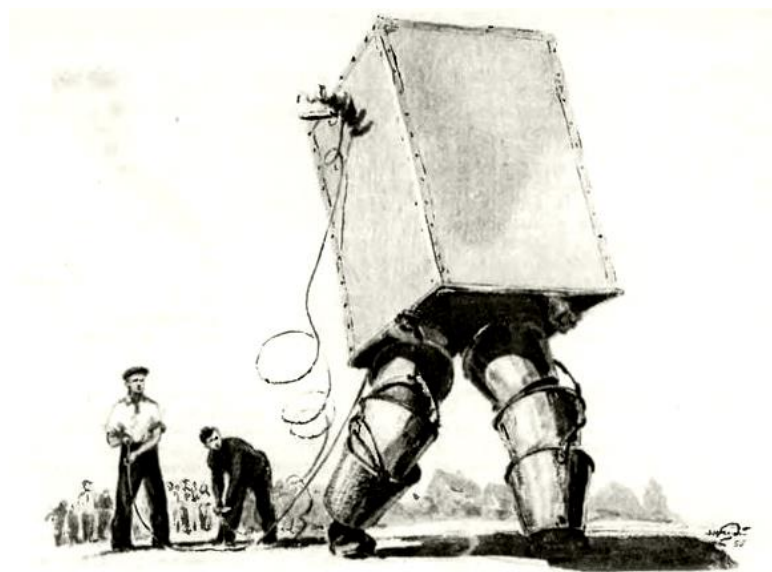
ум с целью обследовать состояние его здоровья. Оказалось, все в порядке, кроме того, что он ничего толком не мог рассказать. Закружилась голова, подкосились ноги, а что дальше было, он не знает: не то уснул, не то упал в обморок.

Первая научная попытка потерпела крах.

— Нет, — сказал один инженер. — Здесь, безусловно, какие-нибудь излучения. Откуда они берутся, сказать не берусь, но все это так. По-моему, надо послать человека и экранировать его металлическим экраном.

Многие согласились с мнением инженера. Но встал вопрос, как это осуществить практически.

Наконец решили сделать так. На человека, который должен был отправиться на штурм неприступной зоны, надеть жестяной бак, чтобы в нем скрылись голова и туловище, а на ноги — по три ведра с вышибленными доньями. Все это можно скрепить проволокой. Получится, может быть, не совсем красиво, но что ж делать — при таких обстоятельствах не до красоты.

Тотчас же достали все необходимое. Нашлись охотники испытать и этот способ. Правда, их было меньше. Когда на одного из них надели полное снаряжение, то все так и прыснули со смеху. Охотник, высокий, тощий шофер, в этом снаряжении немного напоминал и средневекового рыцаря, и водолаза. Привязали и к нему веревку. А к жестяному баку прикрутили длинный медный провод, другой конец которого заземлили. В баке отверстий для глаз не сделали. Управлять движениями шофера решено было голосом, и, кроме того, смельчаку были видны внизу из бака собственные ноги. На этот раз очень многие были уверены в успехе, и отважный шофер, побрякивая ведрами и баком, двинулся к даче, как страшный «робот» из фантастического рассказа.

Надо было видеть общее разочарование, когда легкое побрякивание снаряжения прервалось железным грохотом и лязгом. Смельчак свалился на землю, просто споткнувшись.

И на этот раз попытка окончилась очередной неудачей.

ТАЙНА РАСКРЫТА

День клонился к вечеру. Однако загадка все еще не была решена. Все видели, как в сад продолжали падать то галки, то вороны. В погоне за галкой снопом растопыренных перьев свалился молодой коршун. Проектов по-прежнему поступало много, но все они после непродолжительного обсуждения, отвергались.

Так, один юный лейтенант посоветовал въехать на дачу в танке. Другой советчик, очевидно, любитель из аэроклуба, предложил спуститься на парашюте. Пожарники рекомендовали подъехать к даче как можно ближе на машине и выдвинуть пожарную лестницу, с верхушки которой на веревке можно спустить человека в ящике из кровельного железа. Не удержались и от шутки:

— Вы бы еще шагающий экскаватор затребовали! У него ковш от любых волн защитит.

Саша Сайкин подходил то к одной группе, то к другой. Особенно он увивался около защитников электромагнитной теории. Саша был большим радиолюбителем.

— Дяденька, а дяденька, — потрогал он пожилого инженера за рукав. Тот ответил ему рассеянным и сердитым взглядом. — Дяденька! — не унимался Саша. — Поглядите. Самый мой лучший голубок на проводе спит. Может, хоть его пожарники снимут.

— Какой голубок? Где?

— Да вон, над забором.

Инженер поднял голову, увидел голубя на проводе и вдруг хлопнул себя по лбу.

— Блестящая идея! Как это мне не пришло раньше в голову? Ну, паренек, сейчас получишь своего голубка. Отрежем питание — и все.

Плавнo поднялась у ближайшего столба пожарная лестница, по ней быстро взбежал монтер. Провода, отключенные от общей сети, упали на землю. Не успели они еще коснуться земли, как все кругом стало оживать. Густые стаи воробьев поднялись над садом. Десятки галок и ворон разлетелись в разные стороны. Стайка белых голубей взвилась ввысь и понеслась к дому Саши,

Первым летел голубь, только что висевший на проводе.

Один за другим просыпались и поднимались пострадавшие, протирали заспанные глаза, потягивались и удивленно смотрели на окружающих, не соображая сразу, в чем же тут дело. Тетя Даша нагнулась к своему прокисшему молоку, парикмахер Дудочкин поднялся и растерянно глядел на дачу, забыв, зачем он сюда пришел.

Радость всех собравшихся у дачи была весьма бурной, но порядок вскоре навели. Решено было создать авторитетную группу из пяти человек и направить на дачу. Саша Сайкин бежал к даче впереди всех.

На даче первой проснулась подруга Волгиной, так как у ней была не совсем удобная поза для сна. Потом проснулся майор и все остальные. Доктор поднялся с пола и смущенно почесал затылок.

— Смотрите! — начал было Николай Иванович. — Ровно семь часов, даже без одной минуты. Мы проспали меньше четверти часа. А могло быть хуже, дорогой доктор. Как же это тебя угораздило? Мы даже отражатель не успели поставить.

— Эх, Николай Иванович, — сокрушенно сказал доктор, — ты же сам сказал, что с прибором кто угодно управится. Вот я того, и управился.

В это время встревоженная Динка встречала лаем неожиданных гостей.

Смеясь и весело переговариваясь, все участники «спасательной» экспедиции вскоре разошлись по домам.

Однако Николай Иванович пережил потом немало неприятных минут. Он получил от директора института основательный нагоняй за небрежную и неуместную постановку опыта со своим изобретением.

— К счастью, все кончилось благополучно, — закончил директор. — Поэтому ограничимся сегодняшней, не очень приятной беседой. Ведь как было бы тяжело на вас, заслуженного человека, накладывать суровое взыскание.

Обрадованный благополучным исходом беседы, Волгин вышел из института и, задумавшись, зашагал совсем не в ту сторону, в какую ему надо было идти.

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

ЛУННЫЕ БУДНИ

Научно-фантастический рассказ

Художник Н. Кольчицкий

Научно-фантастический рассказ

Г. ГУРЕВИЧ

Рис. Н. КОЛЬЧИЦКОГО

В детстве читал я цветистую восточную сказку о красавице принцессе. Из глаз этой девушки вместо слез падали жемчуга, изо рта сыпались золотые монеты, на следах ее расцветали розы. Как ступит — розовый куст, шагнет второй раз — второй куст, пройдет — за ней цветочная аллея. Я вспоминал эту сказку нынешним летом в Кременье.

В Кременье мы попали случайно — художник Вихров и я. Оба мы искали укромное местечко. Я уже давно знаю, что самые лучшие мысли приходят, когда лежишь на траве и смотришь, как пушистые верхушки сосен плывут по голубым проливам между облаками.

В Кременье оказалось вдоволь сосен. Они росли за огородами, на песчаных холмах, стройные, как ионические колонны, и розовые, как заря. За бором начинался лиственный лес: осины с бледно-зелеными стволами, узловатые дубы, липы, вокруг которых вились пчелы, гудя, словно маленькие самолеты. Березы, слишком высокие и тонкие, чтобы выдержать вес своей листвы, перегнувшись через дорожку, клали вершины на плечи дубам. На одном из березовых арок мы нашли птичье гнездо с оливковыми яйцами. Мы

видели ядовито-зеленую ящерицу, гревшуюся на старом пне, видели, как оса, уцепившись одной ногой за лист, на весу скатывала в комок пойманного кузнечика, видели, как черно-пестрый дятел долбил сосновый сук, замахинаясь головой; белка, бежавшая по земле, наткнулась на меня и замерла, уставившись черными, как бусинки, глазами. Я сказал ей, что я не охотник, но она не поверила, решила не связываться со мной и, взмахнув пушистым хвостом, поскакала обратно.

От солнца, аромата смолы и цветов у нас кружилась голова. Мы нашли не меньше полусотни вдохновляющих местечек в лесу и на берегу реки. Я был в восхищении, художник тоже, и свои чувства он выразил такими словами:

— Сюда бы хороший московский ресторан — это был бы рай на земле.

— Кажется, у пристани есть столовая, — заметил я.

— Знаю я здешние столовые, — скептически отозвался художник. — Несоленные щи из свежей капусты и вареные котлеты каждый день.

(Вихров уважал искусство и не любил, чтобы мелкие житейские неудобства отвлекали его от творчества.)

Но столовая приятно разочаровала нас. Нас усадили за столик с накрахмаленной скатертью и цветами, спросили, где мы гуляли, сильно ли проголодались, угостили великолепной окрошкой с квасом, укропом и зеленым луком, на второе дали бифштекс с яичницей и поджаренными сухарями... и после мороженого мы попросили книгу отзывов.

Наша просьба вызвала переполох. Как потом оказалось, в столовой была только жалобная книга. Взволнованная подавальщица призвала на помощь какую-то Марусю.

— Которую? — переспросил ее повар.

— Да Лунную же! — крикнула она,

И через три минуты перед нами явилась эта самая «лунная» Маруся с жалобной книгой под мышкой. У нее было круглое курносое лицо, действительно похожее на полную луну, серьезные серые глаза и озабоченная складка между бровями. Мы успокоили ее, и на первой странице незапят-

нанной книги написали наши впечатления о скатертях, цветах, окрошке, подавальнице и шеф-поваре Марии.

— Лунная — это ваша фамилия? — наивно спросил художник.

— Да нет, фамилия наша Кремневы. У нас полдеревни Кремневых. А Лунная прозвище мое. Потому что я на Луне зимовала.

Я смотрел на нее во все глаза. Эта девушка была на Луне? Так это и есть Мария Кремнева из первой комсомольской зимовки, вот эта самая — в поварском колпаке?

— Как же вы попали на Луну?

Маруся посмотрела на ручные часики, оглянулась.

В столовой было пусто. Обед кончился, до ужина было далеко. Возможно, ей самой хотелось рассказать, а в деревне все уже знали ее историю. В общем, Маруся не заставила себя упрашивать.

— Многие у нас недооценивают общественного питания, — начала она. (Книжные обороты часто встречались в ее речи. Видимо, она не умела пересказывать их своими словами.) — Помню, когда колхоз посылал меня в Москву на курсы поваров, я не хотела ехать... даже плакала. Подруги у меня — кто на тракторе, кто на комбайне, а я вдруг с поварешкой у плиты. После уже на курсах поняла. Нам шеф, бывало, говорил: «Мы, повара, как врачи и даже еще важнее. К нам люди три раза в день приходят от голода лечиться, а к доктору идут с неохотой, в крайнем случае, в беде. И кормить надо по правилам

науки — по калориям и витаминам. Потому что люди сами не знают, что им следует есть. Мы за них думать должны».

Училась я старательно и диплом сдала на «отлично». Делала я, как сейчас помню, праздничный обед и фигурный торт с фруктами. Думала — вернусь в Кременье, устрою в столовой пир всем на удивление. Но так случилось, что вернулась домой я не скоро.

Пришло на курсы распоряжение — трех лучших учениц направить в Арктику на зимовки. Я-то была по отметкам пятая, но третья побоялась ехать и обменялась со мной. И отправилась она в Кременье, а я — на Землю Франца-Иосифа.

Про Арктику говорить не буду, вы меня не про то спрашивали. Все повидала: белых медведей, пургу, трехмесячную ночь, полярное сияние. Жили хорошо, потому что коллектив был дружный. Особенно мне понравился один парень — Шурка-радист, веселый такой, славный. Мы с ним крепко подружились и, когда вышел срок, решили еще раз вместе зимовать; съездить на Кавказ, в Москву, в Кременье, а потом в Арктику.

И вот, как раз когда мы ехали в поезде из Архангельска, Шурка услышал по радио, что на Луне будет комсомольская зимовка. Услышал и загорелся — «Давай подадим заявление». Он такой у меня выдумщик! Я говорю: «Шура, туда людей с отбором пошлют. Какие у нас особые заслуги? Я простой повар, ты простой радист». Но он упрямится: «Я не простой, я радист первого класса, у меня значок отличного полярника. Радисты везде нарасхват». Уговорил... Написали мы заявление и снесли в комитет, проезжая через Москву. По правде, я не надеялась совсем, потому что мой номер был 14 325, а у Шурки — 14 324.

Но вышло иначе. Не успели мы уехать, приносят мне в гостиницу повестку: Марию Алексеевну Кремневу, меня, значит, — просят явиться в одиннадцать ноль-ноль в райком комсомола к товарищу Платонову.

Бегу, ног под собой не чую. Принимает меня этот Платонов, обходительный такой, называет по имени-отчеству,

спрашивает, как я работала в Арктике, какой у меня стаж — по работе и комсомольский, — есть ли взыскания. Потом говорит:

«Полагаем мы, Мария Алексеевна, что вы подходящий для нас кандидат. И диплом у вас, специальное образование, и опыт работы на зимовке, а на Луне условия сходные. Но должен разъяснить вам заранее: полетят на Луну всего-навсего пять человек. Посылать с ними особого повара нет никакой возможности. Надо будет вам взять на себя все хозяйство — приготовить, и посуду помыть, и убрать, и постирать, и починить».

Не могу сказать, чтобы мне понравились такие слова.

У нас на зимовке поговорка была: «В Арктике горничных не бывает». Подмести, пол помыть, воду принести — на это дежурный есть. Очередь подошла — сам начальник дежурит, не стесняется. Я так и сказала в глаза товарищу Платонову:

«Кто на Луну поедет, белоручки или комсомольцы? И с каких пор комсомольцам прислуга нужна?»

А он в ответ:

«Мы вас неволить не собираемся. Подумайте, взвесьте. Но поймите одно обстоятельство. Дом, в котором мы сейчас с вами сидим, обошелся государству в сто тысяч рублей. А

если вы возьмете карандашик и посчитаете, получится, что каждый трудодень ученого на Луне станет нам в две тысячи рублей. Не хотим мы эти деньги тратить на дежурства, потому и посылаем на Луну не просто повара, а доверенного человека, чтобы берег нам

драгоценные часы. Подумайте об этом до утра, а завтра по телефону позвоните, только не задерживайте, чтобы мы другую кандидатуру могли подыскать».

Бегу я к Шурке и каждое слово повторяю, боюсь растерять. Гляжу, Шурка мой сидит темнее тучи, а в руках у него открытка: «Уважаемый товарищ, ввиду того, что в настоящее время на Луне не требуются радисты...» В общем отказ по всей форме.

Как мне быть? И Шурку жалко, и ехать хочется.

Такая мне честь — из четырнадцати тысяч выбрали, все равно как по лотерее выиграла. Отказаться обидно, а любовь потерять еще обиднее. Ведь вы, мужчины, самолюбивые, хотите себя перед девушкой показать. А тут мне честь, а Шурка в тени.

Но Шурка, он хороший у меня, правильный, по-настоящему рассудил, без зависти. Он так сказал:

«Если бы ты меня не пускала, я бы не послушал, и я тебя удерживать не буду. Только ты запоминай все подробности, все мелочи пересказывай, чтобы я почувствовал, как будто сам я на Луну съездил».

На том и порешили. А на следующий день я позвонила товарищу Платонову и тут же начала тренировку.

Маруся смолкла. Очевидно, она считала, что исчерпывающе ответила на заданный вопрос, каким образом она попала на Луну. Но, по-моему, самое интересное только начиналось.

— Ну и как, тяжело показалось вам на Луне? — спросил я.

Маруся рассмеялась:

— Если вы в прямом смысле спрашиваете, на Луне даже очень легко. Перед отъездом я весила пятьдесят пять кило, а на Луне это девять кило с небольшим. На Луне я поднимала двух парней сразу — одного правой рукой, другого — левой. Два пятипудовых мешка с мукой тащила по лестнице вверх. Школьницей на районных соревнованиях я получила грамоту за прыжки в длину. Но таких результатов, как на Луне, я не показывала никогда — овраг в двадцать метров

перепрыгивала с разбега. Сначала страшилась, удивлялась, потом привыкла, даже земной глазомер потеряла. Здесь, в Кременье, то и дело хочется через дома прыгать. В первые дни с горы скатилась, ободралась вся...

От этой легкости и работать нетрудно. Себя самое носить легче, не устаешь. Но жить на Луне очень скучно, куда

хуже, чем в Арктике. Сидишь взаперти в герметическом домике, внизу четыре комнаты, наверху, под куполом, склад. Наружу выходишь только в скафандре, а выйдешь — не на что смотреть: пыль и камень, камень и пыль. Как вам сказать, на что похоже? Видите за рекой у электростанции горы шлака? Вот и представьте: таким шлаком, сыпучим и скрипучим, темно-серым или ржавым, засыпано все кругом на тысячи километров. Горизонт на Луне близкий, все время кажется, что ты на холме, а дальше обрыв. Вот стоишь на этом пятачке, глядишь на звездную осыпь. Тишина мертвая, уши как будто ватой заткнуты. Днем жара, хоть блины пеки в пыли, ночью — невиданный мороз. Небо черное днем и ночью, и на нем Земля огромная, ярко-голубая, куда ярче, чем луна в Кременье. Глянешь на нее, и сердце щемит. Отыщешь темную полосу — Атлантический океан, Арктику — она блестит, как будто лампой освещена.

А правее океана и пониже Арктики — родина, Москва и Кременье. На Луне морозище, а у нас лето — август: на лугах пахучее сено, стогометатель работает, в скошенной траве — кузнечики, пройдешь — они из-под ног брызгами. Девушки в машине едут с почетным красным знаменем, за лесом трактор стрекочет, в лесу орехи поспели — гладкие, твердые, с зубчатым венчиком; в прошлогодней листве — грибы, по тенистым оврагам малина. Вспомнишь обо всем, и тоска берет. Куда тебя занесло, Маруся, найдешь ли дорогу домой?

Таким мыслям воли нельзя давать, это я по Арктике знаю. Распустишься, раскиснешь, неведь что в голову ползет. И одно лекарство — работа. Ну, работы у меня не занимать стать. В моих руках хозяйство, как бы семья самшест, дом в четыре комнаты да еще склад. К ужину так уходишься, не знаешь, куда руки-ноги деть. Но час ужина был для меня за весь день наградой.

У нас такое правило было: за ужином каждый отчитывается за сутки. Первый начинал Костя-геолог. Такой нескладный был, длинноногий, казалось, ноги у него под мышками начинаются. А как он по Луне вышагивал, смех

смотреть, словно циркулем Луну мерит. Норма у него была — шестьдесят километров за рабочий день. Когда исходил все окрестности, начал на вездеходе ездить, потом на два дня, на три, на четыре уезжал, да еще такую манеру взял — опаздывать на сутки. Ему говорили: «Костя, пропадешь. Случится что, где тебя искать?» Смеется: «Пустьки, по следам найдете». Это верно, на Луне ведь дождя и ветра нет, следы в пыли остаются навечно. И сколько Костя их там понаставил — считать, не пересчитать.

Этот Костя начинал отчет: был, допустим, к югу от кратера Архимеда, изучал светлые лучи, обнаружил насыпь из породы, похожей на светлые туфы, собрал образцы — самородное серебро, роговую обманку, цинковую обманку... И тут же камни на стол выкладывает.

За ним слово брала Анна Михайловна — Аня, начальник наш. Женщина была у нас на Луне начальником. Видная такая, румяная, черноглазая и с темными усиками, красивая женщина, только полная. А на Луне расплылась выше всякой меры. Ведь там незаметно, свой вес не чувствуешь и одышка не мучит. Я говорила ей: «Анна Михайловна, я для вас отдельно готовить буду — диетическое, посуше, посытнее...» — «Не надо, — говорит, — Марусенька. И так я неудачница. В любви мне не везет, еще поститься буду».

Такая приятная женщина, а счастья своего не нашла. Просто слепые вы, мужчины, честное слово! Смеяться любила — как залется, всех заразит. На гитаре играла, пела; спектакль у нас ставили — «Медведь», она помещицу изобразила. И работать мастерица: она и начальник, и физик, и химик, и математик. Образцы, которые Костя приносил, она проверяла, смотрела в микроскоп, в пробирках испытывала, заносила в книгу. Опыты придумывала, каждый день новые. На Луне можно интересные опыты проводить. Первое дело — там воздуха нет.

На Земле пустоту добывают с великим трудом, а там ее сколько угодно. Второе — разница температур. На свету — зной, в тени — мороз, сто шестьдесят ниже нуля.

С пустотой — опыты, с теплотой — опыты, со светом, с электричеством, с магнитами. Иной раз такой прибор построит — со шкаф величиной. И все на один-два раза. Включит, запишет цифры и разбирает.

Когда Аня про свои дела расскажет, третья очередь — Сережи-астронома. Вот кто действительно свои две тысячи в день оправдывал. Встанет раньше всех, норовит убежать до завтрака и сидит у телескопа до ужина, не евши. Еще телефонную трубку снимет, чтобы его не отрывали.

Сережин телескоп стоял не в доме, а в обсерватории. Установлен был под крышей, чтобы солнце его не нагревало, а в тени на Луне — вечный мороз и тьма. Воздуха там не было, Сережа сидел в скафандре. И вот сидел он там, как привязанный, по двенадцать часов подряд: наводил — фотографировал, наводил — фотографировал.

И опять сначала. А после ужина еще часа четыре проявлял фотографии, измерял и цифры записывал в толстую книгу. А что записывал? Номер звезды, местоположение, величину. Попросту сказать — инвентаризация, на мой взгляд, самое скучное дело. Я так и сказала Сереже откровенно: «Удивляюсь вашему терпению, Сережа». Но, оказывается, в каждом деле свой интерес. Сережа говорит мне с гордостью: «Мы, астрономы, — разведчики дальних дорог. Луну мы изучили, передали людям на пользование, теперь с Луны прицеливаемся на другие планеты». Я попросила его показать звезды. Он не важничал, не чинился, позволил глянуть в телескоп. На Луне и так много звезд видно, потому что там небо чище. А в телескопе все небо словно толченой пудрой засыпано.

И каждая точка — чужое солнце, вокруг него — земли, вокруг земель — луны. Как рассказал мне Сережа, дух у меня захватило.словно стою я на берегу неведомого океана и плыть мне по нему всю жизнь, или словно в библиотеку я пришла, а на полках миллионы книг, одна другой интереснее, прочла первую про Москву, читаю вторую — про Луну, а все остальное еще впереди.

Был у нас еще один Сережа — инженер. Этого мы звали Сережей-земным, а астронома — Сережей-небесным. Сережа-земной небольшого роста, франтоват, всегда при галстучке, брюки выутюжены, ботинки блестят, в танцах первый кавалер, ночь напролет готов танцевать; пригласит, закрутит до упаду. Зато и в работе горел, мастер — золотые руки. За дом он отвечал, за герметичность, за освещение, отопление, за электростанцию, за обсерваторию, за вездеход, за все скафандры, за все приборы для Аниных опытов. А кроме того, в его руках было радио. И каждый вечер, после ужина, Аня диктовала ему отчет, Сережа передавал его в Москву, а потом сообщал нам земные новости: в Москве физкультурный парад, в Донбассе — автоматическая шахта без людей, на Амуре — новая гидростанция, энергию хотя бы отражать от Луны и передавать на Кавказ, американцы собираются на Луну — думают высадиться в Море Кризисов (ребята смеются: «Мало им на Земле кризисов»).

А иной раз особые передачи для нас... вдруг от Шурки морзянка с острова Врангеля:

«Маруся, помню, жду...»

Так мы и жили. Каждый день — новости лунные, лабораторные, небесные и земные. И, может быть, никто на свете не жил интереснее нас шестерых.

— Шестерых? — переспросил художник. — Аня, Костя, два Сережи и вы. Кто же шестой?

Я не раз замечал, что Вихров внимательнее меня к деталям. Это понятно. Я пишу то, что мне нужно сказать, говорю про нос и предоставляю вам дорисовать лицо. Но художник не может ограничиться носом, ему нужен подбородок, воротник, волосы и все остальное. Конечно, слушая Марусю, Вихров мысленно иллюстрировал ее рассказ. Вот за столом шесть человек. Пять ясны, а каков из себя шестой? Посадить его спиной? А кто он — мужчина или женщина?

Маруся вздохнула.

— Шестым был у нас доктор, Олег Владимирович. Не собиралась я говорить про него, но из песни слова не

выкинешь. Расскажу, как было, — незачем нам правду прятать.

Не знаю, как это вышло, то ли просчитались в Межпланетном комитете, то ли сам он был виноват, но доктору у нас было нечего делать. С одной стороны, без доктора как будто нельзя, с другой — в сельской местности по нормам один врач на сто человек, а на Луне нас было шестеро, все молодые и здоровые, болеть не хотят. Были у него свои задания по бактериям и растениям. Но микробы померзли, растения завяли. Аня приглашала доктора помогать ей, просто упрасивала, но он не захотел. Осталось у доктора одно — составлять меню и снимать пробу. И зачастил он ко мне на кухню, не от жадности, а так, от скуки. Скушает ложечку, выпьет глоточек, сядет на ларь и рассказывает.

Сам он был статный, видный и держался солидно, цену себе знал. И рассказывал интересно, но больше про себя — как он жил с отцом, академиком, и знаменитые люди к ним на квартиру ходили, как в институте отличался, как его работы хвалили, как он предложил больные кости на Луне лечить, там, где тяжесть меньше, как выхлопотал себе командировку на Луну. Я слушала с удовольствием, даже еще просила рассказывать. У меня работа не умственная, можно лук крошить и слушать, делу не мешает.

Может быть, он не так меня понял или скука его одолела, в общем, начал он шутки шутить со мной, пришлось разок по рукам дать. Но он ничего, не обиделся. Даже наоборот, ласковые слова говорит. Я вижу, надо объясниться начистоту. Говорю ему: «Доктор, вы себя не тревожьте. Я от скуки в любовь играть не буду. У меня на Земле жених — Шура-радиост. А если вам делать нечего, идите помогать Анне Михайловне. Вы с ней пара: она — кандидатскую пишет, вы — кандидат. А у меня восемь классов, курсы поваров».

Усмехается в ответ: «Смешно рассуждаешь, Маруся, словно продукты взвешиваешь. При чем тут классы и звания? Ты мне нравишься, а на эту бочку я смотреть не могу». (Это он про Аню так.)

Только забыл он, что в нашем домике перегородки из металла и все насквозь слышно. Вышла я из кухни, вижу — в столовой Аня, бледная, как мел. Напустилась на меня: «Чем занимаешься в служебное время?» Потом заплакала, обняла меня и прощения просит: «Маруся, я сама не знаю, что говорю».

Так мне жалко ее, а что посоветовать, не знаю. Каким советом тут поможешь?

Все-таки пересилила она себя. А за ужином слышу — песни поет. Характер у нее легкий был, отходчивый.

С этой поры прошло совсем немного времени — по земному счету две недели, а по лунному — половина суток: утро, день и вечер. И появилась у доктора забота — больной, а больной тот я.

Все это вышло из-за Сережи-небесного. Как раз было великое противостояние Марса, а это случается один раз в пятнадцать лет. И Сережа каждой минутой дорожил, не обедал, не ужинал, даже на сон время жалел. Жалко все-таки, человек голодный сидит. Я собрала кое-что, надела скафандр — и в шлюз. Это камера такая, где воздух откачивают. Медленно это делается — минут двадцать ждешь. Из-за этого Сережа и не хотел на обед приходить. Наконец откачали воздух, открылась дверь (все это делается без людей, автоматически), побежала я в обсерваторию. И совсем немного осталось, рукой подать, вдруг — щелк, звякнуло что-то по скафандру.

И ногу мне как огнем обожгло. Гляжу, в скафандре дырка, пар оттуда бьет.

Я сразу поняла, в чем дело. В меня угодила метеорная частичка. Такая вредная пылинка, крошечная, а летит быстрее пули раз в пятьдесят. До Земли они не долетают, врезаются в воздух и испаряются, блеснут — и нет. В народе говорят: звездочка упала. А на Луне воздуха нет, там эти частички щелкают по камням. И никакая сталь от них не защита — прошивают насквозь, как иголкой. Дома-то мы были в безопасности, у нас в верхнем этаже был склад — пусть себе стреляют в муку и капусту.

Так не повезло мне! Сережа день-деньской в обсерватории, Костя по целым суткам в походах под открытым небом, а я выскочила на пять минут, и на тебе!

Насчет метеоров у нас был специальный инструктаж, как пробойнику затыкать. Но, пока я возилась (рукавицы-то у нас неуклюжие, неповоротливые), ногу мне прихватило. Сгоряча я прибежала к Сереже — и обратно, а как вышла из шлюза — не могу ступить. Нога опухла, вся синяя, как будто банки ставили. И жар и озноб, лицо горит, и перед глазами зелено.

Доставила я хлопот не одному доктору. Аня за меня обед варила, Сережа-инженер в доме убирал, Сережа-астроном тарелки мыл, Костя на стол накрывал. Совестно мне — лежу, как колода, всем мешаю. И в голове стучит — растратчица я: день пролежала — две тысячи рублей, четыре секунды — гривенник.

Как ребята за работу, я — к плите. Прыгаю на одной ноге — и смех и грех. Поскользнулась, сковородку уронила, сама упала. Прибежала Аня, уложила в постель силком. «Я, говорит, в приказе проведу — лежать тебе и не вставать».

Но доктор лучше всех был. Компрессы, примочки, микстуры... с ложечки меня кормил, как маленькую, у постели сидя в кресле спал. Побледнел, осунулся, под глазами синяки... и глаза какие-то странные. Я гнала его, не уходит. Говорит, врач у постели больного, как часовой на посту. Его только другой врач сменить может.

Однажды проснулась я ночью. Так привыкли мы по-земному говорить: часы сна называли «ночью». А на самом деле слегла я, по-лунному, вечером, и, пока болела, все время было темно. Итак, проснулась я. В комнате света нет, за окном Земля, голубая, яркая-яркая. И от окна длинные тени, как у нас бывает в лунную ночь. Вижу, доктор перед окном. Шею вытянул, прислушивается.

И верно, трещит что-то снаружи. Я-то знала, это краска от мороза лопается; краска у нас была неудачная, негодная для Луны. Вдруг удар, звонкий такой. Не метеор ли? Как вскочит доктор, потом в кресло упал и руками закрылся.

«Доктор, что с вами? — кричу. — Очнитесь!»

Отнял он руки, глаза бегают, лицо земным светом озарено, как неживое.

«Не страшно тебе, Маруся?»

«Почему страшно?»

«А мне страшно. Все мы здесь как приговоренные к расстрелу. Спим, едим, читаем, а в нас небесные пули летят. Вот я начал слово, а договарю ли, не знаю. Влетит метеор в окно, и смерть. Зачем же я учился, защищал диссертацию, в науке совершенствовался, выдумал лунный санаторий для больных детей? Какой здесь санаторий, разве можно детей под расстрел? Всего три месяца мы здесь, и вот — первая жертва. Кто теперь на очереди? Чувствую, что я. К чему мне тогда честь, почет и слава межпланетного путешественника? Не хочу славы, хочу голубое небо, луг с зеленой травой, деревья с листьями. Минуты считаю, а еще месяцы впереди».

Вижу я — человек не в себе, говорю ему ласково, как детей уговаривают: «Доктор, вы переутомились, вам отдохнуть надо. Опасно повсюду бывает. В Москве улицы переходить куда опаснее. В Кременье, когда гроза в лесу, еще страшнее. Один раз сосна сломалась, упала на просеку, веткой меня по спине хлестнуло. Еще бы шаг — и конец.

А как на войне бывало? Там не глупые небесные пули, а злые, вражеские, с умом направленные. Как же наши отцы в атаку на пули шли? Нужно было, вот и шли.

И наша работа Родине нужна. Сами знаете, не мне объяснять».

Вздохнул он тяжело.

«Эх, Маруся, ясный ты человек, и душа у тебя здоровая. Полюбила бы ты меня, и я бы рядом с тобой здоровее стал и крепче».

Что ему сказать на это?

Я говорю:

«Доктор, я вас уважаю и помогу, как умею, а люблю я Шуру-радиста, я вам про это говорила».

Усмехнулся он криво и спрашивает с высокомерием:

«Чем же я хуже этого Шуры-радииста?»

«А тем и хуже, — отвечаю в сердцах, — что Шурка популярной ночью песни пел, всех смешил, а вас самого утешать надо. И тем еще, что Шурка мне говорил: „Полюби меня, на руках носить буду“, а вы говорите: „Полюби, чтобы меня спасти“. И еще тем, что Шурка ради меня своим интересом поступился, а вы для своего интереса готовы все забыть и бегом бежать».

Поклонился он мне с издевкой. «Спасибо, — говорит, — за отповедь». С тем ушел и дверью хлопнул.

Он ушел, а меня совесть замучила. Нечего сказать, отплатила за заботы. Человек душу обнажил, тоску излил, а ты к нему с поучениями. А сама по зелени тоскуешь? Не снятся тебе серебристые ивы над рекой, зеленые перья лука, крутые капустные головы в распахнутых одежках? На Луне зеленого ничего нет, там все черное, бурое, красноватое. Принесла бы я доктору живую зелень, больше утешила бы его, чем словами.

Запала мне в голову эта мысль, и, как встала я на ноги, вернее, на одну ногу как следует, а на другую кое-как, полезла я наверх, в склад. В склад, кроме меня, никто не ходил. Здесь могла я по секрету приготовить подарок для доктора.

А задумала я очень простое дело: вырастить зеленый лук и доктора свежей зеленью угостить. Вся сложность в том, что на Луне никогда ничего не росло, со всякой малостью там затруднение. Воды даже нет, воду я из технических запасов брала. Там у нас тонны были, ведро-другое не играло роли. Почвы подходящей на Луне тоже нет, вместо песка и глины — каменная пыль, и в ней как бы железные опилки. Извести тоже нет, Костя мне полевой шпат за сорок километров принес. Истолкла я этот шпат в ступке, смешала с золой, со всякими кухонными отбросами, и так получилась у меня земля для рассады.

Со светом опять хлопоты. Солнце на Луне знойное, шлет лучи, губительные для растения. У Сережи-небесного я выведала — он сказал, что оконное стекло за-

щищает от этих лучей. У нас-то окна были кварцевые, но я взяла у Ани битые склянки, поставила между окном и рассадой.

Возни было с этим луком, как на земле с какими-нибудь лимонами. Лунный день долог, может быть, для лука это вредно. Перед сном я окна завешивала. Лунная ночь длинна — для земного лука непривычно, лампу пришлось зажигать. В середине дня духота, жара, в конце ночи — мороз, то поливка нужна, то отопление.

Но удался лук. Сначала не прорастал, а потом пошел и пошел, перья тоненькие, а ростом выше меня, должно быть, лук к земной тяжести приспособлен, а на Луне тяжесть иная, вот и вышел мой лук с кукурузу ростом.

А на вкус не очень хорош — свежий, острый, но сочности нет и хрустит на зубах, как будто в нем песок.

Но все же приятно. У нас на кухне все сушеное и мороженное, свежей зелени с отъезда не видали. Витамины пили каждый день, но все-таки не то.

И вот приготовила я луковый десерт, нарезала, разложила по тарелочкам, добавила соли, уксусу, вареной картошки. Для земной столовой — простейший гарнир, для Луны — праздничное блюдо. Расставила на подносе, несу в столовую... и слышу — в столовой Аня и доктор, и ведут они такой разговор.

Доктор говорит:

«Анна Михайловна, я должен доложить, что у нас есть больной».

«Но Маруся выздоравливает. Разве ей хуже?»

«Речь идет не о Марусе. Больной я».

«Чем же я могу помочь вам, доктор? Вам придется вылечить себя самому; в крайнем случае, по вашему предписанию я могу поставить вам банки».

«Анна Михайловна, я не шучу. У меня полиневрит на почве авитаминоза. На Земле такие вещи легко вылечивают кумысом, свежим воздухом, фруктами. Но лечить надо своевременно, иначе могут быть тяжелые осложнения, вплоть до паралича».

«Дорогой доктор, принимайте все меры. (Слышу, у нее тревога в голосе.) Сделайте себе анализы, рентген, передадим снимки по радио, на Земле соберут консилиум».

«Боюсь, что суррогаты не помогут. Нужны природные витамины. Если бы вы заболели, Анна Михайловна, я бы настаивал на немедленной отправке на Землю».

Ну, думаю, вовремя я пришла. Раскрываю дверь — и к доктору с подносом:

«Вот вам природные витамины, сама вырастила».

Глянул он на меня, словно кнутом хлестнул: «Убери-те, — говорит, — ваш силос». И Ане через мою голову:

«Я вам доложил, принимайте решение. Если вы нуждаетесь в моем обществе, я потерплю». Дескать, я знаю, что ты ко мне равнодушна, хочешь при себе удержать, так смотри, как я буду чахнуть у тебя на глазах.

У Ани губы задрожали, убежала к себе. Я стою с подносом в руках и реву, просто в голос реву, слезы в салат каплют. Обидно мне — так я старалась, так надеялась угодить, утешить доктора, с больной ногой по лестнице ковыляла, а он еле взглянул. «Уберите, — говорит, — ваш силос».

Ребята прибежали — умывались после работы. Спрашивают, уговаривают, по головке гладят, как маленькую.

А Костя взял из рук поднос, увидел зеленый лук, ест и нахваливает: «Ай да лук, откуда взялся?» После лунной беготни аппетит у него волчий. Пока другие со мной возились, он три тарелочки очистил.

Успокоилась я, повела их наверх в склад, показала весь мой лунный огород. Так хвалили они меня, выше всякой меры. Костя лунной мичуринкой назвал, руку пожал. А у Сережи-небесного уже план: голова у него была с фантазиями. Говорит:

«Превратим наш дом в зимний сад: на окнах — цветы, на столе — цветы, по стенам — хмель, душистый горошек и виноград. Утром проснулся, потянул гроздь и в рот».

А Сережа-земной его за рукав:

«А вода?»

Верно, вода — это большое место. Растение много пьет — на килограмм сухого веса две-три бочки и больше. На Земле с этим не считаются, а у нас вода драгоценная, из московского водопровода, за четыреста тысяч километров привезена. Пожалуй, выгоднее готовую свеклу везти, чем золотой водой лунную пыль поливать.

Поникла я головой, вижу — фантазия, пустая мечта.

Но парни не сдаются, спорят.

Костя говорит:

«Есть на Луне вода. В Апеннинах, в глубоком ущелье видел я лед».

«А кто будет его выламывать, из ущелья подымать, доставлять оттуда за двести километров?»

«Может быть, лед сохранился под почвой. Поищем — найдем».

«А кто будет шахту строить, добывать, наверх доставлять? Мало нас, шестеро».

Говорит Сережа-небесный: в каждом камне есть вода — в граните, в базальте, в любом. Связанная вода называется, кристаллизационная, можно ее выжигать оттуда. А у нас атомный двигатель, энергии не занимать, для нас энергия дешевле, чем земная вода.

«Дорого обойдется», — говорит Сережа-земной.

«Нет, недорого».

«Нет, дорого».

«Давай посчитаем. Зачем спорить наобум?»

Схватились они за линейки и ушли, даже ужинать не стали. А теперь послушайте, что из этого вышло.

Маруся выпрямилась и с торжеством посмотрела на нас. Очевидно, приближалась самая важная часть ее рассказа. Художник Вихров поморщился и перевернул лист альбома. Он уже давно начал портрет девушки, но его сбивало изменчивое выражение ее лица — то детски радостное, то строгое, то добродушное, то сердитое.

— Сколько дней прошло, я не помню, — продолжала Маруся. — Но однажды вечером после ужина встают Сережи и говорят: «Есть внеплановое сообщение».

Сережа-небесный начал:

«Считали мы насчет лунного земледелия... Дело оказалось труднее, чем кажется с первого взгляда. Трудность первая: растению нужны свет и тепло. Света и тепла на Луне вволю, даже больше, чем на Земле. Но распределение для земных растений непривычное: две недели — морозная ночь, две недели — жаркий день. Значит, нужно либо строить оранжереи с искусственным освещением и отоплением, либо же выводить специальные породы, которые созревали бы за две недели.

Трудность вторая: растению нужен углекислый газ. Выходы углекислого газа на Луне есть, но немного. Есть на Луне карбиды, где содержится углерод. Нужно строить заводы для получения углекислого газа.

Трудность третья: растению нужна хорошая почва.

В лунном грунте нет фосфора, нет азота, не везде есть сера. Месторождения подходящие есть, но все эти элементы

нужно добывать, перерабатывать, подвозить и искусственно создавать почву.

Трудность четвертая: с водой. Воду придется получать из горных пород главным образом. Породы дробить, плавить, улавливать пары, охлаждать их, сгущать. На это нужны целые заводы. И вывод такой: с лунным садом ничего не выйдет. Мы вшестером с этим делом не справимся.

Но могучая наша родина справиться сможет. Даже больше того: если понадобится, можно добыть столько газа, чтобы создать на Луне атмосферу. А понадобится это обязательно, потому что лунное население будет расти. Мы только разведчики. В предыдущей смене было три человека, нас — шесть, через два года здесь будет обсерватория человек на тридцать. Трансляция телевидения пойдет через Луну, и передача энергии тоже планируется через Луну. Луна богата солнечной энергией — мы сможем отправлять отсюда электричество. Костя нашел множество редких минералов. Добывать их будут? Будут. Доктор говорил — здесь можно лечить больные кости, больное сердце и тучность. Об альпинистах и туристах я не говорю, для них здесь рай. Через пять лет на Луне будут сотни людей, через десять — тысячи.

Шесть человек можно снабжать с Земли, для тысяч нужно все добывать на месте — дома, строительные материалы, воздух, воду и пищу.

Поэтому вопрос о лунном земледелии будет поставлен и разрешен. Даже больше того: лет за сорок-пятьдесят из лунных камней можно будет выжать достаточно углекислого газа и кислорода, чтобы люди могли дышать по-человечески.

Слушала я затаив дыхание. Когда Сережа сказал: «Ничего не выйдет», у меня сердце замерло. Но слышу, он продолжает, голос окреп, плечи развернулись, откуда что взялось! Однако замечаю, что другие слушают без восторга, даже о усмешкой, как будто знают, чем срезать Сережу.

И, только он кончил, Аня и Костя в одно слово:

«А скорость убегания?»

Про эту скорость убегания после я столько наслушалась, что разбуди меня — я спрошочу лекцию прочту. Почему на Луне воздуха нет? Вы, конечно, читали. Потому что Луна мала и не могла бы удержать при себе воздух, он улетучился бы, испарился. Но тут есть тонкость, которую вы, может, и не знаете. Газы теряются не в единый миг, а постепенно — за тысячи и десятки тысяч лет (цифры здесь таковы: скорость убегания для Луны — 2,4 км/сек. Средняя скорость молекул газа при 0 °С гораздо ниже; для CO_2 — 0,4 км/сек., для O_2 — 0,6 км/сек. При такой скорости только малая часть самых быстрых молекул сможет «убежать» с Луны. Луна способна сохранять CO_2 и O_2 миллионы лет, а H_2O десятки тысяч лет). Конечно, для Луны этот срок — ничто. Но мы же не о Луне хлопочем, о людях. А для людей десять тысяч лет все равно, что вечность. Мы поля пашем на один год, леса сажаем на десятки лет, дома строим лет на сто. Если Луну можно оживить на десять тысяч лет, для нас этого достаточно. Пусть через десять тысяч лет наши потомки подновят запасы воды. При тогдашней технике это будет гораздо легче. А может, им и не понадобится Луна. Кто знает, какая жизнь будет через десять тысяч лет. Вот до чего додумался Сережа небесный.

Объясняет это Сережа, и вижу — у других лица проясняются, улыбочки сглаживаются, в глазах как бы удивление. Поняла я, что Сережа дело говорит. И такая радость у меня поднялась! Пусть Шурка меня простит. Расцеловала я этого лохматого Сережу. Как большая награда была мне эта минута. Ради нее я за этим парнем ухаживала, обед ему носила, болела из-за него. Поняла я: оправдали мы себя, не зря послали нас на Луну. И такая гордость у меня: не я это все выдумала, но при мне было сделано, с моей помощью, от моей рассады все-таки пошло.

Тут все захопали. Сережа-земной вскочил: «Разрешите радио послать». Аня его придержала: «Товарищи, это предложение выглядит заманчиво, но не будем увлекаться. Проверим, уточним, разовьем. Если ошибаемся — незачем в

колокола бить, а подтвердится — привезем на Землю стоящий подарок».

С той поры пошло. После ужина, закончив дела, принимаемся за самое дорогое — план оживления Луны. Сережа-небесный такой выдумщик — карту нарисовал: Луна будущего. В кратере Платона — столица Красный Луч, оттуда железная дорога через Море Дождей к Апеннинским рудникам. Споры идут, где будут снега, как реки потекут, где климат подходящий для лесов, где будет степь, где тундра. Может, это и забава, но было и серьезное. У Сережи — новые расчеты, у Ани — опыты, у Сережи-земного — чертежи машин, у Кости — находки, полезные ископаемые.

— А доктор опять в стороне? — спросил я.

Маруся нахмурилась.

— Доктор покинул нас, — сказала она. — Он все болел и болел, хуже и хуже. Однажды Аня собрала нас и говорит: «Товарищи, дело идет о жизни человека. Надо вывезти Олега Владимировича на Землю». Ребята спорили. Говорили, что больного можно выслушать по радио. Неприятно всем — первая комсомольская зимовка, доверили нам большое дело, и вдруг такой позор: просимся домой, как перепуганные ребятки. Но, с другой стороны, человек все-таки болен, и как его лечить — неизвестно. Тогда Аня предложила: «Пусть за доктором пришлют ракету, а мы все, чтобы сэкономить перелет, просим оставить нас на второй срок». Ребята подписались, и я тоже. Хоть и жалко было Шурку еще год томить.

Но в Межпланетном комитете решили сменить нас своевременно, а доктора все-таки вывезли. Уехал он, в глаза не смотрел, не простился ни с кем, и больше я его не видел. Будто бы были у него неприятности, какие-то комиссии, расследования. Сережа-земной уверял, будто доктор впрыскивал себе какую-то гадость нарочно, чтобы болеть сильнее. А я считаю — хворал человек из-за трусости и нечистой совести. Посудите сами — если не знал он покою, сам себя грыз и ежеминутно трепетал, значит, нервы у него были в полном расстройстве. А когда нервы в полном рас-

стройстве, все органы не в порядке. И по Павлову так выходит.

Маруся досказывала все это скороговоркой, часто поглядывая на часы.

— Вы уж извините меня, пора продукты закладывать, — сказала она.

— Погодите, Маруся... а как же Дело Оживления Луны?

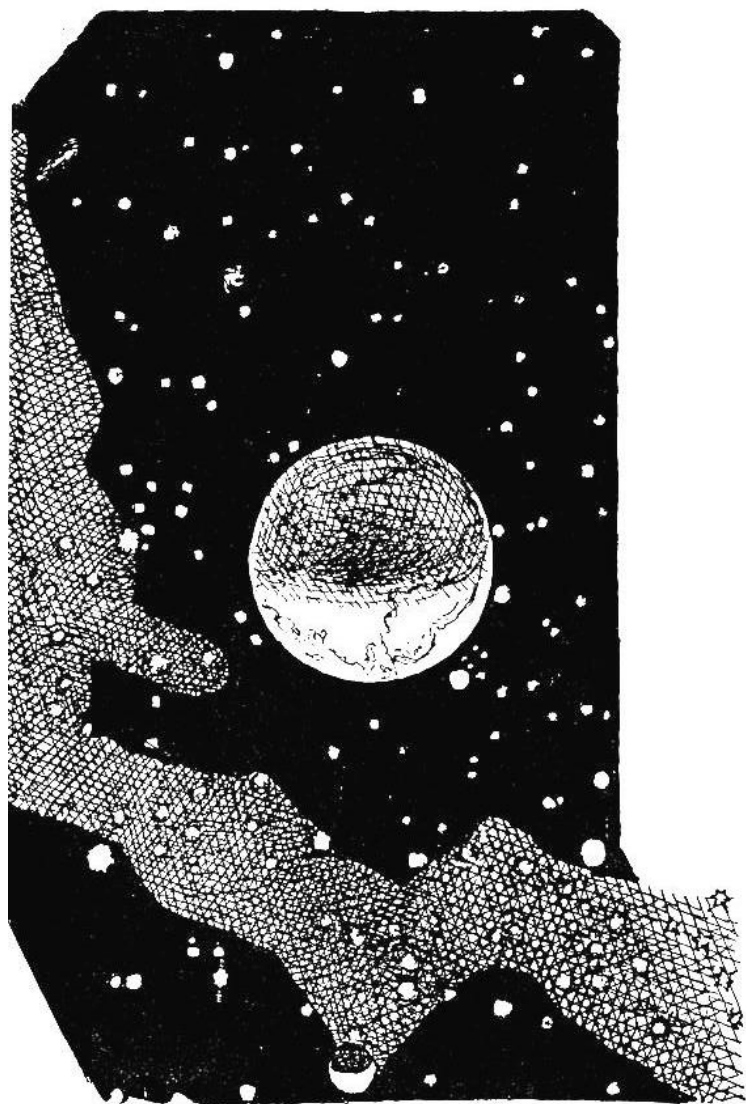
— Дело? Дело движется. Конечно, в один день его не поднимешь. Когда мы вернулись, Аня доложила проект. Его обсудили, создали особую группу для разработки, потом лабораторию, а сейчас уже целое бюро. Наша Аня — директор этого бюро, даром что тридцати еще нет. А в этом году переносят опыты на Луну. Еще Костя нашел подходящее место с выходами графита — у подножия лунного Кавказа. Если простым глазом смотреть на Луну — это на переносице, как раз между глазами. Там есть маленький кратер, безымянный. На фотографии он как булавочный укол. На самом деле — километр в поперечнике. Его покроют прозрачной крышей, и под ней будут проводить опыты — газы добывать, создавать почву, выращивать лунные породы. Сережа-земной будет начальником. Сережа-небесный, конечно, в обсерватории. Костя тоже поедет. И меня зовут шеф-поваром лунной столовой № 1. И знаете, хочется согласиться. Что-то хорошее я там оставила, как будто вторая родина там.

Я сказала: «Поеду, если Шурку возьмут». А почему не взять? Сейчас там радисты нужны. Кончились кустарные времена, когда на всей Луне жили шесть человек. Теперь там будет человек сто двадцать — первое лунное село, первый зеленый островок в каменной пустыне. Пусть так, начнем с малого. Придет время: Луна вся будет зеленой, а среди лугов и лесов — кое-где каменные островки.

В начале рассказа я вспомнил старую сказку о принцессе, на следах которой расцветали розы. И вот я думаю: может быть, эту принцессу надо понимать иносказательно? Может быть, в сказке в образе принцессы выведена простая девушка Маруся и ее друзья-товарищи? Это обыкновенные

люди, но там, где они работают, возникают пашни, города и сады. Они ступают по мертвым камням Луны, и на их следах появляются ростки свежей зелени; полями, лугами, огородами и цветниками одевается мертвая планета. Будут и розы в свое время.

И кружа около Солнца, Земля уже потащит за собой не мертвую каменную глыбу. Поплывут рядом два роскошных сада — две дружные планеты, преображенные человеческими руками.

В. БИАНКИ

РОЖДЕНИЕ РАДОСТИ

(Рассказ студента)

Научно-фантастический рассказ

Виталий БИАНКИ

Рождение радости

(Рассказ студента)

Я вышел из университета в шестом часу вечера. Последний и самый трудный зачет был сдан, впереди все лето свободное. Но странно, я совсем не испытывал знакомого с детства, с первых школьных чувств, той смелости и радости, сделавшего что-то не чувствовал. Правда, этот месяц никак не получался. Последние дни спал. И вдруг мне захотелось о будущем у крошечной, в стороне от дорожного стрелочника, около лешьим огородам, и вдруг как-то не пришло в голову, куда или поехать, и в кругом-то мире, на-уренных разумах, в мире и не было ни одной мысли. Было только одно: я же свободен, как птица. По дороге на вокзал забыл дойти, потому что не знал, куда идти. И так, не зная, куда идти, встал на переезде, сильно встревожился, и так, не зная, куда идти, встал на переезде, сильно встревожился, и так, не зная, куда идти, встал на переезде, сильно встревожился. Ни минуты не раздумывая, схватил я лавку, сумку и прыгнул на площадку. Поезд круто заворочивался и на повороте замедлил ход. Я соскочил со ступеньки и благополучно приземлился на небольшой насыпи мягкого песка. Разве мог я тогда предполагать, какое необычайное приключение придется мне пережить? В лесу я почувствовал себя так, точно попал в ароматную теплую ванну. Тут, видно, прошел недавно дождик. Тонкий пар поднимался с земли, от замшелых пней и стволов, свежая листва блестя: пахло цветочной сыростью. Все в лесу радовало мой глаз: золотистая черная береза, голубая хвоя сосны, серо-белый мох осины, темная темная тупица елей, бирюзовые просторы неба, где

Я вышел из университета в шестом часу вечера. Последний и самый трудный зачет был сдан, впереди все лето свободное. Но, странно, я совсем не испытывал знакомого с детства, с первых лет школы чувства радости: сделал дело — гуляй смело! Ничего не чувствовал, кроме усталости.

Правда, этот месяц я очень усиленно занимался. Последние две ночи совсем не спал. И вдруг мне захотелось очутиться где-нибудь у крошечной сторожки железнодорожного стрелочника, около домика с маленьким огородом и лужайкой, где ходит на приколе пестрая коза или розовый поросенок, а кругом — свежий лес, и узенькая-узенькая речушка бежит. И такая отрадная лесная тишина кругом.

Стоило только пожелать, и сейчас же само собой сложилось решение: еду! Я же свободен как птица. По дороге на вокзал забегу домой, возьму плащ, немного еды — и ночью сегодня в лесу,

Через час я сидел в вагоне и ехал, сам не зная куда.

Только вдруг меня сильно встряхнуло, я очнулся, понял, что давно уже дремлю, и глянул в окно. Увидел как раз то, чего мне хотелось: сторожка стрелочника, пестрая коза на приколе, речушка, стена леса.

Ни минуты не раздумывая, — схватил я плащ, сумку и выскочил на площадку.

Поезд круто заворачивал и на повороте замедлил ход. Я соскочил со ступеньки и благополучно приземлился на небольшой насыпи мягкого песка.

Разве мог я тогда предполагать, какое необычайное приключение придется мне пережить?

В лесу я почувствовал себя так, точно погрузился в ароматную теплую ванну. Тут, видно, прошел недавно дождичек. Тонкий пар поднимался с земли, от замшелых пней и стволов; свежая листва блестела; пахло цветочной сыростью.

Все в лесу радовало мой глаз: золотистая зелень берез, голубая хвоя сосен, серебристая кожа осин, темная-темная глубина елей, бирюзовые просветы неба среди вершин. Все веселило слух: звонкое пиньканье и рюмень зяблика, далекая кукушка, едва слышный звон пробирающегося украдкой где-то между кочек ручья, задушевная, вполголоса, песенка зарянки и нежная флейта тоненькой славки-черноголовки в мелком ельнике.

Дневные птицы уже заканчивали свои песни, лес наполнился все усиливающимся ароматом ночных цветов, свежим духом еще клейких листочков берез. Я давно потерял тропу и шел наугад, придерживаясь ручья. Ручей вывел меня, наконец, в долину маленькой лесной речки.

Солнце село. Шепотом завел свою нескончаемую, призрачную, переливающуюся трель козодой-полуночник. В легких сумерках зажглись крошечные песчинки звезд. Место было славное: на этом берегу — луг высокой травы, на том — старая вырубка с пнями, давшими молодые ростки, дальше — темная стена леса.

Я подумал:

«Куда мне идти дальше? Прекрасней не найдешь места. Тут я лягу. А завтра, отдохнувший, со свежими

силами, проснись на восходе и буду приветствовать солнце».

Пролежал минутку с открытыми глазами, потом медленно закрыл глаза... и вот тут-то случилось непонятное.

Я совершенно отчетливо почувствовал, как под моим телом колыхнулась земля. Колыхнулась и понесла меня куда-то. Движение становилось все быстрее, все стремительней. Я раскинул руки, ухватился за траву, чтобы не упасть с этого качающегося ложа.

Последней моей мыслью было: «Где я лег? Куда меня несет?»

Если непонятным было мое отправление в это неожиданное путешествие, то еще удивительнее — прибытие на место. Я не почувствовал ни толчка, ни удара. Но я вдруг ясно понял, приходя в сознание: путешествие кончено.

Я хотел подняться, вскочить на ноги, но оказалось — не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Только с большим усилием мне удалось поднять веки.

В первое мгновение я ничего не мог понять. Я лежал в каком-то фантастическом лесу. Стволы деревьев были самых разнообразных цветов: зеленые, желтые, коричневые, красные. Одни гладкие, блестящие, другие покрыты шершавой корой, третьи граненые. От стволов отходили могучие ветви — широкие и плоские, заостренные к концу. А листьев или хвои на ветвях не было.

Но еще больше леса меня поразило нестерпимо блиставшее над ним солнце. Не то солнце, которое все мы привыкли видеть на нашем небе, которое кажется, если посмотреть на него, а потом закрыть глаза, золотым кружочком с сиянием. Нет, совсем не то солнце. Это горело каким-то странным белым огнем, а местами

пятнами, какими-то красными вспышками, и это больше походило на пожар какой-то планеты, чем на наше спокойное солнце.

С трудом собрав мысли, я, наконец, сообразил:

«Это солнце на полтора-два миллиона лет моложе нашего! Это лес каменноугольного или юрского периода. Я сошел с ума или... действительно переселился на миллионы лет назад».

На земле под деревьями в полном хаосе валялись поваленные стволы, сломанные ветви. И вдруг я с ужасом увидел, что через груды их поднимается невероятное, фантастическое чудовище. Все его огромное тело было заковано в блестящую желто-зеленую броню. Голова и туловище слиты: шеи нет. Спина горбом, и по ней острые листы брони треугольниками.

Чудовище перевалило препятствие и замерло вдруг, почти повиснув надо мной. Прямо в меня уперлись его выпученные неподвижные, слепые глаза.

Под каждым глазом была пика, острием обращенная в мою сторону.

Я похолодел. Но мозг мой работал отчетливо и с необыкновенной быстротой.

«Стегозавр, — догадался я. — Гигантский панцирный ящер! Юра».

Четкая механическая работа мысли приносила облегчение. «Стегозавры в юрском периоде — владыки жизни. Множество разных — от маленьких, с ящерицу, до огромных, с дом, сухопутные крокодилы, киты, с мозгом объемом с грецкий орех. Стегозавры — растительноядные, — значит, этот есть меня не станет! Такие вот, со щитами на спине для защиты от прыгающих на спину хищников — средних размеров, метров шесть в длину. Так и есть. Сколько в нем тонн? Не съест, просто наступит — и в лепешку, как танк таракана!»

Все дело было в том, двинется эта бронированная гора мяса дальше — тогда я погиб — или повернет.

Кровью, хлынувшей от сердца, была мне в голову одна мысль: «Рвануться! Вскочить и бежать, бежать без оглядки»

Но я не мог пошевелить и пальцем.

Чудовище тоже не двигалось.

Одно было живое во всем моем теле, способное шевелиться, — глаза. И усилием я заставил их посмотреть по сторонам.

Видения, одно другого фантастичнее, поразили меня: весь лес был полон движения, невиданной, невозможной жизни!

Мимолетно, как на киноэкране, проносились у меня перед глазами чудовищные образы страноящеров древней эпохи Земли. Прошел, подпираясь хвостом, извиваясь гибкой змеиной спиной в десять метров длиной, деинодон. Тяжеголовый, зубастый и с тонкими передними лапками, такими крошечными, что он не мог бы дотянуться ими даже до собственного рта.

Показалась между деревьями маленькая головка гигантского, похожего на холм, диплодока, и долго еще по земле тянулся его мясистый хвост.

И чем дальше я смотрел по сторонам, насколько мне позволяла неподвижная шея, тем фантастичнее, тем кошмарнее представляли передо мной чудовища. Тут был и живой, с оскаленными зубами, скелет эдафозаура с горбатым частоколом костей на спине и под грудью. И согнутый дугой, как подъемный кран, тяжеловесный моноклон с громадным рогом на носу и острым горбом на затылке. И совсем уж невероятный птеронотон с нелепой треуголкой вместо головы, небольшим тельцем и огромным крылом, натянутым на гигантский палец руки. Этот летающий ящер неуклю-

же поднялся в воздух, отчаянно махая крыльями, но тут же грузно свалился в лес.

Все эти дива то появлялись передо мной, то внезапно исчезали иногда самым фантастическим образом: вдруг отрывались от земли и уносились за вершины деревьев, куда-то в небо.

Все эти звери набрасывались друг на друга и бесстрастно пожирали один другого.

Я успел подумать: «Страшно жить в этом мире, где еще нет людей!»

И я опять перевел глаза на стегозавра.

Он все в той же омертвелой позе висел надо мной, перевалившись через груды поваленных деревьев.

И вот вдруг далеко-далеко за ним в небе я заметил маленькую точку. Она двигалась, легко летела. И откуда, с неба, донеслась до меня песня. И какая песня! Страстный, светлый, веселый каскад музыкальных звуков.

Сердце затрепетало во мне, и весь я вспыхнул радостью: птица!

Это крошечное существо, трепеща крылышками, поднималось все выше в небо, все громче звучала его чудесная песня — песня радости, песня освобождения от страшного, исчезающего внизу холодного мира, песня света, любви и свободных просторов.

Впервые тогда пришла мне в голову простая мысль: ведь с птицей, только с птицами родилась на свет радость! Птицы первые по-настоящему овладели беспредельным океаном воздуха, ушли от пригнетавших к земле необходимостей и первые из всех животных на земле запели. Нет такого, как у них, голоса ни у кого на земле. И человек, родившись, запел, подражая им, птицам. И мгновенно исчезло наваждение, и я пришел в себя.

Перед самым моим носом на кучке травинок и соломинок, похожих на крошечные деревца с заостренными к концу безлиственными ветвями, сидело насекомое-цикаделька с острыми щитами на спине, цикаделька, удивительно напоминающая страноящеров юрского периода — стегозавров.

За речкой над селом всходило солнце, уже не белое: золотое наше солнце, вышедшее из тумана. Высоко над вырубкой пел-заливался лесной жаворонок — юла. В каждой ноте его прекрасного голоса звучало: существует мир, существую в нем я, маленький, крылатый, и жить в этом мире чудес прекрасно!

Восторг охватил и меня.

Я вскочил. Я запел без слов, сам не знаю что.

Вот какие странные шутки играет иногда с нами наш переутомленный мозг. Вы уж, конечно, догадались, что накануне сдавал я зачет по палеонтологии — науке о вымерших существах, миллионы лет назад населявших нашу Землю.

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТИ ИВАНОВА НА ВНЕЗЕМНУЮ СТАНЦИЮ

Научно-фантастический рассказ

Художник Г. Вальк

Альманах «Круглый год. 1960», М. Детгиз, 1959 г.

Пётр Петрович и Петя приближались к межпланетной станции.

Рис. Г. Валька.

Путешествие ПЕТИ ИВАНОВА на внеземную станцию

Двадцатого мая 1989 года Петя Иванов возвращался из школы в прекрасном настроении: только что выдали табели, у Пети круглые пятерки, и теперь он ученик четвертого класса!

Папа, к удивлению Пети, был дома и укладывал в чемодан белье, мыло, зубную щётку...

— Папа! Я уже четвероклассник!

— Поздравляю! — ответил Петр Петрович. — А у меня тоже новости. Завтра я вылетаю в командировку на внеземную станцию. Хочешь поехать со мной?

И вот Пётр Петрович и Петя — в межпланетном корабле. Они лежат в гамаках на мягких перинках. Астроном подсмеивается над бледностью сына, над его хмурым видом:

— Не бойся, звездоплаватель! Все обойдётся...

Сильный толчок! Завели моторы. Ракета сорвалась с наклонной площадки и помчалась ввысь.

Петю со страшной силой прижало к гамаку. Он дышал с трудом, словно кто-то тяжелый уселся на его груди. Кровь прилила к голове, в ушах раздавался то глухой шум, то ка-

кой-то противный тонкий звон. Сколько времени так продолжалось. Петя не мог сказать. Но вот кровь отлила от головы, шум в ушах прекратился, дыхание стало свободным.

Петя отпустил петли, за которые держался, заодно ударил пятками по гамаку... и, как пушинка, взлетел к потолку кабины.

Петю охватил страх:

— Папа, лапа, я разобьюсь!

— Экий трусишка! — усмехнулся Пётр Петрович. Он легонько оттолкнулся и очутился рядом с сыном. — Уж если ты так легко взлетел, то так же легко и опустишься.

Петя оттолкнулся от потолка, но неведомая сила понесла его не к гамаку, а совсем в другой угол. Петя стукнулся о стенку кабины, но даже не почувствовал удара. Его охватило неудержимое веселье:

— Папа, папа! Я акробат!

После ряда удивительных прыжков в воздухе Петя угомонился. Он свободно повис под потолком, держась за петельку. Такие петельки виднелись на потолке, на полу и в стенах кабины. Наш путешественник только теперь понял их назначение.

Из громкоговорителя вдруг послышался голос:

— Пассажиры, приготовиться к высадке на внеземную станцию «Москва-Вторая»!

Пётр Петрович и Петя надели скафандры, папа взял свой чемодан и Петину сумку. Ракета затормозила ход, снова появилось ощущение тяжести.

Петя понял, что при свободном равномерном полете предметы невесомы, а тяжесть появляется при ускорении и при замедлении движения.

* * *

На чёрном небе, усыпанном множеством блестящих звёзд, свет которых совсем не затмевало солнце, виднелось удивительное сооружение. Это было гигантское колесо в несколько сот метров диаметром. Вдали от него помещалось круглое зеркало, ослепительно сверкавшее на солнце. От зеркала к колесу тянулись провода.

Покинув ракету, папа прикрепил к себе Петю прочным тросиком и, пользуясь ракетным пистолетом, ловко причалил к входной камере межпланетной станции.

Петя смутно помнил: с него сняли скафандр, куда-то повели по длинным лестницам и коридорам; он вошёл в маленькую каюту, и его сломил непобедимый сон.

* * *

Петя Иванов проснулся в новом, чуждом и необычайном мере. И здесь было почти полное отсутствие тяжести. Папа объяснил ему, что на внеземной станции все предметы весят в 44 раза меньше, чем на Земле. Папа весил только полтора килограмма, а Петя — всего граммов 800! Пете стало смешно, когда он вспомнил, как часто приносил он домой из булочной буханки хлеба такого же веса...

Двигаться по «Москве-Второй» приходилось очень осторожно. Вздумаешь взбежать по лестнице, прыгая через две ступеньки, как, бывало, в школе, и первый же прыжок уносит тебя вверх!

Папа представил Петю директору станции Сергею Николаевичу Белозерскому, и тот рассказал мальчику историю её постройки:

— Если бы ты знал, каких огромных трудов потребовало

это дело! С Земли было отправлено много тысяч ракет, которые привезли сюда здание станции в разобранном виде: стальные конструкции, небьющееся стекло, легкие, но чрезвычайно прочные пластмассы; доставили запасы воздуха, поды, провизию, землю для наших оранжерей, химические продукты... Всего невозможно перечислить: наша станция — маленькая Земля, и потребности ее очень разнообразны. Два года продолжалась постройка. Точку в пространстве выбрали над пересечением московского меридиана с экватором на высоте 36 тысяч километров над Землей...

Тебе, наверное, интересно знать, откуда мы получаем энергию для освещения и отопления. Подлетая к станции, ты видел огромное металлическое зеркало. Оно собирает лучи солнца, нагревает котёл, от него работает паровая машина, а от неё — динамо. Энергия у нас здесь даровая, её можно иметь сколько угодно.

— Скажите, Сергей Николаевич, а для чего нужны внеземные станции?

— Они приносят огромную пользу. Внеземные станции служат как бы вокзалами для межпланетных ракет. Чтобы ракета улетела с Земли, она должна иметь скорость больше 11,2 километра в секунду. А чтобы оторваться с «Москвы-Второй», ей нужна скорость всего 1300 метров в секунду. Это даёт нам колоссальную экономию горючего. С внеземной станции ведутся астрономические наблюдения с такими удобствами, каких никогда не получишь на Земле. Ведь здесь нам не мешает плотная земная атмосфера, вечно колеблющаяся, то и дело застилаемая облаками. Мы предсказываем погоду на Земле, обслуживаем телевидение... Э, да всего не перескажешь!

* * *

Прошло несколько дней. Пётр Петрович по пятнадцати часов в сутки не отходил от телескопа; его работа подходила к концу.

Петя лежал на койке в папиной каюте и раздумывал о том, что через несколько дней он опять очутится на Земле.

Как там хорошо — всё такое родное, привычное... Нет этой странной невесомости, которая делает твои движения такими неловкими, неуверенными. Ходишь, как детский воздушный шарик на двух ножках...

Буммм!..

Над Петиной головой раздался удар. Задрожала кабинка, с палки посыпались книги, хрустальная вазочка с цветами упала с тумбочки и разбилась. До слуха донёлся резкий, пронзительный свист.

Петя в ужасе вскочил, бросился к двери, попытался открыть её — напрасно! Дверь, которая так легко ходила в пазах, теперь точно приклеилась к ним — и ни с места...

Минут сорок лежал Петя на койке лицом вниз. То ему казалось, что на станции произошел взрыв, её разнесло на куски, и теперь Петина кабинка мчится одна в пустом пространстве: то он думал, что на колесо станции налетела сбившаяся с пути ракета...

Но вот дверь наконец отворилась, вошел улыбающийся механик Иван Васильевич.

— Ну как, молодой звездоплаватель?.. Эге, да метеор не на шутку испугал тебя!

— Это был метеор? Большой?

— Граммов на сорок. Но метеоры летят с огромной скоростью, сила их удара очень большая. Мы, впрочем, таких вещей не боимся: у нас защита надёжная. За семь лет существования станции таких случаев было только три, и все без жертв. Мелкие камешки, правда, сыплются, но они отскакивают от корпуса станции, как мячик от стены.

«А всё-таки хорошо, что мы скоро возвращаемся домой...» — подумал Петя.

* * *

Через три дня ракета уносила астронома Иванова и его сына Петю на родную, милую Землю.

Л. ПОДОСИНОВСКАЯ

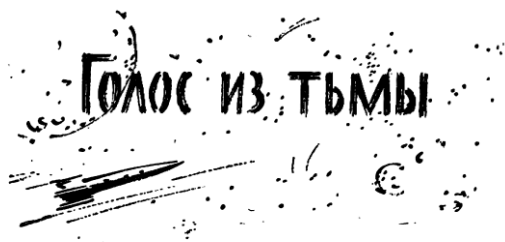

ГОЛОС ИЗ ТЬМЫ

Научно-фантастический рассказ

Художник М. Беломлинский

Журнал «Костер», № 4, 1961 г.

Людмила Подосиновская

Рисунки М. Беломазского

В этот вечер, как всегда, в кают-компании межзвездного корабля собрался весь экипаж, кроме начальника экспедиции, еще не окончившего работу. Молодой биолог Валерий Свободин расположился у стола с аппаратом для чтения, а физик-космист Аркадий Петрович Айзенберг, высокий, сутуловатый, с сединой в темных волосах, просматривал свои записи — результаты последних наблюдений. Ольга, жена начальника, врач экспедиции, невысокая женщина с короткими русыми кудрями и чуть раскосыми серыми глазами, проверяла одежду путешественников. Уютно поблескивал в теплом свете лампы круглый стол, мягкие кресла стояли вокруг него, экраны приборов белели у стены. Иллюминаторы были закрыты. Слышался приглушенный гул двигателей: ракета набирала скорость, направляясь обратно к Земле от звезды Росс 154.

В динамике зазвучала музыка — старинная, трехсотлетней давности песня о Родине. Застыло перо в руке Айзенберга, поднял голову Валерий, замедлилось движение быстрых пальцев Ольги.

*Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек...*

Песня лилась негромко и торжественно. Валерию вдруг вспомнился верхний салон атомного экспресса, стремительно летящие мимо города, поля, сады, бьющий в лицо ветер с запахом трав. Тогда он как-то не замечал всего этого.

Он рвался в космос, думал о предстоящем полете, мечтал о встрече с людьми других миров и был счастлив, добившись участия в этой экспедиции. Он верил, что разумные существа непременно должны быть похожи на людей, и твердо надеялся доказать это, встретив в космосе братьев по разуму, еще более совершенных и могучих. Но его постигло жестокое разочарование — у звезды Росс 154 не оказалось ни одной планеты.

Черные прищуренные глаза Айзенберга в этот миг тоже видели Землю: полярную ночь, голубые льды в свете сполоха и направленные вверх излучатели, рефлекторы, антенны... и навсегда запомнившуюся ему вспышку термоядерного солнца, которое он вместе с друзьями зажег над Арктикой. Потом он мало жил на Земле, долго работал на космических станциях. И это не прошло безнаказно: в путешествии он вдруг начал быстро стареть, несмотря на то, что ему еще не было и восьмидесяти лет. На Земле сумели бы остановить преждевременную старость. Но до Земли еще более четырех лет...

А Ольге на минуту показалось, что она дома, в Ракетограде, и стоит только поднять глаза, как в окно увидишь заповедную тайгу, башни родного ракетодрома, а из соседней комнаты сейчас донесутся голоса детей. Какие-то они теперь? Ведь только для путешественников полет продолжается восемь — девять лет, а для жителей Земли пройдет больше двадцати лет, ее малыши уже взрослые. Чем они живут, о чем мечтают? Как они ее встретят? Да и помнят ли?

Все встрепнулись от негромкого звонка. Один из экранов засветился: на нем появился широкоплечий светловолосый человек с крупными, резкими чертами лица. Начальник экспедиции Орловский.

— Друзья! Скорее сюда, в радиоаппаратную!

Путешественники вскочили со своих мест.

Распахнув дверь в каюту, они остановились на пороге, изумленные какими-то странными, сильными и мелодичными звуками, льющимися из аппаратов. Орловский стоял у большого приемника, напряженно вслушиваясь.

— Николай Андреевич... что это? — тихонько прошептал Валерий.

— Тише... Не знаю... Голос Вселенной...

— Запись включили? — спросил Айзенберг.

— Да.

— Какая волна?

— Семь и девять десятых...

— Направление?

— Район звезды Барнарда.

Это не было похоже ни на голос человека, ни на писк азбуки Морзе, ни на музыку Земли. Скорее всего это можно было сравнить со звоном далекого колокола, с тревожным зовущим набатом.

Но звуки затихали, ослабевали, как будто уходили вдаль. Напрасно Орловский и Айзенберг крутили ручки, стремясь удержать необычную передачу. Из динамиков доносился лишь привычный шум и треск — радиоголос звезд.

Орловский выпрямился.

— Видимо, все, — сказал он.

— Что это? — взволнованно спросил Валерий. — Как вы думаете, что это было, Николай Андреевич?

— Я не знаю, Валерий. Еще одна загадка космоса, которую, может быть, мы не скоро разгадаем.

— Но неужели вы ничего не предполагаете?

— А вы? — вопросом на вопрос ответил Орловский.

— Это люди, Николай Андреевич! — горячо вырвалось у Валерия. — Это передача разумных существ. Что вы смотрите на меня так? Неужели вы сами так не думаете?

— Почему же нет? — улыбнулся Орловский. — Но это лишь одно из возможных объяснений.

— Но самое логичное, признайтесь. Самое правдоподобное из всех!

— Вам всегда кажется наиболее логичным то, что наиболее фантастично, — усмехнулся Айзенберг. — В ваши годы я, вероятно, решил бы так же.

Валерий дернул плечами.

— У вас есть другое объяснение?

— Объяснений может быть немало, просто мы сейчас не нашли их. Подождите, не ершитесь, я не собираюсь отвергать и ваше. Пока догадка не проверена, она равна нулю. А мы еще не можем ее проверить.

— А не сумеете ли вы расшифровать запись? — задумчиво спросил Орловский. — У нас есть «электронный мозг»...

— Да, да, конечно! — Валерий просиял от радости. — Надо обязательно расшифровать! Может быть, они зовут на помощь, погибают!

— Какие у вас крайние мнения, Валерий, — укоризненно сказал Айзенберг. — Незнакомое радиоизлучение — и сразу же сигнал да еще бедствия. Но Николай Андреевич прав, надо использовать «электронный мозг».

— Подумаем сегодня над программой, — решил Орловский, — а завтра начнем.

* * *

...Валерий стал невыносим. Он то молчал целыми днями, то огрызался на каждое замечание. Прошло уже почти два месяца, а дело с расшифровкой не ладилось, никаких осмысленных сочетаний из странной записи звуков не получалось. Ракета все набирала скорость, и Валерию казалось, что пройдет еще немного времени — и будет поздно. Они унесутся прочь от этих мест и никогда больше не услышат загадочных сигналов.

Пуще всего он боялся, что начальник вот-вот скажет: довольно, незачем больше напрасно занимать машину, нужно работать над текущими задачами, изучать то, что доступно разуму. Нет, нет, этого нельзя допустить, нужно

убедить Орловского, что расшифровать сигнал очень важно, что отступать нельзя. И оставив Айзенберга на некоторое время в покое, Валерий поспешил в каюту «электронного мозга».

Орловский был там. Он сидел в глубоком кресле за пультом управления и задумчиво разглядывал серебристый кожух умной машины, занимавшей одно из самых больших помещений на космическом корабле. Машина не работала, не горели лампы на пульте, не слышалось негромкого гудения «электронных мыслей». У Валерия упало сердце.

— В чем дело, Николай Андреевич? — спросил он. — Вы... вы отказались от расшифровки?

Орловский оглянулся, жестом пригласил Валерия сесть рядом. Помедлил с ответом.

— Нет, не отказался, — проговорил он наконец. — Я еще немного изменил программу. Что Аркадий Петрович?

Валерий молча пожал плечами.

— Вы не очень наседайте на него, он болен, ему трудно. Не огорчайтесь, еще не покончено и с этой программой. Попробуем.

«Электронный мозг» снова негромко загудел. Через минуту загорелась зеленая лампочка, и тонкая темная лента прямо с выходного устройства машины заструилась в небольшой аппарат, стоявший рядом. Легкий щелчок, — и из аппарата донеслось бормотанье, смутно напоминающее человеческую речь.

— Опять бормочет, — с досадой сказал Валерий. — Нет, ничего с этой программой не получится. Надо менять.

— Подождите, подождите. Раньше было хуже...

Лента за лентой исчезала в маленьком аппарате. И вдруг неожиданно для себя Валерий уловил несколько отчетливо сказанных слов:

— Полет продолжался... вдалеке... все погибло... не вернемся... — и снова сплошное бормотание, в котором нельзя было разобрать ни слова.

Валерий вскочил на ноги, метнулся к аппарату, затем к пульту управления. Орловский схватил его за руку.

— Да успокойтесь же! — резко приказал он. — Отметьте номер серии. Сейчас будет повторение, новая расшифровка.

Действительно, текст повторялся, дополняясь с каждым разом все новыми словами, становясь отчетливее, яснее. Валерий не произносил ни звука. Напряженный, бледный он прислушивался к словам и бормотанью, доносившемуся из аппарата.

— Мы попали на... несчастье... двигатели... виноваты... полет долго... мы не справились... маленькая планета... все погребло... корабль... вечная тьма... больны... мы никогда не вернемся. Хотим, чтобы знали...

Последняя лента серии отзвучала. Через несколько секунд в аппарат скользнула новая лента, и вновь послышалось непонятное, нечленораздельное бормотание. Орловский нажал кнопку «стоп», и машина, выдав последнюю ленту, умолкла.

Валерий очнулся. Он вскочил, схватил сделанную им запись и в порыве радости и волнения бросился на шею начальнику.

— Вы... вы видите! Это они!..

В следующий момент он исчез за дверью.

Все на ракете пришло в смятение. Что делать? Если это сообщение истинно, если «электронный мозг» правильно расшифровал запись, значит, где-то в космосе погибали люди, разумные существа, и долгом каждого путника было прийти к ним на помощь. Но где они, где их искать?

— Кто хочет что-нибудь предложить, друзья? — спросил Орловский, когда все они не один раз прочли и прослушали тревожное послание. — Как нам быть?

— Вопрос нелегкий, — задумчиво отозвался Айзенберг. — Мы знаем только направление, в котором надо искать. Знаем и то, что они нашли пристанище на какой-то планете. Но где?

— Может быть, у звезды Барнарда? — предложил Валерий.

— Звезда Барнарда не имеет планет.

— Да, верно... Но тогда...

— Тогда нам остается спокойно лететь своей дорогой. Мы им ничем не можем помочь, — хмуро закончил Айзенберг. — Дальше находятся Альфа Центавра... а затем Вольф 359 и Лаланд 21185. До них несколько лет полета — это слишком много.

Минуту в каюте царило тяжелое молчание.

— Нет! — страстно вырвалось у Валерия. — Нет, это невозможно! Не может быть, чтобы сообщение шло издалека! Звуки были так чисты и громки, словно их источник был где-то рядом!

— Да, пожалуй, — согласился Айзенберг. — Но ближе звезды Барнарда здесь нет никакой звезды.

— Но в послании и не говорится о звезде, — заметила Ольга. — Зачем же перебирать звезды?

Орловский встрепнулся.

— А ведь верно! Молодец, Оля! Как же мы упустили из виду слова «вечная тьма»? Да, они не могут быть у звезды!

— То есть, иначе говоря, речь идет о каком-то темном теле? — с сомнением проговорил Айзенберг. — Но как вы представляете себе это? Что это — угасшая звезда, планета?

— Разумеется, планета! — воскликнул Валерий. — Ведь в послании речь идет именно о планете! О маленькой планете в вечной тьме!

— Гм... пожалуй, так. Но как найти эту маленькую планету, особенно если она далеко? Вряд ли нам удастся обнаружить ее нашими приборами.

— И все-таки надо искать, — решительно сказал Орловский. — Что пользы сомневаться, не сделав попытки.

Айзенберг подумал, кивнул.

— Справедливо. Что ж, будем искать.

Звездолет включил двигатели — ускорение было временно приостановлено, — и локаторы и телескопы обсерватории устремились во тьму космоса.

И они нашли ее, эту полуфантастическую планету. Нашли необыкновенно быстро, быстрее, чем можно было ожидать, даже веря в ее существование. Она оказалась со-

всем близко, если мерить космической мерой, всего в нескольких миллиардах километров, немного в стороне от курса ракеты. Валерий торжествовал. Даже скептически настроенный Айзенберг окончательно поверил в то, что сигнал был послан оттуда.

Космический корабль вновь включил двигатели, ложась на новый курс.

На шестые сутки полета звездное небо с одной стороны закрыла огромная круглая тень. Она была совсем черной, не освещалась ни одним лучом, не мерцала ни одним огоньком. Звездолет перешел на круговую орбиту, и космонавты торопливо занялись измерениями.

Масса планеты оказалась небольшой, почти равной массе Земли. На ее поверхности царил холод и сохранилась лишь незначительная атмосфера. Очевидно, эта планета, оторвавшаяся каким-то образом от родного светила, уже давно летела в мертвом пространстве. Она миновала звезду Росс 154 и теперь медленно удалялась от нее.

Закончив измерения, все собрались на центральном пункте управления и расположились в креслах вокруг локационного экрана, не сводя с него пристальных взглядов. Словно мерцающая рельефная карта,плыли на экране невысокие горные цепи и обширные равнины старой планеты. Никакого движения, никаких признаков жизни...

— Опустимся пониже, Николай Андреевич, — предложил Айзенберг.

Космический корабль начал снижаться. Постепенно гася скорость, он коснулся верхних слоев атмосферы.

— Разрешите включить сигнализацию? — почему-то шепотом спросил Валерий. — Может быть, увидят...

— Да, пожалуйста.

Вокруг ракеты вспыхнул веер цветных лучей и замерцал, то вспыхивая, то угасая, посылая сигналы всем, кто мог сейчас смотреть на небо из темноты вечной ночи.

Валерий устремил взгляд вниз, во тьму. Он больше надеялся на свои глаза, чем на локатор, и лишь изредка, мельком бросал взгляд на экран — узнать, что там. Но по-

прежнему равнины лишь иногда пересекались горными цепями. Тьма, сплошная тьма, ни малейшего проблеска, ни намек на присутствие людей. Прошел час, другой, звездолет начал третий круг над темной и безжизненной планетой.

— Боюсь, что Валерий так и не увидит их, — нарушив долгое молчание, пробормотал Айзенберг. — Если они и были здесь, то уже погибли за эти месяцы.

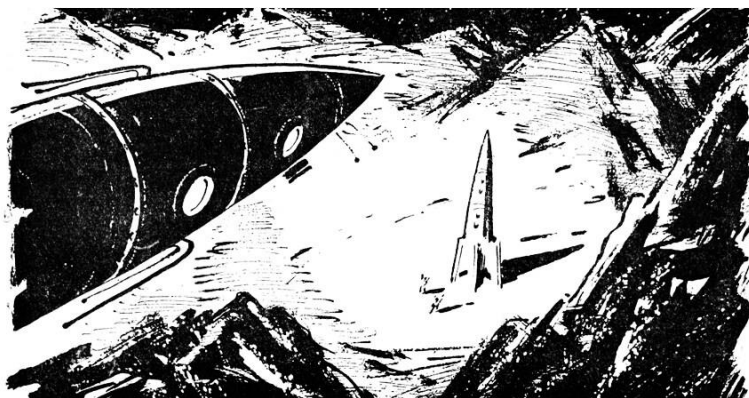
— Не будем спешить с выводами, — заметил Орловский. — Планета велика, и найти людей на ней не так легко.

Валерий с благодарностью посмотрел на начальника. Айзенберг тяжело вздохнул. Сколько времени они потеряли и сколько еще потеряют на высадке! До Земли еще так далеко!..

Космический корабль заканчивал над планетой третий круг, когда Валерий вдруг негромко ахнул и рванулся вперед. Если бы не ремни, он, вероятно, вылетел бы из кресла.

— Огонь! Николай Андреевич! Огонь! Сигнал! Стойте!

Орловский выключил двигатели, направляя звездолет по тому же кругу, чтобы вновь пролететь над этим местом. Огонек исчез за горизонтом, и нужно было ждать часа полтора, прежде чем он появится вновь. Наконец, звездолет начал торможение, окончательно гася скорость, и на вспомогательных ионных двигателях медленно опустился на равнину.

И вот удары двигателей замолкли. Яркие прожекторы звездолета разогнали тьму на много километров вокруг, осветили каменистую равнину, на которой кое-где поднимались отдельные, кубической формы скалы, поблескивающие полупрозрачными гранями. Но путешественники не думали ни об этих скалах, ни о разреженном воздухе, ни о почве неведомой земли, — едва надев скафандры, они устремились вперед, туда, где у одной из скал еле мерцал слабый свет.

Валерий бежал впереди, словно его несли крылья. Люди другого мира ждали его там, те люди, о встрече с которыми он мечтал с детских лет, прекрасные, совершенные создания, властители Вселенной, по несчастной случайности попавшие в беду. Позади всех, тоже невольно ускоряя шаг, спешил Айзенберг.

И вдруг Валерий остановился, словно споткнулся на бегу, налетел на невидимое препятствие. Он увидел... Что это? Перед ним в свете прожектора появилась какая-то странная фигура.

Она была в скафандре — это бесспорно. Тусклый металлический шар на длинных ногах увенчивался большой головой, спрятанной под металлическим шлемом. Спереди этот шлем был прозрачным, и Валерий увидел фиолетовое лицо с длинными узкими глазами.

Невысокая фигура, едва доходившая до плеч, стояла у темного отверстия в скале, а из глубины пещеры показалась вторая.

Странные существа молчали, не издавая ни звука. Впрочем, из-под шлемов, вероятно, звуки не слышны? Но почему они не подходят ближе? Чего боятся? Орловский шагнул вперед — и оба жителя пещеры немного попятились. Жестами стараясь успокоить их, Орловский решительно приблизился и вслед за ними вошел в пещеру.

Путешественники очутились в воздушном шлюзе. Начал работать какой-то насос, и вскоре двое хозяев пещеры сняли тяжелые скафандры. Земляне глянули на свои приборы и с радостью убедились, что они тоже могут раздеться: воз-

дух в пещере был пригоден для дыхания, и температура поднялась до десяти градусов тепла. По знаку Орловского путешественники сняли шлемы. Они не боялись чужих микробов, у них были надежные способы защиты от инфекции.

Без скафандров жители пещеры показались им еще более странными, чем прежде, — чуть удлиненные шары-туловища на длинных ногах, в теплой меховой одежде, превратившейся в лохмотья. Синеватые лица с большими отверстиями ртов, чешуйчатые наросты вокруг головы, длинные узкие глаза. Неужели это люди? Настоящий испуг отразился на лицах Валерия и Ольги. Айзенберг тоже остановился в недоумении.

— Николай, смотри... — вдруг негромко сказала Ольга.

И прежде чем Орловский понял, в чем дело, она быстро прошла в глубину пещеры и склонилась над тремя телами, неподвижно лежащими на полу. Остальные поспешили за ней.

— Мертвы? — спросил Айзенберг.

— Нет, смотря...

Ольга не сразу решилась дотронуться до них, и Орловский подал ей пример, осторожно взяв длинную, почти совсем фиолетовую руку с четырьмя пальцами. Преодолев себя, Ольга робко коснулась холодных тел. Видимо, неведомые существа были больны. Лица их темны и неподвижны.

— Что же нам делать? — спросила Ольга. — Да поговорите же с ними! — с отчаянием воскликнула она. — Может быть, они умирают от голода!

Космонавты с тревогой переглянулись.

— Вот что, — решил Орловский. — Сейчас мы с Валерием принесем пищу и лекарства. А вы, Аркадий Петрович, постарайтесь пока как-нибудь объясниться с ними.

Ольга с надеждой взглянула на Айзенберга, но он только с недоумением развел руками. Странные существа не произносили ни звука, а на попытки объясниться жестами, отвечали какими-то неопределенными движениями.

— Давайте обойдем пещеру, может быть, скорее что-нибудь пойдем, — предложил он.

Они принялись осматривать все подряд. Кое-что им было знакомо, они легко поняли назначение многих аппаратов — здесь были телескопы, радиоаппараты, части каких-то механизмов и реактивного двигателя, аппараты для выработки кислорода и тому подобное. Большинство приборов было испорчено, радиоаппараты безмолвствовали, лампы слабым светом озаряли пещеру.

Вскоре вернулись Валерий с Орловским. Они сложили все принесенное на возвышение у стены, и Ольга принялась разбирать лекарства. Оба жителя пещеры, видимо, поверив в дружеские намерения людей, подошли ближе, и взгляд их узких глаз был напряженным, выжидательным. Орловский распечатал пакетик с консервированным мясом и положил кусочек в рот, чтобы показать, что это пища.

И в этот момент один из обитателей пещеры вдруг бросился вперед, схватил своими длинными руками сразу не-

сколько пакетиков и принялся жадно разрывать их и запихивать содержимое в рот. Земляне оцепенели.

— Остановите их! — воскликнула Ольга, опомнившись. — Они же погибнут. Они, наверное, очень голодны!

Осторожно, но решительно Орловский и Айзенберг отобрали пищу, дали каждому по два пакетика. Ольга опять поспешила к больным. Они были в сознании — три пары узких глаз внимательно смотрели на нее. Никто не протянул руку за пищей, и Ольга принялась кормить сама. Затем, поколебавшись немного, она ввела им под кожу укрепляющие средства. Ей показалось, что фиолетовые лица больных немного просветлели, но лучше это или хуже, она не знала.

В ракету космонавты вернулись молча, усталые и взволнованные. Сняли скафандры, дошли до кают-компаний, сели за круглый стол, посмотрели друг на друга.

На лице Валерия сохранилось выражение растерянности.

— Люди... — прошептал он. — Они есть, они существуют... Мы их видели... Николай Андреевич! Нет, это невозможно... Какие-то синие лягушки... я не могу поверить...

Ольга смотрела отсутствующим взглядом. Айзенберг утомленно молчал.

Начальник экспедиции взглянул на хмурые лица, покачал головой.

— Что с вами, товарищи? В чем дело? Мы впервые нашли себе подобных в космосе, а вы разводите меланхолию! «Синие лягушки»! Да ведь они преодолели межзвездное пространство! А давно ли Земля начала межзвездные перелеты? Наша экспедиция — всего лишь четвертая. Нет, не внешность, а их молчание — вот что меня удивляет. Должен же быть у них язык! И нам нужно всеми силами искать способ договориться с ними, а тебе, именно тебе, Оля, нужно изучить их организмы и помочь больным... насколько это возможно.

— Что же вы предлагаете делать? — спросил Айзенберг.

— Прежде всего, перевести их в ракету. Мы не собираемся оставлять их здесь, ведь так? И постараться сблизиться с ними.

* * *

Орловский прошелся по каюте, сел рядом с Ольгой на диван.

— Оля! Ведь ты теперь знаешь, в чем дело?..

— Знаю... У них разрушаются дыхательные органы...

— И ты не можешь помочь?

Ольга нервно передернула плечами.

— Если бы это были люди, я могла бы помочь, ты знаешь, у человека можно вызвать регенерацию легких. А тут... Откуда я знаю, что можно и что нельзя? Тот, который просто ослабел от голода, уже здоров, а двое погибают...

— А ты не думаешь, что регенерацию легких можно вызвать и у них? Ведь они дышат, как и мы, кислородом.

— А если больные погибнут при операции? Другие будут считать нас убийцами.

— Но они понимают, что без помощи больные все равно погибнут.

— Кто их знает, что они понимают...

Действительно, земляне узнали только то, что неведомые существа прилетели с планетной системы Альтаира — для этого было достаточно указать рукой на звезду.

— Ничего, мы скоро все же поговорим с ними, — сказал Орловский. — Аркадий Петрович, кажется, разобрался, в чем дело — чешуйчатые наросты на их голове испускают ультразвуки. Да вот и он сам.

В каюту заглянул Айзенберг.

— Идемте скорее. Разговор налаживается.

Орловский и Ольга поспешили за ним.

Возле пульта управления «электронного мозга» сидел один из альтаирцев. Рядом с ним стоял только что смонтированный небольшой серебристый аппарат.

— Будем разговаривать, — обратился к гостю Айзенберг. — Скажите моим друзьям ваше имя.

Все невольно посмотрели на рот альтаирца, ожидая, что его губы шевельнутся, с них слетит какой-то звук. Но синеватое лицо осталось неподвижным, и Орловский и Ольга вздрогнули, когда из серебристого аппарата донеслись отчетливые негромкие слова.

— Мое имя Иокарви.

Орловский торопливо шагнул к пульту.

— Откуда вы? — спросил он альтаирца.

— От звезды Аилеви, — через несколько секунд тем же ровным голосом ответил аппарат. — Четвертая планета... Укуме... наша родина...

— Так... Аилеви — это Альтаир... — Орловский помедлил, собираясь с мыслями. — Куда вы летели? Почему погиб ваш корабль?

— Наш путь был... не очень далеко... мы хотели узнать... это было опасно, и мы понимали... потом мы попали в излучение... мы не могли повернуть обратно...

Речь Иокарви была похожа на то сообщение, которое несколько месяцев назад впервые прочел «электронный мозг»: не было связности, и в перерывах между отчетливыми словами слышалось невнятное бормотание. Многого не сумел перевести «электронный мозг».

Трудный разговор продолжался. Орловский стал расспрашивать Иокарви о жизни на Укуме, но и этот рассказ был так же отрывист и малопонятен. Иокарви говорил что-то об овладении атомной энергией, о заводах, о городах или, во всяком случае, о чем-то подобном. И тут же прорывались неясные упоминания о каких-то волнениях, угрозе, о жизни тяжелой и опасной. Трудно было понять, о чем идет речь, и земляне тщетно пытались уловить ускользающий смысл. Может быть, Иокарви рассказывал о борьбе классов на планете, о каком-то нападении извне, может быть, еще о чем-то, чего земляне не знали.

Неожиданно разговор прервался. Дверь приоткрылась, и в ней показалась голова второго альтаирца. Он торопливо жестами позвал Ольгу.

— В чем дело? — спросила она, вскакивая.

— Чимзаги умирает... наш начальник... — ответил аппарат.

Ольга, не ожидавшая ответа, испуганно оглянулась на него и поспешила за альтаирцем. Вслед за ней пошел и Орловский.

У того, кого ее спутник назвал Чимзаги, началась агония. Он судорожно дергался всем телом, приподнимаясь на постели и открывая рот. Лицо его опять потемнело, стало черно-фиолетовым. Ольга бросилась к нему.

Что делать? Можно ли ему помочь? Ольга знаком попросила мужа подать кислород, достала ампулу с прозрачной жидкостью, ввела лекарство под синюю кожу. Поможет ли? Неужели это конец?

Прошло несколько минут. Чимзаги перестал двигаться и затих. Ольга с надеждой прислушивалась к его слабому дыханию. Жив... еще жив... дышит часто и коротко, но дышит. Ему стало лучше, смерть отступила, он проживет еще некоторое время. Земные лечебные средства снова помогли.

В раздумье Ольга остановилась у постели. Может быть, сделать операцию? Николай прав, дни их все равно сочтены... а как хочется спасти не только здоровых, но и этих, больных... и даже этих еще больше...

Ночью Орловский заглянул в медицинский сектор. Ольга знаком подозвала его к себе.

— Николай... попытайся — спроси их, согласны ли они на операцию...

— Ты решилась, Оля? Молодец! Аркадий Петрович налаживает «электронный мозг», утром мы опять сможем разговаривать с ними и спросим. Шла бы ты отдохнуть, до утра всего четыре часа.

— Я не устала.

Ольга так и просидела с больным до утра.

Не раз заглядывали и Орловский с Валерием. Молодой биолог до сих пор был во власти противоречий и не мог избавиться от острого чувства разочарования, вместе с жадным интересом к иной жизни он моментами ощущал почти

отвращение к альтаирцам. Он сам порой стыдился себя и в порыве раскаяния старался хоть чем-нибудь помочь Ольге.

Наконец, Орловский заглянул к Ольге еще раз.

— Идем, Оля. Все готово, все уже там.

Действительно, в каюте «электронного мозга» уже со-
брались все обитатели ракеты.

Они разместились вокруг пульта управления, на кото-
ром стоял аппарат Айзенберга и экран для демонстрации
фильмов. Орловский и Ольга сели в свободные кресла.

Разговор вел Айзенберг. Он рассказывал альтаирцам о
Земле и порою включал фильм, поясняющий его слова. Он
говорил о том, что на Земле нет границ между народами,
нет деления на государства, как это было прежде, гово-
рил о термоядерной энергии, сменившей атомную, о новых
городах Земли, о завоевании космоса, о фотонном двигателе
их звездолета, о достижениях многих наук.

Альтаирцы слушали внимательно. Их узкие глаза непо-
движно и напряженно смотрели на экран, следя за непри-
вычной жизнью далекой планеты. Иокарви иногда задавал
вопросы, другие двое молчали.

Когда Айзенберг окончил рассказ и хотел предоставить
слово Иокарви, Ольга остановила его:

— Одну минуту, Аркадий Петрович. Сейчас они больше
узнали о нас... скажите им, что я хочу оперировать боль-
ных. За успех не ручаюсь — они ведь не земляне, — но ино-
го выхода нет.

Айзенберг внимательно посмотрел на нее своими умны-
ми черными глазами.

— Вы правы — иного выхода нет. Говорить мне неза-
чем. Иокарви уже слышит ваше предложение и сейчас отве-
тит вам. Что вы скажете, Иокарви? — повернулся он к аль-
таирцу.

Тот встал.

— Должен узнать решение Чимзаги, — донесся из аппа-
рата ответ. — Если подождать немного, я вернусь...

Альтаирец вышел. Оставшиеся, переговариваясь корот-
кими фразами, ожидали его возвращения. Оба альтаирца не

сводили глаз с двери. Минут через десять Иокарви вернулся.

— Чимзаги согласен, — перевел «электронный мозг» его неслышную речь. — Биадиме согласится, если Чимзаги выздоровеет.

Земляне переглянулись. Ольга стремительно поднялась с места.

* * *

В каюте царил полумрак. Ольга опять сидела всю ночь у постелей своих пациентов, боясь, что какое-нибудь непредвиденное осложнение сведет на нет все ее усилия. Операции прошли успешно, регенерин подействовал, восстановление дыхательных органов началось. Но состояние больных было еще тяжелым.

Ольга незаметно привыкла к своим пациентам, они стали ей ближе и как-то понятнее, особенно теперь, когда аппарат Айзенберга, присоединенный к «электронному мозгу», был установлен прямо в каюте, и она могла разговаривать с альтаирцами в любое время.

Чимзаги открыл глаза, пошевелился.

— Ольга... — прозвучал голос из аппарата. — Вы устали... Нужно отдохнуть... не бойтесь за нас...

Молодая женщина встрепенулась.

— Почему вы не спите? — спросила она. — Вам плохо?

— Нет... я думаю о вашей планете... Иокарви рассказывал... У вас не так... может быть, мои дети попали в беду, погибли... и мои друзья... Я не увижу... моей жизни осталось немного... Верю, что на Укуме будет лучше... будет счастье.

Ольга не знала, что происходит на далекой родине Чимзаги, но хорошо поняла тоску и тревогу, прозвучавшую в его словах. Она ласково взяла его руку.

— Конечно, жизнь будет лучше, будет счастливой, — убежденно сказала Ольга. — Ведь и на нашей планете прежде было много ужасного. И вы еще вернетесь на Укуме, увидите свою семью. Не нужно печальных мыслей.

— Это ничего... Мы знали, что идем в опасный путь... что, наверное, не вернемся назад... Так было нужно... увидеть и узнать... Никто, кроме нас, не мог... Ждать было нельзя.

— Да... Я знаю, что вы мужественный человек, Чимзаги, — Ольга забыла, что алтайец вряд ли достаточно хорошо поймет ее, и торопилась высказать свои мысли. — Вы первый и без колебания согласились на операцию. Но Биадиме... он решился только после вас, предоставил вам рисковать жизнью. Разве так поступают друзья?

Видимо, алтайец понял смысл ее речи. Он ответил не сразу, его длинные, узкие глаза пристально смотрели на молодую женщину.

— Нет... Они не плохие друзья... В нашей жизни много страха, мы росли в заботах только о себе... не умели помогать другим... быть до конца сильными и смелыми... Биадиме тоже оставил родных, чтобы полететь... и не вернуться... Не надо думать о нем плохо.

— Да... — вздохнула Ольга. — Наверное, это правда... Но хватит, Чимзаги, — спохватилась она. — Вы много говорили сегодня. Нужно спать.

Когда Чимзаги уснул, Ольга тихонько вышла из каюты. Она прошла по коридору, заглянула в кают-компанию: там в одиночестве сидел Валерий и сортировал минералы — он выполнял в экспедиции и обязанности геолога. Ольга рассеянно кивнула ему и в глубокой задумчивости остановилась у окна, глядя во тьму. Валерий поднял голову.

— Ольга Анатольевна, вам не кажется, что мы слишком долго задерживаемся здесь? Право, лучше бы было, если бы вы начали лечить алтайцев прямо в пещере, мы могли бы тогда хоть перевести ракету на другое место. А то из-за них нельзя двинуться...

Ольга быстро повернулась к нему.

— Как вам не стыдно, Валерий! — с гневом сказала она. — Вы уже не раз говорили, что они мешают вам, что мы зря тратим время, что вы не этого ждали, не о том мечтали! Да они умные и отважные существа, ничуть не хуже

вас! Они лучше вас, они никогда не пожалели бы времени, чтобы спасти вас! А если бы вы встретили тех, о ком мечтали, и они отвернулись бы от вас, потому что вы недостаточно хороши для них? Как бы вы чувствовали себя тогда?

Она смерила Валерия негодующим взглядом и вышла из каюты, столкнувшись у двери с мужем. Тот видел эту вспышку, такую редкую при спокойном характере жены. Пропустив Ольгу, посмотрел ей вслед, взглянул на пристыженного Валерия и направился к себе.

Он вернулся к пульту управления, думая о своих спутниках. Они стали часто раздражаться, спорить по пустякам, нервное напряжение давало себя знать. Все они сейчас решают один и тот же вопрос. Что ж, пора. Нужно задать этот вопрос вслух. Что они ответят на него? И что скажет он сам? Что он должен сказать?

Да, они мечтали встретить в космосе людей, которые уже опередили землян в развитии, хотели воспользоваться их опытом и помощью, научиться новому. Но получилось наоборот — они встретили людей, нуждающихся в их помощи. Значит, они сами должны им помочь, и этого мало, что они спасли их от гибели. Вести их теперь на Землю? Разве это им нужно? А человечество? Столько веков оно мечтало о встрече с себе подобными, и неужели спешить на Землю, зная, что у одной из близких звезд есть обитаемая планета, есть люди, достигшие высокого уровня развития? Лететь на землю, похоронить там альтайрцев и потом явиться к их братьям и сообщить печальную весть?

Орловский поднялся, включил сигнал общего сбора и направился в кают-компанию.

— Пришла пора отлета, друзья, — сказал он негромко. — Пора покинуть эту планету, пора решить, что нам делать. Я не сомневаюсь, что все вы думали об этом. Скажите откровенно, без колебания, что вы предлагаете? Куда мы полетим — на Землю или на Альтаир? Вы знаете, что горючего у нас достаточно, корабль в исправности. Но если вы не согласитесь, мы не полетим. Подумайте и скажите — решать нужно сейчас.

В каюте воцарилось молчание.

И все в этот миг опять унеслись мыслью к родной и милой планете, к солнечной Земле. Тоска по детям, желание увидеть их с огромной силой охватили Ольгу, ей страстно захотелось домой, скорее домой, к ним. Валерий был поглощен только одним чувством — он не может больше жить в этой тьме, домой, домой! Вдохнуть полной грудью ветер с запахом трав!

Айзенберг сидел в тяжелом раздумье. Если доберется до Земли, он будет спасен. А если ему придется еще на несколько лет остаться в космосе, он, скорее всего, останется здесь навсегда.

Орловский и сам в этот миг видел Землю, встречу с детьми, с друзьями, свое сообщение в Академии Наук о том, что он первый встретился с разумными существами, которые сами сумели вырваться в космос. А потом — путь к Альтаиру, новые встречи, новые открытия... Да, могло быть и так. Но Орловский знал, что никогда не простил бы себе такого решения.

— Ну, что ж, товарищи? — он обвел взглядом друзей.

Трое спутников, словно вернувшись издалека, посмотрели друг на друга. Земля или Альтаир?

Айзенберг первым принял решение.

— Их жизнь короче нашей, — проговорил он задумчиво. — До Земли и обратно — это очень долгий путь. Кроме того, мы можем помочь им и там, на их планете. Надо лететь на Альтаир.

Валерий выпрямился, побледнел. Вернуться на Землю? А что альтаирцы подумают о людях, если те трусливо откажутся от далекого путешествия, поспешат скорее домой? Как он мог питать отвращение к этим действительно умным и мужественным существам. Нет, нет!

— На Альтаир! — воскликнул он. — Их там ждут!

Их там ждут... Ольга закрыла глаза ладонью. У Чимзаги тоже остались дети, как и у нее, но ее дети и без нее будут счастливы на щедрой Земле, а дети альтаирцев, быть может, погибают сейчас...

— На Альтаир... Летим скорее, сейчас же, — быстро сказала она.

Лицо Орловского посветлело. Нет, он не сомневался в своих друзьях, знал, что они скажут именно так. Иного решения быть не могло. Орловский поднялся.

— Готовьтесь, — сказал он. — Через сутки мы улетаем.

Л. ПОДОСИНОВСКАЯ

ЖЕЛТЫЙ КУБИК

Фантастический рассказ

Художник Н. Кустов

Журнал «Костер», № 12, 1966 г.

Желтый Кубик

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Людмила Подосиновская

Рисунки Н. Кустова

Гелий пристально глядел на покачивающиеся листья клена. Он не замечал, что ветер тихонько перелистывал учебник геометрии.

— Здравствуйте, молодой человек!

Гелий вздрогнул, поднял голову — и увидел «черного человека».

Он весь был черным — на нем был черный костюм, черные туфли и черный галстук, у него были черные волосы, черные очки на смуглом лице и острая черная борода. Что за странный тип? Что ему нужно?

— А знаете ли вы, что на свете бывают чудеса? — спросил «черный» человек, садясь рядом с Гелием на скамью. — Вы не согласны со мной?

— Почему не согласен? Согласен... — неуверенно ответил Гелий. — «Чудес на свете столько, что их всех не счесть». Даже песня есть такая.

— Есть, верно. Ну, а если мы с вами вот сейчас пожелаем воздвигнуть здесь в одно мгновение великолепный дворец, это возможно?

— Нет, конечно.

— А через тысячу лет это будет возможно?

Гелий пожал плечами.

— Н-не знаю... Может быть... Ведь тогда будут всякие поля...

— Вот именно, поля, — обрадовался незнакомец. — Электромагнитные, гравитационные и многие другие. Я вижу, вы кое-что понимаете в этом. Видите ли, чудеса — это просто открытия, которые на тысячелетия опередили свое время. Ковер-самолет... Или, скажем, волшебная палочка, — если помните, она исполняла желания...

— Да... А разве это... уже возможно?

— Вы догадливы, мой юный друг, и это меня радует. Хотите стать владельцем волшебной палочки?

— Но... — запнулся Гелий. — Разве можно?..

— Смотрите.

И незнакомец вынул из кармана кубик с ребром примерно в пять сантиметров.

Гелий тихонько ахнул — ему показалось, что внутри кубика светится маленький желтый огонек.

— Вот это и есть волшебная палочка. Я отдам ее вам, если только вы решитесь ее взять — ведь за исполнение желаний нужно расплачиваться.

— Как это?..

— Объяснять долго, молодой человек, я спешу. Для того чтобы пробить многомерное пространство-время направленным лучом желания, нужна энергия, а мы умеем брать ее пока только из одного источника — человеческого организма. С каждым новым вашим желанием кубик будет уменьшаться, и вместе с ним будет угасать ваша жизнь.

Гелий с восторгом и ужасом глядел на чудесный кубик.

— Наука требует жертв, не правда ли? — серьезно сказал «черный» человек. Черные стекла выжидающе и насмешливо уставились на Гелия. — Ну, так как?

Гелий молча кивнул — говорить он не мог. Незнакомец положил кубик на скамью и исчез. Гелий готов был поклясться, что он или провалился сквозь землю или растворился в воздухе. Свидетельством его реальности остался желтый кубик, теплым светом сияющий на скамье.

Кто же он, этот «черный человек»? Сумасшедший? Или ученый, сделавший гениальное открытие? Преодолевая страх, Гелий протянул руку к желтому кубику. Неужели струшу, упущу такой необыкновенный случай? А как же Вовка? Вовка в больнице, может быть умирает...

Гелий схватил кубик, огляделся, нырнул в кусты — в такие минуты человек должен быть один — и протянул вперед руку с желтым кубиком на ладони. Рука дрожала, а кубик мерцал беспокойными огоньками.

— Я хочу, чтобы Вовка выздоровел! Хочу, чтобы выздоровел! Я так хочу, слышишь?

Кубик не менялся, не таял, он оставался таким, как прежде. Что же это такое!..

Запахавшись, Гелий ворвался в тихий прохладный вестибюль больницы, с разбегу налетел на дежурную медсестру и едва не растянулся на скользком полу прямо у ее ног.

— Куда?! Ах, это ты, Гелий! Что же так рано? — удивилась знакомая медсестра.

— Как Вовка? Жив? Ему лучше?

Медсестра ласково пригласила его растрепанные волосы.

— Не волнуйся, с твоим Вовой все в порядке. Сегодня был кризис, он только что уснул.

Гелий растерянно смотрел на нее. Значит, правда. Значит, исполнилось. Вот оно, чудо, возможное только в сказке.

— От радости опомниться не можешь? — улыбнулась медсестра. — Уж никто не думал, что выживет твой дружок. Как видишь, бывают чудеса.

— Спасибо, — пробормотал Гелий. — Я пойду...

Да, бывают чудеса... Бывают чудеса... Гелий торопливо вытащил из кармана кубик, и ему показалось, что кубик стал чуть меньше.

* * *

Вовка ерзал на стуле, толкал Гелия в бок.

— Сейчас, Гелька! Сейчас бежит Игорь Малинин!

— Ага.

На экране телевизора яркими красками сверкал далекий южный город, в котором проходили сегодня спортивные состязания. Вот уже приготовились к старту юноши в белых майках, затихли в напряженном ожидании зрители. Старт! Бегуны сорвались с места и стремительно рванулись вперед.

— Игорь, давай! Игорь, миленький! Давай!

Мальчики забыли, что они не на стадионе. Их любимец как птица несся к финишу, все дальше и дальше уходя от соперников. Никогда еще не было такого триумфа! Вовка прыгал перед экраном и, размахивая руками, кричал что-то непонятное.

И вдруг... вдруг Гелий вскочил и резко повернул ручку включения. Исчез южный город, исчезли белые майки бегунов, телевизор погас и умолк. От изумления и негодования Вовка оторопел.

— Ты что, Гелька? С ума спятил? Включай сейчас же!

— Нет.

Гелий стоял перед ним, неожиданно сумрачный, строгий и какой-то осунувшийся.

— Что с тобой, Гель?

Гелий немного помедлили с ответом, словно колеблясь. Потом выглянул из комнаты и затем плотно закрыл дверь.

— Я тебе скажу... Может быть, нельзя, это важная тайна, но я больше не могу... Ты должен помочь... вот смотри, видишь?

И, вытащив из кармана изрядно уменьшившийся в размерах желтый кубик, Гелий сбивчиво и бессвязно рассказал товарищу о встрече с таинственным «черным» человеком.

— Ты понимаешь, ничего у меня не получается. Желтый камень уходит на всякие пустяки. Пожелал я моему соседу Сережке поступить в вуз, потом всякой чепухи для себя, как последний эгоист... в кино там, книжку... глупости, как маленький... Вот и сейчас — видел?

— Игорь Малинин?.. Да?

— А как бы ты на моем месте? Думаешь, я специально? Это само получилось.

— Ой, Гель! Вот здорово! — Вовка ошеломленно уставился на желтый кубик. — На таком расстоянии действует!

— При чем тут расстояние? — пожал плечами Гелий. — Луч идет через многомерное пространство-время...

Вовка поморгал, — непонятно, но убедительно. И тут перед ним предстала другая сторона этих невероятных событий.

— Гель... а как же ты? Камень совсем растает, и ты...

— И я умру, — Гелий хотел сказать это твердо, но голос его дрогнул. — Ну и что ж? Самое главное — принести пользу людям. Я тебе потому и рассказал, чтобы вместе думать.

— Гель, ты настоящий герой. Я всегда это знал. Ты такой человек... Так это ты тогда... что я выздоровел? Это ты сделал, Гель?

— Ну, что ты... Нет.

Вовка вскочил.

— Это ты! Я знаю! Это ты приказал, чтобы я выздоровел!

— Ну, ладно, брось, — смутился Гелий. — Мы же друзья, и точка. Давай думать, что нужно пожелать, чтобы для всего человечества, понимаешь?

* * *

Они сидели в пыльном пустом подвале. Где-то вдалеке сквозь узкое окно пробивался луч света.

Вовке было страшно. В голову лезли всякие мысли. Что-то шуршит, что-то шевелится... А если вот взять и захотеть, чтобы появился призрак? Все считают, что это чепуха, сказки. А может, призраки были на самом деле?

Шепотом Вовка поделился своей мыслью с Гелием.

— Может быть, — ответил тот, подумав. — Но призраки совсем не души мертвых. Наверное, это были космические пришельцы, которые умели становиться невидимыми и неосязаемыми, когда им нужно... Позовем призрак, а?

— Ой, Гель!.. Что ты...

— Боишься?

Вынув из кармана желтый кубик, Гелий раскрыл ладонь. Вовкино сердце билось где-то в самом горле, он не смел дышать.

— Хочу, чтобы появился призрак, — негромко сказал Гелий. — Хочу, чтобы он пришел к нам.

Наступила звенящая тишина. Вовка, оцепенев, глядел во мрак подвала. И вдруг послышался шорох... Шаги!

Вовка вскочил, ударился головой о локоть Гелия и бросился вон из подвала. Они мчались во весь дух, не смея оглянуться. Выскочили во двор, завернули за угол, пробежали детскую площадку и только тогда, наконец, остановились. Никто за ними не гнался.

— Он там?.. — сдавленным голосом прошептал Вовка.

— Нет, его не было.

— Как не было? А чего же ты бежал?

— Из-за тебя. Ты кинулся, как заяц...

— Сам ты заяц.

— Пошли посмотрим?

— Ой, что ты...

Гелий решительно направился обратно к подвалу. Вовка нехотя плелся за ним, готовый каждую секунду кинуться наутек.

Все-таки они спустились в подвал еще раз. Дошли до того места, где сидели, прошли немного дальше. Подвал был пуст.

* * *

Щелкнул замок входной двери: вернулась мать. Гелий поднял книгу, рассеянно перелистнул страницу, сделал вид, что читает. Мать заглянула в комнату.

— Гелик, ты не заболел? Что с тобой?

— Ничего, мама. Я читаю.

— Почему ты опять дома? Ведь школа уже на носу, потом не погуляешь.

— Да, мама. Я сейчас.

— Сначала поешь, Гелик. У тебя последнее время что-то неважный вид. Если плохо себя чувствуешь, ты скажи, не скрывай от меня, родной. Может, пойдем сегодня к врачу?

— Ох, ну что ты, мама, честное слово. Я совершенно здоров. А что похудел, так просто... просто я расту.

Это было похоже на правду. Мать еще раз испытующе оглядела сына и ушла на кухню. Гелий облегченно вздохнул.

Его рука привычно нащупала в кармане теплый кубик. Он стал совсем крошечным, вот-вот исчезнет. Почему он растаял так быстро? Гелий думал, это протянется не один год — ну, два, три, пять. А прошло только лето...

Гелия передернуло. Макароны не лезли в горло, чай показался слишком сладким и противным. Он с трудом сделал несколько глотков. В это время мать включила радио.

Гелий сразу понял, о чем идет речь — о лунной экспедиции. «Что это? Пропали?! Как пропали? Сигналы бедствия? Нет точных координат, мало шансов на спасение?.. Нет, этого не может быть, этого не будет!

Этого не будет! Еще осталась крупинка чудесного желтого камня, они будут спасены! Только не здесь, здесь нельзя, здесь мама... Скорее на улицу, в сад!»

Гелий мчался по тротуару, расталкивая прохожих. Он бежал изо всех сил, задыхаясь, хватая воздух открытым ртом.

«А вдруг они уже погибают? Если через минуту будет поздно?» Гелий сжал в кулаке маленькую желтую крупинку и остановился.

— Хочу, чтобы их спасли!.. Хочу, чтобы не погибли...

Вдруг небо сорвалось со своего места и с пронзительным визгом полетело вниз. «Почему с визгом?» — успел подумать Гелий, и в этот миг небо обрушилось на него и сбросило во тьму.

* * *

— Что интересного, спрашиваете? Да, знаете, вчера был довольно своеобразный случай... Даже странный. Привезли

мальчика лет тринадцати с переломом ребер и ушибом головы...

— Неужели?

— Да, сбита машина, в наше время случай редкий. Машиной управлял не автомат, а человек, молодой парнишка. Расстроен, конечно, чуть не плачет. Говорит, мальчик бежал через улицу, но внезапно остановился, что-то закричал. Даже автомат вряд ли успел бы затормозить.

— Ну, а мальчик? Жив?

— Жив, полежит месяц и будет здоров. Но знаете, что удивительно? Когда он пришел в себя, первым его вопросом было: «Почему я жив?»

— То есть как?

— Слушайте дальше. Потом спросил о лунной экспедиции. Я ему сказал: обнаружена и все спасены. «Странно, — говорит, — они спасены, а я жив... Вы ничего не нашли у меня в кармане?» Я запомнил все его вопросы, потому что, сами понимаете, человек, вытащенный из-под колес...

— А он не бредил?

— И я было так подумал, но ошибся. Тайну раскрыл его приятель, мальчишка того же возраста. Он рассказал фантастическую историю. Якобы у его друга был камень, который давал волшебную силу исполнять желания. Он, например, пожелал выздоровления этому самому приятелю, когда тот был тяжело болен, а вот сейчас, мол, на улице, — спасения лунной экспедиции. Все исполнялось, но за это он должен был расплачиваться своей жизнью.

— Что за средневековая чепуха!

— Да, это очень странная история. Будто какой-то «черный человек» дал мальчику очень красивый золотисто-янтарный кубик и сказал, что кубик будет исполнять желания, но сам при этом растает, и вместе с ним растает... что с вами, Алексей Дмитриевич?

Алексей Дмитриевич Гребенченко, руководитель одной из лабораторий Института новых материалов, вдруг остановился посреди тротуара и воззрился на своего соседа, хирурга районной больницы.

— Стойте, стойте... Как вы сказали? Кубик золотисто-янтарного цвета, постепенно тающий, уменьшающийся в объеме?

— Да... Он вам знаком?

— И кто дал его мальчику? «Черный человек»?

— Ну, человек, одетый в черное, смуглый, черноволосый, с черной бородкой и в темных очках.

— Ах, вот как? Смуглый, значит? Одетый в черное? С черными очками и бородкой? Ну, погоди ж ты...

И Гребенченко, не прощаясь, ринулся к остановке воздушной дороги.

Запыхавшись от быстрой ходьбы и кипя негодованием, Гребенченко быстро поднялся на второй этаж и распахнул дверь своей лаборатории.

— Рузин здесь?

— Здравствуйте, Алексей Дмитриевич, — приветствовала его лаборантка. — Здесь, здесь. Рузин, идите сюда, начальник зовет! — крикнула она.

Из соседней комнаты вышел высокий человек в белом халате. Аккуратная черная бородка клином удлиняла его смуглое приятное лицо.

— Доброе утро, Алексей Дмитриевич!

— Я вам сейчас покажу доброе утро! — взорвался Гребенченко. — Это что за фокусы? Кто вам позволил раздавать образцы новых пластмасс да еще городить при этом какие-то басни?

— Как раздавать? Какие басни? Ничего не понимаю...

— Не понимаете? Может быть, это не вы дали мальчишке образец 51/133 и наговорили при этом кучу всякого вздора об исполнении желаний?

— А-а! — засмеялся Рузин. — Вспомнил. Весна, знаете, экзаменационная пора — сидит такой печальный паренек в сквере, что-то учит. Ну, мне и захотелось его развлечь, что-то фантазировал. Откуда вы узнали? Да и образец давно не секрет, почему такой шум?

— Ах, почему шум? Наговорили ребенку всяких ужасов и с легким сердцем отправились дальше? Да как у вас язык повернулся?

— Что вы, Алексей Дмитриевич, ведь это же была просто сказка. Неужели детям никогда не рассказывают сказок?

— Хороша сказка! Ведь вы же сказали ему, что он умрет, когда растает желтый кубик! А он поверил этому! Вы что, не знаете силы самовнушения?

Инженер некоторое время молча смотрел на Гребенченко, затем побледнел, снял очки, сунул их в карман.

— Поверил?! Не может быть. Что-нибудь случилось, Алексей Дмитриевич?

— Мальчик едва не погиб, вот что случилось!

Рузин отступил на шаг, снова вытащил из кармана очки. Лицо его стало растерянным.

— Но... как же так? Ведь я сказал... Он же видел, что желания не исполняются, он сразу должен был понять, что это шутка...

— А если его желания исполнялись?

— Исполнялись?!

— А чего, по-вашему, он должен был пожелать?

— Ну... выстроить сказочный дворец или чтоб двойка исчезла сама...

— А он пожелал знаете чего? Выздоровления больному другу, спасения космонавтов на Луне. И все его желания сбылись, понимаете? И камень таял. Да тут и я поверил бы, черт возьми!

— Что с ним? — глухо спросил Рузин. — Он будет жить?

— Насколько я знаю, большой опасности нет. Вы, вот что, снимайте-ка рабочий халат и марш-марш в больницу.

— Да, да... где это? Я сейчас еду...

— Адрес я вам напишу. Валя, дайте листок бумаги.

Рузин стащил с себя халат, схватил листок с адресом и бегом поспешил к выходу.

С. ЗВАНЦЕВ

КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ СОБАКА

Фантастическая юмореска

Меня пытались разыграть, утверждая, что в университетском саду бегает страшное существо. Достойный наследник собаки Баскервильей. Я, однако, хорошо понимал, что речь идет о кибернетической собаке: в определенные часы ее выпускают на прогулку и следят за ее поведением.

Во всяком случае, об этом стоило написать небольшую статью для местной газеты. Как эта статья будет называться, я еще не придумал — название явится после того, когда статья будет готова. Что-нибудь вроде «Создание человеческого гения» или «Конкурируем с природой!».

Созвонившись с руководителем кафедры биологии, я пришел примерно в двенадцать часов дня — самое удобное время для интервью, когда интервьюируемый еще не успел проголодаться после утреннего завтрака, но уже успел справиться с самыми неотложными делами этого дня.

Едва я вошел в университетские ворота близ здания интересующей меня кафедры, как на лужайке увидел знаменитую искусственную собаку, якобы обладающую всеми свойствами живой. Ну пусть не всеми, но очень многими.

Сейчас она нелепо вертелась у входа в здание, подняв тугой хвост.

Сразу бросалось в глаза, что собака — ненастоящая. Какая-то неподвижность шеи, точно у волка, и безжизненный хвост создавали впечатление скорее макета, чем живого существа. Чувствовалась недоработка собачьего образа, как сказали бы мои коллеги — театральные рецензенты. В общем же это странное создание было очень похоже на обыкновенную овчарку. Именно — похоже. Такая мысль никогда не пришла бы мне в голову, встретить я обыкновенную, натуральную овчарку. Но в том-то и дело, что подражание всегда ниже оригинала. Я подумал, что разговоры об удаче профессора К., который идеально сконструировал кибернетическую собаку, явно преувеличены. Да, я верю, что эта «собака» обладает заданной программой действий, в том числе и острой реакцией на каждое движение постороннего человека вплоть до способности броситься на него и вцепиться в горло. Если кибернетика создает шахматистов, то тем более она способна создать собаку. Но как искусственный шахматист не может сравниться с живым мастером, так и кибернетическая собака не может конкурировать с натуральной.

Это я знал твердо. Схватить за горло — она еще может, но зубов-то у нее, надо думать, нет? Органы охраны труда не разрешат наделять безмозглое существо губительными зубами овчарки!

Мне сказали, что кличка сконструированной собаки — Диана, причем, когда ее зовут, она прислушивается и даже проявляет склонность к установлению миролюбивых отношений. Поэтому на всякий случай я позвал ее:

— Диана! Диана!

Неожиданно и против всякой логики собака зарычала низким голосом.

Я сильно вздрогнул и остановился: никто мне не говорил, что Диана умеет рычать. С другой стороны, настоящая собака едва ли зарычала бы, услышав свою кличку. Я просто не знал, что и думать. И потом мне показалось: в тот

момент, когда Диана раскрыла рот, у нее блеснули два ряда страшных зубов. Но я сейчас же взял себя в руки: «Несомненно, это зубы декоративные, вовсе не приспособленные для боевых действий». Но все же, почему во дворе нет ни одного ординатора, ассистента и даже ни одного студента? Почему кибернетическая собака должна показывать заданную ей программу мне одному?!

— Собачка... Дианушка... — подхалимски обратился я к макету.

Но, очевидно, реакция на подхалимство не была включена в заданную программу. Это нелепое создание — плод несовершенного научного опыта, Диана зарычала еще более грозно и вдруг, прыгнув, толкнула меня в грудь. Я удержался на ногах только потому, что Диана все же несколько промахнулась. Еще одно доказательство несовершенства плодов человеческих рук. Настоящая овчарка уж не промахнулась бы!

— Ах ты, дрянь! — крикнул я, продолжая испуганно следить за Дианой, которая тем временем спружинилась для нового прыжка, «Сейчас она меня доконает», — пронеслось в моей голове.

Я тихо, едва шевелясь, стал отступать, стараясь, чтобы Диана не заметила, как я отхожу. Но тут она повела себя очень странно: вдруг потеряла всю свою агрессивность. Видно, импульс нападения «на чужого» исчерпал себя или же в механизме обнаружилась какая-то порча. А возможно, что в кибернетической собаке заговорили другие импульсы заданной программы. Диана вся словно обмякла, даже будто сделалась ниже ростом, вялой походкой приблизилась к дереву и здесь... подняла ногу. Это было неожиданно и дерзко, но для меня — спасительно.

Я, едва дыша, проскользнул мимо опасного автомата, открыл дверь и, войдя в вестибюль, сразу же услышал за стеной звучный голос профессора К., читавшего лекцию:

— ...вы видите перед собой пока единственный экземпляр кибернетической собаки. Вот она, наша Диана!

Чувствуя легкую дурноту, я вошел в переполненную аудиторию. Здесь, у кафедры, стоял стол, а на столе двигался макет собаки. Сквозь сеть труб были видны какие-то дикийные механизмы. На короткой шее сидела довольно искусно сделанная собачья голова.

— В этой голове заключен механизм условных рефлексов! — продолжал профессор. — Мы привили ей привычку агрессивно реагировать на появление постороннего...

Профессор заметил меня и кивнул мне головой.

— Вот пришел корреспондент из газеты. Сейчас Дианаотреагирует... Смотрите!

Диана открыла беззубый кожаный рот и два-три раза слабо тьякнула.

Я попятился к двери. Аудитория захохотала.

— Послушайте, — сердито сказал я одному из студентов, — мне эти шутки надоели. Прошу, проводите меня до калитки: во дворе нагло ведет себя настоящая овчарка.

В. АНАНЬИН

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Научно-фантастический рассказ

Художник Н. Гришин

В. АНАНИН

Рисунки Н. ГРИШИНА

«Последнее, что помнил профессор, был страшный, нечеловеческий крик девушки, как будто что-то оборвавший в его сознании. Грэмс Пул прыгнул, в два скачка достиг места ужасной схватки, поднял пистолет. Ослепительная струя ударила в черный бок чудовища и...»

Привалов захлопнул книгу. «Тайна Мрачной Звезды». Ну, конечно. Тайна... Чудовища. Опасности. Его всегда раздражали такие книги. Конечно, в космосе случается всякое. И он, Привалов, мог бы кое-что припомнить, хватило бы для целого романа. Но ведь главное-то не это! И потом, в правильно организованной экспедиции не должно быть происшествий. Если они и случаются, это только помеха работе.

Впрочем, шут с ними, с этими книгами. Жаль только, что они портят таких парней, как Хромов. Романтик. Он, видно, с детства еще читался подобных книжонок. Он и сюда, на Геру, прилетел, мечтая о загадочных пещерах, чудовищах, захватывающих открытиях.

Привалов усмехнулся.

Пришлось парню распротиться с соблазнительными мечтами. Надо было строить Станцию. Не хватало материалов. Кругом, куда ни глянь, черный лесок до самого горизонта да скалы. Вот тебе и романтика. Сколько раз приходилось уходить на ночь в шурфы. Работали без отдыха. Утром встаешь усталый — электросон мало помогал, — и лезешь в скафандр, идешь долбить проклятые скалы. Семидесятиградусная жара. Не до экспедиций за флорой и фауной. Потом привезли автоматы. Но с ними на первых порах было еще больше хлопот: только что созданные земными инженерами, они были еще капризны, часто ломались, а иногда начинали вытворять непонятно что. Да, было нелегко.

Чудовища не докучали — здесь так и не нашли что-нибудь заслуживающее внимания, кроме песчаных ящериц (впрочем, досконально пески так и не обследовали — не было времени). Да, чудовищ не было. Зато случались голодовки, особенно вначале, когда снабжение не было налажено, были недосыпания. Не было интересных открытий — был песок, один песок, с утра до ночи. Его следовало рыть, перевозить, укладывать, трамбовать, бетонировать. Потом надо было возиться с металлическими секциями будущей Станции, подгонять, соединять, переставлять. Потом подсобные помещения: склады, ангары, маяки, телевышки... Тем, другим, было легче. Западная, Южная, Снежная и Новая Станции строились позже и не в таких адских условиях, как их. Зато они здесь самые старые и опытные «отшельники», как называют работающих на далеких станциях. Глупое название.

Привалов потер рукой лоб и отбросил книгу в яркой обложке. Вот здесь, в этих песках и колебались представления Хромова о космической романтике. Что ж, надо признать, работал он хорошо, но Привалов видел: Хромову тяжело. Тогда, во время строительства Станции, он как будто привык смотреть трезво на жизнь Путешественников. А теперь опять что-то зачудил. Наверное, думает, что обездоли-

ли его, сердится на свою судьбу: возись в песке — какое уж тут геройство.

То, что он хочет сбежать отсюда в какую-нибудь звездную, так это блажь и мальчишество. Хромов опытный инженер, и он нужен здесь, на Станции. Он сем ее строил, знает все до последнего шва.

Неизвестно, кого прислали бы еще взамен. К Хромову Привалов уже привык. И нечего ему чудить. Наташил себе книг о приключениях, даже фильмотекой не обзавелся, а собирал старых, печатных изданий. Ему, видите ли, так кажется увлекательней. Ну, сегодня он с ним поговорит серьезно, как только Хромов и Захарченко вернутся с Южной.

Захарченко. Вот уж полная противоположность Хромову. Степенный, рассудительный. Его прислали взамен технику, сломавшего руку во время песчаной бури. Станцию они отстояли, но веселый американец Стив Стейн улетел на Землю, а вместо него прилетел Захарченко. Привалов сначала отнесся к новичку настороженно. Но Захарченко работал мастерски — ничуть не хуже старичков. И он не хочет отсюда уезжать: крепко любит свое дело.

Привалов встал и подошел к окну. День клонился к вечеру. Право, слово «природа» не вязалось с мрачным ландшафтом за окном станции. К горизонту, словно застывшие волны фантастического моря, уходили черные барханы.

Черный цвет песка усиливал впечатление, и было что-то неестественное в неподвижности этих волн. Зеленые лучи раскаленного светила придавали зловещий оттенок всей картине. Впрочем, так показалось бы новичку. И Привалов, и другие давно привыкли: пейзаж казался им не более странным, чем во всех тех мирах, где

им приходилось бывать. На севере, в зеленых бликах, режущих глаза, можно было различить поднимавшиеся невысоко над равниной темные зубцы. Это были скалы Рудника, где еще семь лет назад собирались начать разработку ириновой руды. Но руда оказалась бедной, месторождение признали не заслуживающим внимания, и работы прекратили. Отдельные редкие небольшие скалы и камни поднимались то тут, то там из песка, как коралловые рифы среди морских волн. И так везде — песок и камни, скалы и песок.

Вся планета была покрыта этим черным саваном умирающего мира. Она остыла миллиарды лет назад. Этот песок и камни — все, что осталось от громадных горных хребтов, некогда покрывавших ее. Время, зеленый зной и ветры объединились, чтобы сгладить лицо планеты. Морей здесь, вероятно, не было никогда. Вода находилась только в кристаллическом состоянии. Воздух почти сплошь состоял из азота. Зато песчаных бурь было в достатке. И любопытно: казалось бы, здесь нет места никакой жизни — даже бактерии не были обнаружены в почве и атмосфере планеты, и — на тебе! — каким-то чудом сохранились и живут странные существа, похожие на больших ящериц. Днем они прячутся в песках, а ночью вылезают на камни и сидят, словно страшные изваяния, мгновенно исчезая, если к ним приблизиться. Подойти незамеченным нет никакой возможности. Как они обнаруживают врага, неизвестно. Чем они питаются, что из себя представляют — неизвестно. За восемь лет не удалось поймать ни одной «ящерицы».

Из растительности — одни только черные отвратительные колючки с неимоверно длинными корнями. Вообще, тоскливая планета. Здесь часто возникают в песках странные звуки, иногда напоминающие отдаленно человеческие голоса. Вряд ли это голоса здешних обитателей. Скорее всего, эти «звуковые тиражи», как их здесь называют, — работа песка и ветра. Во всяком случае, новички могут принять голос пустыни за человеческий зов... Привалов вспомнил, как давно, в первый год колонизации, погиб молодой инже-

нер. Он заблудился в песках, разыскивая несуществующего человека.

...Над горизонтом оставался только край зеленого светила. Пожалуй, скоро они вернутся, Хромов и Захарченко.

С тех пор, как люди высадились на планете, кое-что изменилось в тоскливом ландшафте. Вот с запада видно колоссальное сооружение — маяк-излучатель. Этих циклопических вышек, которым не страшны никакие бури, сейчас насчитывается полдесятка. А как трудно было построить первый излучатель! Вышки и громадные здания пяти энергостанций, отдаленных друг от друга на сотни километров, все-таки придают этой части планеты более обжитой вид. Привалов усмехнулся. Вот даже семьи с Земли начали привозить. Еще вчера на Западную с очередным рейсом должна была прилететь семья к начальнику Станции. Интересно, прилетели ли? Что-то с утра Западная молчит. Опять неполадки со связью... Уж он-то своих сюда бы не затащил.

Наверное, скоро пять. Вот-вот они вернутся.

С запада на юго-восток пролежала широкая битудиновая полоса — Тракт, он связывал между собой станции. На его постройку пошел тот самый песок, который навевает такую тоску своей бесконечностью и унылым цветом. Машинам для производства битудина нужен никель. Раньше в битудиномешалки вместе с песком добавляли этот металл, доставка которого на Геру обходилась недешево. При анализе здешнего песка оказалось, что местами он содержит большое количество окислов никеля. Так что этот песок послужил готовым материалом для битудина. И пустыню покрыли язвы — глубокие шурфы, ямы, карьеры, оставшиеся на месте выбранного богатого никелем песка...

Привалов протянул руку к кнопке и погасил лампы. Так лучше виден Тракт. Он прислушался, не слышно ли гула вездехода. В пять они должны вернуться. Если случится что-нибудь непредвиденное, они дадут знать. Но блок связи

молчал. Значит, все в порядке. Они должны быть с минуты на минуту. И нечего беспокоиться. Что может случиться в такой дыре, как эта планетка, да еще на сотни раз объезженном Тракте. Бури нет. Впрочем, вездеходу она не страшна. И нечего зря волноваться.

...Хромов никогда не опаздывал. Только один раз, давно, еще в первый год пребывания здесь. Но тогда не было еще Тракта, и вездеход застрял в песках — расстроился ре-актор. Хромов сразу же вызвал тогда Привалова. Связь у них отказывала несколько раз за эти годы — два раза между станциями и один раз в вездеходе, ушедшем на запад. Но тогда вездеход пришел вовремя. Привалов подумал, что давно уже не проверял машины, целиком полагаясь на ассистентов.

Сегодня они очень торопились, собирались в спешке — с Южной передавали, что нашли что-то интересное, кажется, какую-то постройку. Ну, это фантастика. За восемь лет здесь ни разу ничего не находили. Хромов особенно был возбужден, весь загорелся.

...Пожалуй, стоит запросить Южную. Что? Южная вызывает Привалова. Так. Наверное, они остались там. Неужели это их открытие — не ошибка?

Он подошел к пульту. Анри Легран, начальник Южной энергостанции, видимо, был чем-то встревожен.

— Здравствуйте, Привалов. Вездеход у вас?

Так и есть. Что-то случилось. Привалов нахмурился.

— Нет, Анри. Вездеход не пришел.

Тревога на лице Леграна сразу стала заметней.

— Не пришел? А связь? Вызовы были?

— Нет. Вызовов не было.

Легран помолчал. Молчал и Привалов, чувствуя, что надвигается что-то нелепое, ненужное и страшное.

— Они выехали с Южной в три, как и было условлено. Строения эти ерунда. Нашим парням так хотелось что-нибудь открыть, что они приняли за следы каких-то поселенцев естественные нагромождения скал. Правда, довольно причудливо для природы. Ваш Хромов так расстроился,

что жалко было смотреть. Еще до выезда они жаловались, что вездеход не совсем в порядке. («Не проверил машину», — подумал Привалов). Потом с дороги они передали, что стоят на Тракте и чинятся. На восемьдесят шестом километре. Но успокоили, что справятся быстро и успеют к пяти домой. Потом начала барахлить связь. Сначала они передали, что не могут вызвать вас. Одностороннее повреждение. Работает только наш канал. Потом, видно, и там что-то испортилось. Им удалось передать, что поломка исправлена, и они сейчас едут домой и чтоб не волновались за них. Потом несколько отрывочных сообщений, потом... потом они передали что-то странное. Вы слышите, Привалов? Они передали, что им... что они слышали в песках плач. Понимаете? Плач ребенка. Это было очень странно. Мы попросили повторить. Они передали что-то, но связь окончательно испортилась, и мы приняли только одно слово — «поиски». Потом вездеход замолчал.

— Вы понимаете, Привалов? Какая-то ерунда. Плач. Какой плач? Откуда взяться ребенку в пустыне? Откуда здесь вообще взяться ребенку?!

Привалов молчал. Он думал.

— Плач?

— Ну, да. Конечно, обычный мираж.

Да, конечно, мираж. Странное сообщение.

— На станциях ведь нет ребят, Анри? — спросил Привалов, хотя знал, что нет.

— Нет, конечно! Вы же знаете не хуже меня. Да и они тоже. Сумасшедшие! Нет, вы подумайте: клонуть на мираж! Я организую поиски. Поднимем все Станции. Черт знает, что делается сейчас у них в песках! — сердито повторил он. Маленький француз был возмущен и расстроен.

— Да, — сказал Привалов. — Я еду.

— Мы тоже выедем скоро. Надо торопиться. Неизвестно, сколько продлятся поиски. У них может кончиться кислород. Счастливо, Привалов.

...Кислорода им хватит надолго, думал Привалов, торопливо натягивая скафандр. Они всегда брали запасной баллон. Но зачем их понесло в пески? Они же не новички. Особенно Захарченко, рассудительный Захарченко. Нет, тут что-то не то. Но ребенок! В самом деле, откуда взяться здесь ребенку?! У сотрудников Станций нет детей. Чепуха какая-то. Плач? Это немыслимо. Причем плач ребенка, ребенка, а не взрослого! Непонятно. Неужели все-таки обманулись? Разочарование после неудачи на Южной, взвинченные нервы?... Но нет, Хромов еще мог бы, но Захарченко...

Выводя вездеход из ангара, он вспомнил, что не взял запасного баллона, и вернулся к стойке. Беря баллон, окинул стойку взглядом. Что такое? Пересчитал баллоны. Все на месте. Значит, они в спешке забыли запасной баллон. Дело осложняется. Если до утра их не найдут или они не явятся сами... Скверно. Правда, может, они на Южной взяли? Вряд ли. Скорее всего, они и не вспомнили. Обычно до запасного баллона дело никогда не доходило.

Да, надо торопиться.

Разворачивая вездеход на Тракт, он связался с Анри. В маленьком экранчике вездехода возникло аскетическое лицо помощника Анри-Курта Фрорига.

— Салют, Курт. Где шеф?

— Собирается на поиски. Мы оповещаем все станции. Только Западная молчит что-то. С утра как не было связи, так до сих пор. Мы послали нарочного. Ты выезжаешь?

— Да. Они у вас не взяли кислорода?

— Нет. А что, у них нет запасного баллона?

— Забыли. И я не проверил.

— Плохо. Надо спешить.

— Есть какие-нибудь новости?

— Похоже, что ребята двинулись в пески кого-то искать. Темное дело. Найдем — узнаем.

— Говоришь, с Западной нет связи?

— Нет.

— Ну, счастливо.

— Счастливо.

Мрак летел по сторонам, отпугиваемый светом прожекторов вездехода. Может быть, они где-нибудь в песках сейчас, справа или слева, а он проносится мимо. Но спокойствие. Спокойствие. К утру их надо найти. Найти... если не отыщутся сами. Порча связи еще ни о чем не говорит. Может, они уже держат путь на Станцию, уверившись в нелепости своих фантазий. Фантазий или... Нет, чепуха. Просто нервы, расстроенные неудачей с этим «открытием». Привалов опять вспомнил погибшего инженера, и предположения одно чудовищней другого полезли ему в голову. Усилием воли он отогнал их. На заре человечества люди придумали миф о существах, заманивающих путешественников на гибель пением... Ну ладно, что он, в самом деле... Тот инженер погиб из-за своей неопытности. И вообще, нечего с ума сходить. Они же не новички. Да и поселок теперь не тот, что раньше. Они сейчас не могли заблудиться.

Полоса битудина мчалась навстречу. По пескам так не пойдешь. Привалов взглянул на светящийся экранчик, где на разграфленном поле со светлыми цифрами по темной дорожке, означающей Тракт, полз светлячок — указатель его вездехода. Вот он, восемьдесят шестой километр. Где-то здесь...

Место, где они чинили машину, он нашел сразу. Большое темное пятно, оказавшееся лужей охлаждающей жидкости, бросилось в глаза раньше, чем он увидел вешку с красным огоньком — знаком аварии (эти складные вешки делались по принципу старинных игрушек — в полусферическую опору заливался свинец). Видимо, что-то заставило их забыть о вешке, когда поломка была исправлена.

Около лужи он нашел пробку от охладительного бака с сорванной резьбой и выброшенное треснувшее колено змеевика. Ясно. Авария в системе охлаждения. Для ее устранения нужно выйти наружу. Исправляя неполадку, они, веро-

ятно, и слышали эти звуки. Анри прав — они отправились на поиски, но куда? Вездеход почти не оставляет следов на битудине. Они свернули в пески, конечно, но где? Он сошел с Тракта и двинулся по обочине, пытаясь найти следы вездехода на песке. Он прошел сотню метров на запад и ничего не нашел. Тогда он вернулся и начал исследовать обочины в противоположном направлении. И почти сразу же наткнулся на рыхлую колею — след вездехода. Он шел вкось от Тракта в глубь песков.

Он бегом вернулся к своему вездеходу. Сворачивая на след, подумал, что теперь близок к цели.

Вездеход теперь двигался медленнее. Привалов внимательно вглядывался в нечеткий след. Сначала они двигались прямо, очевидно, ориентируясь на «голос», затем, примерно через километр, начали петлять. Видимо, звуки прекратились. Привалов подумал, что такой ночью в пустыне слышно далеко. Вот они опять выровнялись и направились куда-то в сторону — почти параллельно Тракту.

Неожиданно изменилась почва под гусеницами: вместо сыпучих барханов под вездеходом была теперь черная, плотная, в трещинах земля, на которой следы почти исчезли. «Зеркало, будь оно проклято», — выругался Привалов, Зеркалами называли плотные участки слежавшегося песка, сдавленного давным-давно какой-то неведомой силой. Это была одна из загадок планеты. «Зеркала» и натолкнули наиболее увлекающиеся умы на предположения об исчезнувших мыслящих обитателях планеты.

Еле заметные следы, оставленные на грунте, заставили Привалова еще уменьшить скорость. И все-таки он проглядел место, где они свернули. Не видя больше следов, он повернул обратно. Наконец он нашел место поворота. Но здесь следы были странные, как будто вездеход несколько раз крутанулся на одной гусенице. Он остановил машину и вылез. Да, так и есть. Они здесь останавливались. Высматривали кого, что ли? Это «зеркало», будь оно неладно! Он опустил на четвереньки и стал внимательно изучать трещиноватую землю. Наконец он нашел то, что искал: еле за-

метную вмятину от башмака. Так. Значит, они выходили. Но зачем? Сколько он ни искал, больше ничего не мог разглядеть на плоской поверхности «зеркала». Потом, вероятно, они снова сели в вездеход и направились... куда?

Неужели обратно? Выходит так. Впереди и в стороне следов нет. Ну, что ж. Значит, сейчас они уже дома. Странно только, что он их не встретил, но, видно, они выехали на Тракт уже позади его. Ладно. Ну, и даст он им нагоняй на Станции.

Он сел в вездеход и направился домой. Он больше не сомневался, что они двинулись к Станции — следы шли к Тракту. Они срезали путь. Так. Известить, что ли, Анри? Нет, по приезде. Он взглянул на часы. За это время он ни разу на них не смотрел и удивился: оказывается, прошло уже три часа с тех пор, как он начал поиски. Интересно, где их сейчас ищут Анри и остальные? Он выехал раньше их примерно на полчаса. Потом от места, где они чинили поломку, до Южной 300 километров — почти в три с половиной раза дальше, чем от Восточной. Ну, ладно, теперь домой. А кислороду-то им только на два часа. Через три часа рассвет.

...Что-то в мелькавших впереди следах тревожило его. Наконец он понял: они спешили, страшно спешили, судя по расстоянию между зубцами по краю следа. Пожалуй, шли на предельной. Странно. С чего бы им так спешить? Кислороду им хватит добраться до Станции. Сейчас они уже близко, если... Почему они спешили? Спасались от кого, что ли? Эта мысль напомнила ему, что еще ничего неизвестно. По пескам с такой скоростью... а вдруг скала на дороге. Хотели пораньше домой попасть, боялись нагоняя? Нельзя по пескам с такой скоростью, они же это знают.

Вездеход вполз на небольшой холмик. Дальше путь пошел под уклон. Внезапно впереди сверкнула яркая полоска, и прежде чем он успел сообразить, что это отразился от края огромной ямы свет, рука его инстинктивно нажала, красную

кнопку. Вездеход замер метрах в пятнадцати от края. Привалов откинулся на сиденье. Едва не попал в историю. Это был один из шурфов, вернее карьер, где добывали никелевый песок для Тракта. Придется объезжать, мелькнула мысль, И тут же в мозг, в виски ударило жарко:

— А их вездеход?!

Он до слез всматривался в яркую дорожку, бросаемую прожектором, и не верил, не мог поверить тому, что видит. Следы кончались на краю обрыва. И там, где они кончались, край был измят, изрыт, осыпан, а дальше начиналась темнота.

Сначала он подумал, что товарищи наверняка погибли, и горечь, боль непоправимого несчастья оглушила его.

Но потом первое потрясение прошло. Привалов мысленно представил себе прочный надежный корпус вездехода, и у него появилась надежда. Может быть, они живы, пусть разбиты, искалечены, но живы. А он сидит здесь, вместо того, чтобы спасать товарищей. Он вскочил.

От вездехода до пропасти семнадцать шагов. С первого взгляда он определил, что карьер старый, не очень большой

в диаметре, но глубокий. От края, осыпавшегося под тяжестью свалившейся машины, начинался не отвесный обрыв, а крутой скат, правда, очень крутой, но все-таки скат. Конечно, машина не съехала по нему — для этого он был слишком крут и слишком велика скорость машины, — она падала, вероятно, перевернувшись в воздухе, ударяясь о стену. Он представил, что чувствовали они, когда падали в неизвестность, и ему опять стало жарко.

Он лег животом на песок и свесился по грудь в яму. Да, карьер был глубок. И далеко на дне он увидел неясное туманное пятно: свет прожектора свалившегося вездехода, пробивавшийся сквозь плотные клубы какого-то фиолетового тумана. Нагрудный прожектор скользнул по скату, вырывая из темноты лесок, сыпавшийся то тут, то там мелкими струйками, редкие колючки, зловеще торчащие из ската, камни, выступающие кое-где из песка. Противоположная стена карьера метрах в восьмидесяти почти не различалась в темноте — луч нагрудного прожектора рассеивался в плотном воздухе.

Все же сквозь испарения Привалов смутно различил то, что сразу прибавило тревоги и уменьшило надежду на благополучный исход: внизу были камни. Но пятно света на дне обнадеживало. Он решился и крикнул. Лотом еще раз. Яма громко ответила, повторяя на разные голоса его крик. Но ответного крика человека не было. Он крикнул еще раз,

менее уверенно, и, опять не дождавшись ответа, вернулся в вездеход, чтобы захватить аптечку, кислород и кое-какие инструменты.

Он повернулся спиной к яме, лег на край ската и начал спуск.

И в эту минуту он слышал плач.

...Как странно, думал впоследствии Привалов, все-таки человек никогда не может сказать, что изучил себя в совершенстве.

Он всегда считал, что раз любое, даже самое непонятное на первый взгляд, явление можно объяснить с позиций науки, то дико и бессмысленно страшиться этого непонятного только потому, что оно непонятно, не зная, чем в действительности может оно угрожать человеку. Он думал, что достаточно воли и логического мышления, чтобы подавить в себе страх, который он считал одним из проявлений атавизма. Он даже думал, что ему удалось это сделать, и заслуженно слыл бесстрашным человеком. Но в первую секунду, когда он услышал этот плач...

Он замер, прислушиваясь, в нелепом положении: одна нога, вытянутая так, что заныли суставы, с трудом нащупывала более или менее твердое место, на которое можно было бы опереться; другая, согнутая в колене, — у подбородка. И руки — одна, цепляющаяся за кромку обрыва, другая, придерживающая аптечку. На секунду его охватил такой дикий страх, что он, безусловно, храбрый человек, готов был разжать руки и, зажмурившись, лететь вниз, в пропасть, в тартарары, лишь бы не слышать этих звуков. Но сейчас же он взял себя в руки. Он не мог оглянуться назад и вниз, и только повернул в сторону голову, чтобы лучше слышать. Плач доносился, несомненно, снизу, очень слабо, приглушенный и прерывающийся. Плакал ребенок, всхлипывая и заунывно выводя что-то такое жалобное, знакомое, что Привалов на

секунду забыл, где находится, и ему показалось, что там, в фиолетовой клубящейся яме, плачет его Колька. Но он тотчас же очнулся и начал выбираться из ямы.

С трудом подтянув грузное тело, он налег грудью и локтями на край, еще немного — и он встал на четвереньки на краю ямы. Плач прекратился. Внизу по-прежнему шевелились испарения и угадывались тени камней. Он вскочил.

— Э-эй! — крикнул он в яму и прислушался. Ему опять послышался плач, на этот раз громче. Он что-то пробормотал про себя и почти бегом направился к своему вездеходу.

У люка он остановился.

— Какая ерунда! — сказал громко.

Затем решительно влез внутрь и, плюхнувшись на сиденье, включил экран. Секунду ждал. Потом на экране появилась голова в таком же, как у него, цилиндрическом прозрачном шлеме; слуховые раструбы придавали голове в шлеме неуловимо комический и карикатурный вид.

— Ну, как у вас, Привалов? — кричал Анри. — Нашли их? У нас пока ничего. Куда вы пропали? Я поднял все станции. Только Западная молчит. Пришлось нарочного послать. Еще не вернулся. Были на месте их аварии? Мы сейчас там. Я...

— Я нашел их, — перебил Привалов.

— Нашли?! — лицо Анри мгновенно изменилось.

Сначала оно выражало бурную радость, потом на нем появилось нерешительное и тревожное выражение:

— Где? Что с ними было? Они живы, конечно?

— ...Я нашел их, — не слушая, продолжал Привалов. — Их зачем-то понесло в пески. К югу от Тракта. Они свалились в карьер.

— Свалились?! Как их угораздило? Но они живы? Мы немедленно едем к вам. Ну, что же вы? Живы? Вы спускались?

Привалов молчал.

Француз, казалось, смутился. Он отвел глаза от лица Привалова и быстро забормотал, проглатывая слова:

— Да... Я понимаю. Карьер. Вероятно, спуститься очень трудно... невозможно, да? Ждите нас... Не спускайтесь одни. Мы будем на месте через час. Все будем. Я передам всем вездеходам.

Слышно было, как в кабине у Анри загудел сигнал, его вызывали. Люди беспокоятся, ждут. Что он там бормочет? За час они не успеют. Полтора-два.

— Спуститься можно, — сказал Привалов.

Легран замолчал и уставился на него. Гудки продолжались.

— Анри, — медленно сказал Привалов, — что-то неладно. Я слышал плач.

Француз, казалось, не понял.

— Что? Вы слышали...

— Плач, — повторил Привалов. — В яме. Плачет ребенок. Что-то неладно.

Брови Анри взлетели вверх и остановились изумленно-испуганно изогнутыми. Он понял.

— Звуковая галлюцинация... — начал было он.

Привалов качнул головой. Анри не договорил. Да. Он забыл. Привалов опытнейший «отшельник». Его миражи не проведут.

— Слушайте, — торопливо заговорил он. — Мы едем к вам. Не спускайтесь без нас. Ни в коем случае! Какая чепуха! Это... непонятно. Ждите. Вы поняли? Вы вооружены? Впрочем, что я... конечно. Вы слышите, Петр Евгеньевич?

Привалов удивился. Анри назвал его по имени и отчеству. Он помолчал, что-то обдумывая.

— Анри, — опять заговорил он. — Это ребенок. Плачет ребенок. Очень жалобно. Ему очень плохо, Анри. С вами есть врач?

— Вы с ума сошли! Откуда он может там быть? Не спускайтесь. Ну, я прошу. Мы уже едем. Вот кто-то тут все время вызывает меня. Сейчас я им передам. Петр Евгеньевич, вы слышите? Не спускаться бы вам без нас, а?

Привалов молчал.

— Ну, хоть оружие возьмите, — с отчаянием взмолился Легран. — А все-таки, может, не спускаться? Мы едем. Ждите.

— Ерунда! — наконец, повторил он и поднялся. Аптечка мешает в руках. Где-то должен быть ремень... Где же он? Это что? Мешок для образцов. Геологический. Отлично. Подойдет для аптечки. Теперь кислород. Тяжеловато. Ладно, ничего. Что еще? Фонарь. Можно обойтись нагрудным прожектором. На вездеходе должны быть прожекторы. Даже если они разбились... Хотя нет, он же видел свет. Так. Теперь, кажется, все.

...Загудел вызов на связь. Опять Анри. Проверяет, не спустился ли. Будет опять отговаривать. Напрасно. Он в последний раз оглядел вездеход. На сиденье рядом с пустым баллоном лежал пистолет. Некоторое время он смотрел на него. Лотом пожал плечами и сунул пистолет за пояс.

Гудок захлебывался.

Теперь все. Он толкнул люк.

Выйдя из вездехода, Привалов на секунду остановился. Ему показалось, что темнота стала еще гуще. Нет. Просто после освещенной кабины.

Он подошел к краю ямы. Внизу по-прежнему виднелось мутное пятно света, в котором клубились фиолетовые волны. Тишина. Из ямы теперь не доносилось ни звука.

— Какая ерунда! — в третий раз повторил вслух Привалов. — Откуда здесь взяться ребенку?

Потом он начал спускаться.

Это оказалось труднее, чем он думал. Проклятый песок никак не желал служить опорой. Лежа на крутом скате, Привалов отчаянно цеплялся руками за все, что попадалось, — колючки, камни, щели и выбоины в редких местах, где грунт был более слежавшимся и плотным. Мешок с аптечкой и кислородный баллон, привешенные на спину, сползли вниз и упорно старались опрокинуть его.

Стоило оторвать тело от земли, чуть приподняться, и они уже перевешивали, тянули назад, и больших трудов стоило опять обрести равновесие. Поправить же свой груз он не мог. Правда, раз он сослужил ему хорошую службу. Камень, на который оперся ногой Привалов, вырвался из-под ноги, видно, он чуть держался в стенке карьера, и Привалов, не успев ухватиться за что-нибудь, покатился вниз. Но почти тотчас же баллон с кислородом застрял в выбоине — падение замедлилось, и Привалов сумел задержаться, вцепившись в жиденький кустик колючки. Только сейчас оценил Привалов этот нелепый вид растительности, его прочность и, главное, длинный, крепко сидевший в земле корень. Дальше он спускался еще осторожнее. Помимо всего прочего, этот камень вызвал небольшой обвал и наделал шуму, а Привалов почему-то инстинктивно старался спускаться как можно тише. Спуск был очень утомителен. Несколько раз у него мелькала мысль: положиться на счастье и просто скатиться вниз. Но он сдержался. Он не мог оглянуться и не знал, скоро ли кончится этот проклятый спуск.

Он думал, что свалившийся вездеход облегчил ему задачу, изрыв при падении стенку карьера. Еще он подумал: хорошо, что грунт оказался таким мягким, но тут же вспомнил про камни на дне. Очевидно, они перевернулись раза два, пока долетели до дна. На мгновение он увидел все это: мчащийся вездеход, Тракт, до которого надо добираться...

Они очень спешили. Почему? Конечно, они не обратили внимания, что путь идет под уклон, наверное, только увеличили скорость...

Он продолжал медленно спускаться. Прямо перед лицом он видел освещенную нагрудным прожектором темную землю, осыпавшуюся с легким шелестом струйками песка. Иногда стеклоглаз шлема касался почвы, и тогда он видел до мельчайших подробностей каждую трещину, каждую песчинку. О том, что он может увидеть там, на дне, он старался не думать. Спуск продолжался.

...Что же он слышал, все-таки? Он никак не мог объяснить услышанное им, и это не давало ему покоя. Один раз он даже подумал, не прав ли Легран, не принял ли он галлюцинацию за действительность, но тут же с сомнением покачал головой. Опять у него возникло ощущение, что он близок к разгадке.

Что-то смутно начинало оформляться в мысль, но тут же распадалось. Что-то не давало ему соединить смутные намеки в цельное, единственно правильное объяснение случившемуся. Ребенок... откуда же здесь ребенок?

Внезапно свет потускнел. Заплясали тени. Он окунулся в фиолетовый туман и понял, что сейчас достигнет дна. Бесконечный спуск кончился. Впрочем, продолжался он, наверное, не более получаса, подумал Привалов, пожалуй, даже меньше.

Его ноги уперлись во что-то твердое. Он мог, наконец, отпустить руки и выпрямиться. Тотчас же он чуть не упал, но сумел сохранить равновесие. Затем он потратил минуты две на то, чтобы привести аптечку и баллон в порядок и, наконец, повернулся.

Повсюду из расщелин и ямок на дне карьера и между камнями поднимались испарения. В их обманчивом дрожании шагах в тридцати от него виднелся бурый бок вездехода.

Машине повезло. Она упала не на каменные глыбы, в беспорядке громоздящиеся на дне карьера, а между двумя из них, на грунт. Впрочем, может, она просто отскочила сюда, ударившись о камни. Казалось, вездеход не очень пострадал. Но было что-то до боли беспомощное в непривычном положении умной машины: вверх шасси. Даже если он с размаху ударился о плотное дно ямы, покрытое мелкими камнями, а не о скалы, все же пассажирам пришлось плохо.

Передняя часть со смотровым окном была загорожена глыбой. Все прожекторы машины, кажется, вышли из строя. Но откуда-то снизу, как из-под земли, шел свет, тот, что он

принял сверху за свет прожектора. Очевидно, свет шел из люка.

Все это Привалов отметил на ходу. Он уже неуклюже бежал к месту катастрофы, покачиваясь под тяжестью груза. На бегу он крикнул что-то. Ему вдруг безумно захотелось, чтобы от этой неподвижной поверженной громады ему ответили.

И когда он огибал корму вездехода с разбитым вдребезги прожектором, здесь, совсем близко от него, за этим буфером, раздался плач! У него захватило дух. И в ту же минуту ослепительная, как молния, мысль вспыхнула в мозгу. Глупец! Как он не мог догадаться! Еще мгновение... он обежал вездеход, и в свете своего прожектора увидел то, что уже ожидал увидеть, что сразу подтвердило его догадку.

Крышка люка была измята, сплющена и почти сорвана. Из глубины машины выбивался луч света. А около люка на черной в трещинах земле лежал мальчик!

Это был ребенок лет 10–12, одетый, как взрослый, в защитный скафандр со шлемом, только меньшего размера. Наверное, он полз. Он упирался руками в песок и смотрел на Привалова. Привалов охнул, всплеснул руками и кинулся к нему. Мальчик плакал. Сквозь прозрачную маску шлема было видно маленькое заплаканное лицо, искаженное гримасой боли и страдания. В глазах мальчика («Ресницы белые, как у Кольки», — подумал Привалов) были страх, боль и неверящая радость. Привалов увидел, что одна нога мальчика неестественно вывернута и волочится по песку, и почувствовал, как что-то перехватило ему горло, и он сморщился, словно боль мальчика передалась ему.

Потрясенный, он присел около мальчика и гладил его, забыв, что оба они в скафандрах.

И он повторял, почему-то шепотом, одно и то же:

— Все хорошо, все хорошо, маленький... не бойся... все хорошо.

Потом, кое-как успокоив мальчика, все еще всхлипывающего от боли и от всего пережитого в эту ночь, и устроив его около большого камня так, чтобы искалеченная нога его

меньше беспокоила, Привалов снял лишний груз и полез в вездеход.

Он с трудом протиснулся внутрь и долго не мог разобраться в незнакомой обстановке — все было перевернуто, сорвано со своих мест, и вдобавок приходилось двигаться по потолку. Свет шел из-под какой-то груды, оказавшейся перевернувшимся креслом и еще какими-то обломками. Пробираясь к ней, Привалов наткнулся на что-то и вздрогнул: это была человеческая нога. По огромному ботинку он узнал Захарченко.

Лихорадочно расшвыряв груды, он увидел его лицо. Добродушное, румяное лицо украинца было теперь бледно-синим, глаза плотно зажмурены, рот открыт. Фонарь на груди, видимо, включился при падении или был включен раньше. Он не разбился по счастливой случайности — на него навалилась мягкая спинка кресла. Привалов подумал, что Захарченко мертв, и в отчаянии опустил руки. Потом он решил, что нужно сделать все, что можно.

Он с трудом выволок тело грузного украинца из вездехода, и тут его взгляд упал на пузырек кислородного указателя на скафандре Захарченки. Он стоял почти у синей черты! Первой мыслью его было, что аппарат поврежден и воздух вышел, так как кислороду им должно было хватить еще почти на час. Но потом подумал: вытек бы, так весь. Оставалось одно (так как и беглый осмотр аппарата не дал результата): Захарченко намеренно выпустил часть кислорода. Но зачем? Он думал об этом, закрепляя шланги и открывая вентиль принесенного им баллона. Потом он что-то вспомнил и посмотрел в сторону мальчика. Тот спал, всхлипывая во сне. Опять Привалов почувствовал щемящую жалость к ребенку. Сломал ли он ногу до того, как они его подобрали, или при падении? Бедный малыш.

Потом Привалов стоял на коленях и напряженно всматривался в знакомое лицо украинца, ища признаки жизни. Потом он до боли в руках делал Захарченке искусственное дыхание (аппарата у него не было) и опять ждал. Потом через специальные отверстия в скафандре вводил стимуляторы и опять делал искусственное дыхание.

Когда на неподвижном лице первый раз шевельнулись ресницы и он убедился, что Захарченко жив, он почувствовал, как сильно он устал. Ему захотелось лечь и ни о чем не думать. Но он посидел всего несколько секунд. Затем встал и пошел за Хромовым.

Хромов висел на полу кабины — пол теперь был потолком, — зажатый между вторым креслом и приборной рамой. Он долго возился с тяжелой рамой, стоя в очень неудобной позе.

Несколько раз ему казалось, что он никогда не вытащит Хромова, и тот будет вечно висеть на полу. Это было противоестественно, и Хромова, очевидно, нужно было вытащить. Он рассуждал об этом вслух. Наконец, это ему удалось, и он почти машинально проделал с Хромовым примерно то же, что с Захарченко. Только кислорода у Хромова было больше, зато он, наверное, сильно ударился головой, и у него была, кажется, сломана рука. В общем, он пострадал сильнее Захарченко. Оба пока не приходили в сознание, но жили, жили.

Впрочем, он не думал об этом. Он сидел, прислонившись к глыбе, и безучастно смотрел на появившиеся наверху огни, множество огней. К нему спускались люди, что-то крича. На него налетел Анри Легран и затормошил его.

— Живы?! И ребенок? — И Привалов не удивился, что Анри знает о ребенке.

Француз кинулся к людям, что-то делавшим около пострадавших, и тут же вернулся обратно.

— Ну, они живы! — бодро сообщил он, как будто для Привалова это было новостью. — Вы их спасли, конечно. У Хромова — перелом руки и сотрясение мозга. Жалко романтика, ох, как жалко. Захарченко, тот быстро оправится. А ребенок! Вы знаете, чей это ребенок? Это сын Витковского, начальника Западной. Только вчера прилетел с матерью. Отпустили погулять, а он заблудился. За 400 километров отмахал! У него был микроглайдер, специально для него сделали. Может, проехаться захотелось, а тот и сломался. Нашли его в вездеходе. Теперь не поймешь, когда он сломался. Удивительная беспечность! Отпустить ребенка одного. И вот несчастье. А мальчонка-то только вчера прилетел, вы подумайте. Витковский волосы на себе рвет, мать плачет. У них испортилась связь, и они долго не могли сообщить по Станциям. Искали сами. Потом послали к нам человека. Сразу после нашего разговора меня со Станции и вызвали. Услышал я — черт возьми, вот так штука! И вам — а вас и след простыл...

Привалов с трудом заставил себя слушать. У него очень болела голова. Сначала он хотел объяснить, что сам догадался, чей ребенок и как все произошло, потом вяло подумал: зачем?

Мальчика разбудили, и он опять заплакал. Это встрянуло на минуту Привалова. Он хотел сказать, что надо осторожней, ведь у мальчика сломана нога. Но потом опять подумал: зачем? С ними же врач.

Он посмотрел на Анри.

— Да, — с трудом сказал он. — Они нашли его случайно. Пока они чинили поломку, слышали его. Ночью слышно далеко. Он давно заблудился и у него кончался кислород. Захарченко отдал ему свой, почти весь. Вот почему они так спешили. У них же не было запасного баллона. А на такой скорости тормоза не помогут.

Подошел врач, маленький круглый человечек.

Он изо всех сил старался казаться огорченным, но это ему плохо удавалось. Он потирал ручки в неуклюжих перчатках скафандра и усмехался. Это было неприятно. Привалов посмотрел ему в лицо — тот сразу смутился, закашлялся и отвернулся. Привалов подумал, что для врача, скучавшего здесь, постоянно жаловавшегося на «глупую пустыню, где и болеть-то не умеют», и вспоминавшего, как хорошо он работал там-то и там-то, как его ценили те-то и те-то известные врачи, — что всегда раздражало Привалова, — для него это первый случай практики за последние три года. И вот он не может удержать детской радости в предвкушении «настоящего дела», и что, в сущности, это очень милый и добрый человек, страстно любящий свою профессию, и что Анри тоже милый человек, и Курт, и все очень хорошие люди.

В кабине орниплана (Привалов, Анри, врач и пострадавшие летели первым рейсом, затем орниплан должен был вернуться вытягивать покалеченный вездеход) он думал о том, что теряет чудесного парня — Хромова, что неизвестно, кого пришлют взамен, и что зря, пожалуй, он не отпустил Хромова в звездную, пусть бы летел, романтик, гля-

дишь, прославился бы; и что теперь вот Хромов никогда больше не полетит ни в какую звездную... А Захарченко молодец, с ним мы еще дел понаделаем. Поправится, я его еще пропесочу за этот случай. Жаль Хромова вот только... А мальчонка! Судить таких родителей надо. Витковский, Витковский-то! Хорош начальник Западной. Тоже сейчас сам не свой. И поделом. Плакал в карьере. Сам виноват. А мальчика жаль. Ну, поправится. Еще космонавтом знаменитым будет. Колька давно мечтает...

— Как, Привалов? Помнишь: «...слышал плач». Как сказал ты, я думаю: ну, все — тронулся старик! — смеялся Анри. Он был рад, что все живы и все кончилось сравнительно благополучно. — Помнишь, а? А Захарченко дать нагоняй все-таки надо.

Привалов посмотрел на него.

— У меня очень болит голова, — сказал он.

Ф. БЕЛКОВ

• ————— •
ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

Научно-фантастический рассказ

Художник А. Побединский

Рис. А. ПОБЕДИНСКОГО

Ф. БЕЛКОВ

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

Научно-фантастический
рассказ

СЛУЧАЙ В ГОРАХ

ПАЛЬЦЫ ломит. Держаться нет сил. «Все кончено...» — мелькнула последняя мысль, пальцы разжались, скользнули по выступу скалы, и Никитин покатился с обрыва. Час спустя его подобрала. Он был без сознания. И когда в больнице пришел в себя, едва слышно прошептал: — Черный квадрат... соберите черный квадрат... пронумеруйте... соберите...

На станции их было трое: начальник Иван Александрович Никитин, научный сотрудник Лидия Николаевна Волкова и пилот вертолета Гриша Смирнов.

Станция Академии наук по изучению космических лучей находилась высоко в горах. Вертолетом пользовались для связи с внешним миром. Гриша два раза в неделю летал на астробазу. Туда он отвозил материалы наблюдений, а на станцию привозил продукты, почту, фотоматериалы.

В этот день он должен был лететь в девять часов утра. Когда же обнаружилось, что Никитин не пришел к завтраку — завтракали аккуратно в восемь, — Гриша пошел за ним.

Но ни в жилом помещении, ни в лаборатории, ни около приборов Никитина не оказалось. Было отчего встревожиться. Никто из сотрудников никогда не выходил за границу станции, обозначенную вехами.

Площадка была окружена зияющими трещинами, обрывами, нагромождениями обломков скал, покрытых льдом и снегом.

Одного неосторожного движения достаточно, чтобы сорваться в пропасть.

С тяжелым предчувствием Лидия Николаевна и Гриша бросились к вертолету. Поднявшись метров на тридцать, машина, лениво вращая лопастями винта, застыла на месте.

Первое, что они увидели, был большой черный квадрат на площадке, примыкающей к станции. Эта площадка была несколькими метрами выше остальной территории станции.

Черный квадрат резко выделялся на белом снегу, как нарисованный тушью на ослепительном ватмане.

Но площадка с таинственным квадратом была пуста.

Мелькнула тяжелая догадка: квадрат сделан Никитиным, а его самого нет. Учитывая полную неприступность этого места, можно было предположить только одно...

Лидия Николаевна и Гриша стали внимательно осматривать местность, лежащую ниже. Бинокли ощупывали каждый бугор, каждую расщелину. И, наконец, далеко-далеко внизу, на дне пологого обрыва, Гриша увидел на снегу лежащего человека...

Спуститься туда на вертолете было делом нескольких минут.

Это был Никитин.

НА НЕПРИСТУПНОЙ ПЛОЩАДКЕ

Радиограмма в двенадцать часов успокоила Лидию Николаевну и Гришу. Жизнь Никитина была вне опасности. Кроме этого, сообщили, что перед операцией он опять бредил каким-то черным квадратом.

Видимо, что-то очень важное было связано с этой геометрической фигурой, едва не стоившей ему жизни.

Но как забраться на эту проклятую площадку? Вертолет на нее не посадишь, почти всю ее поверхность занимал загадочный квадрат.

Лидия Николаевна решила высадиться с помощью веревочной лестницы, опущенной с вертолета.

Ее догадка о природе квадрата подтвердилась. Он был выложен большими фотопластинками. Каждая запечатана в черный конверт. Такие пластинки обычно применяются для изучения космических лучей. Прилетев из космоса, элементарная частица проходит через бумагу и рисует в толстом слое эмульсии траекторию своего пути. По таким снимкам ученые многое узнают о природе космических лучей.

Но что заставило Никитина спешно раскладывать фотопластинки именно на этом месте? Что побудило его в ноч-

ной темноте карабкаться по скалам? Пластинки можно было разложить и на свободном пространстве приборной площадки.

Лидия Николаевна еще не успела заглянуть в стационарный журнал, куда обычно вносились все события за сутки. Сделал ли запись Никитин во время своего ночного дежурства или отложил это до возвращения на станцию?

Но мешкать было нельзя. Гриша должен возвратиться через полчаса.

Кусочком мела Лидия Николаевна пронумеровала первый ряд пакетов. Собрала его и проделала то же с остальными рядами.

Пластинок было восемьсот двадцать пять, они занимали площадь в тридцать шесть квадратных метров, получилось два солидных свертка. Лидия Николаевна подошла и тому месту, с которого сорвался Никитин. Очевидно, судя по следам на снегу, он оступился, потерял равновесия, а за выступ скалы удержаться не смог.

Вернувшись на станцию, Волкова сразу же заглянула в журнал.

Но, увы... последняя запись была сделана ею самой во время ее дежурства, накануне этого дня.

АБСТРАКЦИЯ ИЗ КОСМОСА

Через неделю Гриша привез письмо. Оно было от Никитина. В конверте лежал лист бумаги, исписанный неразборчивым почерком:

«Поправляюсь. Сильная слабость. Говорить не разрешают. Пишу украдкой. Фотопластинки проявите как обычно (не перепутайте нумерацию!). Результат сообщите. Пусть они, обработанные, лежат до моего возвращения. Наблюдайте интенсивность космических лучей. Как на станции? Привет. Никитин».

Целую неделю Волкова проявляла пластинки. Закончив работу, она написала Никитину:

«Дорогой Иван Александрович! Мы очень рады, что Вы поправляетесь. О делах станции я подробно писала в прошлом письме. Ничего нового добавить не могу в отношении наблюдений. Все по-прежнему. Слежу внимательно. Закончила проявлять все пластинки, но они экспонированы как-то странно. Покрываются пятнами. Есть совсем темные, есть со сплошным серым тоном разной силы. Но большинство покрыто пятнами или переходами от светлого к темному. Каюсь, две пластинки разбила... Но одна из них совсем черная, а другая со сплошным светло-серым тоном. Я обещаю приготовить искусственно эти негативы. По одному осколку от каждой я сохранила.

Кроме пятен, ничего на всех пластинках обнаружить не удалось. Некоторые пластинки напоминают абстрактную живопись: вдруг на сером фоне расплывается противная белая клякса. Другие пластинки напоминают увеличенные препараты электронного микроскопа.

Боюсь, что это Вас, Иван Александрович, сильно разочарует.

Быстрее поправляйтесь. Гриша шлет привет и не дожидается того дня, когда полетит за Вами.

С сердечным приветом Лидия».

На другой день после отправки письма на станции была получена неожиданная радиограмма:

**«СООБЩЕНИЯ ВОСТОРГЕ ТЧК ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ
ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ТЧК ТЕПЕРЬ БЫСТРО ПОПРАВ-
ЛЮСЬ ТЧК СКОРО ВЫПИШУСЬ ВАШ НИКИТИН».**

РАЗГОВОР О ЖИЗНИ

Как только я узнал, что Никитин выздоровел и приехал в Москву, я немедленно отправился к нему.

И хорошо сделал, что поторопился, иначе мог бы его не застать. Он уже заканчивал свои лечебные дела, всякие процедуры и исследования и собирался обратно в горы.

У Никитина сидело несколько человек. Кое-кого из них я знал и встречал у него раньше.

Когда затихла небольшая суматоха, вызванная моим приходом, Никитин ввел меня в прерванную беседу:

— Мы здесь до тебя спорили о самых возвышенных вещах — о проблеме жизни на других планетах. Одни говорят, что, кроме как на Земле, вряд ли где во вселенной есть такие же разумные существа, как мы, люди. Другие хотя и допускают наличие там разумных существ, но наделяют их такими нелепыми формами, что я, например, не хотел бы даже капельку быть на них похожим. Ну, одним словом,

сейчас как раз моя очередь говорить, и тебе все станет ясным.

Я совсем не согласен ни с тобой, Зоя, ни с тобой, Николай, — продолжал Никитин, — а также не согласен и с писателями-фантастами, которые, как м вы, представляют себе разумных существ других миров обязательно нелепыми уродами.

А природа на самом деле на редкость точный и рациональный конструктор. Никаких вольностей она не терпит. Ничего лишнего, ничего зря она не создает.

Согласен, многое зависит от условий жизни. Даже у нас на Земле есть люди, отличающиеся и по цвету кожи и формами тела. Но это различие очень незначительное. Я уверен, что везде, где развивается жизнь, она идет по одним и тем же законам эволюции.

— Ты так уверенно говоришь, у тебя такой поучающий вид, как будто ты имеешь очень веские доказательства, — не удержалась Зоя.

Никитин немного помолчал, пожал плечами и как-то нехотя ответил:

— Доказательство? Ну что же, оно есть...

И он вышел в другую комнату. Мы переглянулись. Что он имел в виду? Или на шутку он решил ответить шуткой?

— Вообще-то говоря, — промямлил один из гостей, — ничего нет удивительного в том, что в природе развитие при одинаковых условиях может происходить одинаково. Что касается неорганической природы, то до сих пор ни на одном прилетевшем к нам метеорите не обнаружено чего-либо нового, неизвестного на Земле...

В этот момент вернулся Никитин. В руках он нес большую квадратную раму, завернутую а простыню.

Он бережно поставил ее на высокий столик и прислонил к стене.

Пригасив слишком яркий свет, Никитин попросил нас сесть подальше

Когда мы устроились, он с видом иллюзиониста поднял руку и произнес:

— Внимание! — и театральным жестом сдернул простыню.

Я, и, наверное, не только я, вздрогнул от неожиданности.

«НЕБЕСНОЕ СОЗДАНИЕ»

Это было лицо. Лицо женщины. Внимательно, изучающе смотрели ее глаза. В лице были сила и нежность, грусть и ирония одновременно.

Кадрирован портрет был неудачно. В рамку попала только часть лица. Было похоже на то, что эта фотография — фрагмент живописного портрета, выполненного в свободной импрессионистской манере. Брови, глаза, нос, губы были написаны очень легко и без ремесленной точности.

Я вспомнил слова английского художника Лоуренса. Он как-то сказал: «Хорошо нарисовать глаза может даже маляр, но передать взгляд способен только художник».

И здесь этот взгляд был. Он был главной темой портрета.

От этих говорящих глаз невозможно было оторваться. Они буквально не отпускали.

И по мере того как мы смотрели на это лицо, образ обыкновенной женщины постепенно раскрывался перед нами. Что-то новое и новое виделось в нем.

Мы просидели в оцепенении около часа. Заядлые курильщики не вспомнили о своих потухших папиросах. Простуженные ни разу не кашляли. И даже насмешливая Зоя как-то присмирела и сидела, не шевелясь.

Тишину прервал Никитин. Он тихонько хлопнул в ладоши и шепотом оказал:

— Ну, может быть, достаточно? А? Я его заверну. Я вижу, вы этак готовы просидеть до утра. А меня это совсем не устраивает... — И он накинул на портрет простыню.

Постепенно оцепенение стало проходить. Начали шевелиться, разговаривать. Курильщики задымили, а Зоя, шумно негодуя, бросилась открывать форточку.

— Ну, а теперь, скромник, рассказывай, кто она.

— Кто? Не знаю. Адрес ее пока мне точно неизвестен. Она хоть и подарила мне этот замечательный портрет, но ничего о себе не сказала. А живет она очень далеко. Дело в том, что перед вами было самое настоящее, не оперное и не

книжное, а реальное небесное создание. Эта женщина не-земная, и даже очень возможно, она не из нашей Галактики...

ТАЙНА ЧЕРНОГО КВАДРАТА

Ну и шум поднялся! Как будто в отместку за предыдущий час полной тишины.

Всем было досадно, что Никитин продолжал мистификацию.

Но мне этого не казалось. Когда он говорил, слишком серьезны были его глаза. Гораздо серьезнее, чем это нужно для мистификатора.

— Ну, тише, тише, а то я опять введу вас в оцепенелое состояние. Открою портрет — сразу затихните. Хотите узнать все — слушайте, не хотите — не надо. Вам же будет хуже. Ничего и не узнаете...

Все сразу притихли, и он продолжал:

— Прежде всего, выбросьте из головы, что я вас дурачу. Слишком дорого стоил мне этот портрет. Из-за него я чуть не лишился жизни. Поэтому мне не до шуток. Слушайте все по порядку.

Двадцатого февраля этого года я заступил на ночное дежурство на своей станции. До пяти часов утра все шло как обычно. Телескопические счетчики элементарных частиц, расставленные рядами, изредка пощелкивали.

Но в пять часов утра произошло необычное. Сработал одновременно весь первый ряд счетчиков. А через тридцать минут 20 секунд одновременно сработали все пять рядов. Это не было галлюцинацией, самописцы все записали — у меня есть документ.

Я тогда понял, что эти излучения идут импульсами откуда-то из одной точки неба, но вследствие вращения Земли движутся полосой — с востока на запад. Площадь охвата импульсами очень скоро передвинется западнее приборной площадки, но там отвесная скала и только на ее вершине ровная поверхность. Времени в моем распоряжении было

мало. Я схватил в лаборатории ящик толстослойных фотопластинок (эти пластинки мы применяем для изучения космических лучей), притащил его к подножию площадки, привязал к нему веревку, а другой ее конец — к поясу и полез вверх. Стена была отвесная, выступов мало. Как я еще тогда не свалился до сих пор не пойму. Разодрал себе руки, лицо, но все-таки я был наверху. Втащить ящик с пластинками после этого адского подъема было детской забавой.

При свете звезд я разложил на снегу все пластинки как можно плотнее друг к другу. Затем я должен был вернуться вниз наблюдать за счетчиками. Стал искать место, где бы я мог привязать веревку. Обходя площадку, оступился... Повис над обрывом... А что произошло дальше, вы уже знаете.

По моей просьбе наши сотрудники собрали и проявили пластинки. Они были экспонированы не частично, как это бывает, когда в толще эмульсии появляются следы элементарных частиц, а сплошь. Это был другой характер лучей.

Мы отпечатали все снимки на фотобумаге. Склеили в огромное полотнище и разложили на земле. Затем поднялись на вертолете и увидели это лицо, которое так сильно поразило вас. Здесь я вам показал фоторепродукцию с того огромного портрета. Он был еще более размытый, местами более туманный. Изображение сильно напоминало случайные пятна сырости на стене, в которых великий Леонардо да Винчи порою черпал сюжеты для своих рисунков. В трактате о живописи у него прямо говорится:

«Я не премину поместить среди этих наставлений новоизобретенный способ рассматривания; хотя он и может показаться ничтожным и почти что смехотворным, тем не менее, он весьма полезен, чтобы побудить ум к разнообразным изобретениям. Это бывает, если ты рассматриваешь стены, запачканные разными пятнами, или камни из разной смеси...

Пусть тебе не покажется обременительным остановиться иной раз, чтобы посмотреть на пятна на стене, или на пепел огня, или на облака, или на грязь, или на другие такие же места, в которых... ты найдешь удивительнейшие изобретения, чем ум живописца побуждается к новым изобре-

ниям, будь то к композициям битв животных и людей, или к различным композициям пейзажей и чудовищных предметов...»

Но вернемся к рассказу.

Мне думается, что излучения передавались импульсами и энергетический луч наткнулся на нашу Землю.

Встреча была очень короткой, и луч шел, по моим расчетам, навстречу движению Земли. Поэтому Земля в своем беге по орбите не успела выскользнуть из-под этого луча, а время поворота Земли мне удалось использовать для подготовки к фотографированию.

Площадь, охватываемая лучом, была, безусловно, огромна, и то, что мне удалось зафиксировать, — лишь крошечная частица того, что передавалось.

Возможно, что луч шел из соседней галактики, и если его начальная толщина была со спицу для вязания, то вследствие рассеивания на Землю попал поток, занимающий площадь в десятки квадратных километров.

Сейчас я выясняю природу этого луча и направление, откуда он пришел.

Но я уверен, что то, что вы сидели, не случайная игра пятен, о которых рассказывает Леонардо. Это попытка разумных существ других миров рассказать о себе.

Когда Никитин закончил свой рассказ, мы были потрясены. Мы попросили вновь открыть нам портрет.

На нас смотрели эти немного насмешливые, но необыкновенно теплые человеческие и вместе с тем действительно какие-то неземные глаза.

Кто она? Дочь далеких миров? Или все-таки это игра случайных пятен, порожденных ливнем космических лучей? А может быть, это подшутили над нами отсыревшие фотопластины?

Но мне хочется думать, что все-таки Никитин прав. Хочется верить, что перед нами действительно дочь далеких миров. Очень далеких миров, где есть такие же пытливые, ищущие и побеждающие люди, как и у нас на Земле.

А. НИКИТИН

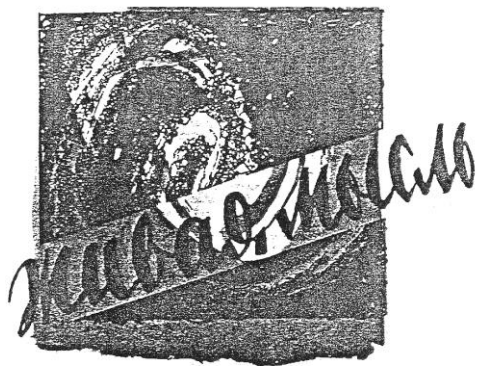

ЖИВАЯ МЫСЛЬ

Научно-фантастический рассказ

Рисунки Л. Вачулайтиса

*Журнал «Наука и техника», Рига, № 3, 1963 г
Печатается в сокращенном виде - примечание ред. НнТ*

А. НИКИТИН

Научно-фантастический рассказ

Рис. Л. Вачулайтис

Внизу, под прозрачным полом, сердились волны, шептались и осуждающе покачивали верхушками недовольные пальмы.

Люба раскачивалась в качалке с ритмом, которому поза-видовал бы любой маятник. Этот же ритм ее тонкие полупрозрачные пальцы отбивали, как по клавишам, по трем родимым пятнам, похожим на следы от прививки оспы. Глаза девушки устремлены вдаль, в сторону огромнейших, видимых даже отсюда каменных моржей в бухте Рио-де-Жанейро.

Есть произведения искусства настолько совершенные, что невольно вызывают страх: как бы нечаянным прикосновением или неосторожным движением, даже дуновением воздуха не испортить какой-либо малости, черточки, не испортить самого совершенства.

Сейчас Люба вызывала подобное чувство. Она казалась ему мертвым совершенством, заводной статуей, но никак не подругой, будущей женой. Он не мог подойти и обнять ее, как сделал бы на месяц-два раньше.

И он говорил. Говорил, чтобы не молчать.

— Я оказался, видишь ли, меньше всех загружен. Всем не хватает времени... Согласился. За полтора года у него накопилось мыслей больше, чем в любой информичке!

Любу это не интересовало. Едва ли она внимала смыслу, хоть и слышала его голос.

— Как планетолог, он мало интересует. Здесь я лишь бегло просматриваю мысли и отсылаю специалистам. А вообще-то встречаются довольно оригинальные. Некоторые нельзя не запомнить.

Она небрежно спросила:

— Где анатомируется мозг?

— В Якутске.

— Хорошая машина?

— О, у них целый корпус, трехэтажный, так и называется: нейрохирургическая электронная машина!

— А качество?

— Выход почти пятнадцать процентов. Это — логически завершенных. Еще тридцать — логически не связанные образы и мысли. Остальное — непрочитанные сигналы и связи.

— И что же ты запомнил?

— Вот, например: «Трижды убийца — убивающий мысль!»

— Ромен Роллан.

— Что?

Губы Любы чуть дрогнули. Она сдержалась. А он обрадовался: живая! И едва понял смысл ответа:

— Эта фраза не твоего отца, а Романа Роллана. И высказана она еще тогда, когда твоего отца и в живых-то не было!

— Не знаю... Может быть.

Верхотакси относило. Ослепительно белый пляж, разрезаемый деревьями, превращался в штрихпунктирную линию. Под ногами уже зеленели невозмутимо спокойные борозды кофейной плантации.

Он встал и включил фиксатор, привязав машину к радиомаякам.

— Может быть... Мне понравилось, я и запомнил. Вот еще, может, тоже не его: «Трижды славен — умирая, оставляющий живую мысль!»

Ритм нарушился. Люба чуть задумалась.

— Живая мысль? Хорошо... Я бы добавила: живую полезную мысль.

— Живая мысль не может быть не полезной. В противном случае она превращается в музейный, оригинальный, но мертвый экспонат.

— Есть и гадкие мысли. Гадкие, но живучие.

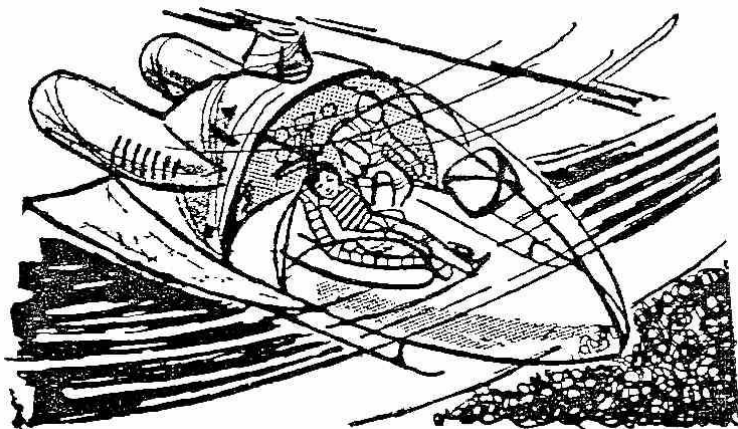
Нежаркий и недождливый день, что здесь в эту пору бывает довольно редко, выманил людей в воздух. Кругом парило много верхотакси. Часть, вроде их машины, стояла мертво на одном месте. Другие, издали напоминая пчелиный рой, плыли в самых различных направлениях. Вот рядом пролетела верхотакси с подругами Любы. Девушки звали лететь вместе в спортрайон. Он обрадовался. Но Люба отказалась.

— Мне хочется отдохнуть. Вот так, в воздухе. А ты рассказывай. Что нашел еще интересного?

— В голове планетолога могут быть интересные мысли по физике. Не веришь? Отец, оказывается, много думал о микромире. Ты, конечно, знаешь, что такое эфир?

Она улыбнулась уголками губ и ответила равнодушно, подражая монотонности плохого лектора:

— Вакуум, или нормальное, невозбужденное состояние некоторых полей. Наличие фотонов, электронов и позитронов означает, что данное поле находится в возбужденном состоянии.

Неожиданно раздался смех.

Он сразу же заметил, что их машина раскачивается. Не сразу понял причину. Рядом не видно других машин. Только взглянув вверх, он все понял. Над ними, на минимальном расстоянии, которое допускают приборы-управители, висела другая машина. Она раскачивалась. И ее мощные четыре винта своими струями раскачивали их верхотакси.

К прозрачному полу верхней машины прильнуло несколько лиц. Они смеялись. Что-то хотели сказать, но, прерывая, только мешали друг другу.

Люба протянула руку и выключила динамик. Смех сразу же отсекло щелчком.

Он положил руку на ее плечо, хотел сказать еще не забытые им слова, но ощутил, как она вздрогнула и чуть отстранилась. Он снял руку и ответил просто:

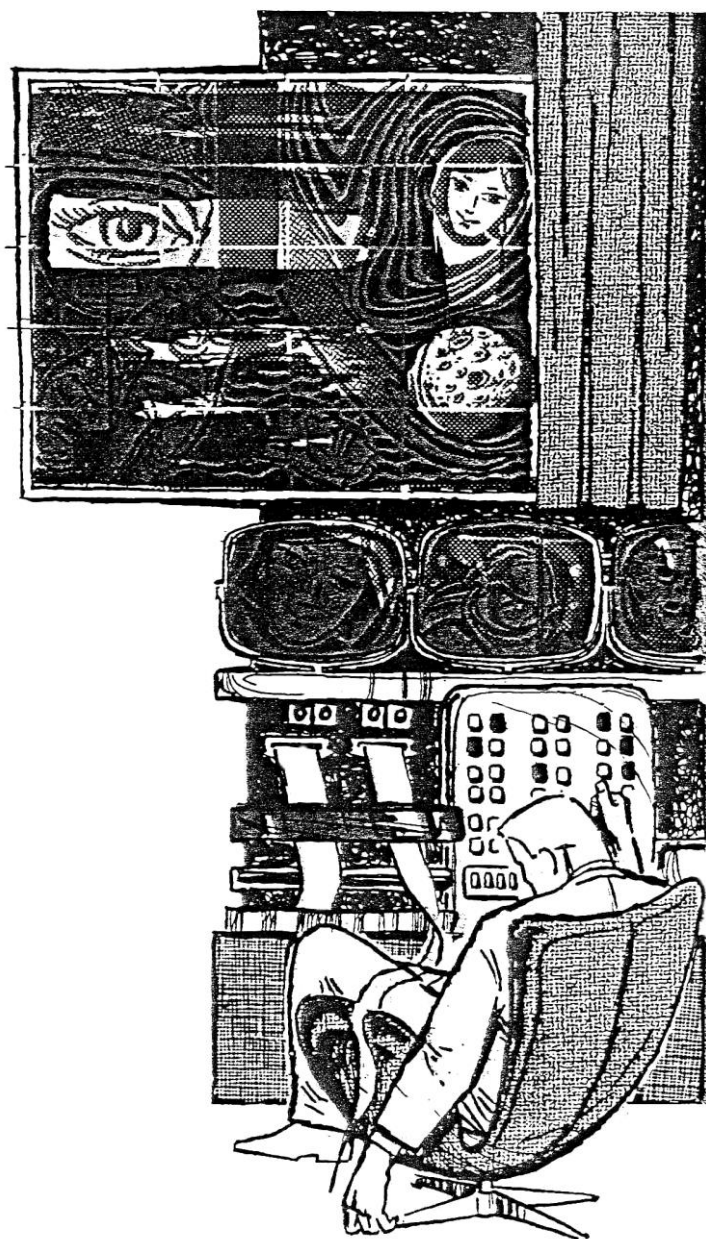
— Хорошо, Люба.

Не всякий согласится каждую неделю летать на другую сторону земного шарика. И даже — в обычные дни, после работы. А ночью обратно!

Хорошо, если бы ракетодромы располагались рядом. А то десять километров на верхотакси, почти полтысячи — на самолете, а потом с ракетодрома вновь шестьсот на самолете и полсотни на верхотакси. Как ни рассчитываешь, а часа три-четыре на перелет затратить. В один конец!

И все ради того только, чтобы пару часиков посидеть вдвоем в верхотакси, рассказать о мыслях умершего отца и возвратиться обратно лишь потому, что у нее появилось настроение остаться одной!

Любовь Небесная... Найденная среди астероидов, она не знала фамилии родителей. Имя дано матерью: нашли вышитым на белье. А фамилию придумали воспитатели, удивленные ли красотой ребенка или просто в честь того, что он найден в космосе.

Красота ее, действительно, небесная! А вот о характере этого не скажешь. Это он узнал с первого знакомства, когда она выступила на молодежном диспуте против него. Насмешливо и строго логично она доказала, что он говорил чушь.

Но это ему не помогло. И по сей день при встречах с нею он продолжает в том же духе... Правда, раньше это как-то помогало. Он был уверен, что она любит его, если дошло до помолвки.

А последнее время все изменилось. Не с той ли встречи с отцом? Последний раз, в день помолвки, когда они с Любой подошли к отцу, он долго, очень долго, смотрел на Любу. Они стояли и не могли уйти...

Пролететь двадцать с лишним тысяч километров только для того, чтобы простоять несколько минут перед молчаливым стариком и потом услышать три слова:

— Будьте счастливы, дети...

Люба позже говорила, что долгий и неподвижный взгляд старика напугал ее. Не этот ли страх послужил причиной их невысказанной размолвки?

Будь отец жив... Он мог бы подождать, по крайней мере, до свадьбы. Только не отказываться от помощи врачей. И еще года четыре; до полутораста лет, прожил бы уверенно. Но он устал от жизни: Смерть для него была так же желанна, как уставшему путнику — сон.

И нельзя обижаться.

Нейрохирургическая электронная машина, названная ее изобретателями «крохобором», оправдывала свое имя. По нейрону, по молекуле она восстанавливала былые возбуждения и связи с другими нейронами, а потом по одной ей известному коду расшифровывала давно забытые даже самим хозяином мысли и образы.

Здесь, на пункте выдачи информации, в самой обычной, освещенной солнечными лучами комнате непрерывным потоком идет лента с записью расшифрованных мыслей

умершего человека. Слабое жужжание запрятанных в стенах приборов не может даже заглушить нестройного стрекота птиц за окном. Неровно, с большими перерывами работает другой пульт, где выдаются зрительные образы. Бывает, что машина выбросит подряд несколько мало отличающихся лент сразу, а потом длительное время молчит, как бы решается, исследует, ищет, собирает по крупинке...

Отец прожил хорошую жизнь. Начав геологом на Земле, он изучал минералы на Луне и открывал месторождения полезных ископаемых на Марсе и на Венере. Он много оставил людям. Но еще больше, оказывается, утаил от людей. Впрочем, если бы он хотел скрыть окончательно, то высказался бы против операции. Он так не сделал.

И вот в огромной куче разных образов и мыслей его потомку предстояло в какой-то мере разобраться, рассортировать их все по темам и разослать специалистам.

Он не вчитывался в мысли по минералогии, хотя с интересом всматривался в снимки отвесных лунных скал над бездонными ущельями или развалин былой цивилизации на Марсе. Больше всего внимания он уделял новой гипотезе строения вещества.

Право, он, кажется, начинает увлекаться физикой. Начав с желания угодить Любе, он ловит уже себя на мысли сменить специальность механика...

Отец тоже гнал от себя мысли о физике. Он перебивал их расчетами по геологии. Но напрасно. Вновь и вновь он думал, искал источники, пробовал рассчитывать сам. Он создавал физически зримые модели известных полей и таких явлений, как радиоактивность или образование и распад элементарных частиц.

Машина выдавала информацию вперемежку. Мысли по планетологии мешались с мыслями о физике и родных, мысли старика восстанавливались вместе с детскими впечатлениями, гнев соседствовал с юмором, чертеж из книги следовал сразу за образом ребенка...

Удивительно отчетливо и ясно сохранились эти образы! Он видел себя маленьким ребенком, все более и более под-

растающим юношей, и, наконец, совсем взрослым. Многих людей он не знал. Так, например, он ничего не знал о том, что у отца когда-то был, кроме братьев, еще один ребенок. Прелестная девочка...

Когда он увидел в первый раз три родимых пятнышка на маленькой ручонке, чуть повыше локтя, он чуть не задохнулся. Сильная, обжигающая волна на миг затмила сознание.

После этого он не мог уже копаться в мыслях о физике. Ни в каких-либо других. Он искал подтверждений. И находил их. Да, девочка — ДОЧЬ его отца!

Ему звонила Люба. Он не смог ответить...

Он не мог работать и просил брата заменять себя.

Теперь он рылся в архивах отца.

Да, отец в молодости имел другую семью. Он имел дочь Любу. Сильно любил свою единственную дочь.

Она погибла вместе с матерью от несчастного случая. Никто не знал, как это произошло. Отец был в это время на Марсе, проводил свое первое исследование.

Несчастье сильно потрясло его. Он долго пытался найти жену и ребенка. Женился вновь лишь через двадцать три года...

Мало могли объяснить архивы тех мест, где работал и жил отец. В то время исчезновение женщины с ребенком вызвало специальное следствие. Но оно ничего не дало. В одном из заявлений отец так отзывался о жене: «Она всегда была несколько безрассудной. Я не удивился бы, если бы ее обнаружили где-нибудь в джунглях или Антарктиде...». Но и он не мог предположить, что она может оказаться в космосе!

Не помогли и архивы ракетодрома. В списках пассажиров злополучной ракеты числились две женщины, будущие сотрудницы научной станции на Марсе, но совершенно незнакомых фамилий и без ребенка.

Возможно, она хотела сделать сюрприз и прилететь неожиданно. Но как она пронесла ребенка на ракету? Неужели в чемодане?

Бортовой журнал ракетного корабля не найден.

Удар встречного тела разнес корпус ракеты на куски. Случайно остался целым герметический отсек с баком жидкого кислорода. Как установлено позже, крышка бака была отвинчена после катастрофы. После испарения кислорода в бак положили замороженного ребенка и крышку вновь плотно завинтили. Кто это мог сделать? Скорее всего, мать, которая вместе с ребенком в момент удара «гуляла» в космосе: Но неужели она могла так правильно рассчитать, что ее ребенок останется в состоянии анабиоза на много лет, будет найден и будет вновь жить? Это при ее-то безрассудности?

Но совпадали время их исчезновения и время вылета ракеты. Найденные им в архивах фотографии ребенка до несчастного случая почти не отличались от фотографий найденного в космосе. Сильная худоба и бледность, но черты хорошо сохранились. И эти три родимых пятна!

Сомнений у него не оставалось.

С трудом он решился позвонить Любе.

Она сильно обрадовалась, увидев его.

— Наконец-то! Где ты пропадал?

— Я... Мы.

Ее лицо мгновенно застыло в гипсовой неподвижности.

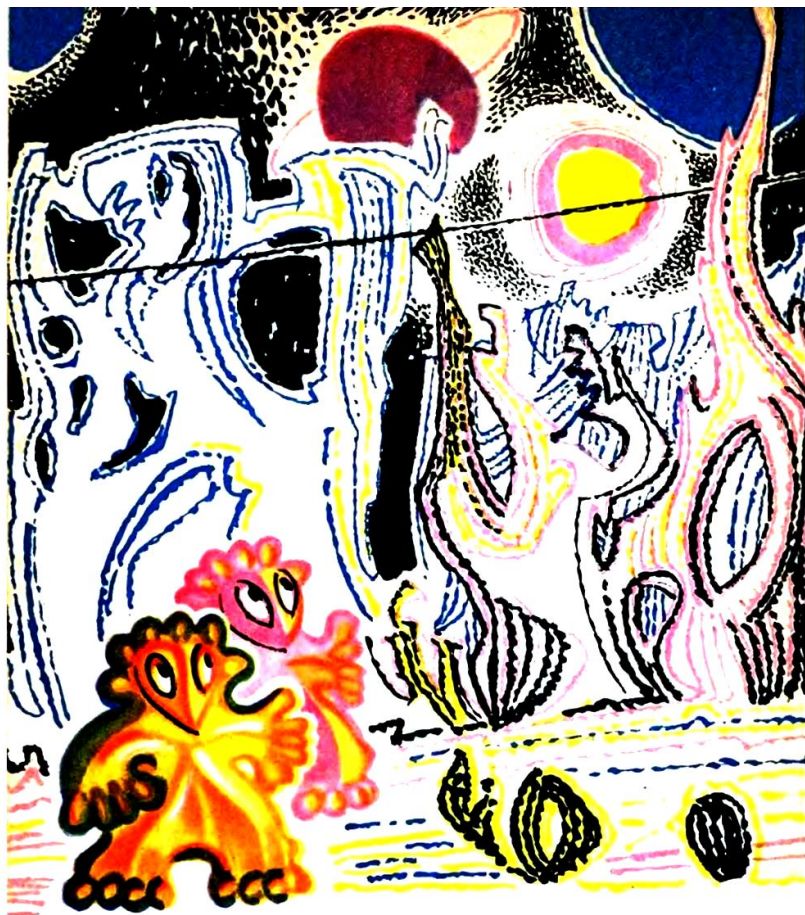
— Нашел время для объяснений...

— Да нет! Понимаешь, мы — сестры!.. Вернее, ты — сестра, а я — твой родной брат. Не веришь? Сейчас вылетаю к тебе. Все расскажу подробно.

Он заметил, как сразу изменилось лицо Любы. На нем отразились удивление и радость.

В ракетоплане он думал о том, как резко изменилась их жизнь.

А сколько мыслей и образов, пусть незавершенных, погибло вместе с людьми за всю многовековую историю человечества! Сколько удивительных предвидений, сколько поразительных фактов, тайн и судеб живых похоронено вместе с умершими!

ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА

Рис. Р. АВОТИНА

НА ДРУГИХ ПЛАНЕТАХ

К. ПАУСТОВСКИЙ

СТАРАЯ РУКОПИСЬ

Научно-фантастический рассказ

СТАРАЯ РУКОПИСЬ

Несколько лет назад я написал небольшой рассказ, но никому его не показывал и не пытался печатать, а спрятал его между страницами старой рукописи. Там этот рассказ и пролежал до сегодняшних дней.

Так сурово я обошелся с этим рассказом потому, что он показался мне излишне фантастическим и наивным. В нем не было тех твердых признаков действительности, какие придают достоверность любому вымыслу.

Когда я писал этот рассказ, было время всеобщего, но пока еще умозрительного увлечения межпланетными полетами. В 1961 году первый человек — летчик Гагарин облетел на космической ракете вокруг Земли. Первые его слова, когда он увидел Землю с высоты трехсот километров, были очень простые. «Красота-то какая!» — сказал он.

Земля, окруженная черным мировым пространством, сияла под ним огромной синей сферой. Она напоминала полукружие прозрачного сапфира. В тех толщах воздуха, что

Летчик был оторван от Земли, брошен в мировое пространство, у него было очень мало надежды на возвращение «домой».

«Домом» он называл старую милую Землю. Там набегали прибои, пахло укропом, каменистые дороги блестели от солнца, дети играли в скакалку.

Летчик по временам терял вес. Обморок — он казался хотя и невидимым, но живым существом — прикасался к нему, но летчик отстранял его легкой рукой. И обморок, тоже, должно быть, потерявший вес, останавливался в нерешительности.

Неподвижное пространство стояло за окнами несущейся кабины, как летаргия. Ему не было ни начала, ни конца. Только звезды напряженно пылали сквозь эту непроницаемую ночь мира и напоминали чрезмерно пристальные глаза.

В кабине было тепло, но губительный космический холод гремел снаружи и сверкал черными изломами, догоняя ракету.

Летчик оцепенел. Он не мог собрать воедино свои разбросанные невесомые мысли. Иногда они метались, как пылинки в солнечном луче

Летчик думал, что ему было бы легче, если бы он был не один. Нет, пожалуй, было бы страшнее. Он кое-как примирился с мыслью о собственной гибели, но не хотел, чтобы вместе с ним умирал еще другой человек.

Если бы этот человек был вместе с ним в кабине, то летчик, должно быть, больше всего боялся, чтобы второй человек не начал вспоминать, как у него где-нибудь в Ливнах окуривают сады от весенних заморозков. Или внезапно вот здесь, в безнадежности мирового пространства, не полюбил бы милую женщину. Ее он давно забыл. Он не оставил на Земле ни родных, ни друзей. Это обстоятельство он считал самым важным для себя в таком безумно рискованном деле, как полет в космос. Но теперь, головокружительно удаляясь от Земли, он внезапно почувствовал как-бы нежность теплой женской ладони на своих губах. И тут же, подобно взрыву, глубоко и стремительно вернулась бы к нему лю-

бовь. И он закричал бы от отчаяния и от силы этой возвращенной любви.

«Хорошо, — думал летчик, — что я совершенно один, что во всем этом вечном пространстве я первый».

Но, думая так, он обманывал самого себя. Конечно, он погибнет, но никто не увидит его смерти и никто и никогда на столетия вперед не узнает, кого он звал в свое последнее смертное мгновение.

Летчик ждал времени, назначенного для спуска. Еще там, на Земле, срок спуска был рассчитан с точностью до сотой секунды.

Он взглянул на часы и усмехнулся. Абсурд! Часы делят время на равные промежутки, а времени здесь, во вселенной, не было, нет и не будет. Есть только движение.

Время существует только на Земле. Его выдумали люди, чтобы наглухо заключить в него свою жизнь.

Зачем?

«Такой порядок!» — беспомощно подумал летчик, но тут же сообразил, что было бы ужасно, если бы, предположим, Шекспир жил бесконечно и писал бы неизмеримое количество своих пьес одну за другой.

Вообще бессмертие было бы величайшей пыткой и величайшим несчастьем для человека. Как же радоваться каждой новой весне, если ты будешь знать, что впереди их — тысячи и миллионы и что каким бы ни был исключительным миг на Земле, он рано или поздно повторится? И не один раз.

Оцепенение нарастало, глушило звуки. Летчику казалось, будто он навсегда освободился от власти Земли, от всех земных законов.

Можно было спокойно уходить в бесконечность вселенной, закрыв глаза, едва чувствуя скользящее движение ракеты

Но ракета не бесконечна во времени. Каким-то уголком сознания летчик понимал, что спокойствие — это смерть и что он, человек, так же смертен, как и этот самый сложный металлический снаряд, несущий его в Галактике.

Он заставил себя приоткрыть глаза, снова взглянул на часы, услышал тихие и настойчивые сигналы с Земли, похожие на ворчливое жужжание шмеля, и нажал рычаг торможения.

Земля начала разгораться, свет Солнца стал ярче. Под кабиной в неизмеримой глубине и мгле пронеслись размытые очертания Африки, похожей на желтоватую наклейку на школьной карте.

Вернулась тяжесть. Летчик испытал ее возвращение, как легкий вздох, как спасение. Он подумал, что если ему суждено погибнуть, то не здесь, в мертвом одиночестве мирового пространства, а на милой Земле. И, может быть, в последнее мгновение он услышит запах развороченной ударом земли — сырой, свежий, похожий на настой ромашки и мяты.

Оцепенение сразу прошло. Земля неслась на него снизу вверх, нарушая все физические законы, неслась в пелене облаков и оловянном блеске морей.

— Кого я встречу первым на Земле? — подумал он и неожиданно для себя запел, хотя хорошо знал, что этого делать нельзя. Он пел первое, что ему пришло в голову:

*На старой Калужской дороге,
На сорок девятой версте...*

Приземлился он не на старой Калужской дороге, а где-то в горах. Очевидно, он нажал рычаг торможения немного раньше, чем следовало.

Он вышел, тяжело качаясь, из кабины, упал на нагретую солнцем щебенчатую землю и так пролежал без движения несколько часов. Только к концу дня, когда солнце начало клониться к закату, он пошевелился, открыл глаза и прислушался. Ему показалось, что солнечный свет шумит усыпительно и равномерно. Загадочный этот звук заставил его сесть и осмотреться.

Он лежал в кустах низкорослого цветущего боярышника на склоне горы, падавшей отвесной стеной в море. Оно спо-

койно несло к подножию этой горы прозрачные волны. Переливы этих волн колебали на листве боярышника слабые отблески.

Лазурь простиралась вокруг от земли до зенита — густая и чуть туманная, рожденная великим безветрием южной благословенной страны.

Среди кустов боярышника были разбросаны, как брызги золотой воды, венчики дрока. А над боярышником и дроком просвечивало небо. На нем застыли на той страшной высоте, где он только что был, облака, похожие на розовые перья.

Хотелось пить. Флягу он оставил в кабине.

Где-то далеко, почти на самом краю земли, прокричал петух, а в кустах затрещала, вертеться, какая-то крошечная птица с красным горлом.

— Земля! — сказал летчик и погладил листья боярышника. — Скоро вечер. Пожалуй, запоют соловьи.

— Земля! — повторил он громче, и тяжелый железный ком подкатил к горлу. Он плакал, не скрываясь. Он плакал и думал, что имеет на это право. Никогда до этих пор он не знал, не видел, не думал, что Земля так трогательна и так нежна.

— За одну минуту... — сказал он медленно и остановился. — За одну минуту жизни на этой Земле я отдам все. За одну минуту!

Голова у него кружилась. В кустарнике что-то мелькнуло — белое и легкое, — и он закричал: — Ко мне!

Он кричал, он звал кого-то, но ему казалось, будто он беспомощно шепчет. Он не слышал собственного голоса. Он не видел, как девочка лет двенадцати — обыкновенная мечтательная девочка, любившая бродить по склонам этой горы и представлять себя Золушкой, изгнанной из дому, — бежала к нему.

Она задыхалась. Она сразу поняла, что это лежит разбившийся летчик. Она плакала и не вытирала слез. Они слетали с ее побледневших щек и брызгали на ее руки и светлое платье. Но после каждой слезы глаза девочки сияли все больше и больше.

Летчик, очнувшись, увидел в этих глазах все, чего только можно ждать хорошего от жизни: лазурь, и блеск, и нежность, и страх за его жизнь, и любовь, такую же робкую, как венчик совершенно крошечного горного цветка, щеко-тавшего его щеку.

— Вы оттуда? — спросила шепотом девочка.

— Да. Я оттуда.

— Я помогу вам. Пойдемте! — сказала она, все еще плача.

Летчик протянул ей руку. Она взяла ее и вдруг прижалась к ней заплаканными глазами.

— Земля! — сказал летчик, пытаясь подняться. — Ты — земля! Ты — радость!

У него все время кружилась голова.

— Да, да, — торопливо повторяла девочка, не понимая, о чем говорит летчик. — Вы обопритесь на меня. Я сильная.

Летчик взглянул на ее худенькие загорелые руки все в веснушках и ласково потрепал их.

Вот, собственно, и все. И мог бы кое-что добавить к этому рассказу, но не стоит нарушать старый текст. Да и что я могу добавить? Только свое глубокое, неумирающее, завладевшее мной еще в юности восхищение перед жизнью, перед человеческим мужеством, перед своей страной, перед девической нежностью.

Таруса. Апрель 1961 года

ВИКТОР АНТОНЕНКО

ОБЛАКО БРЮНЕЛЛЯ

Фантастический рассказ

Художник П. Костюков

Виктор Антоненко

Облако Брюнеллы

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рис. П. Костюкова.

Случай сделал меня сначала свидетелем, а затем и участником событий, которые были связаны с появлением Облака Брюнеллы.

В нашем понятии облако — это нечто легкое, бесформенное, дымчатое, фантастических очертаний. Но то, что пришлось увидеть мне, и по размерам и по форме походило на упругую футбольную камеру без покрышки, или на бычий пузырь. Во всяком случае, только не на облако. Джон Аллен на страницах «Санди экспресс» впервые назвал этот необыкновенный шар Облаком. Отсюда и закрепилось за ним это название.

В пятом часу пополудни 6 августа я зашел в парикмахерскую Боба Робертсона. Последний дождь выпал в ночь на 2 июня, и с тех пор бетон за день нагревался больше, чем успевал остыть за ночь. Термометр в тени показывал 106 градусов по Фаренгейту; небо напоминало гигантский духовой шкаф, приготовленный для выпечки пирогов. Нечто подобное было в Ливийской пустыне, когда я впервые свел знакомство с солдатами генерала Роммеля.

Электрические вентиляторы у Боба Робертсона работали на полную мощность, сотрясая стены. Но толку от этого было мало. Они лишь перемешивали воздух, подобно тому, как хозяйка перемешивает закипающее молоко. По какой-то

причине окна в парикмахерской были закрыты, и доступа свежего воздуха не было.

Боб составлял коктейль. Мэри рассматривала ногти. Клиентов — ни одного.

— Что новенького, мистер Тейблстоун? — спросил Боб, принимаясь править бритву на ремне. — Сегодня вы что-то запоздали?

Уже около года я ежедневно и в одни и те же часы брился у Боба, и мы были достаточно знакомы друг другу.

— Счетная машина допустила ошибку, Боб, — ответил я. — Пришлось повозиться.

— Что же случилось?

— Суший пустяк. Одна из ламп потеряла эмиссию. Заменяли, и все. А восемнадцать часов из жизни вон!

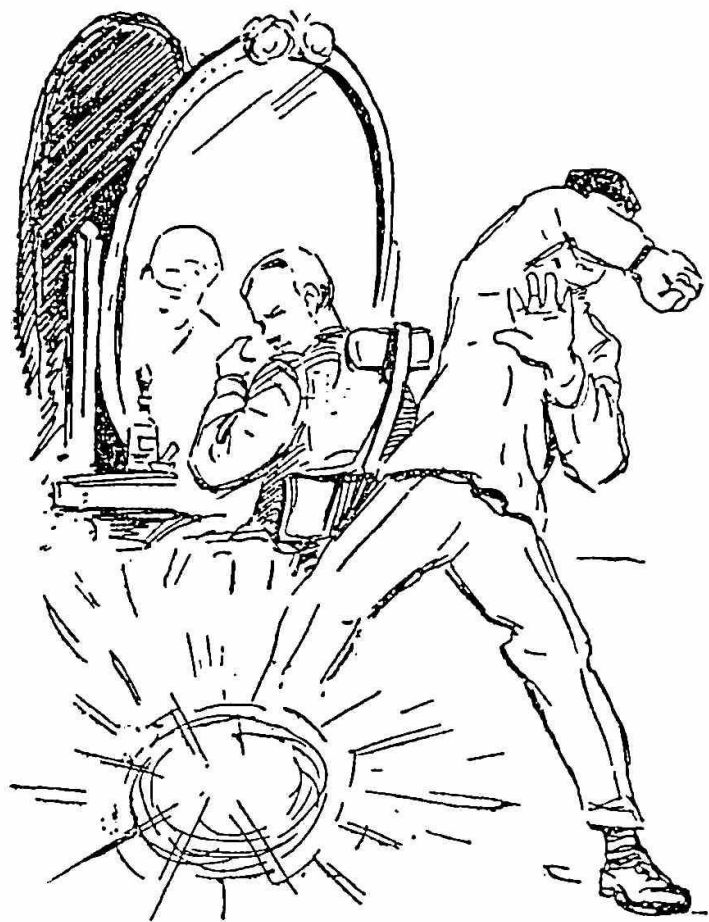
Боб помолчал. Пристроив мою голову, как ему было удобнее, и не считаясь с моими удобствами, он принялся за дело. Я, как обычно в таких случаях, уставился в потолок.

Мыслей у меня не было. Я послушно поворачивал голову то в одну сторону, то в другую, задирал подбородок, приоткрывал рот, без особых опасений подставлял горло под бритву Боба. Но глаза мои неотступно смотрели в одну точку. И лишь тогда, когда штукатурка начала плавиться, оплывать, подобно стеариновой свече, а на потолке ослепительно засверкало фиолетовое пятно, быстро растущее и все раскаляющееся, я попросил Боба перестать скоблить мне бороду и взглянуть вверх.

Он так и застыл с запрокинутой головой. Кадык его заходил туда-сюда. А рука с бритвой мелко задрожала в неприятной близости от моего уха.

Через несколько секунд потолок расплавился. Сквозь дыру в комнатку ввалился шар размерами с хороший арбуз. Темно-фиолетовый, непрерывно пульсирующий, бьющийся, как огромное сердце, он засвистел, всасывая воздух и излучая всеиспепеляющий жар.

— Шаровая молния, — выкрикнул я, застыв на месте. — Боб, живо открывай окна! Сквозняк — наше единственное спасение.

Боб опрометью бросился к окну.

И тут я понял, что это была не шаровая молния. Никаких признаков электризации, запаха озона и характерного шипения.

Фиолетовый арбуз повис в семи футах над моим лицом. Мощные потоки воздуха понеслись к нему со всех сторон.

И меня как бы начало всасывать в огромную трубу. Я обеими руками ухватился за массивное кресло. Кожа на голове стала болеть так, как будто меня кто-то тянул за волосы.

Боб возился с окном и не мог его открыть.

Стало трудно дышать. В комнатухе возникало разряжение. Это дьявольское Облако пожирало воздух!

— Заело, — кричит Боб. — Завтра же смажу петли...

— При чем здесь петли! — заорал я. — Это вакуум. В комнате понижается давление. Разбей стекло!

Послышался удар, зазвенели осколки.

В какой-то мере нарушилось равновесие давления воздуха. И Облако, до этого почти неподвижно висевшее над мной, медленно поплыло по комнате. Оно проглотило люстру, спустилось вниз, пронизало без малейшей задержки стальной сейф и покинуло здание через каменную стену, оставив позади круглое отверстие.

Все это длилось не более тридцати секунд.

— Мистер Тейблстоун, прошу извинить за беспорядок, случившийся в моем заведении, — сказал Боб, стараясь быть спокойным. — Мэри, компресс для мистера Тейблстоуна!

Дверь широко распахнулась, и в парикмахерскую вбежал высокий, худощавый, прекрасно одетый человек. Его живые карие глаза быстро осмотрели отверстие в потолке, поврежденный сейф, разбитое стекло и задержались на стене.

Это был доктор Брюнелль. В то время мы с ним не были настолько близки, чтобы называть друг друга без добавления «мистер», но встречаться нам приходилось. Я работал на вычислительных машинах, и раза два-три, вначале через своих сотрудников, а затем и лично, он обращался ко мне с просьбой произвести кое-какие расчеты, касающиеся его многочисленных и всегда оригинальных физических теорий. В довершение ко всему мы были соседями. Я не любил работать в городской квартире, и те часы, когда нужно было сосредоточиться, проводил в своем домике, расположенном в сельской местности. У мистера Брюнелля была такая же

привычка. И я не раз видел его прогуливающимся в задумчивости по тропинке, выходящей недалеко от моего участка.

— Эту чертовщину надо поймать и обезвредить, мистер Тейблстоун, — решительно сказал Брюнелль, заканчивая осмотр комнатухи парикмахера. — Но как, вот в чем штука! Вы уже заметили, для нее нет препятствий... И не может быть! Чем плотнее преграда, тем мощнее радиация...

Сознаюсь, я несколько оторопело смотрел на него.

— Э, черт возьми, опять что-то случилось! — вдруг вскрикнул он и стремглав бросился на улицу. Он был напряжен, как струна, и я не удивился необычной остроте его слуха. Для меня, торопливо стирающего влажной салфеткой остатки мыла с лица, для Боба, занятого осмотром приведенного в негодность сейфа, и Мэри, ему помогающей, не существовало иных звуков, кроме гула вентиляторов.

Я последовал за Брюнеллем.

Высоко поднимая колени и как-то взбрыкивая, он немело, но очень проворно бежал по мостовой. Следом за ним, тяжело дыша, семенил короткими ногами толстяк в соломенной шляпе, клерк из нотариальной конторы.

— Что случилось? — спросил я, догоняя его.

— Не знаю.

— Чего же вы бежите в таком случае?

— За компанию, — ответил клерк.

Вскоре мы были у цели.

Толпа глазела на витрину ювелирного магазина. В толстом стекле зияло круглое плавленное отверстие, достаточное для того, чтобы в него мог пролезть человек. Брюнелль мерной лентой измерял его диаметр. Полицейский, заложив руки за спину, внимательно слушал владельца магазина.

Брюнелль взял меня за локоть и отвел в сторону.

— Это поразительно, — тихо сказал он. — Направление движения изменено точно на сто восемьдесят градусов. Она вышла через то же отверстие, через которое зашла! Если бы путь хоть немного изменился, отверстие стало бы больше, а оно точно такое же, как в моем окне...

— Кто это «она», Брюнелль? — спросил я. — Шаровая молния?

— Она или Оно... Скорее всего она, Тейблстоун. Чортовщина! — ответил Брюнелль. — Эта штука никогда еще нигде не существовала. Она родилась семь минут тому назад. И кто ее отец — Брюнелль или «Стандарт Электронник», или сам дьявол — трудно сказать! Рождение состоялось, крестин еще не было.

Тут мы заметили, что метрах в сорока от нас собирается новая толпа. Мы потолкались вперед. На асфальте лежал измятый труп женщины.

— Это работа все тех же, — говорил кто-то в толпе. — Когда они пустили в ход свой аппарат, она проходила по улице и все видела. Вероятно, она их знала, иначе зачем убивать...

Брюнелль стоял белее снега.

— Второе убийство, — сказал он. — Первым был капитан Муррэй. Чудовище на свободе...

Глубоко обеспокоенный и встревоженный тем, что мне пришлось увидеть, я не знал, что думать и как поступить.

Брюнелль сделал какое-то открытие. Но не все было гладко и не все пошло так, как он хотел. Что-то Брюнелль недоучел. Отсюда трагические последствия. Чудовище на свободе! Что же будет дальше? Этот пышущий жаром фиолетовый арбуз непрерывно сосал воздух и превращал его в радиацию. Он превращал в радиацию все, что попадало в его брюхо.

Брюнелль открыл новый источник энергии, перед которым ядерные и термоядерные реакции были чем-то вроде керосиновой лампы!

Вечерние газеты дали подробное и довольно точное описание случившегося. Репортеры взяли интервью у Боба Робертсона, восстановили в деталях картину разрушения ювелирного магазина, выяснили обстоятельства гибели мисс Бетси Лондон, чье тело подверглось тщательному исследованию в клинике профессора Уайта, проследили весь катастрофический, усеянный жертвами и разрушениями путь Облака по городу, но совершенно упустили из виду поступки мистера Брюнелля. Газеты считали, что появление исключительной по величине и продолжительности существования шаровой молнии было вызвано небывалым зно-ем.

Меня нельзя причислить к любителям часами сидеть, уткнувшись в газету, но, начиная с шести утра 7 августа, я начал пачками скупать газеты, выходящие на европейских языках, и лихорадочно их перечитывать. Мое внимание привлекли потрясающие разноречивые сообщения.

Газета «Сан-Франциско Ньюз» помещала беседу своего корреспондента с инспектором портового надзора мистером

Генри Морисоном. Он рассказывал об обстоятельствах гибели патрульного катера «404». Сам мистер Морисон чудом избежал смерти. И сведения, даваемые им, назывались «сведениями из первых рук».

Мистер Морисон рассказывал, что сильный фиолетово-синий свет в открытом море заметил вахтенный сторожевого судна. И не успел Морисон взойти на палубу катера «404», как фиолетовый свет оказался на траверзе города Окленда, примерно в пяти милях от берега. Точно определить расстояние было нельзя, потому что предмет, излучающий свет, не оставался на месте, а с поразительной быстротой двигался к берегу. Это напоминало торпедную атаку.

Мистер Морисон никаких мер не успел принять. Он включил рацию и протянул руку к пульта, чтобы подать тревогу. Но торпеда, если это была торпеда, прошла под катером на глубине около ста футов. И катера не стало. Страшным выглядело то, что по показаниям приборов торпеда прошла на глубине около ста футов, хотя в этом месте — Морисон за это ручался — дно лежало не ниже двадцати футов. Значит, торпеда шла через толщу грунта, ниже дна океана! И, тем не менее, свет ее, пронизав скальные породы и воду, был ослепителен. Почему уничтожен катер, что, собственно, с ним случилось? На это мистер Морисон ответить не мог. Катер перестал существовать. Кажется, его засосало внутрь. Взрывная волна была отрицательного действия. Мистер Морисон сам морской офицер, участвовал в боях и прекрасно знал, что такое взрывная волна.

Но с таким явлением ему встречаться не приходилось.

Как он спасся? Очень просто. Его выбросило в воду, и он доплыл до берега. Команда катера — погибла. Еще об одном странном явлении рассказывал Морисон. Температура воды на том узком участке, под которым прошла торпеда, была, как ему субъективно показалось, близка к точке кипения. Кисть его руки попала в струю на этом участке... и вот, пожалуйста, кто интересуется тем, как выглядит ошпаренная человеческая кожа, может удовлетворить любопытство. Проникающая радиация? К сожалению, у него не было

времени взглянуть на индикаторы. Может быть, и проникающая радиация.

«Сан-Франциско Ньюз» с полным основанием интересовалась, почему необычную и, по-видимому, исключительно опасную торпеду заметили работники портового надзора, а не служба Тихоокеанского военного флота. Уж не сам ли Флот запустил это новое оружие, по рассеянности, не в том направлении? Газета требовала немедленного расследования.

«Газетт де Булонь», «Се суар», «Па де шарж» описывали случай на строительстве железнодорожного туннеля в Экваториальной Африке. Утром 8 августа французский инженер Этьен Шарбонье обнаружил, что рабочие предоставили ему возможность лично продолжать строительство, а сами разбежались. Ему быстро удалось установить причину панического бегства — гора по трассе туннеля, совершенно целая вечером, за ночь вдруг оказалась пробитой сквозным горизонтальным шурфом протяженностью свыше километра. Прямолинейный канал диаметром в 326 миллиметров блеснул, как ружейный ствол. Стенки его были оплавлены.

Канал был настолько прямолинеен, что Шарбонье, иронически замечала «Па де шарж», мог видеть через него, как в телескоп, своих разбегающихся сотрудников. «Газетт де Булонь», корреспондент которой оказался на месте происшествия через два часа, нисколько не сомневалась в точности факта и одобрительно отзывалась о поведении инженера: Не строя пустых догадок, Шарбонье тут же отправился собирать рабочих, чтобы использовать неожиданную помощь, явившуюся из неведомого источника. «Я чертовски доволен! — рассказывал он корреспонденту. — Кто бы ни продырявил гору, но эта дыра сделана точно по нашему проекту. Теперь мы уложимся в три месяца вместо года».

Над последним сообщением я стал долго думать.

Во-первых, оно говорило о необычной скорости передвижения Облака. В час ночи Облако нырнуло под катер мистера Морисона, а утром следующего дня — 8 августа — уже Шарбонье обнаружил его в Экваториальной Африке.

Учитывая вращение Земли и разницу во времени, Облаку потребовалось всего около двенадцати часов, чтобы переключаться из одного полушария в другое.

Во-вторых, это сообщение говорило о том, что Облако не только разрушало, но и могло помогать людям. Оно лишь нуждалось в управлении. Каждое изобретение нуждается в управлении, техническом и социальном. За примерами далеко не нужно было ходить. Использование атомной энергии началось с гибели сотен тысяч людей, и девять лет отделяло первую атомную электростанцию от трагедии в Хиросиме. Мне не хотелось оправдывать беспечности Брюнелля, потерявшего контроль над своим творением. Мне хотелось предостеречь людей от страха! В ближайшее время, может быть, через год, а возможно и раньше, то, что пока известно лишь горсточке людей, станет достоянием всего человечества. И нет сомнения, что не у одного человека перехватит дыхание при виде перспектив, которые открывает перед миром великое открытие Брюнелля...

Не стану утомлять читателя перечислением того, что я обнаружил в газетах за неделю, начавшуюся 6 августа. Это у всех читающих газеты должно быть свежо в памяти. Я только скажу одно, что только мне да Брюнеллю были до конца понятны причины событий, происшедших на разных полушариях мира. Долго еще их пережевывали газеты континента. Тут-то Джон Аллен и ввел термин «Облако». И мало было таких людей, которые задумывались над появлением невероятного Облака. Прежде всех разобрались русские. Уже 9 августа в газетах появились сообщения, что американские ученые, небрежно проводя исследовательские работы в области новых источников энергии, вновь поставили под угрозу жизнь и безопасность людей. 12 августа они внесли свое предложение в Совет Безопасности о немедленном уничтожении Облака.

...Пренебрегая приличиями, отстранив дворецкого, я без доклада ворвался в кабинет доктора Брюнелля. У меня не было прямого намерения задушить его, но я был настроен далеко не благодушно. Прямо или косвенно, он был вино-

вен в смерти сотен и будет причиной гибели многих тысяч людей. Какими бы благородными ни были его побуждения — а ученый может иметь только благородные побуждения! — он обязан был все предусмотреть, принять меры предосторожности, соблюсти технику безопасности. Он — исследователь на рубеже XXI века, а не средневековый алхимик! Его должно интересовать не только изобретение, но и последствия, к каким может привести изобретение.

Мистер Брюнелль, почерневший, небритый, в том же костюме, в каком я видел его последний раз, копался в ворохе газет. Тупо и бессмысленно он смотрел на свои башмаки. Рука его, свесившаяся с кресла, выражала полнейшую безнадежность. Меня он не заметил.

— Мистер Брюнелль, — сказал я, опускаясь в кресло, стоящее рядом. — Кашу надо расхлебывать тому, кто ее сварил. Так говорит поговорка наших русских коллег.

— А, это вы, мистер Тейблстоун? — сказал Брюнелль и взглянул на меня. Редко приходится видеть на человеческом лице такую усталость, какая была на лице Брюнелля. — Спасибо, что зашли. Я думал о вас... Что вы сказали?

— Русские предлагают обезвредить Облако.

— Даже им это не под силу, — ответил Брюнелль. — Облако нельзя уничтожить. Понимаете, оно неуничтожаемо! Все, что попадает в его объем, само исчезает, превращается в радиацию. Такова его природа. Любой снаряд, с каким угодно зарядом, его не пробьет, не взорвется, не причинит ему вреда — он вспыхнет и превратится в свет! И задержать Облако тоже нельзя. Я вам уже говорил — чем плотнее преграда, тем больше энергии выделяется в окружающую среду. Когда оно висело в воздухе над вашим креслом, оно было сравнительно безвредно. Когда же попало в гранит, то его излучение пронизало около восьмидесяти футов скальных пород и заставило светиться воду.

Это было вторичное свечение типа свечения Черенкова. В воздухе Облако излучает видимый и ультрафиолетовый свет, в граните его спектр лежит в области гамма-лучей. Если его попытаются задержать стальной ловушкой, то вызовут мощное космическое излучение, — только и всего! Конечно, у русских необычайно плодотворная централизация, они работают не в одиночку, их не ограничивают и не сдерживают материальные затраты, но и они придут к тому же выводу — Облако нельзя уничтожить, нельзя задержать!

— Не могли бы вы ввести меня в курс дела, Брюнелль? — спросил я.

Мне большого труда стоило задать этот вопрос. Он прозвучал так: я, посторонний человек, навязываюсь вам в компаньоны!

Но Брюнелль отнесся к этому здраво. Он разбирался в людях. Да и не помню я, чтобы он использовал свои открытия для бизнеса — в этом отношении он был безупречен, и заслуживал самого искреннего уважения.

— Вы разбираетесь в мезонной физике, Тейблстоун? — спросил он.

— В пределах университетского курса.

Брюнелль усмехнулся.

— Тогда какую же помощь вы намерены мне оказать?

— В теории — никакой, — спокойно ответил я. — Пожалуй, здесь вы сами все продумали до конца.

— Это верно, — согласился Брюнелль.

— Но я считаюсь неплохим экспериментатором, — продолжал я, — во всяком случае, в этом отношении у меня есть опыт. И себя и свою лабораторию я могу предоставить в ваше полное распоряжение.

Брюнелль позвал дворецкого и приказал подать завтрак на двоих — омлет и чашку черного кофе с венской булочкой. На десерт рюмку ликера.

— Ну, слушайте, — начал он, потягивая через соломинку обжигающую язык жидкость. — Три года тому назад приходили ко мне идиоты из «Стандарт Электронник» и предлагали нелепую вещь. К нам, мол, поступил заказ от... Имя, думаю, для вас безразлично, Тейблстоун?... Поступил заказ на портативную машинку, могущую обслужить небольшую семью из двух-трех человек, на небольшую машинку, которую можно будет назвать хотя бы так: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» Это даже не машина времени, это всего только частица машины времени с нулевой скоростью. Не нужно ни будущего, ни прошлого. Только зафиксировать любое мгновение по выбору владельца, на неограниченный срок растянуть течение времени. Растянуть понравившееся мгновение на месяцы, годы, чтобы насладиться им досыта. «Мефис-

тофель, — сказали они, — в давние времена, обслуживая доктора Фауста, справился с этой задачей. Но секрет был потерян и патент нам не достался... Наши лаборатории, доллары заказчика и ваши мозги, мистер Брюнелль, сумеют восстановить утраченное. Во время работы вы можете не считаться с затратами, а после испытания машины и положительного заключения экспертов вы будете вполне обеспеченным человеком. Мы, конечно, понимаем, что это необычный и сложный заказ, поэтому и остановили свой выбор на вас...»

Сгорая я ответил, Тейблстоун, что они ошиблись, обратившись ко мне, что им, а заодно и заказчику, следовало бы обратиться к психиатру. Я думал, на этом дело и закончится. Обращалась ли к кому-нибудь с этим предложением после меня «Стандарт Электронник» — не знаю, но... мысль засела у меня в голове!

— Любопытно! — воскликнул я. — Выходит, эти парни из «Стандарт Электронник» были не полными идиотами, Брюнелль?

— Выходит, так, — согласился Брюнелль. — Каждому школьнику известно, что машина времени возможна. С увеличением скорости замедляется течение времени. Машина времени движется только вперед, в будущее. Из всех машин это единственная, которая не имеет заднего хода... Но нельзя ли остановить время? И что означает — остановить время? И вот, Тейблстоун, за три года я ответил на этот вопрос. Я остановил время в том объеме пространства, который сейчас назвали Облаком! Как я остановил время? О, это сложная процедура! Не будем об этом говорить. Удовлетворимся тем, что я его остановил. Оно остановлено в ограниченном объеме, и все, что попадает в этом объеме, превращается в свет. Теперь вам ясно, что представляет собой Облако?

Мне было ясно только то, что в докторе Брюнелле гениально объединились теоретик с экспериментатором.

— За эти дни я пришел к заключению, что есть всего лишь один способ избавиться от него человечество, — сказал

он. — Единственный и, к тому же, очень простой. Отправить его за пределы Земли!

— Но оно же неуправляемо!

— Надо найти способ воздействовать на него, — сказал Брюнелль, и снова бессмысленно уставился на свои башмаки.

— У вас есть идея? — спросил я.

— Удалить с Земли — вот моя идея, — сердито буркнул он. — Подумайте и вы, Тейблстоун.

Почему Облако, будучи пустым, не всплывает в атмосферу? Почему оно перемещается, меняет направление и скорость, иногда почти парит, а иногда летит быстрее урагана? Почему оно неподвижно висело надо мной, когда Боб скоблил мой подбородок? Почему потом умчалось в Африку?

Очевидно, потому, что его оболочкой является граница, через которую непрерывно всасывается окружающая среда. Если среда однородна, наступает равновесное состояние, и Облако парит на месте; если меняется плотность среды, равновесие нарушается, и Облако движется с ускорением.

Заменить динамическую границу жесткой оболочкой с единственным отверстием, через которое Облако будет подсасываться, создать как бы негатив реактивного двигателя — вот мысль, которую на другой же день высказал Брюнелль.

Мы очень спешили. Мы спали по три часа в сутки, были безжалостны к помощникам. Бедняга Брюнелль прямо-таки бежал навстречу своей гибели. Но кто может предугадать судьбу? Мы стремились свести до минимума число жертв, возраставшее с каждым днем. Странное дело, я начинал чувствовать моральную ответственность за поведение Облака!

Мы работали над получением сверхпрочного сплава. Никто не догадывался, зачем он нам понадобится. Доктор

Брюнелль был крупным ученым, и ему позволяли работать самостоятельно. Разумеется, иногда приходили люди из разных мест, компетентные и некомпетентные, интересовались, как идут дела, не нужна ли помощь, не производят ли на нас давление другие крупные исследовательские лаборатории. Они не подозревали, что мы работаем над вещью, которая может либо создать технический рай на земле, либо повергнуть человечество в бездну страданий, в зависимости от того, в чьи руки она попадет. Мы хотели поймать Облако, накинуть на него узду и направить его в космос.

Вечером 24 октября 1972 года закончилась термическая обработка полой сферы с внутренним диаметром всего в 3 дюйма и отверстием не крупнее монеты в один цент. Это была пробная модель, предназначенная для проверки нашей идеи. Мы собирались расположить сферу отверстием к зениту и остановить в ней время — она должна взмыть кверху и покинуть планету! После этого предстояло изготовить два полушария диаметром в 326 миллиметров, и с этим капканом отправиться в опасную охоту за Облаком.

Брюнелль отпустил сотрудников. В лаборатории остались мы одни.

— Приступим к испытаниям, — сказал он так спокойно, как будто собирался проверить работу двигателя на моторной лодке. Ключом, который он никому не доверял, Брюнелль открыл дверь комнаты, смежной с лабораторией, и я впервые увидел машину времени. По внешнему виду это была обычная установка с электронными приборами и полупроводниками, ничем не замечательная путаница проводов, какой-то гигантский телевизор, комбинация хорошо известных мне деталей и нечто совершенно новое. Ни ящика, ни экранировки не было. Все висело в воздухе, смонтированное на вертикальных медных шинах, натянутых между полом и потолком.

Качество монтажа мне не понравилось, и, видимо, это отразилось на лице, потому что Брюнелль сказал:

— Типичная экспериментальная установка, не так ли, Гарри? Сделано на живую нитку, и я потерял много време-

ни из-за ненадежности контактов. Тут свыше полумиллиона деталей! Не пытайтесь найти схему, ее нет... Схему надо создавать по готовому монтажу. Если все будет в порядке, я попрошу вас взять эту задачу на себя... Для пуска необходим интенсивный пучок нейтронов, который я ввожу через эту диафрагму. Вот так!

Он нажал на магнитный пускатель, и машина начала оживать. Вспыхнули контрольные лампы, затлели нити накалов, послышался характерный гул низкочастотной вибрации, замерцали экраны электронно-лучевых трубок... Знакомая картина!

— Зато регулировка отличная, — продолжал Брюнелль, укрепляя нашу сферу в каучуковых держателях. — Аппарат работает не хуже ваших вычислительных машин.

Он начал тщательную фокусировку необходимого объема внутри сферы и возился с этим чрезвычайно долго. У него потели ладони, и он несколько раз вытирал их о сорочку, выбившуюся из брюк. Ошибка в доли микрона могла повести к тому, что наш шар сам превратился бы в радиацию, и результатом опыта было бы лишь создание второго Облака.

Наконец, на экране радара прекратилась пляска линий и застыл четкий круг нужного диаметра.

— Да поможет нам бог! — торжественно сказал Брюнелль и повернул какой-то самодельный выключатель, состряпанный из двух полосок латуни.

Я чувствовал, что мое сердце бьет по ребрам.

Внутри шара остановилось время.

В то же мгновение послышался резкий пронзительный свист, через отверстие шар вдохнул воздух и, пронизав тело доктора Брюнелля, исчез быстрее звука.

Эксперимент удался, но какой ценой!

Мистер Брюнелль не нуждался в моей помощи. В его теле было пробито сквозное отверстие. Он не дышал.

Я схватил железный прут, лежащий на полу, и в порыве тупого гнева начал уничтожать творение мертвого. Через десять минут все было кончено.

Осталось упомянуть о судьбе Облака и моей собственной.

Каждый читал сообщение ТАСС, в котором с обычной лаконичностью доводилось до сведения человечества, что «продукт неудачного экспериментирования американских ученых, так называемое «Облако», залетел на территорию Советского Союза и в районе Иркутска был обезврежен».

В советских газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении большой группы ученых, инженеров и военных, принявших участие в выполнении этой операции. Список включал пятьдесят семь человек.

На меня это сообщение произвело большее впечатление, чем сам фиолетовый арбуз, столь бесцеремонно ввалившийся в парикмахерскую Робертсона, когда Боб скоблил мне бороду.

Больше месяца я находился в состоянии ошеломления.

Примерно в это же время сенатская комиссия, созданная для расследования причин смерти мистера Брюнелля, начала докапываться до истины. Появились люди, которые принялись внюхиваться в те обломки, что остались от работы моего железного прута, а потом присматриваться ко мне. Естественно, я отлично понимал, к чему это приведет. Каждый, знающий меня, согласится, что туловище мое заканчивается не тыквой, и я до кое-чего сумел додуматься сам. Одним словом, я почти владел секретом создания Облака. И следователи об этом догадывались.

Я был сыт войной по горло. Я видел ее в Северной Африке, в Италии и во Франции, я обнимался с русскими на Эльбе... И вот теперь, сидя в своей московской квартире, ведя это повествование на русском языке, ставшим вторым моим родным языком, я тешу себя надеждой, что в ближайшем будущем появится сообщение ТАСС о пуске Электростанции Остановленного Времени, а после него Указ Президиума Верховного Совета о награждении, и в длинном списке на этот раз читатели встретят и имя Гарри Тейблстоуна.

ВЛАДИМИР ЛЫНДИН

ЭКСПЕРИМЕНТ ДОКТОРА ЗОРИНА

Научно-фантастический рассказ

Художник А. Луценко

Журнал «Советский воин», № 14, 1965 г.

ЭКСПЕРИМЕНТ

ДОКТОРА ЗОРИНА

Владимир ЛЫНДИН

Рис. А. КУДЕНКО

1

Следствие по делу Инны Романовой напоминало Кузнецову игру в лабиринт, когда карандаш, петляя по замысловатым линиям, часто упирается в тупик. Единственно верный ход отыскивался с большим трудом.

Иван Иванович уже в какой раз пытался представить обстоятельства гибели Инны, задавал себе десятки вопросов и не находил ответа. «Кто совершил преступление? Где преступник сейчас? Как его найти?» Материалы ОРУДа ничего не дали. Пять дней назад, как и ежедневно, по Минскому шоссе прошли тысячи машин, легковых и грузовых. Совершены две аварии, три наезда. Составлены акты, известны виновные и пострадавшие. Но исчезновение Инны продолжало оставаться для следователя загадкой.

На какое-то время Кузнецова обнадежила беседа с медсестрой морга. Два дня назад по телефону мужской голос спрашивал, не поступил ли труп девушки в синем спортивном костюме. Когда сестра поинтересовалась, кто спрашивает, незнакомец положил трубку.

— Преступник, видимо, в городе, — докладывал Кузнецов начальнику. — Он обеспокоен и насторожен. Незвестный звонил еще несколько раз. Голос записан на пленку. Проверили: он пользуется телефонами-автоматами...

Спустя некоторое время было установлено, что в воскресенье, когда студентка энергетического института Инна Романова не вернулась с велосипедной прогулки, ее попут-

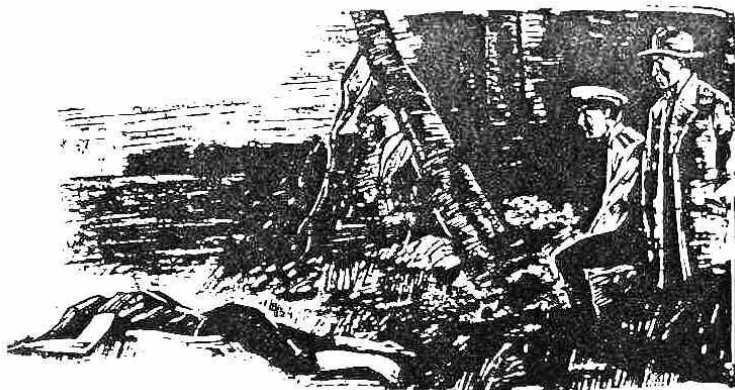
чиком был Игорь Осетров. И вот Игорь рассказывал следователю:

— С Инной мы учились на одном курсе, дружили. В тот день выехали за город. За Внуковым на моем велосипеде спустило переднее колесо. Мы с Инной условились, что она не спеша поедет вперед, а я после того, как заменю камеру, догоню ее... Больше я Инны не видел... Искал до самого вечера... Дома ее тоже не было.

...На пятые сутки в уголовный розыск поступило сообщение о трупе неизвестной женщины, найденном на тридцать седьмом километре Минского шоссе. Кузнецов немедленно выехал на место происшествия.

«Инна или не Инна? — думал Иван Иванович. — Как пойдет следствие дальше?».

Шофер остановил машину, Кузнецов легко перепрыгнул через канаву и вошел в лес. Постовой провел его по опушке и указал на кусты.

Девушка лежала лицом вниз. Темные, потерявшие блеск волосы распластались по земле, на одежде виднелись следы грязи. Не трудно было понять, что труп лежал здесь уже несколько дней.

На помощь овчарки Суслика Иван Иванович особенно не рассчитывал. Ищейка осторожно обнюхала мертвую, забеспокоилась, рванула в одну сторону, в другую, закружила на места. Собака скулила и виновато смотрела на людей. Следов не было. Вожатый послал Суслика в поиск. В кустах пес залаял. На земле валялся лом, засыпанный наполовину листьями. Легкий налет ржавчины покрывал его концы.

Осмотрели труп. Кроме носового платка, ключа на булавке и мелких денег в кармане спортивных брюк ничего не обнаружили. Врач определил — пролом черепа в области левого виска. Бурые следы крови виднелись на свитере и земле.

Поздно вечером в морге мать Инны опознала свою дочь. Медицинская экспертиза определила, что смерть наступила в результате сильного удара легкового автомобиля в голову и грудную клетку.

— Возьмите под контроль автобазы. Таксомоторные парки. Был выходной день. Скорее всего, виновным может оказаться, — начальник следственного отдела, беседуя с Кузнецовым, сделал паузу. — Да, не исключена возможность, что и автолюбитель.

В городе стояло на учете несколько тысяч личных машин. Легче, наверно, найти иголку в стоге сена, чем преступника, о котором известно только то, что он существует.

После работы Кузнецов договорился встретиться с Незвановым, известным в городе ученым, работавшим в области физики мозговых явлений.

Незванов принял его в кабинете, уставленном старинной тяжелой мебелью из черного мореного дуба. Профессор восседал на стуле-троне и с любезной улыбкой слушал следователя. Кузнецов рассказал о своих затруднениях, осторожно спросил, не смогут ли ученые чем-либо помочь ему.

— Пострадавшая перед смертью все видела, все слышала, ее сознание...

— Э, батенька, куда вы хватили, — прервал Незванов увлекшегося Кузнецова. — Мертвые молчат! Вам это лучше меня известно. К сожалению, помочь в вашем деле ничем не

могу... Извините, батенька, пока не дошли до этого. Впрочем, не побывать ли вам у Зорина? — уже прощаясь, сказал профессор. — Способный молодой человек, военный врач. Опыты он ставит, говорят, преинтереснейшие...

— Стоит ли? — Кузнецов пожал плечами.

Незванов связался по телефону с институтом, где работал Зорин, и попросил принять Кузнецова.

2

Майор медицинской службы Борис Зорин, пожертвовав многими житейскими благами и расставшись со своей давней страстью — охотой, с головой ушел в научную работу. Он блестяще защитил докторскую диссертацию о природе биотоков мозга, внимательно следил за последними достижениями в области химии живой клетки и радиоэлектроники.

В институте Зорин возглавлял группу сотрудников, работавших над проблемой механизма памяти.

Человек видит вокруг себя мир во всем его многообразии. Он ощущает его органами чувств и запоминает. Совсем маленький ребенок улыбается, когда к нему подходит мать, и недоверчиво смотрит на незнакомого человека. Школьник выучил таблицу умножения, и она прочно отложилась в его памяти. Ученый держит в своей голове массу фактов и различных сведений. Человек, возвращенный к жизни после клинической смерти, продолжает жить — нормальной умственной жизнью. «Почему так происходит — думал Зорин. — Какие из четырнадцати миллиардов клеток мозга работают на память? Как клетка «запоминает»? Что происходит с ней?»

Иван Иванович приехал в лабораторию Зорина. Посреди комнаты на специальном столе возвышался круглый стеклянный сосуд, наполненный прозрачной жидкостью. На дне сосуда находился какой-то полусферический предмет буровато-серого цвета размером чуть больше кулака. К нему тянулись хлорвиниловые трубки разных размеров, провода в

цветной изоляции. Ритмично работал мотор, нагнетавший по трубкам кровь. Сверкающими бисеринками поднимались со дна сосуда пузырьки воздуха.

Зорин, заметив вошедшего Кузнецова, приветливо кивнул ему и пригласил сесть. Ассистенты включили приборы.

— Перед нами мозг человека, умершего три тысячи лет назад, — указал Зорин на предмет, заключенный в стеклянную банку.

Кузнецов изумленно посмотрел на серый, чуть пульсирующий комок.

— Мозг извлечен из египетской мумии...

В комнате стояла напряженная тишина.

— Наш коллектив ставил перед собой цель доказать, что нервные клетки головного мозга, если не разрушается их органическая микроструктура, сохраняют «запись» условных рефлексов бесконечно долгое время. Рассматривая механизм памяти как физико-химический процесс, мы пришли к выводу, что он зависит от глубоких сдвигов молекулярного характера в результате возбуждения нервных клеток. Иными словами, приходящая в виде биотоков информация, подобно «вечному перу», записывается атомно-молекулярным «алфавитом» в нуклеиновых кислотах клетки.

Когда человек вспоминает что-либо, своеобразный поисковый луч находит нужную клетку или группу клеток, возбуждает их и получает ответ, который может быть записан рукой на бумаге, высказанным при помощи слов голосом или остаться только мыслью.

Зорин попросил включить аппараты. Поползли стрелки приборов, вспыхнули экраны осциллографов. Безостановочно продолжало работать искусственное сердце, гнавшее к мозгу обогащенную кислородом кровь.

Зорин рассказал, как после многочисленных опытов над животными удалось с помощью электронных адаптеров улавливать нервные импульсы клеток памяти, превращать их в звуки, записывать на магнитную ленту или превращать в световые символы. Особенно трудной была работа над центральной нервной системой человека,

— В данном случае мозг египтянина был помещен в естественную плазму из натуральной крови человека, После того, как из состояния окаменелости мозг превратился в более или менее нормальное состояние, его поместили на некоторое время в раствор нуклеиновой кислоты. Открывшиеся аорты и вены дали возможность присоединить подводящие и отводящие трубки «сердца». Мозг получил питание. Все время поддерживается температура около тридцати семи градусов. В качестве проводников биотоков использованы нервные волокна от морских электрических скатов, заключенных в эластичную пластмассовую изоляцию. Одним концом они присоединены к адаптерам у клеток памяти, другим — к усилителям... Включите видеоканал! — Борис повернулся к электронно-лучевой трубке.

Экран засветился мягким зеленоватым светом. Замелькали какие-то расплывчатые тени, то сгущаясь, то вновь растворяясь. Вдруг, к изумлению всех присутствующих, на экране появились совершенно отчетливые силуэты знаменитых пирамид в Гизе. Медленно шла похоронная процессия. Без всякой связи мелькали кадры, На экране появилось лицо молодой египтянки, она что-то говорила, улыбалась. Потом мелькнуло сражение. Мчались колесницы, воины размахивали мечами, падали... И опять поплыли неопределенные тени.

— Дайте, пожалуйста, звук!

Экран угас, из включенных динамиков послышались шорохи. Гортанный голос произнес какие-то слова.

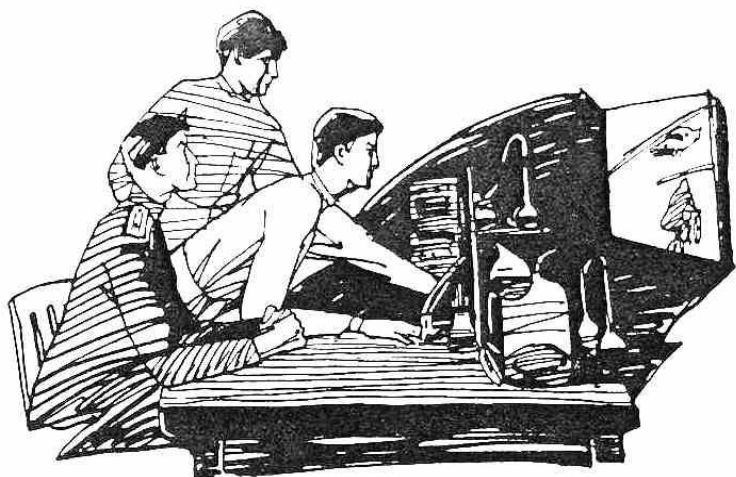
— Илья Викторович, переводите, пожалуйста, — попросил Зорин стоявшего рядом с ним сотрудника.

Переводчик говорил быстро.

— О, могущественный фараон. Сегодня я буду рассказывать тебе о прекрасном лотосе, на листьях которого никогда не бывает воды, потому что они покрыты воском...

— М-да, чрезвычайно любопытно, — не удержался Кузнецов.

Присутствующие наградили Зорина дружными аплодисментами. Ему пожимали руки, поздравляли с успехом...

Расходились за полночь. Кузнецов и Зорин медленно шли по пустынным улицам города. Ивана Ивановича неотвязчиво преследовала мысль о судьбе Инны Романовой, «А что, если!.. — думал Кузнецов, — Нет, это кошмарный сон... Зорин заставил мозг мумии рассказать легенду. А мозг Инны? Что он сохранил в памяти?..»

Иван Иванович поделился своими сомнениями с ученым. Рассеянно слушавший его Зорин обещал подумать.

3

Майор Зорин принял предложение следователя Кузнецова. Это было первое практическое применение его открытия.

В лаборатории Иван Иванович увидел ту же обстановку, что и вчера. Включили экран. Поиск решили вести в зрительной памяти Инны. Кладовые памяти раскрывались сумбурными картинками. То какие-то девочки играли в мяч, то вдруг на экране тускло проступала сцена оперного театра. Выпускной вечер в школе... Берег моря...

Зорин волновался, Несколько раз переставлял адаптеры на больших полушариях, стараясь найти место на мозге, которое бы приподняло завесу над тайной последних часов жизни Инны. Кузнецов взял в руки кинокамеру.

На экране появляются стадионы... аудитории института... Лица девушек и парней, велосипедист... Широкая лента бетонной дороги. Зажужжал киноаппарат Кузнецова. Юноша на велосипеде останавливается, что-то говорит, показывает на колесо. Лицо Игоря. Потом однообразно потянулись кадры с видами леса, осенних полей. Промелькнул населенный пункт. По дороге мчались легковые и грузовые машины. На шоссе выделяется какой-то предмет. Что-то вроде обрезка бревна. Очевидно, упало с машины. Поле зрения на экране смещается влево, в кадре стремительно нарастает «Волга». Отчетливо видны фары, облицовка, номер. Номер! ЭК 18—84.

А на экране автомобиль занял уже весь кадр. Казалось, что он сейчас влетит в комнату. Неожиданно резко все пропадает. Плывут тени. Мелькают какие-то точки. В вихре кружатся темные пятна... И все. Экран стал чистым, как изумруд. Это была смерть Инны...

Люди молчали, Кузнецов попрощался с Зориным, с сотрудниками института и выехал в ГАИ.

...Машина ЭК 18—84 принадлежала товароведу галантерейного магазина Пряхину Никодиму Павловичу.

Кузнецов сел на скамеечку напротив гаража, и ветер бросал к его ногам тяжелые листья. Вечерело. Было прохладно, Иван Иванович поднял воротник.

Кто-то осторожно подошел сбоку, вкрадчиво спросил:

— Вы кого ждете, молодой человек?

Перед Кузнецовым стоял полный, низкого роста мужчина в синем плаще и черной бобриковой кепке.

— Пряхина жду, Никодима Павловича, не знаете?

— Чем могу служить?

Иван Иванович представился.

Пряхин изменился в лице, обмяк. Беспокойно зашевелились красные пухлые руки.

Кузнецов в упор смотрел на мятущегося человека, потребовал открыть гараж. Пряхин, погремев связкой ключей, распахнул ворота. В гараже стояла серая «Волга».

Иван Иванович обошел вокруг машины.

— Почему меняли бампер и левую фару?

Пряхин молчал. Нервно вздрагивали веки с короткими рыжими ресницами.

— Где старые детали?

Пряхин указал в угол. Луч фонарика вырвал из полумрака помятый бампер и изуродованный ободок фары.

— Я не виноват... — трясущимися губами произнес Никодим Павлович, — она сама нарушила правила... — Его лицо исказилось жалкой гримасой.

Во время следствия Пряхин вел себя сдержанно, покорно отвечал на вопросы. Кузнецов собирался заканчивать допрос, но вдруг вспомнил, что надо уточнить еще одну деталь.

— Скажите, каким образом в кустах оказался лом, который вы возили в машине?

Пряхин немного помолчал, пожал плечами, опустил глаза:

— Я это сделал специально, — после некоторых усилий над собой заговорил Пряхин. — Лом мог навести следователя на ложный след... Кто-то убил девушку ломом...

Иван Иванович нахмурился,

— Наивный вы человек, Пряхин... У вас будет время подумать над своим характером...

Закончив следствие, Кузнецов рассеянно смотрел на улицу. Сумеречные лиловые тени расплывались по городу, плотно окутывали дома осенней холодной тьмой. Куда-то торопливо шли люди, проезжали машины, один за другим вспыхивали вечерние огни. От телефонного звонка он вздрогнул. Говорил начальник. Новое оперативное задание надо было выполнять немедленно...

Ю. ЛЕНЧЕВСКИЙ

70-й МЕРИДИАН

Научно-фантастический рассказ

Художник В. Денисевич

Рис. В. Деннсеви́ча

Ю. ЛЕНЧЕВСКИЙ,
инженер

ИНЖЕНЕРНАЯ фантастика

Арбек Хазидов не был новичком на полярной станции острова Белый. И все-таки нарушил, казалось бы, незыблемое правило — отказался от увольнения и от поездки через пролив Малыгина на полуостров Ямал, где по традиции в это время собирались полярники. Ему, наоборот, не терпелось остаться одному. Вчера он получил посылку из Академии наук от члена-корреспондента Сафорова, к которому обратился за консультацией.

Арбек родился на юге, в Чимкенте. На полярной станции номер 15 служил третий год телемехаником линии видео дальних передач.

Служебное здание телестанции размещалось на большой плоской площадке, по краям которой с четырех сторон в небо уходили тонкие упругие стальные тросы, удерживая на высоте в 9000 метров большой аэростат. Там вечно мчались постоянные воздушные горизонтальные потоки, не меняя своего направления. Это позволяло аэростату сориентироваться в пространстве. Питание передающей и принимающей станций, расположенных на аэростате, обеспечивалось от автономной ветровой электростанции, которая была

вмонтирована в тело аэростата. Такая высота давала возможность вести прямые передачи научной информации, не прибегая к ретрансляторам, на расстояние до пяти тысяч километров.

Арбек включил систему. Надо было ждать, когда она прогреется. А тем временем он приподнял крышку рядом стоящего деревянного ящика,

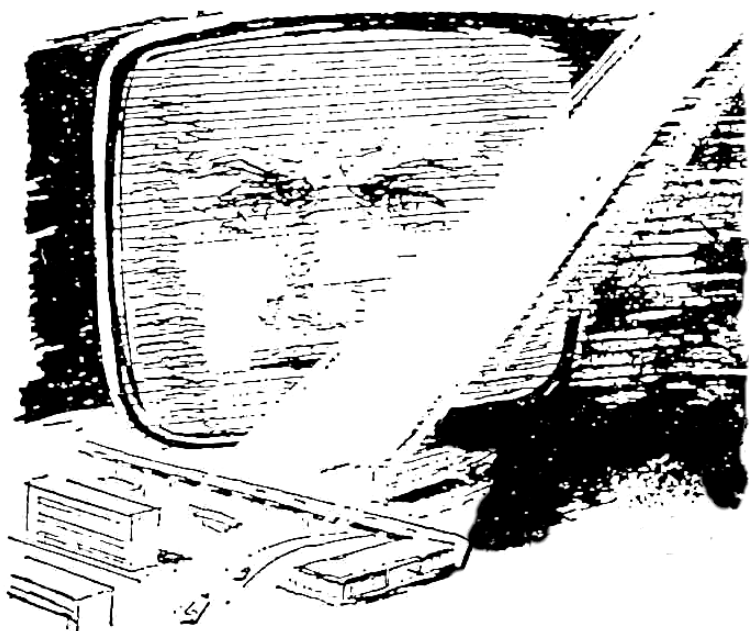
Внутри на пружинах, охраняющих от сотрясений, висел алюминиевый контейнер. Арбек придержал его, чтобы тот не качался. В нем в поролоновом конверте лежал электронный блок. Он бережно взял его в руки.

Даже не верилось, что он мог такое придумать. Идея возникла случайно. Как-то, выполняя юстировку станции, градуируя дальномерное устройство, Арбек решил избавить себя от столь скучного занятия и смастерил блочок на туннельных диодах и триодах. Цель была простой — автоматизировать градуировку дальномера, то есть сделать параметры его настолько стабильными, чтобы совершенно исчез дрейф нуля усилителей каскадов. Особенно у оконечного устройства «дальность — пеленг» с прямоугольным расстрой. Но от включения дополнительного блока усилители, наоборот, начали шалить: луч передатчика то мчался по 70-му меридиану по реке Иртыш на Ханта-Мансийск, то вдруг спешил на Тобольск, перескакивал на Ишим, давал панораму Петропавловска, Кокчетава, Целинограда и никак не мог остановиться на чем-то одном. Связь становилась неустойчивой. Вместо передачи карты синоптиков в Ишим, сигналы попадали на гладь реки Тобол.

Раздосадовавшись, Арбек, не включая системы, стал демонтировать свою приставку: отпаял крайний диод, убрал емкость в 0,1 микрофарады, приготовился снять триод, пальчиком коснулся его базы и...

В этот момент взгляд его случайно упал на один из восьми экранов обратной связи. Арбек даже отпрянул от неожиданности. На него с телеэкрана смотрела незнакомая девушка. Он видел только ее нос и глаза. Изображение было удивительно четким, будто бы девушка находилась за стен-

кой, рядом. Он посмотрел на шкалу дальности: на ней светились цифры — 2500 километров. Откуда она взялась? Машинально приставил емкость на место, лицо девушки исчезло. Появился средний план. Перед ним была часть двора, а девушка сидела на дальней скамейке и читала книгу. Шкала дальности все также говорила, что до таинственной незнакомки 2500 километров. Арбек отсоединил кончик емкостного вывода — лицо девушки расплылось во всю ширину экрана.

Сделанное открытие, что он может по желанию укрупнять объекты, настолько потрясло его, что Арбек потерял покой и сон. Разобраться в причинах найденного он не мог. Когда он выходил на связь с городами, лежащими дальше 2500 километров, — то все его попытки рассмотреть их оканчивались неудачей. Экран тут же возвращал его на отметку 2500 километров. Арбек чувствовал себя, как в заколдованном круге. Он мог наблюдать, но не в силах был что-

либо предпринять. Посоветоваться тоже было не с кем. Единственный инженер дальних телепередач, знающий все тонкости системы, уехал в отпуск, а это, по северному, два с половиной месяца. Начальник станции был всего лишь радиоинженер, он мог решать только общие вопросы. И все-таки к нему обратился Арбек:

— Иван Федорович, посмотрите, что у меня получается, — и Арбек продемонстрировал своему начальнику необычное укрупнение объекта за 2500 километров. На этот раз был виден стадион: тренировались легкоатлеты.

— Радиолокационный приемник в режиме обнаружения предмета, — начал объяснять Иван Федорович, — должен устанавливать факт наличия слабого сигнала, близкого к пороговому на фоне мешающих отражений. Амплитуда и фаза сигнала, вообще говоря, испытывают случайные

флюктуации вследствие интерференционного характера отражений от реального предмета и влияния среды. Кроме мешающих отражений, необходимо учитывать собственные шумы приемного устройства, а также возможность различного рода помех. В силу этих причин дальность радиолокационного обнаружения оказывается случайной величиной. Отражающие свойства объекта, учитываемые его эффективной площадью рассеяния или эффективной отражающей поверхностью, очень существенно меняются в зависимости от ракурса облучения. Так как все параметры радиолокационной станции известны нам, можно предположить, что тебе удалось резко повысить чувствительность приемника. Полезный сигнал, который обычно трудно выделялся из спектра шума, стал необычно сильным по своему уровню, и теперь его выделение на фоне помех не представляет труда. По-моему, надо написать письмо члену-корреспонденту АН СССР Сафорову в Ташкент. Я его хорошо знаю, можешь сослаться на меня.

В Ташкенте был крупнейший в Европе институт, которым руководил Сафоров. А телестанция номер пятнадцать была одним из пунктов, экспериментальной базой этого института здесь, на острове Белый.

Арбек долго думал, как он, простой техник, будет беспокоить виднейшего ученого с мировым именем. А, может быть, он, Арбек, что-либо напутал? Досуг ли Сафорову заниматься разной мелочью. Но кто поможет разобраться во всем? Немедля он связался по рации со своим другом Алексеем, который плывал на научном судне «Академик Королев» примерно в пятистах километрах от берега. Это судно было самой современной научной лабораторией, изучающей подводный мир Карского моря. Работа у Алексея была интересной. Он отвечал за исправность системы батияндра — подводного робота, в котором ученые, жившие на корабле, совершали подводные путешествия, и могли часами наблюдать жизнь рыб, моллюсков, брать пробы почв, делать анализ воды. У батияндра было как ручное управление для тех, кто умел сам управлять сложными механизмами пере-

движения, так и дистанционное — на случай, если исследователь глубин по каким-нибудь причинам не сможет сам организовать вывод подводного корабля на поверхность воды.

— Алеша, — сказал по рации Арбек, — я, кажется, научился делать то, что мне никогда в голову не приходило, я стал изобретателем. — И он все по порядку рассказал Алексею.

Алексей отнесся к случившемуся очень серьезно. И первым долгом посоветовал запомнить, куда включена электронная приставка, как у нее произведены соединения элементов, какие данные у триодов и диодов, емкостей и сопротивлений. Затем предложил следующее:

— Поверни приемно-передающее устройство в нашу сторону. Мы находимся в квадрате 103. Это примерно пятьсот пятьдесят километров от вас. Нащупай силуэт корабля, а

затем попробуй включить свой блок. Я спущусь из радиорубки к батияндру, а с тобой связь будет поддерживать радист Миша.

— Хорошо, — сказал Арбек.

Он подошел к дистанционной системе ориентации антенн и нажал кнопку грубого разворота. Где-то наверху, высоко в облаках, щелкнул контакт реле, включилось питание электродвигателей разворота антенн. Здесь, на пульте, дрогнула стрелка сельсина обратной связи и поползла по кругу. Ей надо было совершить поворот на 180 градусов. На азростате антенны медленно поворачивали усы волноводов, торчащие из параболических антенн в сторону моря. Когда стрелка стала приближаться к отметке 103, Арбек остановил вращение и включил шкалу точного отсчета. Затем штурвалом точной шкалы подвел стрелку к цифре 103. После этого он вернулся к пульту дальномера и включил систему поиска.

На экранах медленно разворачивалась гладь моря. Далеко в открытом море волны гнали барашки. Было пустынно, антенны медленно ощупывали простор, но вот их внимание привлек какой-то предмет. Система перешла на режим сканирования, не упуская объект из своего внимания. Автоматически включился дальномер. И вот на экранах стал вырисовываться силуэт далекого корабля. Это был «Академик Королев».

— Я вас вижу! — прокричал в микрофон Арбек.

— Он нас видит! — крикнул Алексею радист Миша.

— Пускай начинает, — ответил тот деловито. Миша передал Арбеку слова Алексея.

Арбек включил свой блок. На экране поплыли полосы. Они то темнели, то светлели. Изображение было неустойчивым. Корабль как бы раздваивался: возникали оторванные части шлюпок, кабин. Они торчали вертикально, переворачивались на глазах, становились на свое место и затем вновь начинали скакать. На мерцающих экранах что-то двигалось вверх и вниз. Арбек стал подстраивать приемник. Через несколько минут ему удалось стабилизировать этот хаос, перед ним замаячило что-то темное. Он стал улавливать резкость. И тут только догадался, что он видит очень крупно одну из частей корабля, но какая это часть, понять было трудно.

— Что, нашел? — прокричал в наушники Арбека Алексей.

— Как будто смотрю на вас. Только не пойму, почему такое крупное, просто огромное увеличение. Очень крупно получается, — произнес Арбек, стараясь с помощью магнитных потенциометров изменить немного дальность до корабля, не теряя резкости изображения, для того, чтобы получить более общую картину. Но у него ничего не выходило.

— Попробайся изменить немного дальность, — посоветовал тоже самое Михаил.

— Этого я не умею, — с огорчением сказал Арбек. — Я только так могу — видеть или крупно, или на большом расстоянии маленькое.

— Хорошо, раз не получается, попробуй отвернуть антенны чуть в сторону. Может быть, нащупаешь Алешу. Двигай вправо. Как до края силуэта корабля дойдешь, значит антенны смотрят мимо нас, — посоветовал Миша.

Арбек начал движение антенн вправо. Крупно проплыла часть спасательного круга, на экраны полез блок лебедки, затем — надпись на шлюпке «Академик Королев». Чуть приподняв антенны, он проскользнул мимо радиорубки. Опустил их ниже и тут увидел иллюминатор батискафа. На корпусе подводной лаборатории лежала рука. Алешкина, подумал он. Дальше он стал выводить антенны чуть левее и

вверх, скользя по руке. Он добрался до плеча и вот уже совсем близко увидел лицо друга.

— Алеша! Это ты, ты... — радостно крикнул он.

Не то улыбка, не то удивление проплыло по лицу Алексея. Сразу осознать случившееся ему никак не удавалось. Верить или не верить? В этот момент Миша закричал: «Ура!»... Алексей повернулся в сторону радиорубки и попросил передать по рации:

— Если он меня видит, то пусть ответит: какая на мне фуражка — с кантом или без канта,

Арбек чуть сдвинул антенну вверх и увидел на Алексее пыжиковую шапку.

— Пыжик на тебе, а не фуражка. Зачем обманываешь? — обиженно произнес он.

— А это что? — и Алексей поднес к своему лицу зажигалку.

— Зажигалка. Подарок Люси, буфетчицы, — ответил Арбек.

— Ты совершил гениальное открытие, — сказал тогда Алексей. — Но что лежит в его основе, ты знаешь?

— Нет, — честно признался Арбек. — Я даже не могу уменьшить или увеличить масштаб объекта наблюдения. Начальник советовал обратиться за консультацией к самому Сафорову. Думаешь, он ответит?

— Может, конечно... — сказал Алексей. — Тем летом он был у нас. Разговорчивый. Нам понравился. Все электронные устройства батиандра сделаны под его руководством. А самое интересное — его автоматический блок, который срабатывает, как только окажется, что батиандр потерял ручное управление и... не может подняться на поверхность. Блок у нас опломбирован, и никто не имеет права вскрыть его без разрешения с Большой земли, с берега.

— Ты мне лучше посоветуй, как в дальнейшем поступить: отсылать мое устройство Сафорову или нет? — спросил Арбек.

— Конечно, отправь, — посоветовал Алексей, — Миша тоже, так считает.

Ребята могут что угодно посоветовать. Ведь им тоже интересно узнать, что из этого получится. А Арбеку надо все подробнейшим образом описать: как и что, что за чем.

И тогда он непроизвольно стал отшельником. Не ходил ни в клуб в соседнем поселке; ни даже в кино на самой станции. Все писал и писал. Девушки решили, что он готовится к диссертации. От них отбоя в столовой не стало. Умные парни на земле не валяются.

И вот прошло два месяца с тех пор, как Арбек отослал свой блок и письмо в Ташкент. Его блок стал не похож сам на себя. Он вернулся оттуда совсем иным. Прибавилось несколько каскадов. Все было аккуратно распаяно. Видно, попал в хорошие руки монтажника. Пайки похожи одна на другую, проводки увязаны в миниатюрные жгутики...

Да, это уже был настоящий электронный блок. Но... не его. Взгляд Арбека упал на крышку деревянного ящика. К ней с внутренней стороны, чего он вначале не заметил, была приложена папка. Арбек отстегнул ее, развязал шнурки. А когда раскрыл ее с первой страницы, к нему на колени соскользнуло письмо. На конверте была надпись: «Полярная станция, 15. Технику Арбеку Хазидову». Арбек вскрыл конверт. И... руки его задрожали.

С волнением вынул Арбек из конверта сложенный лист и развернул его. На синем бланке Академии наук крупным шрифтом было напечатано: «Институт сверхдальних телевизионных передач». А дальше...

«Уважаемый Арбек Искандерович!

Я с интересом познакомился с описанием Вашего опыта, — сообщал член-корреспондент Сафоров. — Он во многом причастен к одной из тем, над которой работает наш институт. К теме под условным названием «Мост». Товарищей из лаборатории Упругих волн, которым было показано Ваше письмо и макет, очень заинтересовала Ваша идея стабилизации работы усилителей. Многих удивила простота конструкции и, когда они узнали, что Вы обслуживаете аппаратуру станции номер пятнадцать, и являетесь, по существу, их коллегой, порекомендовали Вас как,

несомненно, незаурядного человека ректору Новосибирского учебного института инженеров квантовой техники, который в этом году набирает специальную группу молодых людей, способных к научной работе.

Теперь относительно присланного Вами материала, Идея получения крупного увеличения далеко расположенного объекта без ретрансляции и использования передающей камеры, находящейся рядом с объектом, давно интересует многих специалистов. Существующая система, созданная нашим институтом, в основном молодежью, для наблюдений за ледниками, уровнем воды в реках, как известно, базируется на непосредственном расположении телепередатчиков вблизи объектов наблюдения. Они «осматривают» окружающую местность, их сигналы попадают в усиленные устройства, а затем передаются на один из пунктов связи, находящийся в прямой видимости для дальнейшей ретрансляции в сторону центра сбора сведений.

Я напомнил Вам известное не случайно. Техническая молодежь часто увлекается самой идеей, не думая об экономической стороне дела. Установка многочисленных станций (что необходимо) рядом с объектами обходится слишком дорого. Между тем, мысль найти способ «видеть» за сотни километров без местных передатчиков, без ретрансляторов, прямо с пункта слежения очень заманчива. Она заставила многих специалистов работать в этом направлении. Помимо решений ряда чисто телетехнических проблем и создания мощной и чувствительной электронной аппаратуры, тут была предложена идея увеличить сектор прямого видения за счет установки аэростатов. При массовом характере устройства пунктов слежения это обходится дешевле, чем постройка стальных или железобетонных башен, из которых самая высокая сооружена три года назад у нас в стране. Ее высота, как вы знаете, 520 метров. Аэростаты же парят в воздушном океане на высоте от 6 до 45 тысяч метров (вместе с аппаратурой).

Именно по этому пути и пошли мы. Нахождение аэростатов на необходимой высоте всесторонне исследовалось

в течение полутора лет. И только затем на них была установлена передающая и принимающая аппаратура; источники питания и т. д.

Антенная система была снабжена в первом варианте излучателем типа «Софокл». Погрешность юстировки его составляет $\pm 0,2$ миллирадиана.. Это в 120 раз повышает точность ориентации на станцию приема по сравнению с прежними многооблучательными антеннами того же назначения, но действующими через ретрансляторы. На расстоянии в 5500 километров эта погрешность «Софокла» в юстировке дает ошибку наводки в 0,4 километра, что, однако, нас вскоре перестало удовлетворять.

Была заменена и электронная машина наземной станции. Но изменилось немного. Тогда появилась идея трехрупорной моноимпульсной антенной системы, имевшей погрешность юстировки 0,03 миллирадиана. Результат был все же не совсем хорош из-за трудностей согласования всех трех облучателей в фокальной точке. Каждый облучатель представлял собой четырехсекционную спираль, нанесенную печатным способом на диэлектрик из стекловолкна. От этого тоже пришлось в итоге отказаться. Наконец, пришла идея узконаправленного острого луча антенны сантиметрового диапазона. Электронные схемы контролируют направление луча и обеспечивают его ориентацию строго на пункт связи, принимающий участие в обмене информацией.

Использование сантиметровых волн вместо обычно применяемых КВ и УКВ обеспечивает значительное снижение влияния промышленных и статических помех. Микроволновая связь повысила надежность и позволила увеличить ширину спектра сигнала. Использование в данном случае направленных антенн на обоих концах линии связи исключило побочные и другие искажения сигналов, возникающие за счет многопутных эффектов приема. На этой системе мы пока и остановились. Для передачи телевизионных и радиолокационных сигналов можно использовать очень широкий частотный спектр сигнала. Кроме того,

такую систему, видимо, целесообразно применять для ретрансляции сигналов от объектов, например кораблей в море, самолетов и т. д., где нет специальной передающей телеаппаратуры на дальние расстояния.

Но здесь еще много неясного. Проведение этого этапа программы «Мост» планировалось на конец следующего года. Ваша неожиданная помощь ускорила эту часть исследований.

Дело в том, что наземная электронная аппаратура далека от совершенства, и просчеты при ее проектировании, к сожалению, выявляются очень медленно. Поэтому очень ценной оказалась Ваша схема стабилизации работы усилителей. Но одно повлекло за собой другое: появилась неожиданная возможность сильного укрупнения, выделения отдельных мелких деталей различных предметов, с чем Вас от всей души поздравляю.

С уважением Н. Сафоров.

Затем шла приписка:

«Если найдете возможность продемонстрировать что-либо интересное, передав изображение через Вашу станцию прямо на Центр связи в Ташкент, будем рады».

Трудно передать, что пережил Арбек, прочитав такое письмо. Сердце неудержимо плясало, а в голове плыл какой-то сладкий туман.

Послать документы в Новосибирск... Конечно. Сейчас же... Нет, прежде соединиться по радию с другом Мишей, Он там, на корабле. Поговорить бы по душам с ним, а точнее, выговориться, посоветоваться... Но и Арбеку, и Мише — радисту, запрещено загружать эфир эмоциями.

И все-таки, включив радию, Арбек стал вызывать РС-218. Такие позывные были у станции на судне «Академик Королев». На вызов долго никто не подходил, хотя обычно радист не имеет права оставлять своего места. А если посмотреть, что у них там делается? И Арбек, достав присланный из Ташкента блок, вставил его в гнезда штепсельного

разъема. Поиск корабля в море занял немного времени. Его месторасположение было известно. Он курсировал недалеко от Новой Земли, в квадрате 57. Вначале на экранах был виден морской простор, затем появилась черная точка. Арбек остановил вращение антенн и стал укрупнять ее. Перед ним быстро рос корпус судна. Какая удивительная четкость! Еще один плавный поворот рукоятки, и стали различимы люди, предметы на палубе. Вот уже видно даже название.

Но что это? На судне, похоже, паника. Куда-то бежит техник Алеша. В руках у него прямоугольный ящик, Алешу останавливают двое, и он что-то доказывает им. Наконец, Арбек заметил радиста Мишу, тот спешил к радиорубке, тоже размахивая руками.

— Алло! Алло! — стал вызывать Арбек корабль. Наконец, он получил связь.

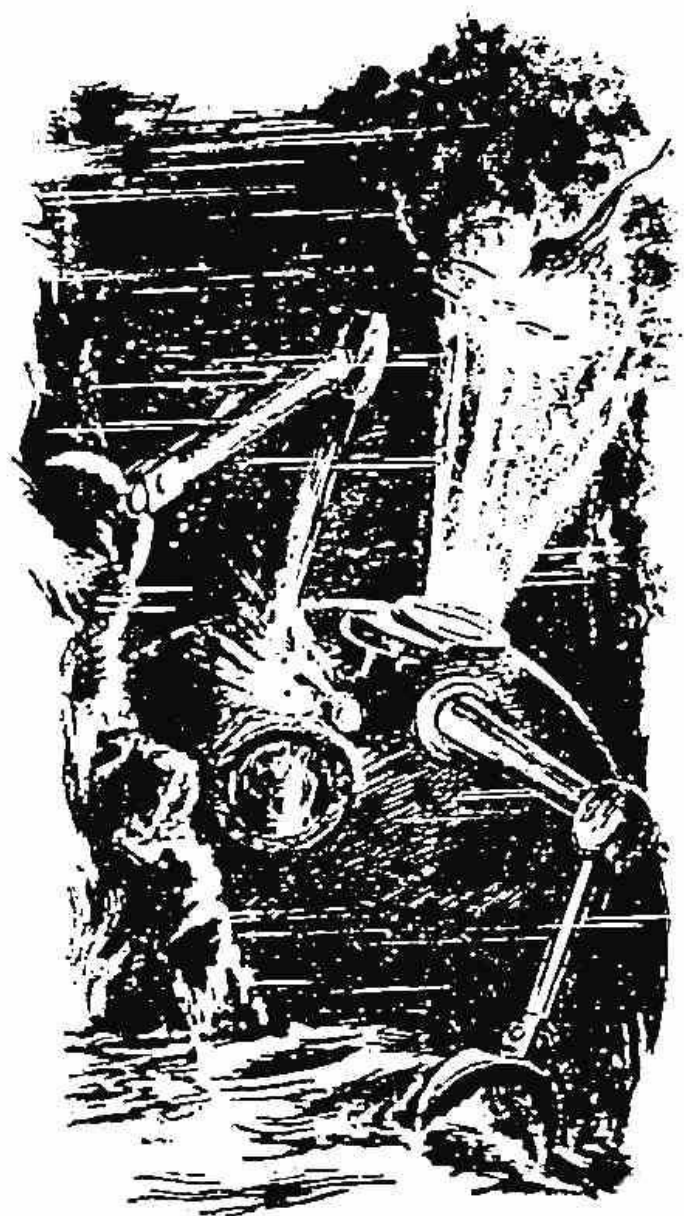
— Миша, что случилось?

А случилось, как объяснил радист, непредвиденное. Один из молодых ученых, должно быть еще недостаточно освоивший управление подводной лабораторией, решил на путешествие вглубь моря без сопровождающего, чтобы взять дополнительно свою съемочно-анализирующую аппаратуру. Пока он плавал на незначительной глубине, аппарат слушался его. Но вот он приблизился к самому дну и, увидев что-то интересное, опустил батиаандр на грунт между камней. Это было ошибкой. Чтобы всплыть, ему теперь необходимо было повернуть движители соплами вниз, но они были прижаты к камню, и поэтому не могли быть развернутыми, чтобы дать толчок к всплытию. В сущности, волнений на корабле могло и не быть. Но надо же такому случиться — отказал одновременно и механизм автоматического вывода батиаандра из аварийного положения с помощью запасной системы. А за эту систему отвечал Алексей.

Можно было понять его состояние. Разрешение на вскрытие опломбированного управляющего блока для устранения неисправностей у него не было. Такой приказ мог поступить только с Большой Земли, но и это не спасло бы положения. Ведь в чем там дело, он не знал, а на расстоянии никто определить не сможет.

Арбек выслушал внимательно и с тревогой. Дело принимало угрожающий оборот. Тогда он решил. И предложил Алексею связать его с Ташкентом видеоканалом, используя блок укрупнения изображений.

Алексей согласился. Другого выхода пока у них не было.

Арбек включил следящую систему антенны-дублера, и ее луч заскользил по просторам материка. На юг по семидесятому меридиану. Вот уже виден Петропавловск, Кокчетав, Целиноград, «чуть дальше» — гладь озера Тенгиз. Потом пошли казахские степи. Прямо с экрана на него мчались стада сайгаков со скоростью почти курьерского поезда, Наверное, можно было бы слышать стук их копыт о твердую землю. Если бы не строжайшая дисциплина в пользовании служебными установками станции, то удалось бы совершить не одно увлекательное путешествие, не сходя с места: услышать, как поют казахи свои песни, как журчат ручьи в горных теснинах, о чем переговариваются рыбаки в море. Но сейчас Арбек об этом и не думал. Он вел антенну все дальше и дальше. Вот и Ташкент. Перед ним здание института. Дежурному Центра сбора информации он передает все о случившемся там, в море. Проходит невероятно длительная минута, пока его связывают с лабораторией Упругих волн.

У микрофона старший сотрудник Федор Найденов, принимавший участие в создании механизма аварийного действия.

Арбек спрашивает, почему его не соединили с Сафоровым. Выясняется, что тот уехал на конгресс в Вену. На какую-то долю секунды Арбеку стало досадно. Наверное, было у него и честолюбие, хотелось продемонстрировать свои способности Сафорову именно в такой важный момент.

— Насколько отчетливо вы видите судно и людей в море? — спросил его Найденов,

— Вижу отлично, могу еще укрупнить, если понадобится.

— Хорошо, включите их на нас.

Вот об этом-то Арбек и не подумал! Каким образом это можно сделать? Если бы Найденов мог очутиться сейчас рядом с ним, а не находился в Ташкенте, все было бы просто. Но передать изображение с корабля, с «морской» антенны на «ташкентскую», как-то скоммутировать их вместе, он, откровенно говоря, не умел. Ему только оставалось объ-

яснить это Найденову, и тот тоже задумался. Можно было лишь догадываться, что это, очевидно, вопрос не слишком сложный, но в такие минуты ответ не сразу приходил в голову.

В Ташкенте на стол легла коммутационная схема всех блоков, входящих в систему станции на острове Белом. Ученые решали, как можно обеспечить переброску телесигналов с антенны, направленной в сторону судна, на ташкентскую антенну.

Радиосвязь с кораблем работала нормально. Алексей слышал весь разговор Арбека с Ташкентом. По другой радиостанции Михаил поддерживал связь с батияндром. В этот момент в радиорубку вошел начальник морской научной экспедиции академик Фролов и спросил, как себя чувствует там, на дне, на глубине трехсот метров, потерпевший аварию. Тот ответил, что все у него хорошо, но он, кажется, только что нажал не ту рукоятку, и давление в кислородном баллоне упало. По приборам, запас примерно на двадцать минут.

Это экстренное сообщение тут же было передано Арбеку, его услышали и в Ташкенте. Но ученые пока еще не определили способ коммутации. А время шло. Из-за какой-то глупой оплошности погибал молодой, способный ученый. Совершеннейшая техника могла оказать ему помощь, но не было еще опыта в ее использовании.

Наконец, было принято решение.

— Соедините восемнадцатый выход третьего блока дальногомера с входом номер пять девятого блока, — услышал Арбек в наушнике приказ Найденова. И тут же бросился выполнять поручение.

Вот он — восемнадцатый блок. В клемму плотно входит штеккер соединительного шнура. Затем Арбек берется за другой конец и вставляет его в пятый вход девятого блока.

— Все готово, — передает он. — Вы должны видеть их.

— Видим, но не очень четко, — ответил ему Найденов.

— Включите добавочный усилитель.

Арбек выполнил команду.

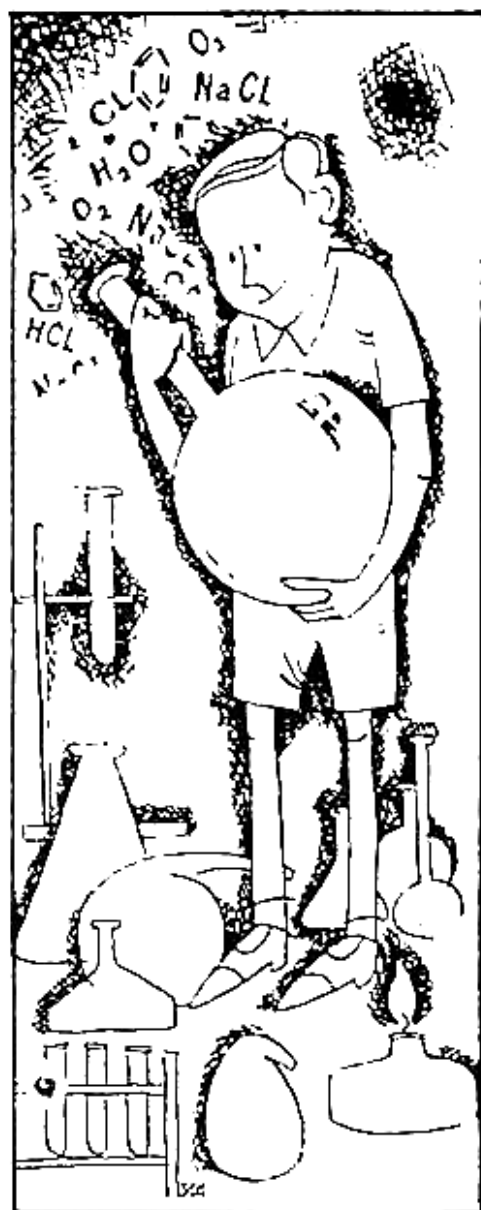
— Теперь лучше, — услышал он Найденова. Затем тот обратился к находившимся на корабле:

— Слушайте меня. Перед тем, как вскрыть корпус управляющего механизма аварийного действия, необходимо повернуть рычажок стопора на себя. Мы не писали об этом в инструкции, а поставили фальшивую пломбу, чтобы не вызывать ненужного любопытства... Сделало!..., Вижу. Поверните прибор платом ко мне. Еще. Пятнадцатая, дайте крупный план... Вот так... Конечно, он у вас не будет срабатывать. В нем, не знаю, по какой причине, нарушена общая герметизация, видите, индикатор показывает, что нет даже вакуума в механотроне. Замените его. Запасные механотроны находятся в третьем ящичке, Можете взять любой из пяти. Поставьте его на место.... Так.. Остается только разбить слева колбочку с веществом, которое может восстановить вакуум. Быстро закупорьте блок. Закройте крышку. Вдвиньте стопорный рычаг на место. Обычно на эту операцию дается пять минут, Спокойнее, уверен — вы проделаете все намного быстрее... Правильно... Закрывайте... Можно вставлять его в систему.

Алексей делал все, как ему советовали, а сам винил себя за плохое знание доверенной ему техники. Сколько раз он перелистывал инструкцию и смотрел на пункт случая аварийного положения и не обращал внимания, что может исчезнуть достаточная герметизация всей системы. Ведь блок, думал он, все равно нельзя вскрывать.

Вот уже послан сигнал вниз сквозь толщу воды. Алексей машинально взглянул на часы. С момента установления связи с Ташкентом прошло лишь шесть минут. Значит, в батияндре есть еще запас кислорода на четырнадцать минут.

А там, в глубине моря, батияндр уже оторвался от коварного дна и плавно шел вверх. К свету, к жизни.

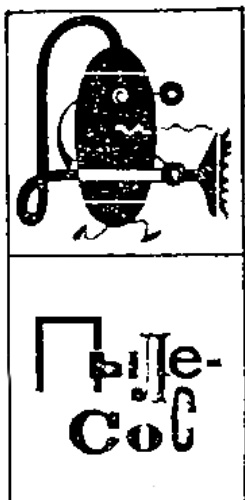
Ф. БУШАНСКИЙ

"ИН ВИТРО"

Научно-фантастический рассказ

Художник И. Сулов

Журнал "Юность" 1967г №7.

Ф. Бушанский

" И Н
В И Т Р О "

М

ой сынишка был в том возрасте, когда с минуты на минуту можно было ожидать от него рокового вопроса. Четыре слова с маленьким вопросительным знаком в конце... Дамокловым мечом они висят над бедными родительскими головами со дня рождения их ребенка. Приходит момент — меч падает...

—Папа, откуда берутся дети?

И никто и ничто не поможет мне ответить на этот вопрос — ни школа, ни альманахи «Хочу все знать», ни 51 том Большой Советской Энциклопедии... Тут каждый родитель остается наедине со своим ребенком. Выкручивайся, как знаешь, но учти, что сентиментальные истории про аиста и капусту уже не проходят. Заглянув в пытливые глаза своего сына, я еще раз убедился в этом.

— Ну, так откуда? — настаивал сын.

Он смотрел на меня глазами удава, а я ничтожным крольчишкой трепетал перед ним.

От полного отчаяния я решился на смелый педагогический эксперимент.

— Понимаешь, сынок, — сказал я, — тело человека, как, впрочем, и животных, состоит из белков, жиров, углеводов, костей и других химических элементов. Поэтому, когда папа и мама решают завести ребеночка, мама отправляется в специальный магазин, покупает там эти самые элементы и смешивает их. В результате сложных химических реакций получается ребенок.

— Странно, всегда в магазин ходишь ты, а элементы покупала мама.

Это было лишь начало. Назавтра он потребовал точный рецепт и технологию изготовления.

Переговорив с женой, я открыл ему эту тайну.

— К 200 г полимакаронной кислоты добавить 173 г сливочного масла и, постепенно перемешивая, растворить его. Затем добавить 230 г сульфобензинкеросина и 27 г хлорваллокордина. Нагреть все это до 75°C , отфильтровать осадок и поставить в холодильник. Через двое суток получается ребенок.

Он записал все это своими каракулями, разбил копилку и куда-то исчез.

Получив короткую передышку, мы с женой лихорадочно перебрали все возможные с его стороны подвохи и поняли, что, задав столь неудачное направление поиска, мы уже никогда не сможем свернуть в сторону. Инициатива перешла к сынишке.

Нетрудно догадаться, что на следующий день он был весьма разочарован.

— Пап, а пап, может, ты ошибся? В продаже нигде нет полимакаронной кислоты, а вместо хлорвалокордина предлагают чистый валокордин.

— Сынок, эти реактивы продаются только в специализированных магазинах, и взрослым.

— В роддоме,— исправил он меня.

— Ну, конечно, в роддоме, и в очень ограниченном количестве.

— Но, может быть, их можно чем-то заменить?

С упорством ученого он задался целью получить жизнь в пробирке, как говорят, «ин витро». Целыми днями он химичил. В ход шло все, что можно было смешивать, растворять, сжигать, плавить. Мы боялись оставлять его одного: как бы он не отравился или не устроил пожар. Это была жизнь на вулкане. Мы уже мечтали, чтобы он узнал правду. Только сам. Узнают же дети об этом где-то. Но он, видно, уверовал в мою сказку.

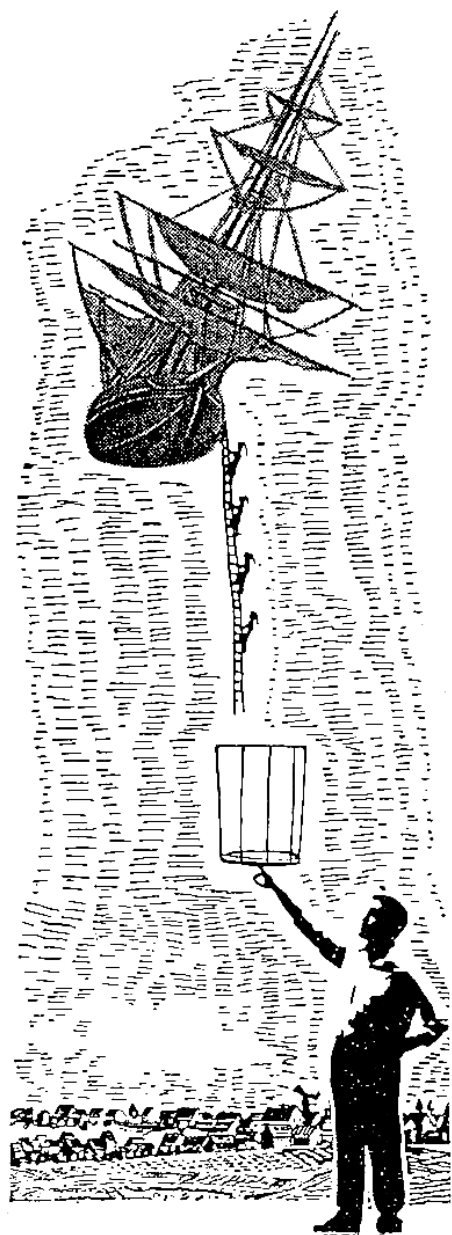
Помочь могло только чудо.

Однажды, вернувшись с работы, я остановился на пороге комнаты с раскрытым ртом. В квартире был полный порядок. Валерка демонтировал лабораторию. На столе стояла колба. Розовый комочек в ней исступленно верещал: «Уа-уа!»

— Вас ист дас, Валерка?

— Сам не ожидал. Теперь хлопот не оберешься. Нужно доставать молоко. Но сознайся, старик: ты хотел меня провестить? Ведь полимакаронной кислоты нужно брать вдвое больше.

Я посмотрел на жену. Жена — на меня. Мы оба — на Валерку. Черт возьми, Может, действительно нужно брать больше этой самой кислоты? Интересно, как дети в конце концов обо всем догадываются?

ВЛ. ПАНКОВ

• ————— ❁ ————— •
ЛЕТУЧИЙ

ГОЛЛАНДЕЦ

Фантастический рассказ-шутка

Художник Вагрич Бахчанян

Журнал "Юность" 1969г., №2.

Вл. Панков

ЛЕТЕЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

(Шутка)

Рисунок В. Бехваняна.

ейчас уже научно доказано, что бывают время от времени такие миражи, которые видно за многие сотни километров. То вдруг корабль по небу плывет, то вода виднеется. На все эти штучки есть строго научный ответ: да, такое может иметь место.

Но это в наше время. А раньше, в эпоху поголовной тьмы и суеверий? Появись на небе такой мираж с кораблем, все сразу авторитетно признают в нем «летучего голландца» и начнут мифы сочинять.

Это довольно непостижимо. Обыкновенный человеческий мираж ставил тогдашних граждан просто-таки в неудобное и даже глупое положение. Иное дело теперь, в эпоху расцвета науки...

Вот на прошлой неделе, например, в шестом часу вечера недалеко от Шестой Оптимальной улицы появился на небе мираж этого самого «летучего голландца».

Летит, понимаете ли, корабль. Не воздушный корабль, как сейчас принято выражаться, а обыкновенный, значит, фрегат. Не спеша летит, по-хозяйски.

Спускаться начал. Ладно, смотрим. Люди грамотные, понимаем, что мираж, а все равно интересно. Подлетел «голландец» к вокзалу. Вокзал у нас не речной, но «голландцу» этого не понять, Зато шпиль есть, за который причалить можно, как положено.

Смотрим, причаливает. Понимает. Наблюдаем молча, Потому что знаем, что корабля-то на самом деле нет — мираж. Все-таки образование у каждого не шуточное, науку от псевдонауки отличить можем.

Но вот с «голландца» бросают веревочный трап, и с корабля на землю начинают матросы высаживаться. Один спустился, другой.

Весь город на улицы вывалил. Смотрим пока спокойно, хотя неясности кое-какие по ходу дела возникают. Уж не экспериментальная ли это объемная телепередача? А матросы на нас уже пальцами показывают. Нагледят. Зубы по-голландски скалят.

Мы терпим: знаем, что так не бывает, что мираж. Разумеется, сами на своем языке перебарываемся. Вполголоса. Чтобы не спугнуть.

Один матрос подходит враскачку к газировочному автомату и сует в него монету. Из автомата бьет фонтанчик. С сиропом. М-да. Мы стоим себе, размышляем. Мираж, не мираж, а автомат работает. Булькает, шельмец! Стало быть, бросил голландец монету. Интересно только, откуда он три копейки взял, ежели в Голландии гульдены?

А сами чувствуем, как просыпается в нас первобытное язычество, и мурашки по организму пробегают. Что же это, граждане, получается? Где ваша хваленая передовая наука? Почему спит атеистическая пропаганда?

Конечно, проверить надо. Уж не спим ли мы? Эх, мальчика, маленького мальчика не хватает, чтобы крикнул: «А король-то голый!» Но все молчат. Даже мальчики. Нынешних мальчиков голым королем не проймешь. Они уже на своем веку перевидали. По телевизору. До 16 лет.

«Братцы, что же это? — думает каждый. — Не хотим, а верим? А?»

Окаменели все! И вдруг один из служащих к-ак бухнет на колени, руки к небу задрал, и:

— Чу-у-у-до! Свет очей! Веди!

И тут, видимо, от сотрясения воздуха корабль — ах! — и растворился, как мираж. Все вышло точно по науке. В

общем, где-то в глубине души мы так и думали, что этим кончится. Но напугал все-таки нас этот черт...

— Наверное, из-за границы шуточки-то?

— А то откуда же! Голландец!

— Но что же все-таки это было за явление?

— Никакое это, граждане, не явление. Это, товарищи, простой единичный факт. Факт этот нетипичный. Так что нечего тут обобщать.

Ну, что же, объяснение научное, против фактов не попрешь. Все поверили.

Один только человек не поверил. Тот, что ежедневно из газировочных автоматов выручку выгребал.

В одном из них вместо трех копеек он обнаружил... гульден.

Н. БЛИНОВ, Ю. ЛУБЯНСКИЙ

СОЛНЦА СИЛЬНЕЕ

Фантастический рассказ

Художник Е. Медведев

Николай откинул прозрачный колпак машины и выбрался на дорогу. После искусственной свежести больничного воздуха закружилась голова. Крупные капли дождя с глухим шумом падали на мокрый бетон шоссе и взрывались легкими фонтанчиками. По обочине, кружа и переворачивая на быстринах листья берез, мчался поток.

Николай подошел к старой придорожной иве и долго слушал однообразный шум дождя. Тяжелые тучи двигались медленно, и казалось невероятным, что за их сплошной серой пеленой кроется прозрачная синева неба. Вокруг было тихо и пусто. Он стоял, прислонившись к мокрому шершавому стволу дерева, взгляд бесцельно скользил по мокрой земле.

Черный рогатый жук с радужным отливом на крыльях карабкался по крутому склону. Струйки воды мешали жуку, но он упрямо двигался вверх. Вода снова и снова сбрасывала его назад, и он падал на спину, беспомощно шевеля лапками. После нескольких неудачных попыток жук повернул в сторону.

— Эх, ты! — сказал Николай жуку и протянул ему сухую ветку. Жук тотчас ухватился за нее четырьмя перед-

ними лапками, и Николай забросил его вместе с веткой далеко в поле.

Резкое движение словно разорвало безмолвие. В уши ворвался свист проносающегося мимо грузовика. Николай вздрогнул, ожило воспоминание. Вспомнил все снова.

Был такой же серый день. Мелкий дождь пятнал асфальт темными рябинками. У входа в лабораторию на мокрых песчаных дорожках переступали розовыми лапками голуби и прыгали голенастые воробьи.

На этот раз предстояло получить первую партию деталей из перестроенного металла. Когда заканчивали последнее приготовления к пуску установки, новый лаборант Митя неожиданно подsunул ему под руку паяльную лампу. Рука до локтя покрылась волдырями.

— Вы не могли выбрать более подходящего момента? — сказал он испуганному Мите, морщась от боли.

Впрочем, он давно мог бы доверить все Инке и Бахову, но каждый раз убеждал себя, что его присутствие необходимо. Инка уговорила его, она всегда умела это делать. И он уехал в больницу.

Сестра уже заканчивала перевязку, когда его вызвали к телефону.

— Это вы, Бахов? В чем дело? — крикнул он в трубку, стараясь держать обожженную руку так, чтобы не распустились бинты, которые не успела завязать сестра.

Чей-то незнакомый голос бился в трубке:

— Николай, слушай, у нас беда!

— Что, Митя снова кого-нибудь поджарил? — попробовал пошутить он. Боль в руке мешала сосредоточиться. — Кто у телефона?

И в то же мгновение он понял, что говорит Инка. Голос был таким незнакомым, что Николай испугался.

— Что случилось? Инка, это ты?..

— В седьмом отсеке фильтров радиация резко возросла, — она говорила, торопясь и глотая слова. — Температура стенок быстро поднимается...

— Спокойно, главное, спокойно. Давай по порядку!

— Десять минут назад в седьмом отсеке неожиданно возросла радиация. Она говорила теперь более связно, успокоенная его тоном. — Счетчики показывают рассеянное нейтронное излучение, проникающее в шестой и восьмой отсеки. Интенсивность потока плазмы упала...

Это было серьезно.

— Может быть, приборы? — сказал он с надеждой.

— Нет, мы проверили. Связь искажена. Приборы работают нормально.

— Слушай меня внимательно, — заговорил он быстро, стараясь представить себе, что происходит сейчас там, на другом конце провода. — Необходимо прежде всего проверить блоки. Я выезжаю!

— Мы пробовали. Ничего не получилось... Что это, Коля?

«Что это? Хотел бы я сейчас знать, что это».

А в трубке раздавалось:

— Видимо, что-то нарушено в автоматике защиты. Мы с Баховым выходим в галерею. Связь будем держать по радио...

— Подождите, я приеду через двадцать минут! Не делайте ничего до моего приезда... Слышишь ты меня?..

Он говорил еще что-то несвязно и неубедительно, понимая, что они все равно пойдут, что иначе нельзя. И все-таки он кричал в трубку до тех пор, пока не услышал короткие гудки.

Получение сверхчистых, фантастически прочных металлов... Эта идея со студенческих лет не давала ему спокойно жить. Однажды на экскурсии ему удалось увидеть несколько тончайших нитей сверхпрочного железа. Сначала он не поверил, что эти ниточки ошеломляюще прочны, а поверив, потерял покой. Их, эти нити, выращивали, как нежнейшие цветы, и было страшно обидно, что эти нити — все, чего могли добиться целые коллективы ученых.

Он понял: необходимо сделать так, чтобы сверхчистого металла было много, очень много, столько, сколько нужно. И тогда уйдут в небо огромные и легкие космические ко-

рабли, над проливами повиснут словно сотканые из паутины мосты, ввысь поднимутся километровые мачты радиорелейных линий нет, он не мог представить себе всех чудес, которые могли бы произойти на Земле.

После кропотливых исследований и бессонных ночей появилась его идея, сначала смутная и неосознанная, затем все более четкая. Удивительную прочность сверхчистого металла определяет идеальная кристаллическая решетка. И он решил создать эту совершенную кристаллическую решетку, очищая газообразный металл в мощных электромагнитных полях, как очищают от пыли струю зерна, обдувая ее потоком воздуха.

Прошло десять лет, прежде чем он увидел свою мечту воплощенной в осязаемые формы экспериментального плазмокристаллизатора.

Установка была создана в результате труда десятков тысяч людей. И вот теперь все может рухнуть. Если радиоактивная плазма вырвется из своего убежища... Нет, этого не должно случиться!

Мчась по загородному шоссе, Николай напряженно старался представить себе, что произошло в седьмом отсеке. Откуда эта никем не предвиденная радиация?

Ему казалось, что он знает плазмокристаллизатор как свои пять пальцев. Когда на центральном пульте загорались сигнальные лампы и оживали стрелки приборов, он «видел» все, что происходит за многометровыми защитными стенами.

Вот в космическом вакууме предкамеры возникла ослепительная молния высоковольтного разряда. В тот момент, когда магнитные поля превратили ее из трепещущего куска небесного пламени в неподвижный тонкий жгут, из микроскопических форсунок в центр жгута врезаются ядра дейтерия термоядерный запал генератора. Вот отключаются разрядники, и в цепких объятиях электромагнитных полей остается лишь сиреневое дрожащее облако управляемой термоядерной реакции, маленькое искусственное солнце. В пульсирующих полях начинает биться жаркое голубое сердце. Струя газообразного металла — его кровь. Сердце вбирает ее в себя и, сжавшись, выбрасывает в трубу плазмовода нагретый до невероятных температур металл. Плазма движется по гигантской спирали, стиснутая полями-стенками, единственными стенками, способными выдержать ее звездную температуру. На пути плазмы фильтры захватывают тяжелые и легкие элементы, оставляя лишь чистый металл. Металл попадает в формовочную камеру и, осаждаясь на стенках формы, превращается в идеально прочную деталь.

Дорога стремительно бросалась под колеса. Сквозь сетку дождя асфальт казался серой бесконечной лентой, бьющейся на ветру.

«Процесс нельзя остановить, не дождавшись естественного конца реакции, и это главное! Если бы им удалось

приостановить повышение радиации, у них было бы время... Почему Инка повесила трубку?..

Конечно, они пошли... Нет уверенности в том, что фокусирующие обмотки работают нормально... Смогут ли они? Впрочем, их двое, у Бахова блестящий аналитический ум...»

Николай выжимал из машины все, что мог, и досадовал, что движется медленно. На поворотах его бросало из стороны в сторону, как мячик.

Когда Николай, задыхаясь от быстрого бега, распахнул дверь операторской, пульт полыхал красным светом — цветом опасности. Растерянные лица сотрудников. Инки среди них не было.

Взгляд механически зафиксировал брошенный посреди операторской скафандр. Николай по привычке хотел возмутиться, но тут же забыл об этом. Он бросился к пульту и отыскал взглядом ленту радиографа. Линия самописца исчезала за пределами бумажной полосы. Не видя ничего, кроме этой пустой ленты, он бросил:

— Говорите!

— Она приказала мне уйти... Я не хотел... Я... Мы так и не знаем, слышал он голос Бахова и, вздрогнув, оглянулся.

Бахов стоял за креслом, непривычно сутулясь и бессмысленно глядя в сторону. Николай видел его дрожащие губы, испуганные глаза.

— Вы здесь? Что случилось?

Бахов вздрогнул и в растерянности моргнул покрасневшими веками.

— Да говорите же, черт возьми! Где Волконская?

— Она там... — Бахов кивнул в сторону люка. — А я вот здесь...

Николай почувствовал, что еще мгновение — и он взорвется от бешенства и бессильной ярости. Он схватил Бахова за отвороты пиджака, но тут же опустил руки. Бахов все так же бессмысленно смотрел в сторону.

— Ну? — сказал Николай, до боли стиснув спинку кресла.

— Мы искали место излучения... седьмой отсек... Она решила, что это седьмой отсек. Там вышли из строя все датчики, а в шестом появилась сильная радиация... Идти стало опасно, и она приказала мне уйти... Я не хотел, но она сказала, что так нужно... Я был вынужден.

— Послушайте, — сказал Николай, сдерживаясь, чтобы не закричать, перестаньте хлюпать! Вы же ученый. Что вы видели там? И старайтесь говорить яснее.

— В четвертом отсеке нам пришлось разрушить блокировку люка. Она сработала из-за повышенной радиации... Доза излучения в пятом в шесть раз превосходила нормальную. Термографы в четвертом показывали повышение температуры трубы плазмоведа до сорока градусов. Связь резко ухудшилась из-за ионизации... Существенных нарушениях в четвертом не обнаружили. Индикаторы скафандров показали, что защита обеспечивает тридцатиминутное пребывание в отсеках... Я предполагаю, что в седьмом вышли из строя отклоняющие обмотки фильтров...

Вот оно! Именно то, чего он смутно боялся!

Бахов говорил еще что-то, но Николай его больше не слушал.

Если отказали фильтры, значит, плазма ударила в стенку, и с каждым мгновением грамм за граммом слизывает защитный слой. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы прикинуть время. Сорок минут! Сорок минут, и из них тридцать минут упущено... Значит, все взлетит в воздух через десять минут...

— Связь! Есть связь? Вы слышите ее?! — крикнул Николай и тотчас же услышал треск и шум в динамике и понял, что это и есть связь. Сквозь треск динамика вдруг прозвучал искаженный голос:

— Говорю из пятого отсека... Теперь ясно, что в шестом и седьмом отказали отклоняющие фильтры и не включились аварийные обмотки... У меня около десяти минут времени. Я попытаюсь вручную включить аварийные контакторы обмоток...

Голос на несколько секунд исчез в гуле и треске разрядов.

— В случае неудачи... Неудачи не будет, потому что нельзя... Если я включу только одну обмотку, переместится место удара плазмы в стенку... И тогда у вас будет в запасе еще сорок минут.

Голос снова утонул в хаосе шумов.

— Инка, слышишь ты меня, Инка! — кричал Николай в микрофон.

Из динамика вдруг донеслось:

— Кто пойдет за мной, должны идти...

Голос исчез.

Голос исчез и не вернулся.

Николай опустился в кресло, не видя ничего, кроме двух аварийных приборов на матовой стенке пульта.

Треск в динамике нарастал и опадал, как шум прибора. Стрелки приборов были неподвижны. Секунды стучали в виски.

Николай мысленно шел вместе с нею по длинным отсекам. Он почти физически ощущал тяжесть скафандра и сухость горячего воздуха. Вот она прошла мимо распределительного щита, подошла к люку. Его нужно открыть. Впрочем, блокировка уже снята. Теперь необходимо нагнуться, это так неудобно в костюме... В висках стучит кровь... Нет, это шум в динамике. Шестой отсек... Шестой! Там должно быть жарко. Снова распределительный щит, а рядом с ним блок контакторов. Хорошо, если работают двигатели, иначе ей придется отсоединять провод и включать ручную. Черт возьми, это невероятно трудно... У нее совсем нет времени!..

Крак! Николай вздрогнул и поднял голову. Бахов стоял рядом с ним и держал в дрожащих пальцах две половинки сломанного карандаша. Николай заметил мелкие бисеринки пота на бледном лбу. Он взглянул на свои руки. Они спокойно лежали на белой эмали стола.

...Стрелки были неподвижны. От пристального взгляда перед глазами у Николая все колебалось в зыбкой дымке.

...Три года он так же сидел перед макетом много часов подряд, и стрелки тоже были неподвижны — макет не хотел

подчиняться. Тогда Инка помогла ему. Она взяла его за руку, как ребенка, и увела прочь. Они долго шли по пустынной дороге, шли и молчали... И с каждым шагом в нем воскресла надежда...

Ему показалось вдруг, что одна стрелка дрогнула. Дрогнула, плавно пошла вверх и замерла на красной черте. Он услышал за своей спиной глубокий вздох и почувствовал испарину на лбу. Все молчали, только треск в динамике нарастал и опадал, как под порывами ветра.

«Теперь вторая! Только бы вторая!.. Нет, ждать нельзя».

Николай рывком поднялся, надел скафандр, почувствовал, что он непривычно давит на плечи. Вокруг молча стояли сотрудники. Лаборант Митя смотрел на него круглыми, будто пуговицы, глазами.

Все понимали друг друга без слов. Митя неловко надел на него шлем, больно оцарапав щеку. Николай подошел к двери и молча ждал, пока ему откроют. Дверь отодвинулась, приоткрыв темный, словно бездна, провал.

— Связь, — произнес он в микрофон.

— Есть связь, — ответил металлический голос в наушниках.

— Дежурный у пульта, остальные в убежище... Следите за седьмым отсеком.

Дверь за ним бесшумно задвинулась.

В тусклом свете аварийных ламп галерея казалась выброшенным штреком. Он быстро шел мимо змеящихся вдоль стен кабельных жгутов.

«Что с ней? Должно быть, ей пришлось скверно... Почему она молчит? Значит, седьмой отсек по-прежнему без изменений...»

— Слышите меня? — раздался в наушниках голос Бахова.

— Что седьмой отсек? — хрипло спросил Николай и замер.

— Седьмой без изменений... Как состояние?

— Все в порядке, — Николай снова почувствовал тяжесть скафандра и боль в обожженной руке. — Вхожу в первый отсек.

Он откинул неплотно прикрытый люк.

— Слушайте, Бахов, как там, по-прежнему никакой связи? — спросил Николай, хотя ясно понимал, что если бы она была, ему сказали бы об этом сразу.

— Никакой, — ответил Бахов.

«У меня тридцать две минуты. Нужно прибавить ходу».

Он быстро миновал распределительный щит и матовые цилиндры вакуумных насосов. Он шел теперь размашистым и неуклюжим шагом, громко ступая коваными подошвами по цементному полу. Вскоре пот начал попадать ему в глаза, а на губах появился соленый привкус. Ему все время хотелось отереть лоб под шлемом тыльной стороной ладони.

— Прошел второй отсек, — сообщил он, уже ни о чем не спрашивая.

Третий отсек встретил его первыми признаками аварии. Термометры наружных стенок кожуха показывали сорок градусов.

«Ого, — подумал он, — скоро будет жарко!»

Николай старался не думать о том, каково сейчас Инке. Теперь он точно знал, что ей наверняка плохо. Нестерпимо хотелось вытереть пот с лица. Он продолжал идти, чувствуя, как с каждым шагом уходит время. Потом он уже ни о чем не думал, он только шел.

Он вдруг почувствовал, что бежит, неуклюже спотыкаясь на гладком полу. Через минуту стало ясно, что такого темпа не выдержать долго. Он остановился и несколько секунд стоял, прислонившись к стене, успокаивая сердце. Потом он снова шел, напрягая волю, чтобы не бежать. Одна мысль жгла мозг: скорее, только бы скорее!

В четвертом отсеке термометры показывали шестьдесят пять. Он взглянул на часы — прошло еще три минуты... Связь молчит. Значит, она сделала все, что могла... Четвертый отсек. Он вспомнил сообщение Бахова. Когда они шли здесь, было около сорока.

— Алло, вы что-то сказали? — услышал он сквозь треск в шлемофоне. — Вас плохо слышно.

— Все нормально, — сказал он устало. — Температура в четвертом шестьдесят пять.

— Значит, в пятом должно быть восемьдесят... А в шестом... Слушайте, вам нужна помощь! Вы не выдержите!

Сквозь треск Николай уловил испуг в крике Бахова.

— А вы выдержите?—Он не мог удержаться от иронии.

— Я иду следом за вами...

— Оставайтесь на месте! Это приказ.

— Пожалуйста, не нужно приказов!

Николай почувствовал, что задыхается то ли от злобы, то ли от горячего воздуха.

— Перестаньте болтать, — сказал он грубо и выключил шлемофон. Теперь он будет ему не нужен. Так легче идти.

В горячем безмолвии раздавалось теперь только шарканье подков по бетону и прерывистое тяжелое дыхание.

Индикатор радиации в шлеме начал медленно разгораться. Красный светлячок рос и рос в длину, одно за другим поглощая деления шкалы. Николай первый раз взглянул на него, когда столбик стоял на отметке «30».

«Тридцать минут — и я стопроцентный покойник. Впрочем, есть шанс стать им раньше, — подумал Николай хладнокровно. — До взрыва, во всяком случае, я дотяну».

Неожиданно перед ним вырос люк. Он не сразу понял, что это вход в шестой отсек. Ему казалось, это еще не скоро. Николай остановился. Сердце стучало часто к неровно. Может быть, еще есть надежда... Только бы живая!

Николай распахнул люк. Даже сквозь скафандр он почувствовал сухость раскаленного воздуха. Отсюда, от входа, был виден распределительный щит, брошенный кожух привода, аварийный ящик с распахнутой крышкой и разбросанный по полу инструмент... Камера была пуста. Николай бросился к открытому шкафу аварийных пускателей и увидел лежащий на клеммах оплавленный скафандр...

Он не отвел взгляда. Что-то выше, чем его воля, заставило его стоять и смотреть. Он не опустил головы, он стоял и смотрел на оплавленный скафандр. Он не плакал.

...Дождь лил за воротник. В промокших ботинках хлюпала вода, а ноги вязли в набухшей от дождя пашне. Одурающе пахло влажной, теплой землей. Он почти бежал, не замечая хлещущих по ногам и груди колосьев. Лицо его было мокро от дождя.

...Только тогда это был пот, едкий соленый пот. И было трудно дышать. Во рту пересохло. Он несколько раз останавливался передохнуть, прежде чем снял кожух привода. Из подшипников редуктора лезла черная пена горелого масла. Видимо, редуктор плотно заклинило. Николай перевел пусковой реостат двигателя на максимальный ток, надеясь толчком повернуть редуктор. Двигатель надсадно взвыл, и из него повалил густой желтый дым.

«С двигателем покончено. Придется расклинивать редуктор и проворачивать вручную, — голова работала чет-

ко. — Очевидно, то же пыталась сделать и она, но у нее не было времени».

Николай засунул перчатку в редуктор и растер в пальцах черную смолистую массу. От масла осталась одна сажа. Он достал из аварийного ящика ключи и стал отвертывать муфту, соединяющую редуктор с валом выключателя. Болты подавались туго. Несколько раз ключ соскакивал, и Николай ударялся больной рукой о муфту. Наконец болты были сняты. Двумя ударами разводного ключа он сбил муфту с вала и мгновение стоял обессиленный. Голова кружилась, сердце судорожно колотилось где-то у горла.

Время! Время не ждет! Он оттолкнулся от стены и поднял разводной ключ. Теперь предстоит самое трудное: вручную провернуть тяжелый вал пускателя. Николай попытался сделать это, упираясь в шпонку разводным ключом. Налег всем телом. Шпонка неожиданно выскочила, он свалился на пол.

Нет, так дело не пойдет. Он поплелся к ящику с инструментом и насадил на ключ отрезок стальной трубы. Теперь рычаг стал вдвое длиннее. Николай вставил трубу в отверстие вала и повис на ней. Вал не поддавался. Тогда он уперся ногой в стену и рывком попытался стронуть его с места. Руки неожиданно ослабли, он снова очутился на полу.

...В ушах шумело, пелена застилала глаза. Им овладела бессильная ярость. Он поднимался, снова и снова рвал на себя неподатливый рычаг, повисал на нем, снова падал. Наконец стало ясно, что сил больше нет. Он сидел на полу и не мог пошевелиться. Все тело было наполнено тупой тяжелой болью. На смену злобе пришло равнодушие. И одна только мысль звенела в воспаленном мозгу: «Почему ты не дождалась меня?»

Он провел языком по вспухшим губам, сглотнул тягучую соленую слюну и очнулся. Нестерпимо хотелось пить. Индикатор под подбородком полыхал ярким рубиновым светом.

«Итак, не получилось, — подумал он неожиданно спокойно. — Ну что же, старина, остается всего один выход».

Он взглянул на панельные клеммы. Не было больше усталости и отчаяния. Мозг работал четко. Нужно рассчитать последний вариант, а потом попытаться еще раз. Последний, потому что следует экономить время и силы. Нужно еще успеть подняться к шкафу, встать над клеммами и упасть так, чтобы контакт был надежным.

Он вдруг вспомнил: «...кто пойдет за мной, должны идти...»

Она, очевидно, хотела сказать, что идти следует вдвоем. Уже тогда она знала, что для нее нет иного выхода.

Он с трудом поднялся, подождал, пока утихнет дрожь в коленях.

Затем поудобнее ухватился за рычаг и нажал...

В то мгновение, когда руки его вновь начали слабеть и он почувствовал, что теряет силы, вал неожиданно тронулся. Тронулся и начал медленно поворачиваться. Николай все ниже опускался вместе с рычагом, пока не понял, что аварийные контакты надежно замкнулись.

Сидя на гладком полу, не в силах пошевелиться, он вдруг почувствовал, что рядом кто-то есть, и с усилием поднял голову.

Позади него в такой же позе сидел Бахов.

...Вдруг Николай заметил, что дождь перестал. Он огляделся. Перед ним опушка леса, позади бесконечное поле. Невидимое заходящее солнце бросало сквозь края туч розовый мягкий отблеск. Вокруг было безмятежно тихо, лишь в глубине леса одиноко попискивала птица. Неожиданно он услышал за деревьями шорох шагов и тонкий детский голос, спрашивавший кого-то:

— Папа, а ты сильнее орла?

— Сильнее. Человек всех сильнее на свете.

Николай увидел между деревьями две фигуры — большую и маленькую. Из-за туч на мгновение сверкнуло солнце и опалило поле огненным отблеском.

— Пап, а солнца ты сильнее? — снова спросил детский голос.

— Нет, брат, — ответил папа и тихо рассмеялся.

Николаю вдруг захотелось подойти, к ним и рассказать, что, когда нужно, человек бывает сильнее солнца. Но они уже прошли мимо, только между деревьями мелькнули еще раз две фигуры — большая и маленькая.

Н. БЛИНОВ

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ

Фантастический рассказ

Сборник "Чайки над морем" Мурманск, 1966 г.

через тернии

днажды я добирался до Москвы из одного маленького городка на севере страны и случайно попал в скорый поезд Хельсинки—Москва. Тихо было в вагоне. Мягкая дорожка глушила шаги, холодно мерцали металлические ручки дверей. Серьезный проводник с морщинистым обветренным лицом, деликатно постучавшись, открыл дверь купе.

Два пассажира оживленно разговаривали и едва повернули головы при нашем появлении, не прервав разговора. Проводник тотчас ушел, показав мне свободную полку.

Признаться, я чувствовал себя не очень удобно. Известно, как неприятно бывает всегда вторжение незнакомца в уже обжитый дорожный коллектив. А тем более, иностранца — мои попутчики беседовали на английском языке.

Я знаю английский и, оказавшись в неловком положении, забился в угол и развернул попавшую под руку старую газету. Но против моей воли, словно назло, я отчетливо слышал каждое слово.

Нужно сказать, что по специальности я инженер, но принадлежу к той категории несчастливцев (а может быть, и счастливых — трудно сказать), которые на всю жизнь сохранили глубокую привязанность к литературе. И не только в пассивной форме. Одним словом, я пишу рассказы о технике. Видимо, именно по этой причине мне показался чрезвычайно интересным разговор двух молодых американцев.

— Видите ли, Дэви, насколько я могу судить об этом предмете, вся наша фантастическая литература в настоящее время все больше скатывается к детективному чтиву: лично огромную популярность этого жанра объясняю теми же особенностями человеческой психики, что и тягу к боевикам, комиксам и прочей литературной патологии всякого рода, — говорил высокий юноша с идеально прямым подбором в светлых волосах.

Мне понравилась его уверенная и спокойная манера говорить. Чувствовалось, что он отделяет свои мысли, облекает их в ясную законченную форму и с видимым удовольствием выкладывает собеседнику.

— Если ваши заключения в какой-то мере верны, то уж объяснения страдают несостоятельностью, — яростно возразил другой, сверкая очками и заметно волнуясь, — а вы не подумали, что дело тут не в особенностях человеческой психики, а в том, что у нас искусственно прививают интерес ко всякого рода патологии. И делают это методически, с помощью желтой прессы, телевидения, кино и литературы. И фантастика скатывается в это болото. Вы правы, потому что издатели требуют ужасов, секса, дикости...

— Однако если такое чтиво некогда начало давать прибыль, значит, оно затрагивало какую-то сторону психики.

— Человек всегда был любопытен ко всему необычному — не больше! Остальное — искусственно прививаемое извращение...

У меня начал чесаться язык. Молодой человек в очках продолжал говорить, размахивая руками:

— Фантастическая литература должна быть литературой высокого класса. И человек должен быть в центре ее...

Он на секунду остановился и, видимо, решившись, полез наверх, к чемоданам. Спустился Дэви с красным от напряжения лицом и протянул своему собеседнику стопку машинописных листов.

— Вот прочитайте... если хотите. За это я чуть не влип в скверную историю.

Высокий полистал страницы, взвесил на ладони бумагу и принялся читать. Дэви нервно поправил очки и уставился в окно.

Я не выдержал:

— Извините меня...

Оба дружно оглянулись в изумлении. Признаюсь, я сильно смутился, но делать было нечего.

— Извините меня... я явился невольным свидетелем вашего спора... Видите ли, я имею некоторое отношение к обсуждаемому предмету. И мне бы хотелось сказать, что я во многом согласен с вами... Дэви.

Мы разговорились. Американцы оказались веселыми и разговорчивыми парнями.

Я рассказал им о советской научно-фантастической литературе и подарил свой: рассказ, напечатанный в журнале «Техника — молодежи».

Перед самым Ленинградом я отправился в вагон-ресторан, а когда вернулся, в купе никого не было. Очевидно, мои попутчики вышли в Ленинграде. На столике возле лампы с матовым абажуром лежала стопка машинописных листов.

.....

Алан неподвижно уставился на клетку с двумя белыми мышами, укрепленную над головой. Мыши беспомощно кувыркались в воздухе, словно мячики, отталкиваясь друг от друга и от тонких проволочных сеток, однообразно попискивали.

Два раза в день, наскучив изображением равнодушных физиономий космонавтов, компания показывала эту клетку крупным планом.

«А чем, собственно, мы отличаемся от этих противных тварей с розовыми скользкими хвостами? Разве что на экранах нам уделяют на тридцать минут больше и оплачивают это долларами, а они работают бесплатно», — лениво подумал он и закрыл глаза. По распорядку дня ему уже двадцать

минут полагалось спать. Он слышал рядом ровное дыхание Френка и все больше раздражался.

«Хорошо ему, этому сопляку. Он, небось, упивается своей славой и видит во сне, как ему на грудь падает кинозвезда Дина Хейвортс, «самая красивая блондинка мира».

А на Бродвее неон вещает: «Если хотите быть так же бесстрашны и обворожительны, как Френк Холидей, курите «Парамаунт», любимые сигареты героя!» Щенка не грызет тоска. Ему не приходит в голову, что он похож на этих белых тварей в клетке.

А вы, капитан, похоже, сдаете. Впрочем, с самого начала было ясно, что это последний полет, если только можно назвать полетом этот рекламный трюк... Бессонница. Может быть, ностальгия, тоска по Земле, тоска по родине... Телекомментатор бы сказал: «Тоска по далеким Штатам не дает уснуть капитану Алану в бескрайней пустоте космоса. Он вспоминает свою маленькую Лиз, которая ждет его».

Нет, его не грызет тоска по Штатам. А Лиз; она не ждет. Их последняя встреча решила все. Это он знает точно.

...Это было за неделю до отлета. Он вернулся с последних тренировок. Лиз встречала его, стоя в стороне от галдящей толпы пассажиров. Одинокая тонкая фигурка у огромного окна, за которым лениво, словно слоны, шевелились порталные краны в свете прожекторов. Он сразу увидел ее, и в груди у него защемило.

— Я быстро старею — у меня появляются постоянные привязанности, — сказал он, глубоко вдыхая аромат ее волос. Она молча улыбнулась своей загадочной полуулыбкой.

Репортеров было мало: два-три заштатных сопляка. Очевидно, о его новом назначении ничего не знали — шеф сдержал слово. Но публика еще не забыла его, потому что многие пользовались зубной пастой с его фотографией на тюбике.

— Хэллоу, капитан! — кричали ему. — С приездом, кэп!

Он приветственно поднял руку и скрылся в машине Лиз. Они мчались по ночному городу, а он, обнимая ее теплые плечи, думал о том, как скажет ей о своем новом контракте.

— Весь месяц я считала дни... И каждый вечер радовалась, что прошел еще один день. Если бы я не знала, что ты в безопасности, я бы не выдержала.

— И я, — сказал он, — и я каждый вечер, в одиннадцать, перед тем, как заснуть, думал о тебе... Каждый вечер.

— Почему в одиннадцать, разве у тебя были тренировки? — спросила она, и Алан почувствовал, как вдруг напряглись и стали твердыми ее плечи.

— Привычка, — спокойно ответил он и поцеловал ее в шею.

«Еще несколько часов, — подумал он, — всего несколько часов!» Он не знал, у кого он просил их, эти часы.

Машина остановилась у загородного дома.

Ярко сверкали в темноте окна, хотя, он знал, в доме никого не было.

— Вот ты снова дома, — сказала Лиз, поворачиваясь к нему и глядя в зрачки своими бездонными египетскими глазами... Он сидел в низком кресле, удобно вытянув ноги и потягивал терпкое вино, глядя, как она хлопчет у стола.

«Рано или поздно это все равно должно было случиться», — думал он спокойно.

— Ты слышал, — говорила она, — наша фирма закончила подготовку рекламного полета на Венеру. Полетят двое, и один из них молодой оператор Френк Холидей. О другом я ничего не знаю. Многие надеются, что это поможет фирме избежать банкротства.

Алан не пошевелился. «Ну-ну, — подумал он, разглядывая на свет золотистый напиток, — еще немножко».

— Мне что-то ужасно не нравится возня вокруг этого дела. Я слышала недавно телефонный разговор директора Стивенсона, и мне показалось, что он готовит крупную пакость... У него какие-то сложные отношения с конкурирующей фирмой. И я боюсь, что они купили его за круглую сумму.

«Купили, так купили. Все равно выхода нет», — подумал он и тронул прямую шелковистую прядь ее волос. Он притянул ее к себе и посадил на колени.

— Радость ты моя, — сказал он, обнимая ее свободной рукой.

Утром, глядя, как она расчесывает волосы перед зеркалом, он решился.

— Послушай, Лиз, — начал он, чувствуя, что голос звучит слегка неестественно, — ты говорила о полете на Венеру...

Она резко повернулась к нему, прямые волосы качнулись и мягко легли на плечи.

— Нет... — сказала она. — Нет! Этого не может быть!

Он видел ужас в ее глазах.

— Да, — ответил он, — я не говорил тебе, но маклер обманул меня, и я спустил на бирже все свои деньги... я нищий теперь, понимаешь ты?

— Нет, — тихо повторяла она, — ты ведь обещал мне. О, Алан, что ты наделал!

Она опустила на стул и закрыла лицо руками. Гребень со стуком упал на пол.

— Это мой последний шанс. Мне ведь уже тридцать восемь... Иначе для меня все было бы кончено...

Она подняла к нему лицо, и он увидел, что глаза ее сухи.

— Так тоже, — сказала она. — Ты понимаешь, что так тоже!

— Да, — сказал он. — Но лучше пусть так...

...— Капитан, простите, сэр, что я вас беспокою, но через десять минут передача, — услышал он голос Френка и открыл глаза. «Проспал! Этого со мной еще не бывало...»

— Какого черта вы прервали мой счастливый сон? — заорал Алан, но, увидев испуганные глаза Френка, усмехнулся. — Впрочем, не огорчайтесь. Дальше там уже не было ничего хорошего... Так что спасибо.

— Не за что, — сухо ответил Френк и отвернулся. — Это мой долг.

«Парнишка, как всегда, воспринимает все всерьез. Никогда не думал, что на свете есть люди, абсолютно лишенные чувства юмора». Алан вытащил из-под гидравлического кресла пружинный эспандер и наскоро сделал зарядку.

— Что у нас сегодня? — спросил он, пережевывая безвкусную витаминизированную кашу из яркой тубы. — Опять: «Лучшее средство для укрепления нервной системы — апельсиновый сок фирмы «Миссисипи фрут лимитед»? Улучшает цвет лица и устраняет потливость!»

— Нет. Осмотр наружной части ракеты, — холодно ответил Френк.

— Ну что ж, через минуту я буду готов. Начнем с переодевания? — спросил Алан, наскоро выдавливая в глотку резиновую грушу с апельсиновым соком фирмы «Миссисипи фрут лимитед».

Френк, не отвечая, устанавливал камеру против кресла Алана.

— Включаю! — сказал он через мгновение.

— Валяй, малыш, валяй! — Алан поднял вверх подвижную шторку шлема, растянул на комбинезоне герметические застежки и привычным движением выбрался из легкого скафандра, не отстегивая его от кресла. Он плавно пролетел через всю узкую кабину и, мягко толкнувшись о пружинящий покров стены, ловко ухватился за скобу люка, где размещалась их маленькая кладовая. Скафандр остался в кресле, сохраняя формы человеческой фигуры. Откинутый шлем создавал впечатление, будто у человека в кресле отрезана голова. Френк плавно проследил камерой полет Алана и вновь повернул ее к креслу, фиксируя пустую оболочку человека с перерезанным горлом.

«Ловко работает, шельмец!» — подумал Алан, вытаскивая из кладовой плохо гнущиеся скафандры тяжелого класса. Он укрепил оба скафандра так, чтобы они не летали по кабине. Для этого ему пришлось засунуть их толстые ботинки в опорные петли стены. Теперь в «кабине» находилось уже пять человеческих фигур, три из которых были всего лишь пустыми оболочками. Алан аккуратно растянул все застежки скафандров, а затем согнул их рукава так, чтобы фигуры выражали отчаяние. Он дал возможность Френку во всех ракурсах показать эти фигуры с распоротыми животами. Этот трюк назывался: «Космонавты делают харакири».

Затем он начал залезать в упругий скафандр, барахтаясь и кувыркаясь в воздухе.

— Э, хватит! Помогите мне застегнуться! — крикнул он Френку, когда ему удалось втиснуться вовнутрь. Френк неловко застегивал клапаны. Алан заметил, что его пальцы дрожат.

— Не робей, малыш! Прогулка будет короткой, — крикнул Алан, забыв, что тот не может услышать его без шлемофона, и шлепнул Френка по плечу. Тот плавно отлетел в угол. Когда Алан затолкал его в скафандр и застегивал клапаны, Френк молчал, только губы его по-детски дрожали. Алан не мог понять, то ли от обиды, то ли от страха.

Проверив герметизацию скафандров, они втиснулись в узкую предкамеру и ждали, пока помпы отсосут воздух. Наконец, наружный люк отодвинулся, чавкнув остатками газа. Френк толкнулся и отлетел от ракеты, насколько хватало страховочного троса. Повиснув в пространстве, он начал возиться с передатчиком.

Венера висела слева по носу и была размером с луну. Она походила на детский шарик из мягкого голубоватого пластика. Звезды ослепительно сияли холодным неподвижным светом, подчеркивая крошечную черноту пространства. Алан включил магнитные манжеты и медленно двинулся вдоль корпуса. Это был единственный наружный осмотр по программе, и он хотел тщательно проверить все до начала обратного маневра. Где-то в подсознании гнездилось тягостное предчувствие опасности. Он вспомнил беспокойство Лиз. «Здесь что-то нечисто!» — сказала она. Тогда она еще ничего не знала о его участии и не стала бы говорить зря. Алан, косолапя, добрался до верхнего конуса.

Солнце бросало резкие тени на изрытую, как Луна, поверхность ракеты. Он проверил крепление солнечных батарей, осмотрел антенны локаторов и спустился к дюзам. Нескольким раз он влезал в раструб двигателя, проверяя, нет ли трещин. Все было в порядке.

— Ну как, старина, сколько минут нам еще паясничать здесь? У меня уже глаза слезятся от солнца! — устало ска-

зал он Френку, который медленно поворачивался в пространстве, шевеля камерой. «Господи, как все надоело!»

— Две минуты, — хрипло ответил Френк. Парню, наверное, было не по себе.

— Ну, включитесь на меня... Я буду показывать фокусы.

Алан присел, выключил манжеты и оттолкнулся. Он летел прочь от ракеты, вытянув над головой руки, словно ныряльщик. в воду. Выбрав страховочный трос; он отцепил его, и тот, как ровная стрела, простерся за ним в пустоте.

Он летел все дальше, не оборачиваясь, и безумное желание не останавливаться вдруг овладело им.

— Что вы делаете? — услышал он испуганный крик

Френка и выстрелил из ракетницы, протянув над головой руку. Расчет был точен, и, включив магнитные присоски, он обеими ногами встал на покатый бок корабля.

— Передача закончена, — сказал Френк.

— Закрываем лавочку, — ответил Алан.

Они по очереди протиснулись в ракету. Алан свернул скафандры тяжелого класса и, обвязав тюки резиновой лентой, запихал их в кладовую. Когда они влезли в «комнатные пижамы», как называл Алан легкие скафандры, и пристегнулись в креслах, Френк вдруг спросил:

— Скажите, капитан, зачем вы делали это?

Парнишке не понять, как ему тошно. Тому небось никогда не придет в голову, что это просто с тоски. И все-таки Алан сказал чистосердечно:

— Чтобы рассеяться.

— У вас, должно быть, большие неприятности... — тихо сказал Френк.

«А малый не так уж глуп!»

— Да нет... Скорее, просто тоска...

Они надолго замолчали. Алан начал думать о поворотном маневре. Завтра он должен скорректировать курс, облететь планету и разогнаться для обратного толчка. Он ввел координаты ракеты в калькулятор вместе с программой маневра и получил поправку. Машина подсчитала момент включения двигателя и время его работы. «Пуск

19.03.53 сек. пятый топливный отсек», — отстучал калькулятор.

«Пятый так пятый, тебе виднее», — сказал про себя Алан и, скомкав бумажную ленту, сунул ее в ящик стола.

Он вдруг вспомнил, как перед стартом столкнулся в ракете с механиком Джо. Это было как раз в вытяжном канале около пятого отсека. Джо был бледен. Бледность проступала даже сквозь его бронзовый загар. На затылке блестели мелкие капли пота.

— У тебя такой вид, словно ты вместо меня собираешься лететь на этом катафалке, — сказал ему Алан.

— Схватил простуду, — невнятно пробурчал Джо.

— Все в порядке? — спросил Алан. — Смотри, чтобы мы не остались там до второго пришествия нашего Иисуса Христа — И он указал пальцем вверх. Это была обычная шутка, но ему показалось, что Джо побледнел еще больше.

— Мое дело маленькое, — пробормотал он, глядя в сторону, — я ничего...

И начал быстро карабкаться вверх.

«Черт побери, неужели Джо? Не может быть!» Алан отстегнулся.

— Проверю топливную систему, — сказал он Френку.

Алан пролетел вентиляционный канал и, уцепившись рукой за поручень, пролез в боковой проход. У первого отсека он остановился. Слегка дрожали руки, когда он брал щупом каплю основной компоненты. Он осторожно размазал ее по обшивке. Затем, зацепив каплю присадки, поднес ее к выпачканному месту. Пламя ослепило его.

«Дьявольщина! У меня действительно не в порядке нервы!» Второй отсек тоже дал нормальную вспышку, но в третьем реакции не было. Алан снова и снова мазал стенку и подносил щуп с присадкой, но вспышки не было. Алан тщательно проверил остальные пять отсеков. Реакция была только в трех.

Пробираясь обратно, он прикидывал. Для обратного разгона годного топлива еще может хватить, но спуститься уже не удастся. Это очевидно. Шеф крепко, должно быть, зара-

ботал на этом полете. И Джо тоже перепало... Алан влез в каюту и пристегнулся в своем кресле. Френк что-то писал. Не иначе, дневники для потомства. Алан ввел данные в калькулятор и стал ждать. Бумажная лента бесшумно выползала толчками, словно кто-то выталкивал ее из узкого рта. «Пуск 19.03.53 сек. Минимальный расход топлива 3000, остаток 50». Все точно. Пятьдесят килограммов — этого хватит разве только для того, чтобы поджарить яичницу. Он запихнул ленту подальше в ящик и закрыл глаза.

Так это случается. Все кажется нормальным: горят лампы, едва струится воздух, пищат над головой мыши. Но что-то неумолимое и огромное надвинулось вдруг и давит на череп. Остается лишь безумное желание кричать дико и бессмысленно... Конец наступит не скоро. Еще месяц они будут мчаться обратно, понимая, что выхода нет.

Потом они пролетят мимо Земли, не в силах затормозить, крича о помощи... Да, это будет небывалая сенсация. Директор Майкл, наверное, сумел предусмотреть все и купил монополию на трансляцию. Фирма пойдет ко дну, какой-нибудь мелкий акционер покончит с собой. Это будет бессмысленная месть за две наших жизни. Чья месть? Кому?

Впрочем, все нормально. Мою жизнь купили — отвалили чистоганом, чего же еще? Я, по крайней мере, должен был знать, на что иду. А парнишку жалко. Он небось верит, что служит прогрессу. «Великое соревнование между Востоком и Западом! Престиж нации!» До престижа ли, если в воздухе запахло чистоганом.

Шеф Майкл рассудил здраво. Он уже продал свои акции по самой высокой цене...

— Время обедать, — услышал он голос Френка.

Парнишка хочет есть — это естественно. Еды у них много — постарались для рекламы. Гораздо больше, чем нужно на несколько месяцев пути. Несколько месяцев пытки. Может быть, стоит направить корабль на планету и сгореть в ее голубых плотных облаках. Это, во всяком случае, будет милосердной...

— Капитан, вы помните? Сегодня знаменательный день!
— сказал Френк, улыбаясь.

«Весьма знаменательный!» — подумал Алан.

— В восемнадцать по нью-йоркскому двухсторонняя телесвязь с Землей.

— Как же, как же, — откликнулся Алан. Он ощутил острое желание выпить. Выпить было необходимо. Он вытащил из аптечного шкафчика две пластмассовых груши со спиртом.

— Давай, старина, выпьем за этот знаменательный день!

Они приветственно подняли груши над головами и выдавили в горло. Френк закашлялся.

— Что за мерзость — сосать спирт из этой клизмы! Неужели не могли придумать что-нибудь поизящней? — сказал Алан ободряюще.

«Неужели не могли придумать что-нибудь поизящней? Мы — словно два ягненка, отданные в жертву безжалостному богу, должны ждать своего часа. Только ждать, и ничего больше... И размышлять о тщете всего земного...»

В колледже он хотел изучать литературу и считал, что быть самим собой — значит бегать за девчонками, спорить о достоинствах «риал скоч виски» и читать классиков.

*Что значит жить? — В борьбе с судьбой,
с страстями темными сгорать!*

Это из Ибсена. Да, именно сгорать! Он и сгорал, но не боролся. ...Армия, летная школа. Первый полет... Слава и деньги... Женщины и деньги... Вот и все! Нет; он не был самим собой. Человек не может быть самим собой на Земле. Разве что в космосе он был самим собой, да и то лишь в те мгновения, когда не думал о земной суете.

Френк брился, старательно водя электрической бритвой по розовым щекам и глядя в маленькое наручное зеркальце. Потом он тщательно причесался и поправил воротничок.

«..А может быть, все это просто случайность. И топливо вышло из строя-по какой-нибудь неведомой космической

причине? В космосе все может случиться. Это не поможет, не утешит. Френку, во всяком случае, будет легче. Обидно погибать, зная, что на этом кто-то заработал... Скажу ему после передачи. Не стоит портить парню удовольствие».

Голубоватый экран в стене осветился. По нему поплыли полосы и блики, словно солнечные лучи по мелкой морской ряби. «Лиз не придет», — успел подумать Алан и тотчас увидел ее. Она сидела в низком кресле рядом с маленькой старушкой с седыми старомодными буклями на щеках.

В большом зале телестудии сидели зрители и смотрели на огромный экран, закрывавший одну из стен зала. Телекомментатор, потасканный молодой человек с ослепительной улыбкой, восторженно кричал:

— Мы включились одновременно! Пройдет немногим больше минуты, и радиоволны донесут до них наше изображение, а мы увидим их такими, какими они были минутой назад. Телевидение на расстоянии ста тридцати миллионов километров! Вот она, техника нашего времени. Космонавты, наши славные ребята, сейчас рядом с нами.

Цивилизация предоставляет им возможность побеседовать с близкими, комфортабельно откинувшись в своих уютных креслах...

«А также комфортабельно умереть в их комфортабельной каюте!» — подумал Алан и пропустил окончание речи.

На большом экране телестудии они увидели себя. У Френка было напряженное лицо человека, прислушивающегося к урчанию в животе. Заговорила Лиз, не сводя глаз с изображения Алана на стене. Операторы заработали вовсю, показывая крупным планом ее печальные глаза, лицо Алана, ее руки, терзающие обивку кресла.

— Алан, милый, помнишь, я тебе говорила... Ты не хотел меня слушать. Мои подозрения подтвердились. Микки играет на понижение. Я не знаю, что они там устроили, но чувствую, что это очень серьезно. Я жду тебя...

Он видел две непроливающиеся слезы на ее ресницах.

Она замолчала. Алан заговорил, но его лицо на большом экране только начало слушать Лиз. Ему показалось даже,

что он видел легкую судорогу, когда ему пришлось до боли стиснуть зубы, чтобы не закричать.

— Лиз, я вижу тебя во сне... Каждый вечер в одиннадцать, перед тем как заснуть, я думаю о тебе. И каждое утро. Я уже выяснил. Ты была права. Дело плохо, выхода не предвидится. Прощай, — он поднял руку и пошевелил пальцами в воздухе. — Прощай, Лиз, и прости меня... Тут уж, ничего не поделаешь...

Говорила старушка в буклях, словно читала по бумажке:

— Дорогой Френк! Мы гордимся тобой и ждем тебя домой. Мой мальчик, береги себя и скорее возвращайся. Как твоё здоровье? Все передают тебе приветы и наилучшие пожелания, тетя Эмми, дядя Том... У нас все в порядке.

Старушка вдруг заплакала, беспомощно теребя кружевной платочек.

— Ма, что ты плачешь? — заговорил Френк высоким срывающимся голосом. — Все будет хорошо! Завтра мы уже поворачиваем обратно. Я здоров, кушаю хорошо... Скажи Анни, что я часто ее вспоминаю... Передай всем привет! Я вернусь, скоро вернусь.

Слова Алана дошли туда. Он понял это по тому, как вздрогнула Лиз. Она подняла к плечу руку и пошевелила пальцами — это был их знак прощания.

— Я буду ждать! — прошептали еще раз ее губы. Она улыбалась своей печальной полуулыбкой. Непролившиеся слезы дрожали у нее на ресницах.

— Почему же, «прощай», капитан Алан? До скорого свидания! — кричал комментатор, скаля зубы. — Впрочем, не будем любопытны. У каждого свои тайны!

Он кричал еще что-то о бравых парнях, которые не унывают.

Алан, не отрываясь, смотрел на знакомое лицо, застывшее, словно восковая маска. Потом экран погас. «Конец!» — подумал Алан.

Когда он повернулся к Френку, у того на лице бродила мечтательная улыбка, а губы беззвучно шевелились.

— Слушай, малыш, — сказал Алан мягко и положил ему на плечо руку. — Постарайся принять это спокойно... Дело в том, что мы не вернемся: в трех из восьми резервуаров топливо оказалось негодным. Хорошего хватит только на то, чтобы разогнаться. Затормозить мы уже не сумеем. Директор фирмы Майкл Стивенсон крепко нагрел на этом руки. Нас с тобой предали, малыш, и теперь несколько миллионов телезрителей смогут любоваться в течение полутора месяцев нашей агонией...

Френк медленно отстегнулся и вдруг бросился на Алана с перекошенным от ненависти лицом.

— Ты все врешь, врешь, подлец! — кричал он.

Френк не рассчитал толчка и, пролетев мимо, ударился головой о мягкую обивку стены. Несколько мгновений он барахтался в воздухе, беспомощно размахивая руками и выкрикивая жалкие ругательства, потом затих. Его медленно несло вдоль каюты. Он прижимал руки к лицу и тонко, подетски, всхлипывал. Тело его при каждом вздохе нелепо дергалось.

«Так выглядит истерика в состоянии невесомости», — подумал Алан. Он ухватил Френка за пояс и привлек к себе. Френк поднял к нему залитое слезами лицо и бессвязно заговорил:

— Нет, это неправда... Этого не может быть. Кому это могло быть нужно? Ну скажите, вы пошутили? — И он пытался улыбнуться дрожащими губами. Алан молчал, и Френк постепенно успокоился.

— Ладно, — сказал он, все еще судорожно всхлипывая, — но кому это было нужно?

— Видишь ли, наша фирма ведет жестокую борьбу с «Юнайтед Космик». И при этом проигрывает. Полет как раз и нужен был, чтобы поднять наши акции хоть ненадолго... Я в этом деле кое-что смыслю, потому что сам играл на бирже, когда имел много денег. И кто-то из правления, подозреваю, что директор Стивенсон, а может быть, и другие за большую взятку «Юнайтед Космик» устроили это дело с горячим... Очень немногие знали, что фирма прогорает. Те,

кто знал, продали свои акции, когда после нашего полета цены на них возросли... Остальные разорятся...

— Почему вы не сказали раньше? Надо связаться с Землей!

— Вряд ли это что-нибудь изменит. Доказать ведь ничего нельзя! Скажут, что мы рехнулись, что топливо протухло в полете. Да мало ли что можно придумать, когда нет свидетелей. Они будут показывать на экранах наше отчаяние и говорить, что мы сошли с ума от неизвестного космического излучения... Ну, этого удовольствия мы им во всяком случае не доставим! К чертям всю эту телевизионную дребедень!..

Френк сидел в кресле, бессмысленно уставясь на матовый экран. От него сейчас мало толку. Алан отодрал мягкую обшивку и отвинтил болты, крепящие листы переборки. Передающая система занимала весь простенок объемом в три кубических метра. Алан вынимал из гнезд электронные блоки и выставлял их один за другим к выходному люку. Они заполнили почти всю каюту. «Солидная масса! — подумал Алан. — Килограммов триста потянет». Неожиданная, фантастическая мысль вдруг пришла ему в голову. Он бросился к калькулятору, раскидывая коробки с аппаратурой. Ввел задачу и получил ответ: «необходимое уменьшение массы — 4529».

«Почти невозможно!» — решил Алан, надевая скафандр и перетаскивая ящики с телевизионной аппаратурой в предкамеру. Когда наружный люк открылся, он начал выбрасывать их один за другим. Они сталкивались друг с другом, переворачивались, медленно удаляясь. Последним полетел экран, ослепительно сверкнув на солнце выпуклой поверхностью. «Теперь отсоединить негодные резервуары с топливом. Это две с половиной тонны». Он вытащил из ящика стола электрические схемы регулирующих узлов и отыскал блок управления защелками. Чтобы закоротить контакты, ему пришлось отодрать еще часть обшивки; добираясь до соединительных колодок. По тому, как дрогнул корпус, он понял, что выталкивающие пружины сработали.

Френк следил за ним одними глазами, не поворачивая головы.

В этом взгляде не было никакого выражения, словно он смотрел на муху, бьющуюся о стекло.

— Слушай, — сказал ему Алан, — есть шанс... Небольшой, правда. Мы сможем приземлиться, если удастся уменьшить массу ракеты на четыре с половиной тонны.

Френк молча бросился в кладовую. Алан помог ему справиться с упругим скафандром. Вдвоем они отсоединили и выбросили все солнечные батареи и аккумуляторы, кроме тех, которые питали схемы управления и ориентации корабля, выкинули стол, настенный шкаф, аптечку, запасной скафандр, распилили и вынесли переборки и соединительные люки. Они работали, как одержимые, всю земную ночь, лишь изредка откидывая шторку шлема, чтобы вытереть пот.

К утру их уютная каюта представляла собой жуткое зрелище. С ободранных стен безобразными ключьями свисали остатки обшивки, дверные проемы зияли неровными краями. При слабом свете аварийных ламп обнажившиеся трубы системы охлаждения казались клубком дохлых пресмыкающихся. Только два кресла и пульт управления мирно сверкали никелем и лаком среди всеобщего хаоса и запустения. Воздух в каюте был мутным от пыли и едкого дыма металла, разрезаемого электрической дугой.

— Аккуратная работа! — сказал Алан, выбрасывая клетку с мышами и свой пружинный эспандер. Френк склонился над калькулятором и, как всегда, не оценил юмора.

Алан поискал, что бы еще выбросить, но, ничего не обнаружив, сел в кресло.

— Сколько? — спросил он Френка, устало проводя ладонью по потному лицу.

— Осталось девятьсот двадцать килограммов, — ответил Френк.

Тогда они выбросили запас продуктов. При мысли, что им придется целый месяц есть только безвкусные быстрорастиющие водоросли, Алан поморщился. Запасной комплект

радиоаппаратуры полетел за борт, за ним последовали приборы и индикаторы состояния корабля. Подумав, Алан выбросил установку для кондиционирования воздуха.

«Сваримся, — значит судьба. Кому суждено быть повешенным — тот не утонет».

Они неумоимо рыскали по всем закоулкам в поисках забытых предметов. Френк резал дугой остатки стен, но Алан уже ясно видел, что им не выбрать нужного веса...

И он уже знал, что сделает потом.

«Необходимое уменьшение массы 415», — отстучала машина.

— Все! — устало сказал Алан. — Больше выбрасывать нечего.

Они сидели молча в своих креслах и не шевелились. В воздухе медленно кружилась узкая бумажная лента из калькулятора, на которой был бесстрастно отпечатан их приговор.

«Четыреста пятнадцать килограммов, почти полтонны. Совершенно безнадежно! — думал Алан. — Итак, остается всего один выход».

— Ничего не поделаешь, — медленно сказал он, — одному из нас придется остаться. Вместе с креслом и скафандром в самый раз...

Френк молчал.

Не говоря ни слова, они отвинтили одно из кресел. Алан выбрал свое. Они разобрали его гидравлическую систему, вынесли все в предкамеру и туда же уложили оба скафандра тяжелого класса.

— Тот, кто останется, должен захватить все это с собой, — сказал Алан, когда они вернулись в свою растерзанную каюту.

До включения двигателей оставался ровно час.

— Если один из нас вернется, — сказал Френк, — он должен рассказать на Земле обо всем...

«Да. Должен, — подумал Алан, — но это ничего не изменит. Слишком много подлостей совершалось в мире за всю его историю, однако он не стал от этого лучше».

— Вечный закон, — сказал он. — Сильный пожирает себе подобных.

— Не может быть такого закона! — воскликнул Френк. — Нужно сделать так, чтобы его не было... Люди созданы совсем не для того, чтобы совершать подлости.

«При такой вере в «великую миссию», должно быть, трудно смириться с мыслью, что люди — всего лишь жалкие ничтожества, а общество, для которого жаждет совершать великие подвиги — не что иное, как стая волков, рвущих друг другу глотки из-за добычи, — с грустью размышлял Алан. — Впрочем, я сам себе противоречу... Что мне мешает выбросить мальчишку за борт и вернуться на Землю? У меня снова будут деньги, много денег. И женщины, не Лиз, так другие... А вместо этого мне кажется, что я чем-то виноват перед ним в этой гнусной истории» Быть может, он и прав. Быть может, стоит бороться... У него еще есть силы для борьбы, а я уже не способен, я устал... Впрочем, я никогда не был на это способен, зачем кривить душой перед самим собой? Борьба за что-то, кроме куска мяса — это удел вот таких фанатичных молокососов, воспринимающих все чересчур серьезно...»

— Пора кончать, — сказал он устало. Он оторвал от бумажной ленты, плавающей в дымном воздухе каюты, две полосы. На одной из них он написал «ЖИЗНЬ» и скатал обе в узкие трубочки. «В последний раз испытаю свою судьбу, — подумал он, усмехнувшись своему малодушию. — Мне всегда говорили, что я родился в сорочке». Он все еще оттягивал окончательное решение, уже ни на что не надеясь.

Два крошечных белых комочка лежали на дне шлема.

Френк побледнел и стиснул зубы.

— Я готов! — сказал он решительно и протянул руку.

— Нет, погоди, еще рано, — сказал Алан. — Пусть полежат.

«Это жестоко. Если парень проиграет, а по иронии судьбы так и должно случиться, то, что я сделаю, будет ему не под силу... Пусть уж лучше так...»

Алан еще раз проверил программу обратного маневра и

поставил рукоятку управления на индекс «Автомат». Он снял с себя легкий скафандр и, вытащив из предкамеры скафандр тяжелого класса, надел его.

— Пойду, проверю кислородные насосы... Если поле-
тишь ты, одному тебе не справиться, — ответил он на во-
просительный взгляд Френка. Он вытряхнул бумажные ко-
мочки ему в ладонь и привернул шлем. — Заодно выброшу
кресло.

Он последний раз оглядел ободранные стены каюты и
зияющие проемы дверей и захлопнул за собой люк пред-
камеры.

Он стоял в предкамере в полной темноте и слушал, как
работают откачивающие насосы, отсчитывая убегающие
секунды.

Наружный люк с шипением отодвинулся, и в лицо ему
глянула голубая планета. Она была теперь раз в шесть
больше Луны.

Алан, не торопясь, выбросил оба скафандра — свой лег-
кий и тяжелый Френка, свое кресло и гидравлическую си-
стему.

Мгновение он стоял неподвижно.

— Слушай, малыш, — наконец сказал он в шлемофон,
— постарайся вернуться. Трогать ничего не нужно. Про-
грамма задана. Автоматические системы сделают все за те-
бя... Может быть, тебе и удастся в чем-нибудь убедить лю-
дей... А я ухожу, я устал... Прощай!

Алан далеко в сторону отбросил свой реактивный пи-
столет, выключил магнитные манжеты и отцепил страхо-
вочный трос. Потом он оттолкнулся и полетел прочь, вы-
тянув над головой руки, как ныряльщик, бросающийся в
бездну.

—...Нет! — бился в шлемофоне отчаянный голос Френ-
ка. — Что вы делаете, капитан?

Его голос вдруг напомнил Алану Лиз, когда она говори-
ла: «О, Алан, что ты наделал!»

— Прощай! — сказал Алан и сделал тот самый жест, ко-
торый он называл «космонавты делают харакири».

.....

Я вспоминаю, как Дэви говорил мне, смущенно улыбаясь и глядя на усыпанные снегом по самые макушки сказочные деревья, плывущие за окном вагона:

— Я, знаете ли, давно пишу рассказы, но их не печатают... Издатели говорят, что им не подходит — слишком много размышлений...

И я бы никогда не рискнул публиковать этот рассказ, фамилии автора которого я так и не знаю, если бы не интуитивная уверенность, что именно для этого он и оставил его на столике купированного вагона в экспрессе «Хельсинки—Москва».

В. ПАРХОМЕНКО

ЛЮДЯМ ИЗ ВРЕМЕНИ МУДРЫХ

Фантастический рассказ

ЛЮДИ из БРЕЛЛОК МУДРЫХ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

По улочкам, стиснутым потемневшими от времени стенами домов, он поднимался на вершину холма. И даже не чувствовал, что поднимается, так извилисты и запутанны были улицы древней крепости. Двадцатый век остался там, за зубчатыми стенами.

Он шел сквозь калейдоскоп далекого прошлого. Вот баня пятнадцатого века, мечеть двенадцатого... И как всегда, чуть пьянящим было ощущение простора и света, которое испытал он; выйдя внезапно из лабиринта улиц. На вершине холма раскинулись дворцовые постройки. Улица подводила к ним, оканчиваясь широкой, вымощенной каменными плитами верандой. И сразу за главным входом, в какой-то удивительно продуманной небрежности, komponуясь по вертикали, возникали четырехугольная глыба дворца, диванханэ, мечеть, усыпальница. Камень-песчаник, когда-то золотистобелый, с возрастом потемнел. Искусство мастеров, живших пятьсот лет назад, скрыло линии кладки, и здания стояли монолитные, будто сами собой выросшие из скалистой верхушки холма.

Он миновал главный вход, свернул налево и вошел в маленькие ворота. Перед ним открылся квадратный двор, окруженный с трех сторон сводчатой галереей. Посредине — каменный шатер на высоком цоколе, увенчанный полукруглым куполом.

Здесь начиналось неизведанное. Много лет ученые ищут и не находят ответа на вопросы: для чего предназначалось это сооружение? Кто создал этот единственный в своем роде шедевр? Почему не закончена его отделка?

В черном подземелье под восьмиугольным залом он обнаружил вчера еще одно помещение. Он взял с собой переносную лампу с длинным шнуром, фотоаппарат и молоток. Предстояло основательно изучить эту камеру. Возможно, из нее есть еще какой-нибудь скрытый ход. Он считал это строение мавзолеем, и где-то в глубине души надеялся найти подтверждение этому — тайную гробницу, или что-нибудь еще... Такие случаи бывали. Хорошо скрытая камера была отличным местом для этой цели.

Поиски он начал с самого простого — выстукивания стен. Несильно ударяя молотком по камню, он прислушивался: не прозвучит ли удар глухо, выдавая скрытую пустоту?

Тук-тук! Тук! Оставалась одна стена, что против входа. И вдруг обострившийся слух его уловил разницу в звуках. Он оглядел поверхность стены и заметил чуть видный шов. Провел по нему ногтем. Шов поддался. Тогда он стал счищать глинистое вещество ножом. В стене все четче проступала щель. Наметился квадрат — тридцать на тридцать.

Щель становилась все глубже. Он не знал, сколько часов продолжалась эта до изнеможения тонкая, почти ювелирная работа. Но вот, наконец, штукатурка выбрана из щелей вся, до последней крошки. Он стал раскачивать камень из стороны в сторону, сверху вниз, пытаясь освободить его... Камень чуть шевельнулся. Видимо, он не такой толстый, каким кажется. Осторожно, боясь дохнуть, он стал выбирать камень к себе. Идет! Плохо, но идет. Уже можно ухватиться пальцами за бока...

За камнем ничего не было. Черная пустота, откуда пахнуло стоялым воздухом.

Он ухватился за переносную лампу. Путаясь в проводах, чуть не обрывая их, дотянул до отверстия. Медленно стал вводить внутрь. Взору открылась комната, такая же, как и та, где он находился.

— Нет, нужно подойти поближе! — решил он, и стал расширять отверстие.

Подался еще один камень. Этого было достаточно. Он протиснулся сквозь образовавшийся проход и подтянул шнур с лампой. В дальнем углу он увидел кучу истлевшего тряпья, прикрывавшего желтые кости скелета.

...Итак, все закончилось банальной «страшной историей», похожей на те, что в изобилии сочинялись еще в конце прошлого века. Тайная подземная камера, замурованный узник и, конечно, посмертная записка, оставленная неведомым страдальцем!.. Он ничуть не удивился, увидев рядом со скелетом что-то похожее на коричневатую растрепанную книгу.

Он осторожно поднял книгу (это, действительно, была книга из хорошо сохранившегося пергамента), раскрыл ее. Пергамент сильно потемнел, но все же можно было различить затейливую вязь арабских писмен. Листы легко отделились друг от друга.

Поднеся лампу к листкам, он стал читать. Прошел час, другой. Он так и не догадался сесть, или выйти на воздух. Когда была перевернута последняя страница, он поднял, наконец, голову, и долго смотрел перед собой невидящим взглядом. Потом снова поднес к глазам последнюю страницу пергамента. На ней крупными кривыми буквами было нацарапано: «Ищите шар! Он спрятан во дворце!»

«Слава Аллаху, милостивому, милосердному! Сегодня, в год 832-й хиджры, я, мехмар Мухаммед Али, начинаю эту повесть и постараюсь довести ее до конца. И пусть каждый, кому попадет на глаза плод моего труда, помнит, что в нем все правда — от первого до последнего слова. Я обращаюсь к тебе, друг, человек из времени мудрых. Если время твое пришло, прочти, и ты поймешь все. Прочти, и кем бы ты ни был — почтенным аксакалом, которого годы наделили терпением и мудростью, или пылким юношей, поспеши найти чудо, о котором расскажет тебе мехмар Мухаммед.

С детства я хотел стать мехмаром — строителем крепостей. Так и получилось. С большим трудом отец отдал меня

в школу, где на своих плечах испытал я тяжесть любимой пословицы нашего муллы: «Страх есть преддверие мудрости и добра для ребенка».

Властитель наш — ширваншах — просвещенный, умный, но жестокий человек.

Чтобы закрепить свою власть, он взял в жены праправнучку Тимура, грозного Хромого, и говорят, поэтому все беды с тех пор стороной обходят нашу страну.

Город Вечных огней на берегу Хазара строится и растет. Много работы каменотесам, плотникам, художникам. И мне повезло: я стал придворным мехмаром. Вот как это произошло.

Однажды ширваншах призвал меня во дворец. Я поднялся по крутой каменной лестнице и вошел в высокую дверь. Здесь, в зале со сводчатым потолком, ширваншах вершил государственные дела. Он сидел в кресле прямо напротив двери. Стена позади его была покрыта огромным шемахинским ковром. Я заметил, что это высокий, широкоплечий человек. Лицо у него гладкое, молодое, а в черных волосах блестят серебристые нити. Он был облачен в роскошные одежды.

Еле заметным кивком головы правитель велел мне приблизиться. Я подошел и низко склонился перед ним.

— Мы вызвали тебя, мехмар Мухаммед, чтобы доверить твоему искусству самое дорогое, что у нас есть, — сказал ширваншах. Голос его был звучным и низким.

Он ждал.

— Тебе поручаем построить мавзолей, который прославил бы на века мудрость основателя нашего рода. Мы слышали, что искусен ты в деле своем, и не ждем от тебя сегодня ответа. Живи во дворце, будь нашим близким слугой и думай. Через год представишь изображение мавзолея.

Я низко склонился перед могущественным властелином и, пятясь, дошел до двери. Так началась моя придворная жизнь.

Прошел год; Я много узнал за это время. Прочитал книги великих математиков Востока Джемшида ибн Мас’уд

ибн Махмуд Гияс-ад-дина Каши, его учителя, моего земляка Мухаммеда Насир-ад-дина Туси и многих, многих других. И если бы в то время меня разбудили ночью и велели рассчитать мукарнас, или куббэ, я, ни секунды не задумываясь, смог бы начертать эти сложные построения. Ширваншах распорядился, чтобы обо мне позаботились, и это было исполнено. Я получил богатые одежды и удобную комнату.

Наступила Ночь Предопределения — Лейлятул Кадр. По древнему обычаю в эту ночь небесные силы определяют судьбу каждого человека. Поздно вечером призвал меня к себе правитель.

— Год прошел, мехмар Мухаммед, надеюсь, ты добросовестно выполнил наше повеление?

Изображение мавзолея, которое я с большой тщательностью изготовил из кусочков дерева, понравилось ширваншаху.

— Завтра начнешь! — сказал он.

...С большим волнением подхожу я к этому месту моего рассказа. В тот день землекопы вырыли в скале несколько глубоких ям. Приближаясь к месту постройки, я услышал голос каменотеса и лучшего в городе резчика Джамала. На площадке почему-то никто не работал. А в одной из ям копошились двое землекопов.

— Джамал, почему стоят люди?

— В яме что-то нашли, Мухаммед-ага. Сейчас очистят и принесут нам.

Скоро подошли землекопы. В руках одного из них был гладкий шар. Его поверхность сверкала, будто лезвие только что отполированного клинка. Мне никогда не приходилось видеть такого удивительного блеска у вещей, найденных в земле.

— Серебряный! — услышал я за спиной шепот.

Сдерживая волнение, я прикрикнул на них и велел продолжать работу. Шар я забрал с собой. Он был небольшим, с два кулака, но тяжелым. Я отнес его в свою комнату, положил в угол на подушки и вернулся к землекопам.

К себе я возвращался поздно вечером. Ночь была темная, но я привык к переходам из дворика в дворик, и быстро дошел до своей комнаты. Не зажигая фитиля в чаше с нафтом, лег.

Собираясь уснуть, я, как всегда, повернулся на правый бок. Глаза, привыкшие к темноте, стали различать смутные очертания предметов. «Луна вышла из-за туч», — подумал я, и тут же почувствовал, что сна как не бывало. Какая луна? Ведь сегодня новолуние! Великий астролог и Философ Сеид Яхья на всю ночь заперся у себя, чтобы беседовать со звездами. Откуда же свет?

Он исходил не от окна, а из самого темного угла комнаты. Я пригляделся — это светился шар!

В ту ночь я — последователь великих философов и мудрый мехмар, как звали меня придворные, испугался, словно мальчишка. Это могли быть козни джинов, которые вознамерились погубить меня. Затаившись, я ждал, что произойдет дальше. Не разорвется ли шар на тысячи кусочков, выпустив с дымящимся облаком страшное чудовище? Постепенно страх сменился любопытством. Свет не становился ярче. Он был нежным, серебристым, мерцающим. Я встал, и медленно, все еще робея и в то же время боясь спугнуть это чудо, стал приближаться к шару. Там, внутри его, что-то клубилось, переливалось, легкие тени пробегали в глубине. Я поднес руку к шару и не ощутил никакого тепла. Решившись, коснулся его — и тут же отдернул руку: шар был холоден.

Долго стоял я над странной находкой. Что бы это могло быть? Как очутился в яме сверкающий шар? Почему горит он холодным огнем?

Мне казалось, что я различаю очертания каких-то предметов. Я протер глаза, потрянул головой. Нет, я не спал! Все происходило наяву. За окном дрожали в чистом небе звезды. Когда же рассвело, и на небесном куполе осталось совсем мало звезд, внутри шара что-то зажужжало, и он погас.

Весь этот день я был как в лихорадке. Джамал отвел меня в сторону и тихо спросил:

— Мухамед-ага, уж не сглазил ли тебя кто-нибудь?

Я не ответил. Джамал ушел, а, когда через некоторое время вернулся, в руке у него был лист бумаги.

— Это молитва от дурного глаза. Прочтешь ее на ночь!

Вот что написал резчик:

«Бисмиллахи, рахмани рахим! Именем Аллаха всемогущего, именем семидесяти семи пророков, ста тридцати трех имамов, именем Хазрати Али, Хазрати Гусейна, Хазрати Гасана, Хазрати Аббаса, от злого глаза, от злых желаний, большого рта, длинного языка, острых зубов, от голубооких, зеленооких, тонкобровых, короткоуких, короткошеих, узкоплечих, от злого и недоброго, от худого и жирного, от черного и белого, от огня и воды да будет спасен Мухаммед-ага!»

Мое имя этот добряк подчеркнул двумя жирными линиями. Он не знал, что ни одно зло, перечисленное в молитве, не коснулось меня. Я был болен нетерпением и любопытством. Я ждал наступления темноты. Засветится ли снова шар?

Едва солнце спустилось за высокие холмы, окружающие Город Вечных огней, как я был в своей комнате. Шар по-прежнему лежал на подушках в углу. Я сел рядом, и смотрел, не отрывая глаз.

Все больше сгущались сумерки. Ночь медленно вползала в комнату. И вот, что-то произошло с шаром. Послышалось тихое жужжание. По серебристой поверхности пробежало облачко. Потом шар стал прозрачным и засветился изнутри нежным светом.

Сияние разгоралось, и чем больше сгущалась ночная тьма, тем больше шар становился похожим на полную луну.

А, может быть, это и есть луна? — мелькнула мысль. Я даже выглянул наружу, но увидел узенький серп.

Снова стоял и на коленях, склонившись над шаром. Чего только не передумал я в эту долгую ночь! То казалось, что это окно в потусторонний мир, и Аллах по милости своей явил мне особое благоволение, позволив при жизни загля-

нуть в обитель вечности. И тогда, не отрывая взгляда от сияющего шара, я начинал читать благодарственные молитвы. Потом я решил, что это враг правоверных соблазняет меня, и заклинания от нечистого торопливо слетали с моих губ. Я подумал было о том, чтобы обратиться к одному из придворных мудрецов за советом, но, вспомнив их острые языки и любовь к пересудам, отказался от этой мысли.

А шар тем временем сиял и переливался лунным светом.

Так продолжалось до утра. На рассвете сияние померкло.

Жизнь, между тем, шла своим чередом. Я торопился с сооружением мавзолея.

Уже заложен фундамент, поднялся над землей цоколь. На него легли первые камни будущего портала. Дела шли хорошо...

А ночами я следил за шаром. Бывало, какие-то тени затемняли его сияющую поверхность. В такие ночи мне казалось, что это — живое существо, и я разговаривал с ним, словно с другом. Я поверил ему свои горести, рассказывал о мавзолее, о дворе и ширваншахе, который будто бы забыл о нас.

И вот, наступил вечер, когда мне показалось, что шар действительно ожил. Еще не успело стемнеть, а он уже зажегся. Мне показалось даже, что он шевельнулся на своем мягком ложе из подушек.

Я устроился поудобнее, приготовившись к ночному бдению. Потом сказал:

— Ну, здравствуй, друг!

И вдруг, словно эхо, донесся голос:

— Здравствуй, друг!

Слова были моими. Но голоса я не узнал. Видно, это сказал какой-нибудь шутник, спрятавшийся за дверь. Я вскочил, подбежал к двери — там никого не было. И тогда, подсев к шару, я снова повторил:

— Здравствуй, друг!

И какой-то неживой голос громко повторил в тишине мои слова.

Сомнений быть не могло. Я проклят. Шайтан поселился в моем доме. Весь трепеща от страха, я поднялся и направился к двери, чтобы бежать из этого безбожного места.

Всю ночь плутал я по узким улицам города. Утром, едва открылись мечети, я поспешил в одну из них, чтобы скорее очиститься в светлом роднике веры. Три дня посвятил я молитвам и благочестивым размышлениям. На четвертый вернулся в свою комнату. Здесь все оставалось на месте, и шар лежал на подушках.

К вечеру мы снова остались вдвоем. Я соскучился по таинственному сверканию шара. И когда он начал светиться, я, сотворив молитву, снова сказал:

— Здравствуй, друг!

И в ответ донеслось:

— Здравствуй!

Теперь я уже ничего не боялся. Так было угодно Аллаху, который решил просветить меня, жалкого червя. И я ждал, что будет дальше.

Голос зазвучал неожиданно. Мне он опять показался неживым, будто говорил человек с железным горлом.

— Слушай!.. Слушай!.. Слушай!.. Человек!.. — голос был ровным, без всякого напряжения. — Слушай!.. Человек!.. Ты, житель планеты Земля, первым воспримешь голос далеких миров!.. Понял ли ты меня?.. Отвечай!..

Я молчал. С кем разговаривать?

— Я пойму тебя. Отвечай! — снова произнес голос, будто разгадав мои мысли. Он звучал все так же мертво и медленно.

— Господин, я весь — зрение и слух — выдавил я, наконец.

— Человек!.. Эти звуки, повторяющие вашу речь, идут из шара. Он может смотреть, может слышать. Все эти ночи шар изучал тебя, твой язык, и сейчас говорит с тобой...

— Великая сила дана тебе, господин! — снова пробормотал я.

— Слушай внимательно и постарайся понять. Много тысяч раз обернулась Земля вокруг Солнца с тех пор, как с далекой планеты вылетел наш звездный корабль. Он искал жизнь в других мирах. Мы достигли Земли и встретили людей. Но они еще не обладали достаточным разумом и даже не знали железа. Корабль не мог долго здесь оставаться. Кончился запас его сил (я не могу найти другого понятного тебе слова).

Путешественники решили улететь и вернуться сюда через несколько ваших лет. Они оставили на земле шары, которые должны собирать и хранить наблюдения. Но корабль, наверное, погиб на обратном пути. И на далекой планете так и не узнали о вашей молодой, богатой животворным воздухом и водой Земле...

...Я слушал и ничего не понимал. Будто густой туман окутал мой разум. Как может летать корабль? Откуда появились на звездах путешественники? Почему серебряный шар обрел голос и беседует со мной? Но я спросил только:

— Объясни; почтенный, откуда пришли ты и твои друзья?

— Это большая и трудная дорога, человек! Есть на нашем небосклоне чуть заметная звезда. Вокруг нее вращаются пять планет, таких, как Земля...

Голос рассказывал, а на поверхности шара разворачивались картины, о которых он повествовал. Я узнал знакомое по рассказам астролога Сенда Яхьи созвездие Лебедя. Оно быстро приближалось, и теперь уже видна была лишь одна звезда, которая светилась все ярче. Наконец, когда она засверкала ослепительным блеском, я заметил маленькие шарики, двигавшиеся вокруг звезды. Стал быстро расти один из шариков. Вот, это уже целый шар, иссеченный какими-то черточками, окутанный дымкой. Все ближе, ближе...

Я смотрел. Это была земля, но не наша, выжженная зноем. Я увидел город, и он не был похож на нашу крепость. Удивительные картины проносились передо мной.

Так начались наши беседы. Они продолжались ночь за ночью. Голос много спрашивал. Он хотел знать все: как

строим мы свои дома и дворцы, как выращиваем виноград, инжир и шафран, что едим, как молимся. И когда я думал, что его вопросы иссякли, вдруг появились новые. Казалось, конца не будет этому ненасытному любопытству.

Но он не только спрашивал. Он рассказывал и показывал. И постепенно я стал забывать о черных силах, о злых духах. Я привык к мудрому Голосу. Иной раз я даже забывал, что это — не человек.

Недолго наши беседы оставались под покровом тайны. Сплетники-придворные стали поговаривать о таинственных ночных бдениях мехмара. Особенно изощрялся один мулла. Он красил для важности бороду и усы в красный цвет, и всегда ходил с наклоненной головой, бормоча стихи Хафиза или Саади.

Как-то он подошел ко мне и сказал:

— Мехмар-ага! Я вижу, тебя гнетет какая-то тяжесть. Поделись своей пошей, и она станет вдвое легче!

Не помню, что сказал я ему тогда, но он и после еще несколько раз подходил ко мне. Я устроил осторожность.

И, все-таки, беда случилась. Как-то ночью наш разговор был особенно оживленным. Мы спорили о добре и зле. Вдруг я услышал стук в дверь. Накинув на шар плотное покрывало, я пошел открывать. Это был краснобородый мулла.

— Я услышал, мехмар-ага, как ты с приятелями споришь о возвышенных вещах и решил напиться из источника вашей мудрости. Могу ли я присоединиться к вам?

— Солнце рода моего, — ответил я ему в тон, — да буду я твоей жертвой! Тебе, видимо, приснилось все это, мудрый мулла. Зайди и убедись: здесь никого нет.

Он не постеснялся зайти и окинуть взором гиены мою комнату. Не увидав никого, мулла удалился, многократно извинившись.

Но не зря говорится: кто подошел к двери, тот и через порог переступит. На следующую ночь я услышал за стеной шорох. Он был совсем слабым, подобным дуновению начинающего свой полет хазри. Быстро, как только позволили

мои непривычные к бегу ноги, я бросился к выходу. Но противник оказался резвее. Я заметил лишь тень, метнувшуюся за угол. Мне показалось, что я узнал краснобородого. «Если здесь шакал, — подумал я, — то может появиться и лев». И стал искать, куда бы спрятать шар.

Я не успел. Из-за двери донесся звон оружия, и послышался голос муллы:

— Сюда, сюда.

Мутаки, ковер, маленький столик-кюersi — все перевернули грубые руки стражников. С содроганием ждал я, когда доберутся они до шара. И вот, раскиданы подушки в углу. Я закрыл глаза. А когда открыл их — онемел от изумления — шар не светился.

Они унесли шар, унесли, несмотря на мои мольбы. Всю ночь терзал жар мою бедную голову. Что будет со мной?

Утром я выждал время, которое властелин обычно посвящает государственным делам, и пошел во дворец. Кланяясь придворным, спускающимся со ступеней, ждал.

Наконец, векил — блюститель дворцового порядка — подошел ко мне.

— Величие мира готов выслушать своего мехмара, — сказал он.

Я вошел в знакомый зал. Здесь почти ничто не изменилось. Только ширваншах, казалось, стал еще величественнее, и халат его — роскошнее.

— Что привело тебя к нам, мехмар? — спросил он.

Запинаясь от волнения, я правдиво изложил историю с находкой. По тому, как заинтересовался рассказом властелин, как внимательно он слушал, я понял, что шар еще не попал к ширваншаху. Когда я кончил, он надолго задумался.

— Так ты говоришь, что беседовал по ночам с волшебным шаром, и Аллах благословил эти беседы? — спросил он потом.

— Да, повелитель. Я молился, и молитва моя была услышана.

— Чуден рассказ твой. Такого не слыхали мы ни от придворных поэтов, ни от сказочников.

Он обернулся к стене и приподнял край ковра. Показалось узкое темное отверстие.

— Позвать сюда юзбаши! — приказал он. И снова, приняв свою полную величия и бесстрастности позу, обратился ко мне. — Почему же не донес ты нам о своей находке немедленно?

Я пробормотал что-то о любопытстве, которым наказывает враг правоверных, но видно было, что ему не интересны эти объяснения.

В зал вбежал юзбаши.

— Твои стражники взяли сегодня ночью у мехмара серебряный шар. Это правда?

— Да, великий шах! Мы хотели принести этот колдовской шар сюда, но мулла отговорил нас, опасаясь за твою бесценную особу...

Ширваншах махнул рукой.

— У тебя разум осла, юзбаши! Как может повредить какой-то шар нам, чьи власть и особа угодны небу? Сейчас же принести его!

Через мгновение юзбаши появился, сопровождаемый нукером. Тот держал поднос.

А на подносе я увидел мой шар. Нукер положил поднос на низкий столик из сандала и удалился.

— Это и есть твой заколдованный шар? — спросил ширваншах. Во взгляде его я заметил настороженность.

— Да, повелитель.

— Ты говорил — он светится... Пусть покажет нам свою силу!

— Не в моей власти приказать ему, шах...

Наступило молчание. Мы стояли возле столика, на котором лежал мой серебряный друг. Я первым услышал знакомое жужжание. Шар засветился. По его поверхности проплыли тени. И вот, под сводами зазвучал громкий голос:

— Человек!.. Объясни, кто стоит возле меня!.. Это твой друг?

При первых звуках Голоса ширваншах вздрогнул и от-

прянул к стене, но тут же пересилил страх. Лицо его приняло выражение гордого спокойствия. Это был смелый человек.

— Разъясни духу, спрятанному в шаре, разницу между нами, — сухо сказал он. — Этот шар не очень мудр, если не может отличить раба от господина.

Шар молчал. Наверное, он думал. Потом, как всегда, медленно, отделяя слова, будто костяшки четок, друг от друга, зазвучал Голос.

— Господин?.. Ты?..

— Да! — все так же сухо подтвердил шах. — Я повелитель этого народа. И этого человека... — Он кивнул на меня.

— Твой... вид... и другие признаки, которые я могу уловить, говорят о том, что ты — тоже человек. Это так?

— Я властелин!

— В моей памяти заложены сведения о древних временах, когда и на нашей планете люди были разделены подобным образом, — снова зазвучал Голос.

— Ты хочешь сказать, что не везде существует священный порядок? Что где-то власть, данная Аллахом избранным, перестала распространять свою мудрость на людское стадо?

— Да, человек! — Голос был как всегда спокойным и ровным. — Это так! У нас господствует закон разума, закон добра. Долг мыслящего существа — всюду нести добро. Люди объединяются в одну семью под знаменем разума. Ни сила, ни случай не могут возвысить человека. Все решает разум...

— Это грязная выдумка низкородных! Люди не могут жить без сильной и жестокой власти. Не будь такой власти, и страна захиреет, зарастут верблюжьей колючкой дороги, развалятся рабаты, а мужчины превратятся в женщин, и руки их не смогут поднять меча... Что станет со стадом без пастуха? Его разгонят волки. И овцы найдут свою смерть, дрожа от страха и бессилия. А что есть наш народ, как не стадо овец?.. Ты лжешь, шар, хоть мне и говорили, что ты мудр.

— Я не могу лгать. Истины, заложенные во мне, многократно обдуманы и проверены опытом. Люди — часть целого человечества, мыслящие существа. Не путай их с овцами, которым не дано могущество разума. Возвышает людей, объединяет их — разум. Умнейшие живут для общего блага. Смотри!

И снова стал я свидетелем удивительной жизни существ с другой планеты. Существ, похожих на нас, но несравненно более мудрых и добрых, чем мы. Я уже знал эту неземную жизнь. Шах видел ее впервые. Он пожирал взором меняющиеся картины. А голос говорил. Шах то и дело порывался задать вопрос, но сдерживался.

— Беседа утомила тебя, — сказал вдруг Голос, обращаясь к шаху, — Я угаваю. С наступлением темноты мы продолжим беседу.

Шах нахмурился. Еще никто никогда не обрывал разговора с ним так властно и резко.

...Пришла ночь. И снова мы были вместе.

— Ты усомнился в мудрости правителей, чья власть — от Аллаха, — начал ширваншах. — Среди старинных книг есть «Сиасет намэ», написанная мудрым визирем древности Низам-аль-Мульком. Аллах, водивший его руку с каламом, поучал неослабно заботиться о народе, быть хорошими хозяевами, строить мосты, рабаты, возводить плотины и укрепления, рыть каналы... Что ты скажешь, об этом, шар?

— Визирь был неправ! — мне показалось, что Голос рассердился. Но говорил он все так же медленно. — Власть одного над многими — всегда насилие и жестокость.

— На этот раз я согласен с тобой, прищелец. Но жестокость нужна. Лев с мягким, как воск, сердцем — уже не лев. Это добыча шакалов.

— Но ведь и лев был когда-то неразумным детенышем, — возразил Голос. — Кто научил его жестокости? С какой целью? И для чего живет существо, истребляющее других? Это неразумный порядок...

Шах вскочил. Он уже не скрывал своего бешенства. Ударив кулаками о столик, он вскричал:

— Теперь я понял тебя, проклятый! Нет! Ты не чудо, посланное Аллахом для нашего просвещения. Ты — измышление врагов нашего рода, грязный лазутчик, развращающий наш народ...

Он поднялся и быстрыми шагами пересек зал. Я молчал, растерянный. В эти мгновения я даже как-то не думал о том, что шар попал сюда через мое посредство, что ужасный гнев шаха теперь обрушится на меня.

Голос молчал. Я понял, что он не хочет раздражать властелина. Видимо, эта вспышка была для него неожиданной.

— Так вот, — произнес шах, внезапно успокоившись. — Отныне тебя накрепко запрут в сокровищнице. И ни одному смертному не будет позволено слушать твои нечестивые речи... А ты, мехмар, — обернулся он ко мне, — навсегда забудь обо всем, что видел и слышал здесь. Это мой приказ. Иди!

Кланаясь, я бросил взгляд на шар. Последний взгляд. Пока я пятился к выходу, шар мерцал. Все медленнее подходил я к двери, не отрывая от него глаз. И вот, показалось мне, или это было на самом деле, не знаю, ровный, нежный голос тихо сказал вслед: «Прощай, друг!». «Прощай, гость из волшебного мира!» — хотел ответить я, но встретился с тяжелым взглядом шаха. Он ждал, когда я уйду, оставлю их наедине.

Что будет? Что скажут они друг другу?..

Шах нетерпеливо шевельнул рукой. Я ушел.

...Нить моего рассказа подходит к концу. Я доверил дафтару то, что пережил, и твое дело, человек из времени мудрых, сорвать этот распутившийся цветок.

Горек конец моей повести.

В то утро я пришел к мавзолею, проведя ночь без сна. Я шагал, ничего не видя перед собой, кроме разъяренного лица шаха. Потом оно исчезло, и появилось серебристое мер-

цание, добрый, светлый мир, который стал моим за месяцы дружбы с волшебным шаром. Я шел по улицам крепости, узким и грязным, а видел светлые, широкие улицы ИХ городов; мне встречались хитрые, злобные придворные, а я видел мудрые, ласковые лица ТЕХ... Нищие лачуги, оборванные, голодные дети, грязь и грубость нашего мира таяли, и в воображении возникали прозрачные, как горный хрусталь, дворцы...

С трудом отгонял я видения; но тогда начинал звучать в ушах спокойный, медленный голос, говоривший о добре и разуме. И все привычное становилось страшным, словно сам я побывал в обители избранных, испытал величайшее счастье, и сброшен теперь на страдающую, стонущую землю...

— Мухаммед-ага! Мухаммед-ага! — чей-то голос вывел меня из забытья. Это был Джамал . — Беда, Мухаммед-ага! Я испортил орнамент...

Хуже этого ничего не могло быть. Исправления отняли бы много времени, а нас и так уже торопили. Как сказать об этом шаху?

Напрасно одолевали меня сомнения. Все оказалось проще и... хуже. Сам властелин пришел к мавзолею. Об этом сообщил запыхавшийся от бега водонос.

— Идет повелитель!

Все засуетились. Один я стоял, не двигаясь. Мне было все равно. Шар... Ярость шаха... Орнамент... Слишком поздно! Теперь уже ничего изменить нельзя. Ничего!..

Никто, кроме меня, не догадывался, зачем идет сюда ширваншах. Я — знал. Он не сказал каких-то слов Голосу. Он пришел сказать эти слова мне. Я знал. И, все-таки, я попытался обмануть и себя, и его. Низко кланяясь, стал показывать ему мавзолей. А сам думал: «Только бы сдержаться! Не отвечать, молчать!».

— Что это, мехмар?

Мы остановились у поврежденной колонны. Я совсем забыл о ней и не сразу нашел, что ответить. Вдруг Джамал с криком упал в ноги шаху.

— Прости, повелитель! Я все сделаю, чтобы исправить!..
Моя вина!

Лицо шаха стало еще более суровым. Он оттолкнул ногой Джамала.

— Скажи, мехмар, это опытный резчик? — спросил он.

— Да, господин, он очень опытен и...

— Тем больше его вина! Он осквернил святыню нашего рода и будет сурово наказан.

Подбежавшие нукеры увели рыдающего резчика.

— Он больше не будет украшать мавзолеей, — сказал ширваншах. — Паршивая овца забыла посох пастуха. Найди другого искусного резчика, мехмар, и позаботься, чтобы все было в порядке. Иначе и тебя постигнет та же участь.

Я молчал.

— Ты потерял язык от страха, мехмар? — послышался насмешливый голос.

Если б он знал, как много я мог сказать ему! Но я произнес только:

— Сжался, великий шах, над несчастным резчиком, создавшим прекрасные узоры...

— Ого, — перебил он меня, — ночные бдения сделали тебя чересчур разговорчивым.

— Сжался, повелитель!

— Ты молишь о жалости, но не о разуме! Разве жестокость и снисхождение — два лица власти — все-таки получили право существовать в наших краях? — он издевался надо мной, не таясь. — Ну, что ж, мехмар, мы проявим снисхождение, жалость. Резчик не будет умерщвлен. Его заточат в темницу. На всю жизнь. В назидание всем овцам, забывшим свой долг перед пастухом. Ты доволен, мехмар?

Я не мог больше сдерживаться.

— Ты ошибаешься, шах, называя нас овцами! — воскликнул я. — Мы — люди. И я человек. И ты! Но ты жестокий человек. И Аллах покарает тебя за это. Ты умрешь, и прах веков скроет твоё имя. А те, кто будет после нас, благословят резчика Джамала, подарившего людям эту красоту!..

Я остановился, дрожа от гнева. Я ждал, что и меня пове-
дут сейчас в темницу, может быть, сразу казнят... Но шир-
ваншах молчал. Он даже не подозвал своих телохранителей.

— Ты смелый человек, мехмар, — сказал он, наконец.
— Но ты нужен нам пока, и мы на время забудем твои
безумные речи. Работай, и чтобы через пять дней мавзолей
был готов!

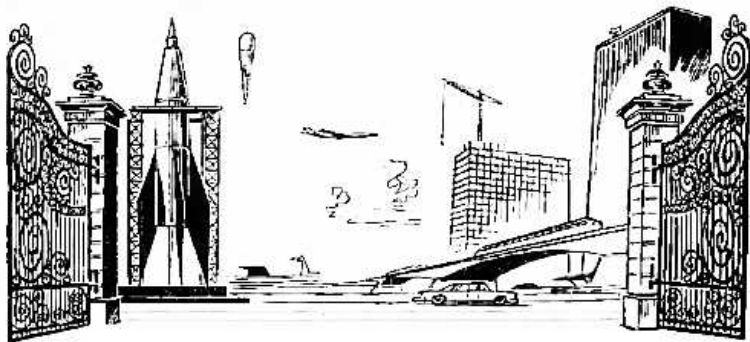
Сегодня истекает срок, данный ширваншахом. Мавзолей
готов. Мы не успели только закончить несколько украше-
ний на колоннах. Резчик, заменивший Джамала, плохо
справляется с этим. Я тороплюсь дописать свой рассказ.
Может быть, я погибну ужасной смертью, но историю шара
нужно передать людям. Я обращаюсь к тебе, далекий пото-
мок, человек из времени мудрых: найди шар!...»

На этом рукопись обрывалась. Правда, была еще одна
строка, дописанная, видимо, уже здесь, во мраке подземе-
лья: «Ищите шар! Он спрятан во дворце!»

Где же он? Можно ли надеяться, что это, по всей веро-
ятности, необычайно сложное кибернетическое устройство,
оставленное на Земле братьями по разуму, снова попадет
на глаза человеку? Кто знает? Пройдя испытание времени,
преодолев невообразимые бездны вселенной, не мог, не
должен был на самом финише пропасть удивительный шар.
Пришло время мудрых, время живущих по закону разума и
добра.

Время людей, которые сами ищут пути во Вселенную.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕТР ЛЫХИН

ГОРОД В ПЕСКАХ

Научно-фантастический рассказ

5

Б. ЧЕРНОМОРДИК

СЕКРЕТ ЭСПРИФОРА

Научно-фантастический рассказ

13

НИК. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

В ГЛУБИНЕ ОКЕАНА

Научно-фантастический рассказ

33

И. ЕФРЕМОВ

ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ

Глава из научно-фантастического романа

51

А. АДАБАШЕВ

ТАЙНА ДОЛЖНА БЫТЬ РАСКРЫТА

Научно-фантастический рассказ

93

А. МАТЕЮНАС

ЭКРАН ЖИЗНИ

Научно-фантастический рассказ

119

ЛЕВ ТЕПЛОВ

СРЕДА РЕЯ

Научно-фантастический рассказ

143

В. РОЩАХОВСКИЙ

АЛМАЗ

Научно-фантастический рассказ

159

Б. КАРАМЗИН

НЬЮ-МЕЛАНОЗ ПРОФЕССОРА КЛИПСА

Научно-фантастический рассказ

179

Г. ОРМ

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

Научно-фантастический рассказ

185

В. СОСНОВ

ПРЕПАРАТ «ЗЭТ»

Научно-фантастический рассказ

205

В. ПОПОВ

СЛУЧАЙ НА ДАЧЕ

Научно-фантастический рассказ

221

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

ЛУННЫЕ БУДНИ

Научно-фантастический рассказ

237

В. БИАНКИ

РОЖДЕНИЕ РАДОСТИ

Научно-фантастический рассказ

265

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТИ ИВАНОВА НА ВНЕЗЕМНУЮ СТАНЦИЮ

Научно-фантастический рассказ

275

Л. ПОДОСИНОВСКАЯ

ГОЛОС ИЗ ТЬМЫ

Научно-фантастический рассказ

283

Л. ПОДОСИНОВСКАЯ

ЖЕЛТЫЙ КУБИК

Фантастический рассказ

309

С. ЗВАНЦЕВ

КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ СОБАКА

Фантастическая юмореска

323

В. АНАНЫН

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Научно-фантастический рассказ

329

Ф. БЕЛКОВ

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

Научно-фантастический рассказ

357

А. НИКИТИН

ЖИВАЯ МЫСЛЬ

Научно-фантастический рассказ

371

К. ПАУСТОВСКИЙ
СТАРАЯ РУКОПИСЬ
Научно-фантастический рассказ

385

ВИКТОР АНТОНЕНКО
ОБЛАКО БРЮНЕЛЛЯ
Фантастический рассказ

395

ВЛАДИМИР ЛЫНДИН
ЭКСПЕРИМЕНТ ДОКТОРА ЗОРИНА
Научно-фантастический рассказ

415

Ю. ЛЕНЧЕВСКИЙ
70-Й МЕРИДИАН
Научно-фантастический рассказ

427

Ф. БУШАНСКИЙ
"ИН ВИТРО"
Научно-фантастический рассказ

449

ВЛ. ПАНКОВ
ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ
Фантастический рассказ-шутка

455

Н. БЛИНОВ, Ю. ЛУБЯНСКИЙ
СОЛНЦА СИЛЬНЕЕ
Фантастический рассказ

461

Н. БЛИНОВ
ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ
Фантастический рассказ

479

В. ПАРХОМЕНКО
ЛЮДЯМ ИЗ ВРЕМЕНИ МУДРЫХ
Фантастический рассказ
503

